

Джеймс
БАЛЛАРД
James
Ballard

ХРУСТАЛЬНЫЙ
МИР

Джеймс
БАЛЛАРД

ХРУСТАЛЬНЫЙ
МИР

РАССКАЗЫ

Санкт-Петербург
«СИМПОЗИУМ»
2000

James
BALLARD

THE
CRYSTAL WORLD
STORIES

St. Petersburg
«SYMPOSIUM»
2000

УДК 82/89
ББК 84.4Вл
Б20

James Ballard
THE CRYSTAL WORLD
STORIES

Перевод с английского

Составление, послесловие
В. Лапицкого

Художники
А. Пожванов, О. Попов

Всякое коммерческое использование текста, оформления книги, оформления серии — полностью или частично — возможно исключительно с письменного разрешения Издателя. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

ISBN 5-89091-144-9

- © Издательство «Симпозиум», 2000
- © В. Лапицкий, составление, послесловие, 2000
- © В. Лапицкий, В. Гольдич, В. Гопман, М. Загот, А. Корженевский, М. Пчелинцев, Ю. Эстрин, переводы, 2000
- © А. Пожванов, оформление, 2000

ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Роман

Днем в окаменевшем лесу парили фантастические птицы, а на берегах кристальных рек, словно геральдические саламандры, драгоценными самоцветами искрились крокодилы. Ночью среди деревьев проносился озаренный человек, руки его — как золотые колеса, голова — словно радужная корона...

I РАВНОДЕНСТВИЕ

Темная река

Более всего доктора Сандерса, когда он впервые заглянул во вдруг открывшийся зев дельты Матарре, поразил темный цвет реки. После бесчисленных проволочек крохотный пассажирский пароходик приблизился наконец к вытянувшимся в линию причалам; но хотя был уже одиннадцатый час, поверхность воды все еще оставалась серой и мутной, а вдоль берегов ее подкрашивал темный настой падающих в реку растений.

Время от времени, когда небо затягивали тучи, вода становилась почти черной, словно гниющая краска. Своего рода контрастом ей служила беспорядочно разбросанная горстка складов и маленьких гостиниц, собственно и составлявшая Порт-Матарре, которая сияла по ту сторону темной зыби призрачным блеском, словно освещали ее не лучи солнца, а какие-то источники света изнутри. Дома из-за этого обретали сходство с постройками заброшенного некрополя, возведенного на вереницах свай у самой кромки джунглей.

На эту пронизывающую все вокруг рассветную мглу, разрываемую изнутри внезапными сменами освещения, доктор Сандерс обратил внимание, томясь в долгом ожидании у поручней пассажирской палубы. Два часа отстоял

пароход на середине эстуария, то и дело взывая к берегу нерешительными гудками. Если бы не смутное ощущение неуверенности, порожденное поднимающейся от реки тьмой, кое-кто из пассажиров просто сошел бы с ума от раздражения. Кроме французского десантного корабля, у причала, похоже, не было судов — ни больших, ни малых. Разглядывая берег, доктор Сандерс почти не сомневался, что пароход задержали преднамеренно, хотя и не понимал почему. Пароход этот являлся пакетботом, еженедельно доставляющим из Либревилья почту, бренди и автомобильные запчасти; отложить его прибытие более чем на несколько минут могла разве что вспышка чумы.

Политически этот заброшенный уголок республики Камерун все еще приходил в себя после попытки переворота десятилетней давности, когда группа заговорщиков захватила изумрудные и алмазные копи в Монт-Ройяле, в пятидесяти милях вверх по реке Матарре. Несмотря на присутствие военного судна — подготовку местных формирований курировала французская военная миссия, — жизнь в этом безликом портовом городишке в устье Матарре текла, казалось, своим чередом. Ватага ребятишек глазела, как разгружают джип. По набережной и по сводчатым галереям главной улицы слонялись люди; несколько груженых неочищенным пальмовым маслом шлюпок продрейфовало по темной глади реки на запад, в сторону местного рынка.

Тем не менее беспокойство не рассеивалось. Озадаченный тусклым светом, доктор Сандерс внимательно всмотрелся в глубь материка, раскинувшегося за поворачивающей по часовой стрелке к юго-востоку рекой. Кое-где просветы в плотной стене леса отмечали проложенную там дорогу, но в остальном оливково-зеленая мантия джунглей без единой складки затягивала всю равнину до возвышавшихся вдалеке холмов. Обычно под лучами солнца верхушки деревьев выцветали и становились бледно-желтыми, но даже милях в пяти от берега доктор Сандерс видел сплетающиеся в бледном, безжизненном воздухе в единый свод темно-зеленые подобия кипарисов, мрачные

и неподвижные, лишь чуть тронутые слабыми отблесками света.

Кто-то забарабанил по поручням, и шум разнесся по всему борту; десяток пассажиров, стоявших по обе стороны от доктора Сандерса, встрепенулись и, переговариваясь друг с другом, усталились на рулевую рубку; оттуда на причал безучастно взирал с виду ничуть не обеспокоенный задержкой капитан.

Доктор Сандерс обернулся к стоявшему от него в двух шагах отцу Бальтусу:

— Этот свет... вы заметили? Разве ожидается затмение? Солнце словно в нерешительности...

Священник спокойно курил, после каждой затяжки изящно вынимая изо рта зажатую в длинных пальцах сигарету. Как и Сандерс, разглядывал он не гавань, а лесистые склоны холмов у самого горизонта. В тусклом свете его худое лицо кабинетного ученого казалось осунувшимся и бескровным. Все три дня, пока пароход покрывал расстояние от Либревиля, священник держался особняком, явно озабоченный какими-то личными проблемами. Он разговорился со своим соседом по столу, лишь узнав, что доктор Сандерс работает в Форт-Изабель в госпитале для прокаженных. Сандерс вынес из разговора, что Бальтус после месячного отпуска возвращается в Монт-Ройаль к своей пастве, но слишком уж складным показалось ему это объяснение, почти автоматически повторенное несколько раз, что не вязалось с обычно неуверенной и запинающейся речью священника. Однако Сандерс конечно же учитывал свою готовность распространить на окружающих собственные двусмысленные мотивы посещения Порт-Матарре.

И все же поначалу Сандерс заподозрил, что отец Бальтус, быть может, вовсе и не священник. Обращенные внутрь себя глаза и бледные неврастенические руки пастыря делали его похожим на проштрафившегося послушника, все еще надеющегося обрести спасение в позимствованной сутане. Однако отец Бальтус оказался самым что ни на есть настоящим, что бы это ни означало

и чем бы ни ограничивалось. Старший помощник, стюард и несколько пассажиров узнали его, поздравили с возвращением и, похоже, приняли как должное его отчужденность.

— Затмение? — Отец Бальтус бросил окурок в темную воду. Пароход как раз пересекал собственный кильватерный след, и пенные прожилки растворялись в глубине, словно струйки светящейся слюны. — Не думаю, доктор. Уж всяко его длительность не может превысить восьми минут, не так ли?

Внезапно вспыхнувшие над водой всполохи, подчеркнув острые очертания щек и подбородка, на миг показали его истинный, более жесткий профиль. Ощувив на себе оценивающий взгляд Сандерса, отец Бальтус запоздало прибавил, чтобы успокоить доктора:

— В Порт-Матарре всегда такой свет — свинцовый, сумеречный; вы знаете картину Бёклина «Остров мертвых», где кипарисы несут дозор над утесом с зияющим входом в подземную усыпальницу, а над морем нависли грозные тучи? Она висит в музее моего родного Базеля... — Он сделал паузу, поскольку зарокотали двигатели парохода. — Ну вот, наконец-то мы тронулись.

— Слава Богу. Вы могли бы предупредить меня, Бальтус.

Доктор Сандерс вытащил из кармана портсигар, но священник с ловкостью фокусника уже затаил в сложенной раструбом ладони очередную сигарету. Бальтус указал на причал, где прибытия парохода дожидалась солидная комиссия по встрече гостей, состоящая из жандармских чинов и сотрудников таможни.

— Ну, а это что еще за чушь?

Доктор Сандерс разглядывал берег. Какими бы ни были личные проблемы Бальтуса, отсутствие у священника благожелательности раздражало Сандерса. Отчасти для себя он сухо заметил:

— Быть может, дело во въездных документах?

— С моими все нормально, доктор. — Отец Бальтус бросил сверху вниз на Сандерса острый взгляд. — И ваши, я уверен, в полном порядке.

Остальные пассажиры, покинув палубу, разошлись по каютам собирать свой багаж. Улыбнувшись Бальтусу, доктор Сандерс извинился и последовал их примеру. Выбросив из головы мысли о священнике — пройдет всего полчаса, и каждый из них пойдет своей дорогой и затеряется в лесу; кто знает, что их там ждет? — Сандерс нащупал в кармане паспорт, проверяя, не забыл ли его в каюте. Путешествие инкогнито при всех своих преимуществах всегда может повлечь за собой какие-нибудь неожиданности.

От трапа за паровой трубой доктору Сандерсу открылся вид на кормовую часть палубы, где пассажиры более дешевых классов стаскивали в кучи свои тюки и обшарпанные чемоданы. В самом центре палубы возвышался укрытый брезентовым чехлом большой быстроходный катер с красно-желтым корпусом — часть груза для Порт-Матарре.

В катере, положив руку на хромированную раму ветрового стекла, вольготно восседал невысокий стройный мужчина лет сорока в белом тропическом костюме, на фоне которого особенно выделялась окаймлявшая его лицо темная бородка. Благодаря низко начесанным на костистый лоб черным волосам и бегающим глазкам он казался воплощением нервной напряженности и настороженности. Человек этот три дня делил с доктором каюту, но кроме его фамилии — Вентресс — Сандерс практически ничего не сумел о нем узнать. И все это время тот, как нетерпеливый тигр, бродил по пароходу, перекидываясь колкостями с пассажирами третьего-четвертого классов и с командой. Настроение его менялось: то это была своего рода ироническая веселость, а то — угрюмое равнодушие, и тогда он уединялся в каюте и сидел, уставившись в иллюминатор на маленький кружок пустынного неба.

Доктор Сандерс предпринял было пару попыток сблизиться с ним, но большую часть времени Вентресс просто не обращал на него внимания, оставляя при себе причины, побудившие его отправиться в Порт-Матарре. Доктору, правда, было не привыкать к тому, что его избегают окружающие. Незадолго до отплытия среди пассажиров

возникло легкое замешательство, более смутившее окружающих, чем его самого, — пришла пора решать, кто будет соседом Сандерса по каюте. Известность опередила его (широкая известность оборачивается своей неприглядной стороной в личной жизни, подумал Сандерс, и конечно же верно и обратное), никто не хотел иметь в качестве соседа заместителя заведующего госпиталем для прокаженных в Форт-Изабель.

Тут-то и объявился Вентресс. С чемоданом в руке он постучал в дверь каюты доктора и, кивнув ему, просто спросил:

— Это заразно?

После паузы, осмотрев фигуру в белом костюме, с боратым, бледным как мел лицом, — что-то в Вентрессе напоминало Сандерсу, что не перевелись на свете и такие, кто по своим личным причинам *хочет* подцепить проказу, — доктор ответил:

— Да, болезнь заразна, но, чтобы заразиться, нужны годы и годы контакта с больным. А инкубационный период обычно длится от двадцати до тридцати лет.

— Как у смерти. Хорошо. — Тень улыбки скользнула по лицу Вентресса, и он шагнул внутрь каюты. Он протянул доктору костлявую руку, и его сильные пальцы в поисках ответного пожатия крепко сжали руку Сандерса. — Наши боязливые коллеги-пассажиры не в силах понять, доктор, что вокруг вашей колонии просто-напросто раскинулась другая — побольше.

* * *

Позднее, глядя на Вентресса, с удобством расположившегося в катере, доктор Сандерс задумался об этом таинственном знакомстве. Дельту по-прежнему заливал все тот же ущербный свет, но белоснежный костюм Вентресса собирал, казалось, воедино все скрытое в нем неистовое великолепие, точно так же, как сутана отца Бальтуса отражала его наиболее темные тона. Вокруг катера снова ли пассажиры дешевых классов, но Вентресс, казалось, не обращал на них никакого внимания, так же как и на при-

ближающийся пирс с толпящимися на нем полицейскими и таможенниками. Вместо этого он через опустевший правый борт смотрел на устье реки и на далекий, теряющийся в дымке лес. Прикрыв маленькие глаза, он словно пытался мысленно соединить открывающийся перед ним вид с каким-то внутренним ландшафтом своего разума.

Сандерс редко видел Вентресса, пока пароход полз вдоль побережья, но однажды вечером перепутал в темной каюте чемоданы и ощутил под рукой рукоятку крупнокалиберного автоматического пистолета, торчащую из подплечной кобуры. Найденное оружие сразу разрешило некоторые из загадок, окружавших хрупкую фигурку Вентресса.

— Доктор... — Вентресс помахал рукой, отрывая Сандерса от его мечтаний. — Выпьем напоследок, пока не закрылся бар?

Доктор стал было отказываться, но Вентресс, передернув плечом, лег на другой галс:

— Взгляните на солнце, доктор, вон туда. Вы же не сможете разгуливать по лесам, уткнувшись носом в собственные башмаки.

— И пробовать не буду. Вы не собираетесь выгружаться?

— Собираюсь, конечно. Но торопиться здесь некуда, доктор. Этот пейзаж начисто лишен времени.

Покинув своего собеседника, доктор Сандерс спустился в каюту. У дверей маячили три уже собранных чемодана: один — дорогой, из блестящей крокодиловой кожи, — Вентресса, и два его собственных потертых баула. Доктор скинул пиджак, сполоснул руки и чуть промокнул их полотенцем, в надежде, что резкий запах мыла помешает блюстителям порядка отнестись к нему как к изгою.

Однако Сандерс как нельзя лучше понимал, что, проработав в Африке пятнадцать лет, а десять из них прошли в Форт-Изабель, он давным-давно потерял всякие шансы — которые, быть может, когда-то имел — на перемены в собственном облике, в своем образе в глазах окружающих. Хлопчатобумажный костюм с приобретенными в процессе работы пятнами, чуть узковатый для его широких

плеч, полосатая голубая рубашка с черным галстуком, крупная голова с нестриженными седеющими волосами и пробивающейся бородой, — все это столь же безошибочно и непредвзято свидетельствовало о его должности врача в лепрозории, как и строгая линия рта, подчеркнутая шрамом, и скептический взгляд.

Раскрыв паспорт, Сандерс сравнил фотографию восьмилетней давности с отражением в зеркале. С виду эти два человека имели мало общего: первый, с печатью морального обязательства перед больными на открытом и честном лице, очевидно полностью ушедший в свою работу в госпитале, смотрелся скорее как младший, одержимый брат второго, эдакого отстраненного и весьма типичного сельского доктора.

Сандерс посмотрел вниз на свой выгоревший пиджак и мозолистые руки и осознал, сколь ошибочным было подобное впечатление; насколько лучше понимал он если не свои нынешние мотивы, то по крайней мере побуждения того, более молодого, Сандерса и реальные причины, приведшие его в Форт-Изабель. Дата рождения в паспорте ненавязчиво напоминала, что ему уже стукнуло сорок, и Сандерс попытался представить себе, как будет выглядеть через десять лет, но проявившиеся за истекшие годы на его лице скрытые тенденции уже потеряли, похоже, всю свою остроту. Вентресс упомянул о лесах вокруг Маттарре как о пейзаже, лишенном времени, и, быть может, его привлекательность для Сандерса отчасти крылась как раз в том, что здесь он наконец-то мог освободиться от проблем осознания себя и мотивов своих поступков, что было неразрывно связано с его восприятием времени и прошлого.

* * *

До пирса уже оставалось не более двадцати футов, и через иллюминатор доктор Сандерс видел брюки цвета хаки на ногах встречающих. Вытащив из кармана захваченный конверт, он вынул из него письмо, написанное светло-синими чернилами, глубоко впитавшимися в мяг-

кую бумагу. И на письме, и на конверте стояла печать цензуры, а часть конверта, где, как предполагал Сандерс, находился адрес, кто-то вырезал.

Когда пароход ткнулся в причал, Сандерс в последний раз на борту перечитывал письмо.

Вторник, 5 января.

Дорогой Эдвард!

Наконец-то мы здесь. Лес тут прекрасней, чем где-либо в Африке, настоящая сокровищница. Мне не хватает слов, чтобы описать наше изумление, когда мы каждое утро окидываем взором еще подернутые туманом, но сверкающие как Святая София склоны, где каждая ветвь — словно усеянный самоцветами полусвод. Макс, по правде, находит, что я излишне овизантинилась — даже в клинике я хожу с распущенными волосами до пояса иставляю напоказ свою напускную меланхолию, хотя на самом деле впервые за долгие годы мое сердце поет! Мы оба мечтаем, чтобы ты оказался с нами. Клиника здесь невелика — всего десятка два пациентов. По счастью, люди, населяющие эти лесистые склоны, проходят по жизни с каким-то почти сомнамбулическим терпением; на их взгляд, работа наша носит скорее социальный, а не лечебный характер. Они проходят сквозь темный лес со светящимися коронами на головах.

Наилучшие пожелания от Макса — как, естественно, и от меня. Мы часто тебя вспоминаем.

Свет здесь все превращает в алмазы и сапфиры.

С любовью,
Сюзанна.

Когда подкованные башмаки досматривающих пароход застучали по палубе у него над головой, доктор Сандерс как раз перечитывал последнюю строку письма. Несмотря на неофициальные, но твердые заверения со стороны префектуры Либревиля, он никак не мог поверить, что Сюзанна Клэр и ее муж обосновались в Порт-Матарре: так не похож оказался сумеречный свет, разлитый над рекой

и джунглями, на ее описание леса вокруг клиники. Никто не мог сказать ему ничего вразумительного об их точном местонахождении, как, впрочем, никто не мог объяснить и внезапное введение цензуры на почтовые отправления из этой провинции. Когда Сандерс стал проявлять излишнюю настойчивость, ему напомнили, что переписка обвиняемых в уголовных преступлениях подлежит цензуре; что касается Сюзанны и Макса Клэр, подобное предположение казалось смехотворным.

Размышляя о приземистом пронизательном микробиологе и его статной темноволосой жене с высоким лбом и спокойными глазами, доктор Сандерс не мог не вспомнить неожиданный отъезд этой четы из Форт-Изабель тремя месяцами ранее. Связь Сандерса с Сюзанной длилась уже два года и поддерживалась только потому, что он не мог ни на что решиться. Провал его попытки полностью посвятить себя ей выявил, что Сюзанна стала средоточием всех преследовавших его в Форт-Изабель сомнений. Одно время он подозревал, что выбрал работу в лепрозории не из одного только чистого человеколюбия, что, быть может, его привлекала сама идея проказы и все то, что она могла представлять на подсознательном уровне. Сумрачная красота Сюзанны постепенно отождествилась у него в мозгу как раз с этой темной гранью души, а их связь стала попыткой прийти к соглашению с самим собой и своими двусмысленными побуждениями.

Но, обдумав все это лишний раз, Сандерс признал, что на поверхности лежит и другое, существенно более злое объяснение их внезапного отбытия из госпиталя. Получив от Сюзанны письмо с описанием причудливых, экзотических видений леса — когда потемневшие участки кожи прокаженного теряют чувствительность, не обходится без поражения нервных тканей, — он решил последовать за ними. Чтобы не оповещать Сюзанну о своем прибытии, он не стал выяснять, почему письмо подверглось цензуре, а просто взял в госпитале месячный отпуск и отправился в Порт-Матарре.

По описанию лесистых склонов в письме Сюзанны он догадался, что клиника должна находиться неподалеку от

Монт-Ройяля и, скорее всего, примыкает к одному из шахтерских поселков; сверхбдительностью французов, владеющих рудниками, и объясняется, должно быть, выходка цензуры. Однако активность на причале — там с десятков солдат суеились вокруг штабной машины — означала, что все не так просто.

Он начал было аккуратно складывать письмо, разглаживая похожую на цветочный лепесток бумагу, как дверь каюты вдруг резко распахнулась, ударив его по локтю. В каюту шагнул Вентресс и, извиняясь, кивнул Сандерсу:

— Прошу прощения, доктор. Мой чемодан.— И добавил: — Таможенники на пароходе.

Недовольный, что Вентресс застал его за чтением старого письма, Сандерс небрежно запихнул листок и конверт к себе в карман. На сей раз Вентресс, похоже, не обратил на это внимания. Взявшись за ручку чемодана, он настороженно прислушивался к происходящему на палубе у них над головой. Без сомнения, он прикидывал, что делать с пистолетом. Уж чего-чего, а тщательного таможенного досмотра багажа никто из них не ожидал.

Решив, что лучше оставить Вентресса одного, дабы он мог выбросить оружие в иллюминатор, доктор Сандерс взялся за свои чемоданы.

— Ну что ж, до свидания, доктор.— Вентресс улыбался. Он придержал дверь, чтобы Сандерсу было легче пройти.— Было так интересно, я получил массу удовольствия, разделив с вами каюту.

Доктор Сандерс кивнул:

— В этом было, наверное, и кое-что от вызова, не так ли, мистер Вентресс? Надеюсь, победа всегда достается вам столь же легко.

— Сдаюсь, доктор! — Вентресс поднял руки, а потом помахал вслед уходящему по коридору Сандерсу.— Я охотно предоставляю вам смеяться последним, ведь ваш инструмент — коса, если я не ошибаюсь?

Не оглядываясь, Сандерс вскарабкался по трапу в салон, чувствуя у себя на спине взгляд оставшегося в дверях каюты Вентресса. Остальные пассажиры расположились на стульях вокруг бара, среди них был и отец

Бальтус, а рядом развернулись длительные дебаты между старшим помощником, двумя таможенниками и сержантом полиции. Сверяясь со списком пассажиров, они дошито изучали каждую фамилию, будто разыскивая какого-то пропавшего пассажира.

Когда доктор Сандерс ставил на пол свои чемоданы, он уловил обрывок фразы:

— ...и никаких журналистов.

Тут один из таможенников кивком подозвал его к себе.

— Доктор Сандерс? — спросил он, сделав ударение на его фамилии, будто втайне надеясь, что это всего лишь прозвище. — Из университета Либревилья?.. — И, понизив голос, добавил: — Физический факультет? Можно взглянуть на ваши бумаги?

Доктор Сандерс достал паспорт. Стоя в нескольких шагах от него, отец Бальтус внимательно наблюдал за происходящим.

— Моя фамилия Сандерс, я из Форт-Изабель, из *леп-розория*.

Извинившись за ошибку, таможенники переглянулись и пропустили доктора Сандерса, не потрудившись взглянуть на его чемоданы. Через несколько мгновений он уже спускался по сходням на причал. Местные солдаты бездельничали вокруг машины. Заднее сиденье оставалось незанятым, вероятно дожидаясь отсутствующего физика из Либревильского университета.

Препоручив свои чемоданы заботам носильщика с выведенной на островерхой шляпе надписью: «Отель Европа», доктор заметил, что куда тщательнее досматривают багаж отбывающих из Порт-Матарре. На дальнем конце причала столпилось человек тридцать—сорок, отправляющихся низшим классом, и полиция при помощи таможенников обыскивала их одного за другим. Местные жители не расставались со своими упакованными в тюки постелями, и полицейские разворачивали их и тщательно прощупывали одеяла и матрасы.

После всей этой суматохи город показался Сандерсу совсем пустынным. Безлюдны были сводчатые галереи с арками по обеим сторонам главной улицы, равнодушно

повисли в сумеречном воздухе окна отеля «Европа», узкие ставни казались крышками гробов. Здесь, в самом центре города, блеклые белые фасады домов только подчеркивали скудный свет, царящий над джунглями. Оглянувшись на сворачивающую в лес огромную змею реки, доктор Сандерс почувствовал, что она высосала все, кроме каких-то жалких остатков жизни.

Поднимаясь следом за носильщиком по лестнице в отель, он увидел дальше под сводами галереи черную сутану отца Бальтуса. Священник быстро шагал куда-то со своей маленькой дорожной сумкой в руке. Повернув, он прошел между двух колонн, пересек дорогу и исчез в тени сводчатой галереи с другой стороны улицы. Время от времени Сандерс снова замечал залитую солнечным светом черную фигуру среди белых колонн аркады, словно в затворе испорченного стробоскопического устройства. Затем безо всякой видимой причины Бальтус вновь перешел улицу, поднимая лапами сутаны облака пыли на своем пути. Его благородное лицо проплыло мимо Сандерса, подобно бледному полузабытому профилю, привидевшемуся когда-то в кошмарном сне.

— Куда это он отправился? — спросил доктор носильщика. — Этот священник... мы приплыли на одном пароходе.

— В семинарию. Иезуиты все еще здесь.

— Все еще? Как это понимать?

Сандерс направился к вращающейся двери, но в этот момент из нее вынырнула молодая темноволосая француженка. Поймав отражение ее лица во вращающейся стеклянной створке дверей, Сандерс вдруг словно взглянул на Сюзанну Клэр. Хотя молодой женщине было чуть больше двадцати и, стало быть, минимум лет на десять меньше, чем Сюзанне, доктору бросились в глаза такие же широкие бедра и неспешная походка, такие же внимательные серые глаза. Проходя мимо, она пробормотала доктору: «Пардон...» Затем, с едва заметной улыбкой встретившись с ним глазами, она направилась к армейскому грузовику, который разворачивался на боковой улочке. Сандерс посмотрел ей вслед. Ее элегантный белый костюм и явно

европейское изящество казались совсем не к месту здесь, в пропитанном тусклым светом воздухе Порт-Матарре.

— Что здесь происходит? — спросил Сандерс. — Они что, нашли новое месторождение алмазов?

Это объяснило бы и цензуру, и таможенный досмотр, но что-то в деланном равнодушии, с которым носильщик пожал плечами, заставило доктора усомниться в своем предположении. А кроме того, в этом случае упоминания об алмазах и сапфирах были бы вымараны из письма Сюзанны как явные призывы поучаствовать в сборе урожая.

Так же уклончив оказался и клерк за регистрационной стойкой. К неудовольствию Сандерса, он настоял, чтобы доктор ознакомился с недельной расценкой гостиничных номеров, хотя тот и подчеркнул, что собирается отправиться в Монт-Ройяль на следующий же день.

— Поймите, доктор, катеров нет, регулярное сообщение прервано. Вам же обойдется дешевле, если я возьму с вас по недельным расценкам. В общем, смотрите.

— Хорошо, — сказал Сандерс, подписывая регистрационную карточку. На всякий случай в качестве своего адреса он указал адрес университета в Либревиле. Он не раз читал там лекции по медицине, и почту, конечно же, перешлют оттуда в Форт-Изабель. Быть может, эта ложь сослужит ему в будущем свою службу.

— Ну а железная дорога? — спросил он клерка. — Или автобусное сообщение? Должен же быть какой-то транспорт в Монт-Ройяль?

— Железной дороги нет. — Клерк щелкнул пальцами. — Алмазы, знаете ли, перевозить несложно. Попробуйте выяснить насчет автобуса.

Сандерс всмотрелся в худое оливковое лицо клерка. Скользя водянистыми глазами по пожиткам доктора, тот стал разглядывать сквозь арки галереи возвышающийся над крышами домов с другой стороны улицы полог леса. Казалось, он чего-то ждет.

Доктор Сандерс спрятал свою ручку.

— Скажите, почему в Порт-Матарре так темно? Тут вроде бы нет, а солнце едва видно.

Клерк покачал головой. Когда он заговорил, казалось, что обращается он скорее к самому себе:

— Дело не в темноте, доктор, дело в листьях. Они высасывают из почвы минералы, и от этого все кажется темным.

Эта точка зрения, казалось, содержала долю истины. Из окон своей комнаты, расположенных над галереей, доктор Сандерс всмотрелся в лес. Громадные деревья, окружавшие порт, словно старались столкнуть его обратно в реку. Тени, преследующие по пятам рискнувших выбраться на улицу из-под сводов галереи немногочисленных прохожих, сохраняли свою обычную густоту, но зато в лесу отсутствовали всякие контрасты. Выставленные на солнцепек листья оказывались ничуть не светлее своих нижних собратьев, лес чуть ли не выпивал весь свет из солнца — примерно так же, как река опустошала город, лишая его внутренней жизни и движения. Чернота лесного полога вкупе с оливковыми оттенками на плоских листьях наделяла джунгли мрачной тяжеловесностью, которую подчеркивали мерцающие среди их воздушных галерей пятнышки света.

Поглощенный этим зрелищем, доктор Сандерс едва расслышал стук в дверь. Открыв ее, он обнаружил ожидающегося в коридоре Вентресса. Его облаченная в белое фигура и угловатый череп воплощали в себе, казалось, гамму пустынного, цвета слоновой кости города.

— В чем дело?

Вентресс шагнул вперед. В руке он держал конверт.

— Я нашел его в каюте после вашего ухода, доктор. И решил, что стоит его вам вернуть.

Сандерс взял конверт, нащупывая в кармане письмо Сюзанны. Очевидно, в спешке он уронил его на пол. Он засунул письмо в конверт, приглашая Вентресса зайти:

— Спасибо, я и не заметил...

Вентресс оглядел комнату. Теперь, сойдя с парохода, он заметно изменился. Скупые и несколько бесцеремонные манеры уступили место ярко выраженному нетерпению и даже беспокойству, а крепенькая фигура, словно стягиваемая воедино пытающимися побороть друг друга

мышцами, несла в себе такой заряд нервной энергии, что Сандерс считал это тревожным симптомом. Глаза Вентресса шарили по комнате, выискивая что-то среди ее убогой обстановки.

— Можно взамен кое-что забрать, доктор?

И прежде чем Сандерс ответил, Вентресс уже стоял у большего из двух чемоданов, водруженного на журнальный столик по соседству с платяным шкафом. Коротко кивнув, он щелкнул замками и приподнял крышку чемодана. Из-под сложенной пижамы он уверенно извлек кобуру со своим автоматическим пистолетом. Прежде чем Сандерс открыл рот, он засунул ее себе под пиджак.

— Какого дьявола?.. — Сандерс пересек комнату и хлопнул крышку чемодана. — Ну и наглец же вы!..

Вентресс слабо улыбнулся и направился к двери. Раздраженный Сандерс схватил его за руку и резко потянул на себя, чуть не повалив на пол. Лицо Вентресса замкнулось, словно упала дверца мышеловки. Быстро отклонившись, он скользнул в сторону и вырвался от Сандерса.

Когда Сандерс вновь шагнул к нему, Вентресс, казалось, на миг призадумался, не воспользоваться ли пистолетом, но тут же поднял руку, стараясь успокоить доктора:

— Сандерс, я конечно же виноват и приношу свои извинения, но у меня не было иного выхода. Постарайтесь меня понять. Я всего-навсего надул этих идиотов...

— Чушь! Чтобы их обмануть, вы воспользовались мною!

Вентресс энергично затряс головой:

— Вы ошибаетесь, Сандерс. Уверяю вас, я ничего не имею против именно вашего призвания... ни в малейшей степени. Поверьте, доктор, я понимаю вас, весь ваш...

— Ладно! — Сандерс распахнул дверь. — Давайте отсюда!

Вентресс, однако, остался на месте. Казалось, он пытается что-то из себя выдавить, словно сообразив, что выставил напоказ некую глубоко личную слабость Сандерса, и из всех сил стремится исправить положение. Затем он

чуть передернул плечами и вышел из комнаты, пресытившись раздражением доктора.

После его ухода Сандерс уселся спиной к окну в кресло. Уловка Вентресса вывела его из себя не только из-за уверенности бородача, что таможенники не тронут его багаж из опасения заразиться. Пистолет в его вещах, о котором доктор даже и не подозревал, казалось, символизировал, — причем и в сексуальном плане тоже, — все его скрытые мотивы посещения Порт-Матарре в поисках Сюзанны Клэр. Более всего раздражало, что Вентресс, с его костистым лицом и белым костюмом, умудрился продемонстрировать свою осведомленность в этих доселе замалчиваемых мотивах.

Сандерс перекусил в ресторане отеля. Зал был почти пуст; кроме него лишь молодая темноволосая француженка записывала что-то в блокнот, который положила на свой столик рядом с салатом. Она то и дело поглядывала на Сандерса, вновь пораженного ее явным сходством с Сюзанной Клэр. То ли из-за черных как вороново крыло волос, то ли из-за необычного освещения Порт-Матарре, но Сандерсу показалось, что ее нежное лицо несколько бледнее, чем сохранившийся у него в памяти лик Сюзанны, словно женщины эти были двоюродными сестрами, но в Сюзанне ощущалась еще и толика более темной крови. Глядя на девушку, он почти различал рядом с нею Сюзанну, отраженную в каком-то зашторенном зеркале его мозга.

Она встала из-за стола, кивнула Сандерсу и, взяв блокнот, вышла на улицу, задержавшись ненадолго в холле.

После ленча Сандерс приступил к поискам транспорта, который доставил бы его в Монт-Рояль. Как и сказал клерк, железная дорога в шахтерском городке отсутствовала. Автобусы ходили туда дважды в день, но по какой-то причине их движение было приостановлено. На восточной окраине города, неподалеку от казарм и складских помещений, Сандерс наткнулся на закрытую билетную кассу. Расписание на доске объявлений покорибилось от солнца, в тени на скамейках спало несколько местных жителей. Минут через десять внутрь забрел вооруженный шваброй

кондуктор, посасывающий кусочек сахарного тростника. На вопрос Сандерса, когда возобновится движение, он только пожал плечами:

— Возможно, завтра. Или послезавтра, сэр. Кто может сказать? Рухнул мост.

— Где это?

— Где? В Майанге, это в десяти километрах от Монт-Ройяля. Очень крутое ущелье, и мост просто соскользнул вниз. Опасное место, сэр.

Сандерс указал на огороженные бараки военного лагеря, где солдаты грузили припасы в грузовики. На земле были свалены в кучу клубки колючей проволоки, а рядом с ними виднелись секции металлической ограды.

— Похоже, они весьма заняты. Но как же они туда доберутся?

— Они чинят мост, сэр.

— Колючей проволокой? — Сандерс покачал головой, он устал от уклончивых ответов. — Что же все-таки на самом деле там, в Монт-Ройяле, происходит?

Кондуктор посасывал свое лакомство.

— Происходит? — сонно переспросил он. — А ничего не происходит, сэр.

Доктор Сандерс отправился прочь, но задержался у ворот казарменного городка, пока часовой жестом не велел ему проходить мимо. По ту сторону дороги в воздухе вздымались темные ярусы лесного полога, напоминая готовую обрушиться на пустой город гигантскую волну. Более чем в сотне футов у него над головой, словно наполовину сложенные крылья, нависали громадные сучья, клонились вниз стволы. Сандерса подмывало перебраться через дорогу и подойти вплотную к лесу, но в царившей там тишине было нечто угрожающее и гнетущее. Повернувшись, доктор направился обратно в отель.

Часом позже, после нескольких бесплодных расспросов, он наведлся в полицейскую префектуру по соседству с портом. Суeta вокруг парохода поутихла, и большинство пассажиров заняли свои места на борту. Быстроходный катер раскачивался над причалом на шлюпбалке.

Сразу перейдя к делу, Сандерс показал письмо Сюзанны дежурному капитану-африканцу.

— Вы не могли бы объяснить, капитан, почему было нужно уничтожать обратный адрес? Это мои близкие друзья, и я собираюсь провести с ними двухнедельный отпуск. И вот оказывается, что нет никакой возможности добраться до Монт-Ройяля, который к тому же окружает некая атмосфера таинственности.

Капитан кивнул, размышляя над лежащим перед ним на столе письмом. Время от времени он тыкал в бумагу стальной линейкой, словно обследуя разглаженные лепестки какого-то редкого и, возможно, ядовитого цветка.

— Понятно, доктор. Вам это неприятно.

— Но почему вообще введена цензура? — настаивал Сандерс. — Какие-то политические осложнения? Группа повстанцев захватила рудники? Меня, естественно, волнует благополучие доктора и мадам Клэр.

Капитан покачал головой:

— Уверяю вас, доктор, в Монт-Ройяле, с точки зрения политики, все спокойно. По правде говоря, там почти никого не осталось. Большинство рабочих покинули город.

— Почему? Я заметил то же и здесь. Город пуст.

Капитан встал и подошел к окну. Он указал на темную бахромку джунглей над крышами жилых домов, начинающихся сразу за складами.

— Вы видите лес, доктор? Он их пугает, он давит на них своей тьмой.

Капитан вернулся за свой стол и принялся вертеть в руках линейку. Сандерс дожидался, пока тот наконец решит, что же сказать.

— Строго между нами, в лесу возле Монт-Ройяля обнаружена неизвестная доселе болезнь растений...

— Что вы имеете в виду? — перебил Сандерс. — Вирусное заболевание, вроде мозаичной болезни табака?

— Ну да... — капитан поощряюще закивал головой, хотя, похоже, едва понимал, о чем идет речь. Тем не менее он не отрывал задумчивого взгляда от кромки джунглей за окном. — Как бы там ни было, это безвредно, но мы должны принимать меры предосторожности. Специалисты

осмотрят лес, пошлют образцы в Либревиль — сами понимаете, на это уйдет время... — Он протянул обратно письмо Сюзанны. — Я узнаю адрес ваших друзей. Зайдите ко мне завтра. Хорошо?

— Смогу ли я добраться до Монт-Ройяля? — спросил Сандерс. — Армия не перекрыла все дороги?

— Нет, — подчеркнул капитан, — вы вольны делать что хотите. — Он взмахнул руками, обводя какие-то области, если не точки, пространства. — Просто небольшие участки, понимаете? И опасности нет никакой, с вашими друзьями все в порядке. Мы не хотим, чтобы все ринулись туда, сея панику.

Уже выходя, Сандерс спросил:

— И как давно это продолжается? — Он указал на окно. — Вся эта темнота в лесу...

Капитан поскреб лоб. На миг стали видны его усталость и отрешенность.

— Около года. А может, и больше. Поначалу никто не обращал внимания...

Самоцветная орхидея

Снаружи на ступенях доктор Сандерс увидел все ту же молодую француженку. В руках она держала делового вида сумку, а темные очки не могли замаскировать на ее умном лице испытующий взгляд, которым она проводила Сандерса.

— Никаких новостей?

Сандерс остановился:

— Насчет чего?

— Чрезвычайного положения.

— Они так это называют? Вы удачливее меня. Я еще не слышал этой формулировки.

Молодая женщина не обратила внимания на его слова. Она оглядела Сандерса с головы до ног, словно прикидывая, кем он может быть.

— Называйте происходящее как хотите, — сухо сказала она. — Если это еще не чрезвычайное положение, то скоро оно наверняка наступит. — Она подошла к Сандерсу поближе и понизила голос: — Вы хотите попасть в Монт-Ройяль, доктор?

Сандерс уже уходил прочь, но молодая женщина не отставала.

— Вы что, полицейский агент? — спросил он. — Или содержите подпольную автобусную станцию? Или и то и другое?

— Ни то ни другое. Послушайте, — она остановила его, как только они перешли дорогу и очутились у первой из антикварных лавок, тянувшихся вдоль причала между складами. Она сняла солнечные очки и одарила его искренней улыбкой. — Простите мое любопытство — клерк в отеле сказал, кто вы такой, — но я сама застряла здесь и подумала, что вы можете что-то знать. Я здесь торчу с тех пор, как пришел предыдущий пароход.

— Готов поверить, — Сандерс побрел дальше, разглядывая полки, заполненные дешевыми поделками из слоновой кости, миниатюрными статуэтками в духе искусства Океании, о котором местные резчики узнали из случайно оказавшихся здесь европейских журналов. — Порт-Матарре не случайно напоминает чистилище.

— Скажите, вы здесь по делам? — Молодая женщина коснулась его руки. Она вновь надела очки, словно это сулило ей некое преимущество в разговоре. — Вы дали в качестве своего адреса адрес университета в Либревиле, когда регистрировались в отеле...

— Да, медицинский факультет, — кивнул Сандерс. — Чтобы удовлетворить ваше любопытство, могу признать: я здесь просто в отпуске. Ну а вы?

Другим, более спокойным голосом, в подтверждение своих слов посмотрев Сандерсу прямо в глаза, она сказала:

— Я журналистка. Работаю внештатным корреспондентом в одном бюро, поставляющем материалы иллюстрированным французским еженедельникам.

— Журналистка? — Сандерс взглянул на свою спутницу с возросшим интересом. На протяжении их короткой беседы он избегал смотреть на нее; отчасти его отпугивали солнечные очки, которые, казалось, еще более подчеркивали странный контраст света и мглы в Порт-Матарре, а отчасти — постоянно возникающие ассоциации с внешностью Сюзанны Клэр. — Я не догадывался... Простите мою бесцеремонность, но сегодня я ничего не добился. Вы можете мне рассказать об этом самом чрезвычайном положении — я готов принять ваше определение.

Молодая женщина указала на бар, видневшийся на следующем углу:

— Пойдемте туда, там спокойнее — всю эту неделю я как могла портила отношения с полицией.

Когда они уселись у окна в одной из кабинок бара, француженка представилась, ее звали Луиза Пере. Она уже была готова счесть Сандерса товарищем по тайному заговору, но все равно не снимала темных очков, словно скрывая за ними какой-то неприкосновенный уголок своей души. Этот камуфляж и холодность казались Сандерсу столь же по-своему естественными для Порт-Матарре, как и странный наряд Вентресса, но по робкому, едва заметному движению ее руки в его сторону он понял, что девушка ищет какую-то точку соприкосновения с ним.

— Они ждут университетского физика, — сказала она. — Вроде бы некий доктор Татлин, хотя толком ничего узнать здесь нельзя. Ну и для начала я решила, что вы, возможно, и есть этот Татлин.

— Физик?.. Но какой в этом смысл? По словам капитана, отдельные участки леса поражены новым вирусным заболеванием. Вы всю неделю пытались пробраться в Монт-Ройяль?

— Не совсем. Я прибыла сюда еще с одним сотрудником нашего бюро, американцем по фамилии Андерсон. Как только мы сошли с парохода, он тут же нанял автомобиль и отправился с фотоаппаратом в Монт-Ройяль. Я должна была дожидаться его здесь, чтобы потом сразу же отправить отсюда готовый репортаж.

— Он что-нибудь увидел?

— Ну, четыре дня тому назад я разговаривала с ним по телефону, связь, правда, была хуже некуда, и я почти ничего не разобрала. Он что-то сказал про лес, где полным-полно драгоценных камней, явно какая-то шутка, не правда ли... — Она сделала рукой неопределенный жест.

— Выразился в переносном смысле...

— Вот именно. Если бы он увидел новое месторождение алмазов, то так бы и сказал. Как бы там ни было, на следующий день связь и вовсе прервалась, они и сейчас все еще пытаются восстановить ее — пробиться не может даже полиция.

Доктор Сандерс заказал два бренди. Взяв предложенную Луизой сигарету, он сквозь окно окинул взором тянущиеся вдоль реки причалы. Погрузка парохода подходила к концу, пассажиры либо томились у поручней, либо уныло сидели на своих пожитках, уставившись себе под ноги.

— Кто знает, насколько все это серьезно, — сказал Сандерс. — Что-то явно происходит, но что именно — можно только гадать.

— Ну а зачем тогда полиция и армейские патрули? И столько таможенников сегодня утром?

Доктор Сандерс пожал плечами:

— Бюрократические инстанции, если телефонная связь действительно прервана, знают, вероятно, не больше нашего. Но что мне непонятно, так это почему вы со своим американцем вообще сюда заявились. Судя по всему, Монт-Ройяль еще безжизненней, чем Порт-Матарре.

— Андерсон пронюхал, что возле рудников что-то не так, — мне он не сказал, что именно, это был его материал, вы понимаете, но мы точно знали, что армия подтянула туда свои резервы. Скажите, доктор, вы все еще собираетесь в Монт-Ройяль? К вашим друзьям?

— Если смогу. Какой-то путь должен найтись. В конце концов, тут всего пятьдесят миль. Если это так уж необходимо, туда можно добраться пешком.

Луиза рассмеялась:

— Это не для меня.

Как раз в этот момент мимо окна проплыла, направляясь в сторону рынка, облаченная во все черное фигура.

— Отец Бальтус, — сказала Луиза. — Его миссия расположена неподалеку от Монт-Ройяля — о нем я тоже навела справки. Вот для вас и попутчик.

— Это вряд ли.

Сандерс наблюдал за быстро удаляющимся священником; переходя через улицу, тот поднял свое аскетическое лицо. Голова и плечи его словно застыли в одном положении, но руки за спиной двигались, шевелились, будто жили собственной, отдельной от тела жизнью.

— Отец Бальтус не из тех, кому легко дается покаяние; я думаю, у него на уме немало других проблем. — Сандерс встал, допивая бренди. — Это, однако, зацепка. Думаю, что стоит перекинуться словом-другим с преподобным отцом. Увидимся в отеле. Может, пообедаем вместе?

— Ну конечно. — Она помахала ему, когда он вышел, и осталась сидеть спиной к окну, с ее застывшего лица исчезло всякое выражение.

* * *

Пройдя сотню метров, доктор Сандерс вновь заметил священника. Бальтус как раз добрался до рыночных прилавков и двинулся меж рядов, оглядываясь налево и направо, словно в поисках кого-то. Сандерс, не приближаясь, шел за ним следом. Рынок был почти пуст, и он решил немного понаблюдать за священником, прежде чем подойти к нему. Раз за разом, когда отец Бальтус оглядывался вокруг, Сандерс видел его тощее лицо; тонкий нос скептически задирался кверху, словно священник всматривался во что-то поверх голов местных женщин.

Доктор Сандерс разглядывал прилавки, время от времени останавливаясь, чтобы оценить резные статуэтки и прочие диковины. Местные умельцы всю использовали отходы с рудников в Монт-Ройяле, и резьба по тиковому дереву и слоновой кости была сплошь и рядом изукрашена осколками кальцита и плавикового шпата из отработанных пород; из них были виртуозно сделаны крохотные короны и ожерелья статуэток. Многие фигурки были

целиком вырезаны из отбракованных кусков нефрита и янтаря, причем скульпторы отказались от всяких претензий на верность христианским художественным канонам и изготавливали присевших враскорячку идолов с отвисшими животами и гримасничающими физиономиями.

Не выпуская из поля зрения отца Бальтуса, доктор Сандерс осмотрел большую статуэтку местного божества, глаза которой были сделаны из двух светящихся под лучами солнца кристаллов фторида кальция. Кивнув хозяйке прилавка, он похвалил ее товар. Стремясь не упустить свой шанс, та широко улыбнулась в ответ и отбросила в сторону выцветшую ситцевую занавеску, прикрывавшую заднюю часть прилавка.

— Ох, ну и красота! — доктор Сандерс потянулся было вперед, чтобы взять открывшееся его взору украшение, но женщина оттолкнула его руку. Сверкая в солнечных лучах, на низеньком прилавке покоилось нечто похожее на огромную кристаллическую орхидею, вырезанную из какого-то похожего на кварц камня. Досконально воспроизведен, а потом погружен в кристаллическое основание был целиком весь цветок, словно кто-то чудом поместил внутрь громадной хрустальной подвески живое растение. Внутренние грани кварца были обработаны с потрясающим мастерством, благодаря чему изображения орхидеи отражались друг от друга, словно преломленные хитросплетением призм. Стоило доктору Сандерсу качнуть головой, как из драгоценности хлынул настоящий фонтан света.

Сандерс полез в карман за бумажником, но женщина снова улыбнулась и совсем отбросила занавеску, открыв его взору еще несколько украшений. По соседству с орхидеей лежала розетка прикрепленных к веточке листьев, все это было вырезано из прозрачного камня, напоминающего нефрит. Каждый лист был скопирован с изысканнейшим мастерством, а прожилки образовывали внутри кристалла тонкую арабеску. Веточка с семью листьями, правдоподобнейшим образом воспроизведенная со всеми своими нераспустившимися почками и мельчайшими изгибами самого побега, казалась творением какого-нибудь

средневекового японского ювелира, а не грубой и тяжело-весной африканской скульптурой.

За веточкой расположилось нечто еще более причудливое — резной древесный гриб, напоминавший огромную губку из самоцветов. И гриб, и розетка листьев сверкали десятками собственных изображений, преломленных в гранях обрамлявших их кристаллов. Наклонившись, доктор Сандерс заслонил собой солнце, но свет в украшениях продолжал искриться по-прежнему, будто из какого-то внутреннего источника.

Не успел он открыть бумажник, как где-то неподалеку раздался крик. Что-то случилось у одного из прилавков. Продавцы разбегались во все стороны, громко вопила какая-то женщина. А над всем этим возвышался отец Бальтус, распахнув, словно крылья, черные полы сутаны и воздев вверх руки, будто он в них что-то держал.

— Подождите меня! — крикнул Сандерс через плечо продавщице, но она уже прикрыла свою выставку, убрав поддон с фигурками с глаз долой, и теперь запихивала его подальше среди наваленных за прилавком кип пальмовых листьев и корзин с молотым какао.

Забыв про нее, Сандерс бросился через толпу к отцу Бальтусу. Священник стоял теперь в гордом одиночестве, окруженный кольцом зевак, и сжимал в воздетых руках большое резное распятие местной работы. Выставив его над головой словно меч, он размахивал им налево и направо, будто подавая флажками сигналы какой-то далекой горной вершине. И через каждые несколько секунд он останавливался, опуская свое орудие, и осматривал его; его худое в бисеринках пота лицо при этом напрягалось.

Статуэтка, грубое подобие только что увиденной Сандерсом драгоценной орхидеи, была вырезана из бледно-желтого драгоценного камня, схожего с хризолитом, и представляла собой распростертую фигурку Христа, врезанную в обрамление из призматического кварца. Пока священник размахивал статуэткой в воздухе, потрясая ею в припадке гнева, кристаллы, казалось, оплавливались и таяли, свет изливался из них, как из пылающей свечи.

— Бальтус!..

Доктор Сандерс проталкивался сквозь толпу глазающих на священника зевак. Люди были лишь отчасти заинтересованы происходящим, не забывая поглядывать, не объявится ли полиция, словно осознавали собственную сопричастность какому-то акту *lèse-majesté**, за который и карал сейчас отец Бальтус. Священник не обращал на них внимания и продолжал трясти статуэткой, потом опустил ее и ощупал кристаллическую поверхность.

— Бальтус, в чем дело?.. — начал было Сандерс, но священник оттолкнул его в сторону. Крутя распятие, словно пропеллер, он следил, как изливается наружу его свет, всецело поглощенный изгнанием тех сил, которые, как он считал, в нем находятся.

Предупреждающе вскрикнул один из торговцев, и доктор Сандерс увидел, как издалека к месту происшествия приближается местный сержант полиции. Толпа немедленно начала рассеиваться. Тяжело дыша, отец Бальтус опустил один конец распятия на землю. По-прежнему сжимая его в руках, будто затупившийся меч, он смотрел вниз, на тусклую поверхность креста. Кристаллические ножны будто растаяли в воздухе.

— Непотребство, непотребство... — бормотал священник доктору Сандерсу, когда тот схватил его за руку и потащил за собой мимо прилавков. Приостановившись, Сандерс отбросил распятие на покрывавший прилавок его владельца голубой чехол. Крест, сделанный из какой-то полированной древесины, на ощупь походил на сосульку. Вытащив из бумажника пятифранковую купюру, Сандерс сунул ее продавцу и подтолкнул отца Бальтуса вперед. Священник уставился в небо — и на далекий лес, маячивший за рынком. В глубине, между могучих сучьев, листья мерцали тем же резким светом, которым только что пылал крест.

— Вы что, не понимаете?.. — у причала Сандерс схватил отца Бальтуса за руку. Бледная ладонь священника оказалась столько же ледяной, как и распятие. — Это же своего рода хвала. В этом не было никакого кощунства —

* Оскорбление величества (*франц.*).

вы же в своей жизни видели множество украшенных драгоценностями крестов.

Священник, похоже, наконец узнал Сандерса. Повернув к нему узкое лицо, он пристально уставился на доктора и выдернул свою руку:

— Вы ничего не понимаете, доктор! Этот крест отнюдь не драгоценность!

Доктор Сандерс стоял и смотрел, как он уходит: голова и плечи словно застыли в ярости самодовольной гордыни, изящные кисти рук раздраженно переплелись за спиной, словно потревоженные змеи.

* * *

Ближе к вечеру, когда они с Луизой Пере обедали в безлюдном отеле, доктор Сандерс сказал:

— Не знаю, каковы мотивы преподобного отца, но уверен, что церковное начальство их бы не одобрило.

— Вы думаете, он мог... переметнуться? — спросила Луиза.

— Это, пожалуй, слишком сильно сказано, — рассмеявшись, ответил Сандерс. — Но я подозреваю, что, если говорить в терминах его профессии, он скорее пытался подтвердить свои сомнения, а не умерить их. Этот крест на рынке поверг его в неистовство — он буквально пытался вытрясти из него душу.

— Но почему? Я же видела всю эту местную резьбу — красиво, но достаточно заурядно.

— Нет, Луиза. В этом-то все и дело. Как хорошо известно Бальтусу, она совсем не заурядна. Что-то связано с выпускаемым этими фигурками светом — у меня не было возможности присмотреться к ним повнимательнее, но кажется, что исходит он изнутри, а не от солнца. Резкий, насыщенный свет, какой вы можете увидеть в Порт-Матарре повсюду.

— Я знаю, — рука Луизы потянулась к темным очкам, лежавшим рядом с ее тарелкой — в пределах досягаемости, словно некий могущественный талисман. Время от времени она непроизвольно складывала и вновь раскры-

вала их.— Когда впервые попадаешь сюда, все кажется темным, но потом смотришь на лес и видишь, что среди листьев горят звезды.— Она постучала ногтем по очкам.— Вот почему я ношу их, доктор.

— Серьезно? — Взяв очки, Сандерс покрутил их в воздухе. Он не был уверен, что видел когда-либо такие большие очки: каждое стекло в диаметре около трех дюймов.— Где вы их раздобыли? Они чудовищны; они, Луиза, делят ваше лицо на две половины.

Луиза пожала плечами. Нервно закурила сигарету.

— Сегодня двадцать первое марта, доктор, весеннее равноденствие.

— Равноденствие? Да, конечно, солнце пересекает экватор, и день равен ночи... — Сандерс задумался. Повсюду вокруг них в Порт-Матарре царило, казалось, это разделение на свет и тьму; оно проявлялось и в контрасте между белым костюмом Вентресса и черной сутаной Бальтуса, и в белизне галерей с тенями в нишах, и даже в его мыслях о Сюзанне Клэр, темном двойнике молодой женщины, не спускающей с него своего искреннего взгляда.

— По крайней мере, вы можете, доктор, выбрать что-то одно. Не осталось ничего размытого или серого.— Она наклонилась вперед.— Почему вы приехали в Порт-Матарре? Вы и вправду разыскиваете своих друзей?

Сандерс отвел глаза:

— Слишком сложно объяснить. Я... — Он колебался, не довериться ли ей, затем с трудом взял себя в руки. Выпрямившись, коснулся ее руки: — Послушайте, завтра надо попробовать нанять машину или лодку. Если сделать это в складчину, мы сможем дольше пробыть в Монт-Ройале.

— Охотно отправлюсь вместе с вами. А вы считаете, это не опасно?

— Сейчас — нет. Что бы там ни думала полиция, уверен, дело тут не в вирусе.— Он ощутил под рукой изумруд в золоченом кольце на пальце у Луизы и добавил: — Я, в некотором роде, почти эксперт в этих вопросах.

Не убирая руки, Луиза спокойно произнесла:

— Не сомневаюсь, доктор. Я переговорила сегодня

днем со стюардом на пароходе. — Потом добавила: — Повар моей тетушки сейчас на попечении вашего лепрозория.

Сандерс заколебался:

— Луиза, это не *мой* лепрозорий. Не думайте, что я не мыслю своей жизни без него. Как вы сказали, у нас теперь, быть может, есть четкий выбор.

Они допили кофе. Сандерс встал и взял Луизу за руку. Видимо, из-за ее сходства с Сюзанной ему казалось, что он понимает язык ее движений, когда она касалась его бедром или плечом, — словно уже начинала возрождаться новая версия привычной близости. Луиза избегала встречаться с ним глазами, но и не отстранялась от него, пока они проходили между столиками.

Они вышли в пустой холл. Клерк, сидя за своей конторкой, спал, свесив голову на крохотный внутренний коммутатор. Слева от них в мутном свете тускло поблескивали латунные перила лестницы, вялые ветви высаженных в кадки пальм свешивали свои листья к стертым мраморным ступенькам. Все еще сжимая полную руку Луизы и чувствуя ее прохладные пальцы у себя на руке, он взглянул из двери наружу. Его глаза скользнули по башмакам и брюкам прислонившегося к колонне в тени галереи мужчины.

— Слишком поздно идти куда-либо, — сказала Луиза.

Сандерс перевел на нее взгляд и вдруг осознал, что на этот раз и вся инерция сексуальных условностей, и собственное его нежелание интимной близости с кем бы то ни было ни с того ни с сего рассеялись. Вдобавок он чувствовал, что за прошедший день двойственная атмосфера опустевшего Порт-Матарре неведомо как привела их к ключевой точке, на самую ось равновесия между темными и светлыми тенями равноденствия. В подобные моменты — в мгновения достигнутого равновесия — возможен любой поступок.

Когда они подошли к дверям его номера, Луиза высвободила свою руку и шагнула в полумрак комнаты. Войдя следом, Сандерс закрыл за собой дверь. Луиза повернулась к нему; бледное сияние неоновой вывески, пробивав-

шееся снаружи, освещало половину ее лица и рот. Очки упали на пол, когда их руки соприкоснулись, и Сандерс обнял ее, освободившись на какое-то время от Сюзанны Клэр и ее темного лика, словно тусклый фонарь маячившего у него перед глазами.

* * *

Вскоре после полуночи раскинувшийся на своей кровати Сандерс внезапно проснулся, почувствовав, как Луиза трогает его за плечо.

— Луиза?..— Он потянулся и обнял ее за талию, но она высвободилась из его рук.— В чем дело?

— Окно. Подойди, взгляни на юго-восток.

— Что?..— Сандерс всмотрелся в ее серьезное лицо; освещенное лунным светом, оно указывало ему в сторону окна.— Сейчас, Луиза...

Она ждала у кровати, пока он пройдет по выгоревшему коврику и отодвинет противомоскитную сетку. Взглянув вверх, он всмотрелся в усыпанное звездами небо. Прямо перед собой в сорока пяти градусах над горизонтом он отыскал созвездия Тельца и Ориона. Мимо них двигалось какое-то светило немислимой величины, отбрасывая перед собой пышную корону света и затмевая на своем пути меньшие звезды. В первый миг Сандерс не узнал в ней спутник серии «Эхо». Яркость его возросла по меньшей мере десятикратно, превратив ничтожную булавоочную головку света, столько лет добросовестно бороздившую ночное небо, в сверкающее светило, уступающее яркостью только Луне.

По всей Африке, от Либерийского побережья до берегов Красного моря, теперь был виден этот огромный светильник, горящий тем же самым светом, который сегодня днем поразил Сандерса внутри удивительных кристаллических цветов.

С сомнением подумав, что спутник мог потерять герметичность и обрести алюминиевым облаком, превратившимся в своего рода зеркало, доктор Сандерс наблюдал, как сверкающая сфера движется на юго-восток. Когда

ее свет померк, темный полог леса засверкал миллионами светящихся точек. Рядом с Сандерсом в обрамлении бриллиантов сияло белое тело Луизы; внизу, словно спинка спящей змеи, поблескивала черная поверхность реки.

Мулат на мостках

В темноте истертые колонны галереи, словно бледные призраки, отступали к восточной окраине города, осеняемые сверху безмолвным лесным пологом. Сандерс остановился у самого входа в отель, предоставив ночному ветерку играть своим измятым костюмом. Слабый запах духов Луизы все еще держался у него на лице и руках. Он вышел на дорогу и посмотрел вверх на окно своей комнаты. Встревоженный зрелищем пересекавшего ночное небо спутника, словно предупреждающего о чем-то, Сандерс покинул свой узкий, с высоким потолком, гостиничный номер и решил немного прогуляться. Пока он шагал вдоль по галерее в сторону реки, то и дело минуя очередного аборигена, спящего, свернувшись калачиком, в гнезде из гофрированной бумаги, мысли его кружили вокруг Луизы с ее живой улыбкой, нервными руками и одержимостью темными очками. Впервые он почувствовал себя до конца убежденным в полной реальности самого Порт-Матарре. Уже поблекли его воспоминания о лепрозории и Сюзанне Клэр. Кое в чем лишилось смысла само путешествие в Монт-Ройяль. Уж всяко разумнее было бы вернуться с Луизой в Форт-Изабель и попытаться там заново обустроить свою жизнь, основываясь на отношениях с ней, а не с Сюзанной.

Однако потребность найти Сюзанну Клэр, чье далекое присутствие, словно таящее в себе угрозу светило, нависло над джунглями где-то в районе Монт-Ройяля, не исчезла. Да и у Луизы, как он чувствовал, тоже были другие заботы. Она рассказала ему кое-что о своем беспокойном

прошлом, о детстве в одной из французских общин в Конго, об унижении, которое она перенесла позже, во время восстания за независимость против центрального правительства, когда ее и еще нескольких журналистов схватила мятежная жандармерия в восставшей провинции Катанга. Для Луизы, как и для него самого, Порт-Матарре с его выхолощенным светом был нейтральной точкой, мертвой зоной на африканском экваторе, куда занесло их обоих. Тем не менее вовсе не обязательно что-либо свершившееся здесь — между ними или с кем-то еще — должно было иметь далеко идущие последствия.

В конце улицы, напротив освещенных окон почти пустой префектуры, Сандерс повернул направо и зашагал вдоль реки в сторону местного рынка. Пароход уже отбыл в Либревиль, и главный причал опустел, маячили только корпуса четырех десантных катеров, пришвартованных парами. За рынком, ниже по течению, раскинулась гавань для местных суденышек — целый лабиринт крохотных причалов и шатких мостков. Этот плавучий лачужный городок, насчитывающий сотни две лодок и плотов, по ночам служил приютом торговцам с рынка. Кое-где в железных очагах, установленных прямо на палубе, полыхало пламя, освещая спальные кабинки под причудливо изогнутыми крышами из листьев местных пальм. Один, от силы два человека сидели на перекинутых над лодками мостках, да еще в конце первого причала виднелась горстка игроков в кости; в остальном же плавучий лагерь хранил безмолвие, а спрятанные здесь ювелирные изделия скрывала тьма.

Бар, в который они заходили с Луизой днем, был еще открыт. В аллее напротив входа два африканских юноши в голубых джинсах бездельничали у заброшенного автомобиля; один из них оседлал капот и прислонился к ветровому стеклу. С подчеркнутым безразличием они смотрели, как Сандерс входит в бар.

Внутри почти никого не было. В дальнем углу европейец — управляющий на одной из плантаций — и один из его подчиненных, надсмотрщик из африканцев, беседовали

с двумя местными торговцами-полукровками. Сандерс отнес свою порцию виски в кабинку у окна и глянул на реку, прикидывая, когда спутник пролетит во второй раз.

Он опять задумался о ювелирных изделиях, которые увидел днем на рынке, когда кто-то коснулся его плеча и пробормотал:

— Доктор Сандерс? Так поздно, а вы еще не спите?

Сандерс обернулся и обнаружил маленькую фигурку, облаченную в неизменный белый костюм; Вентресс смотрел на него сверху вниз со своей обычной иронической улыбкой. Вспомнив их вчерашнюю стычку, Сандерс сказал:

— Нет, Вентресс, для меня это уже утро. Я на день впереди вас.

Вентресс с готовностью кивнул, будто обрадованный, что Сандерс в чем-то добился над ним преимущества, пусть даже только на словах. Хотя Вентресс и стоял, Сандерсу показалось, что в своей тщательно застегнутой на узкой груди куртке он как-то сжался, уменьшился в размерах.

— Это хорошо, Сандерс, это очень хорошо,— Вентресс скользнул взглядом по соседним пустым кабинам.— Вы разрешите, я посижу минутку с вами?

— Ну... — Сандерс и не пытался казаться любезным. Инцидент с пистолетом напомнил ему, что за каждым поступком Вентресса стоит голый расчет. После нескольких часов, проведенных с Луизой, менее всего ему хотелось находиться в компании Вентресса с его перепадами настроения.— Не могли бы вы...

— Дорогой Сандерс, не вздумайте беспокоиться! Я постою.— Не обращая внимания на то, что Сандерс наполовину отвернулся от него, Вентресс продолжал: — У вас хорошее чутье, доктор. Ночью в Порт-Матарре куда интересней, чем днем. Не так ли?

При этих словах Сандерс оглянулся, не вполне понимая, что имеет в виду Вентресс. Человек, наблюдавший с противоположной галереи, как они с Луизой поднимались по лестнице, вполне мог оказаться Вентрессом.

— В общем-то...

— Астрономия не относится, случайно, к вашим увлечениям? — спросил Вентресс. Он нагнулся над столом с насмешливой улыбкой.

— Спутник я видел, если вы клоните к этому, — сказал Сандерс. — Скажите, вы можете объяснить это неожиданное увеличение размеров?

Вентресс глубокомысленно кивнул:

— Вопрос что надо, доктор. Чтобы на него ответить, мне понадобилось бы — боюсь, буквально — все на свете время...

Прежде чем Сандерс мог его переспросить, отворилась дверь и вошел один из африканских юношей, которых он видел у машины. Обменявшись с Вентрессом быстрым взглядом, он выскользнул обратно за дверь.

Коротко поклонившись Сандерсу, Вентресс повернулся и вытащил из кабинки у доктора за спиной свой чемодан из крокодиловой кожи. Перед тем как выйти из бара, он на миг задержался и шепнул Сандерсу:

— Все на свете время... не забудьте, доктор!

Гадая, на что же Вентресс намекал всеми этими загадками, доктор Сандерс допил виски. Белая фигура Вентреса с чемоданом в руке исчезла в темноте неподалеку от причала, где прежде растворились силуэты быстро вышагивающих африканцев.

Сандерс решил дать ему пять минут форы, заключив, что Вентресс, должно быть, собирается отбыть на лодке — украденной либо нанятой — в Монт-Ройяль. Хотя он и собирался вскоре отправиться туда следом за ним, доктор все же был доволен, что остается в Порт-Матарре один. Каким-то образом присутствие Вентреса добавляло совершенно излишний элемент случайности в и без того запутанный узор из арок и теней; все это походило на шахматную партию, в которой оба игрока подозревают, что на доске имеется еще и какая-то невидимая для них фигура.

Проходя мимо брошенного автомобиля, Сандерс заметил какое-то волнение в центре плавучего городка.

Многие огни к этому времени уже потухли. Другие же как раз сейчас разгорались, и отсветы пламени плясали в потревоженной воде, вторившей движениям лодок. Настеленные сверху доски, крест-накрест пересекавшие весь причал, раскачивались под тяжестью бегущих людей, один за другим перепрыгивавших, хватаясь за перила, с мостка на мосток.

Сандерс подошел поближе к кромке воды и тут заметил белую фигурку Вентресса, мечущуюся в самой голове погони. Вентресс крикнул что-то юноше с его чемоданом в руках — африканец опережал Вентресса метров на десять. Высокий бригоголовый мулат в военного покроя рубаше цвета хаки карабкался им навстречу, зажав в покрытой шрамами руке обрезок тяжелого шланга. За спиной у Вентресса двое мужчин в темных свитерах сбили с ног второго парня. У них в руках сверкали ножи, и юноша, попытавшись их лягнуть, юркнул с мостков вниз, словно рыба, которую собирались потрошить. Он упал в какую-то лодку, одна штанина его джинсов была распорота до самого бедра. Зажимая рукой кровоточащую рану на ноге, он с трудом выбрался через соседнюю лодку на причал и бросился наутек среди тюков с какао.

На мостках снова закричал Вентресс, и второй юноша, успев поднять чемодан, замахнулся им на мулата, целившего своим шлангом ему в голову. Швырнув вперед чемодан, юноша скользнул под перила и прыгнул во второй считая от причала ряд лодок, снеся при этом пальмовую крышу. Рухнул весь навес, и в одной куче оказались одеяла и перевернутые вверх дном канистры и бидоны с бензином. Ярko вспыхнули в свете огней с других лодок припрятанные кристаллы самоцветов.

Пока ряды лодок не спеша соскальзывали с привязи, Сандерс, глядя на отражения сверкающих драгоценностей в потревоженной воде гавани, услышал, как оглушительный грохот пистолетного выстрела перекрыл вдруг весь шум. С пистолетом в руке Вентресс припал к мосткам. Он еще раз выстрелил в мулата с его импровизированной резиновой дубинкой. Стоило мулату податься по сходням назад, к пристани, как Вентресс бросил через плечо

взгляд на двоих африканцев позади него: оба замерли, припав к поручням, их темные тела почти растворились в окружающей тьме. Засунув пистолет в кобуру, Вентресс перевалился через край настила и спрыгнул на палубу находившейся внизу лодки.

Не обращая никакого внимания на ее хозяина, крохотного седого африканца, пытающегося собрать разбросанную по всему кокпиту охапку драгоценных листьев, Вентресс поставил на попа козлы, служившие стропилами для кровли-одеяла. Оба его помощника затерялись где-то среди лодок, зажатых между двумя следующими причалами, но Вентресс, казалось, стремился лишь к одному: найти свой чемодан. Перебираясь с лодки на лодку, он решительно опрокидывал ситцевые тенты, отпугивая их владельцев пистолетом. Когда он переходил на следующую лодку, то оставлял за собой кильватерный след из самоцветов. Блистающие камни высвечивали на мостках силуэты троих мужчин.

Отказавшись от поисков чемодана, Вентресс принялся проталкиваться сквозь толпу рыночных торговцев. Взобрался на причал. На дальнем его конце покачивалась небольшая моторная лодка, привязанная к свае веревкой. К ней-то и направился Вентресс; он отвязал веревку и забрался в лодку. Чуть поколдовав над рычагами управления, он запустил мотор, вой которого заглушил остальной шум. Буквально через секунду рундук на носу лодки расколол оглушительный взрыв, и в ночной воздух взметнулся неистовый огненный гейзер. Вентресса отшвырнуло прямо на румпель; подняв глаза, он смотрел, как пламя прожигает себе путь сквозь палубу перед вдребезги разбитым ветровым стеклом. Когда лодку стало сносить обратно вдоль причала, ему удалось собраться и перепрыгнуть на держащийся на плаву остов ящика, используемый в качестве сходней.

Растолкав нескольких наблюдавших за происходящим с берега африканцев, Сандерс взобрался на причал и бросился к Вентрессу. Потрясенный взрывом, человек в белом костюме так и не заметил смутных очертаний большого прогулочного катера, застывшего метрах в двадцати

от пирса. Стоя за штурвалом на капитанском мостике, за развернувшейся среди лодок погоней с него наблюдал высокий, широкоплечий мужчина в темной одежде, его длинное лицо наполовину скрывала радиомачта. Под ним на палубе располагалось нечто напоминающее стартовую пушку яхт-клуба, на свету блестел ее короткий гладкий ствол. Горящую моторку между тем вынесло уже за пирс, пламя постепенно угасало, и катер вместе со своим согладатаем-хозяином вновь погрузился во тьму.

Вдруг Сандерс увидел, как с мостков на причал свернул бритоголовый мулат. Он выбросил свою дубинку, и в его громадной руке теперь поблескивало тонкое серебряное лезвие. Он крался сзади к Вентрессу, пока тот, оцепенев, сидел на краю причала и глядел, как догорающую моторку сносит на мель.

— Вентресс! — отчаянно бросившись вперед, Сандерс нагнал мулата и с разбегу сшиб его с ног. С быстротой змеи мулат восстановил равновесие, одновременно с разворота ударив Сандерса прямо в грудь своей бритой головой. Он нагнулся, чтобы подобрать нож, и его поблескивавшие белками глаза перебежали с Вентресса на доктора и обратно, не зная, на ком остановиться.

На берегу в ста ярдах от них в небо над гаванью вдруг взвилась сигнальная ракета. Тускло блестя, она сгорела, распространяя вокруг приглушенный свет. Над складами разнесся вой сирены. У следующего пирса остановился полицейский грузовик, и его фары высветили и расцветили остатки кристаллических драгоценностей, еще не спрятанные под навесами. Горящая моторка налетела на одну из опор мостков, и просмоленное дерево тут же вспыхнуло, пламя устремилось на сухую обшивку настила.

Сандерс лягнул мулата, затем отодрал от настила каким-то чудом державшуюся доску. Мулат устоял на полицейский грузовик. Он подхватил нож и бросился мимо Сандерса вдоль по пирсу, чтобы нырнуть с него в воду среди лодок на дальней стороне.

— Вентресс? — Сандерс опустился рядом с ним на колени и стряхнул с ткани его костюма тлеющие угольки. — Вы можете идти? Полиция уже здесь.

Вентресс встал, его глаза прояснились. Скрытое бородкой, лицо его казалось совершенно отрешенным. Он, похоже, не представлял, что произошло, и цеплялся за руку Сандерса, словно подслеповатый старик.

С реки у них за спиной донесся приглушенный рев, и белая вода вскипела за кормой затаившегося катера. Когда катер начал удаляться, Вентресс вдруг очнулся, он бросился бегом по причалу, все еще держа Сандерса за руку, но на сей раз словно ведя его.

— Пригните голову, доктор! Нам нельзя здесь оставаться!

Сам он крутил головой налево и направо, приглядываясь к горящему настилу, который начал рушиться в воду. Когда они добрались до берега и миновали небольшую толпу, собравшуюся на откосе, он обернулся к Сандерсу:

— Благодарю вас, доктор. Я сам почти что выпал там из времени.

Прежде чем Сандерс мог ответить, Вентресс рванулся прочь между рядов цистерн с бензином, стоявших у входа в один из складов. Сандерс бросился следом и успел заметить, как Вентресс исчез за брошенным автомобилем.

Огни в гавани гасли сами собой. Обгоревшие доски тлели и дымились в темном воздухе. Полицейские разошлись по уцелевшим мосткам и обрубали своими мачете дымящиеся участки, скидывая их прямо в воду, снизу что-то кричали рыночные торговцы, спешно отгоняя в сторону свои лодки.

Сандерс отправился обратно в отель, избегая галерей. Потревоженные суматохой нищие, проснувшись, сидели в своих картонных коконах и канючили, когда он проходил мимо, у него денег; их глаза сверкали во тьме среди колонн.

Луиза вернулась в свою комнату. Выключив свет, Сандерс уселся на стул у самого окна. Последние следы запаха духов Луизы растаяли в воздухе, пока он наблюдал, как над далекими холмами Монт-Ройяля занимается заря, освещая серпантин речного русла — словно выдавая тайный путь.

Утопленник

На следующее утро из реки в Порт-Матарре выловили тело утопленника. Вскоре после десяти доктор Сандерс и Луиза Пере отправились в гавань по соседству с рынком, надеясь нанять кого-нибудь из лодочников, чтобы добраться до Монт-Ройяля. Гавань сильно опустела, почти все суденышки перекочевали к противоположному берегу, где были разбросаны какие-то поселения. Обломки мостков лежали в воде, напоминая полузатонувшие скелеты ящериц, пара-другая рыбаков копошились в их чреве.

На рынке все было тихо, то ли из-за ночных событий, то ли потому, что выходка отца Бальтуса с драгоценным распятием отбила у торговцев местными диковинками охоту выставлять свой товар напоказ.

Хотя ночью джунгли сияли мириадами огней, днем они вновь стали мрачными и темными, словно растения в это время аккумулировали энергию солнца. Неотступное ощущение пропитывающей все тревоги убеждало Сандерса в необходимости как можно скорее отправиться с Луизой в Монт-Ройаль. По дороге он высматривал мулата и двух его приспешников. Как бы там ни было, по размаху нападения на Вентресса — вне всякого сомнения, вооруженный прогулочный катер и его бдительный рулевой тоже являлись какой-то частью замышлявшего убийства — Сандерс склонен был считать, что неудавшиеся убийцы находятся вне досягаемости полиции.

На всем коротком пути из отеля Сандерс невольно ожидал, что вот-вот услышит из затененной галереи знакомый шепоток Вентресса, но того и след простыл. Сколь невероятным бы это ни казалось, но однообразная тяжесть света над Порт-Матарре убеждала Сандерса, что облаченная в белое фигура уже покинула город.

Он показал Луизе груды обломков, оставшуюся от мостков, и обгоревший остов моторной лодки, вынесенный течением на отмель; описал нападение мулата и его подручных.

— Может, он пытался украсть из лодок эти самые

драгоценности? — предположила Луиза. — А они, должно быть, просто себя защищали.

— Нет, тут все не так просто: мулат охотился за Вентрессом. Если бы не подросла полиция, мы бы оба оказались на дне реки.

— Ужас! А ты-то тут при чем? — Луиза взяла его за руку, будто испытывая сомнения в физической подлинности Сандерса на фоне остальных неопределенностей в Порт-Матарре. — Но с чего бы кому-то на него нападать?

— Понятия не имею. А ты ничего про Вентресса не слышала?

— Нет, почти все время я потратила на тебя. Я даже и не видела маленького бородатого человечка. По твоим словам, такая зловещая личность...

Сандерс не удержался от смеха. Обняв ее за плечи, он сказал:

— Милая Луиза, у тебя комплекс Синей Бороды — как, впрочем, и у всех женщин. По правде говоря, в Вентрессе нет ну ничего зловещего. Напротив, он скорее и наивен, и раним...

— Наверное, как и Синяя Борода?

— Ну не совсем. Но то, как он все время говорит загадками... будто боится выдать себя. Мне кажется, он знает что-то об этой кристаллизации.

— Но почему он не сказал тогда тебе все начистоту? Это же не имеет отношения лично к нему?

Сандерс помолчал, глядя на солнечные очки, которые Луиза продолжала держать в руке.

— Разве не так обстоит дело и со всеми нами, Луиза? Мы отбрасываем в Порт-Матарре не только черные, но и белые тени; почему — одному Богу известно. И все же в одном я уверен: этот процесс не таит непосредственной физической угрозы, иначе бы Вентресс меня предупредил. А так он, скорее, поддерживал меня в намерении попасть в Монт-Ройяль.

Луиза пожала плечами:

— Быть может, ему выгодно, чтобы ты оказался там.

— Возможно...

Они миновали главный причал туземной гавани, и, остановившись, Сандерс пустился в переговоры с несколькими полукровками, чьи рыбацьи лодки стояли вдоль берега. Стоило ему упомянуть Монт-Ройяль, как они закачали головами, да и сам их вид не внушал никакого доверия.

Он догнал Луизу:

— Без толку. Все равно это не то, что нужно.

— А там что, паром? — Луиза показала туда, где в сотне ярдов от них горстка людей замерла у самой кромки воды рядом со сходнями. Двое мужчин подгоняли к ним шестью длинный челнок.

Подойдя ближе, Луиза и Сандерс увидели, что лодчонки пригнали с собой и всплывшее тело утопленника.

Зеваки чуть подались назад, когда тело вытолкнули шестью на отмель. Чуть погодя кто-то шагнул вперед и вытянул его на покрытый влажным илом берег. Несколько мгновений все не отрываясь смотрели на тело, пока мутная вода ручьем сбегала с насквозь промокшей одежды и стекала с побелевших щек и глаз.

— Оох!.. — содрогнувшись, Луиза отвернулась и, спотыкаясь, отошла от кромки воды на несколько шагов. Доктор Сандерс нагнулся, чтобы осмотреть тело. Мускулистый светлокожий европеец лет тридцати, на теле не было заметно никаких следов насилия. Судя по тому, насколько сошла краска с кожаного ремня и ботинок, тело провело в воде четыре-пять дней, и доктор удивился, что оно все еще не окоченело. Суставы и ткани сохранили податливость, кожа казалась прочной и чуть ли не теплой.

Но более всего привлекла его внимание — как, впрочем, и остальных зевак — правая рука мужчины. От локтя и до кончиков пальцев она оказалась заключенной в массу прозрачных кристаллов, сквозь которую в призматическом преломлении можно было рассмотреть с десятков многоцветных отражений руки и пальцев. Эта огромная драгоценная перчатка, словно парадный доспех испанского конкистадора, подсыхала на солнце, и ее кристаллы начинали светиться ярким, резким светом.

Доктор Сандерс оглянулся. Кто-то еще присоединился к горстке зевак. Глядя на них сверху вниз, на берегу за-

мер отец Бальтус; его высокая фигура в свисающей с сутулых плеч черной сутане напоминала распутившего крылья гигантского стервятника. Глаза его впились в драгоценную руку мертвеца, уголок рта чуть подергивался от нервного тика, словно из подсознания священника выплескивался наружу какой-то богохульный реквием по усопшему. Потом с видимым усилием отец Бальтус повернулся на каблуках и направился вдоль реки по направлению к городу.

Доктор Сандерс выпрямился, когда один из лодочников шагнул вперед. Пробравшись сквозь кольцо зевак, он направился к Луизе Пере:

— Это Андерсон? Тот американец? Ты же узнала его.

Луиза покачала головой:

— Фотограф, Матье. Они уехали вместе.— С перекошенным лицом она взглянула на Сандерса.— А рука? Что случилось с ней?

Сандерс отвел ее в сторонку от людей, глазевших, как из кристаллов наружу изливается свет. В пятидесяти ярдах от них отец Бальтус вышагивал мимо лодочного городка среди расступающихся перед ним рыбаков. Сандерс огляделся вокруг, пытаясь сориентироваться в происходящем.

— Пора, наконец, разобраться. Нужно где-то раздобыть лодку.

Луиза копалась в сумке, выискивая в ней карандаш и блокнот.

— Эдвард, я думаю... я должна выйти из игры. Мне хотелось отправиться с тобой в Монт-Ройяль, но теперь, с появлением этого покойника, дело принимает другой оборот.

— Луиза! — доктор Сандерс схватил ее за руку. Он уже чувствовал, как слабеют связывающие их физические узы,— Луиза смотрела только на распростертое на берегу тело, словно понимая, что ей вовсе незачем отправляться с Сандерсом в Монт-Ройяль, а истинные мотивы его стремления подняться вверх по реке, его поиски окончательного расчета со всем тем, что, как ему казалось, воплощает Сюзанна Клэр, касаются его одного. Но Сандерс

все равно чувствовал, что не может просто так отпустить ее. При всей хаотичности их отношений, это, по крайней мере, была некая альтернатива Сюзанне.

— Луиза, если нам не удастся уехать сегодня же утром, мы отсюда никогда не выберемся. Как только полиция обнаружит тело, они тут же выставят кордон вокруг всего Монт-Ройяля, а может, и вокруг Порт-Матарре тоже. — Он поколебался, потом добавил: — Этот человек пробыл в воде по меньшей мере дня четыре, его, наверное, несло вниз по течению от самого Монт-Ройяля, и однако, умер он всего полчаса назад.

— Что ты говоришь?

— То, что слышишь. Он был еще теплым. Понимаешь, почему я говорю, что мы должны отправиться в Монт-Ройяль немедленно? Нужные тебе сведения — там, и ты будешь первой...

Сандерс смолк, почувствовав, что кто-то прислушивается к их разговору. Они шли по набережной, а в двадцати футах справа от них по воде медленно двигалась, не обгоняя их и не отставая, моторная лодка. Сандерс узнал красно-желтый катерок, доставленный в Порт-Матарре пароходом. Слегка придерживая рукой штурвал, им управлял бесшабашного вида мужчина с забавным симпатичным лицом. Он разглядывал доктора Сандерса со своего рода дружеским любопытством, словно прикидывая возможные плюсы и минусы от знакомства с ним.

Сандерс остановил Луизу. Рулевой заглушил мотор, и лодку по дуге понесло к берегу. Доктор спустился к воде по направлению к ней, оставив Луизу на набережной.

— Отличная у вас лодка, — сказал Сандерс рулевому.

Высокий человек протестуяще взмахнул рукой и приятельски улынулся Сандерсу.

— Рад, что вы оценили ее, доктор. — И, кивнув в сторону Луизы Пере, добавил: — Как погляжу, у вас хороший вкус.

— Это моя коллега, мадемуазель Пере. А меня сейчас весьма интересуют лодки. Вот ваша приплыла со мною на пароходе из Либревиля.

— Тогда вы и в самом деле знаете, доктор, что это, как вы сказали, отличное судно. Оно способно домчать вас до Монт-Ройяля за четыре-пять часов.

— В самом деле, замечательно.— Доктор Сандерс посмотрел на часы.— И сколько вы запросите за подобное путешествие, капитан...

— Арагон,— высокий человек вынул из-за уха недокуренную манильскую сигару и показал ею на Луизу: — Для одного? Или для обоих?

— Доктор,— подала сверху голос все еще не уверенная Луиза,— я еще не решила...

— Для нас обоих,— сказал доктор Сандерс, отворачиваясь от молодой женщины.— Мы хотели бы отправиться прямо сегодня, скажем, через полчаса — если это возможно. Ну, так сколько?

Поторговавшись несколько минут, они наконец сговорились. Арагон запустил мотор и прокричал:

— Через час жду вас у следующего причала, доктор. Начнется прилив, половину расстояния нам будет с ним по пути.

* * *

В полдень, сложив свои чемоданы в рундук рядом с мотором, они двинулись вверх по реке на быстроходной лодке. Доктор Сандерс разместился рядом с Арагоном на переднем сиденье, а Луиза Пере, с развевающимися по ветру темными волосами, примостилась на маленьком сиденье сзади. Когда лодка в сопровождении радужных арок водяной пыли за кормой устремилась против течения на коричневой волне прилива, Сандерс почувствовал, как впервые с момента его прибытия отступает наполнявшая Порт-Матарре гнетущая тишина. Казалось, что и пустынные галереи, на которые они бросили последний взгляд, сворачивая в главное русло, и сумрачный лес отступают на задний план, становятся фоном, отделенные от них ревом и скоростью моторной лодки. Они миновали полицейский причал. Капрал и его подчиненные лениво смотрели,

как они проносятся мимо на гребне пены. Мощный мотор приподнял судно высоко над волной, и Арагон, наклонившись вперед, следил, не попадет ли навстречу полузатонувшее бревно.

Кроме них на реке было всего несколько суденышек. Одна-две местные шлюпки скользили у самого берега, наполовину скрывшись под нависающей листвой. В миле от Порт-Матарре они миновали пристани, принадлежавшие владельцам плантаций какао. Пустые лихтеры застыли без присмотра под бездействующими кранами. Между рельсами узкоколейки пробились сорняки, начавшие уже карабкаться к кранам силосных башен. Сверху неподвижно нависал лес, и скорость и брызги воды казались доктору Сандерсу трюком иллюзиониста, результатом перебоев в работе неисправного затвора кинокамеры.

Спустя полчаса, когда они прошли уже десять миль в глубь материка и им предстояло расстаться с приливной волной, Арагон сбросил скорость, чтобы можно было всматриваться во встречные воды повнимательнее: ему то и дело приходилось огибать сносимые по течению деревья и большие куски коры. Время от времени попадались и секции пристаней, снесенные настойчивым течением. Река казалась пустынной, захламленной отходами обезлюдевших городов и деревень.

— Отличный корабль, капитан, — поздравил Арагона доктор Сандерс, пока тот перераспределял топливо в баках, чтобы сохранить остойчивость судна.

Арагон кивнул, выруливая мимо плывущих остатков какой-то лачуги:

— Быстроходней полицейских катеров, доктор.

— Ну, это наверняка. А зачем он вам? Для контрабанды алмазов?

Повернув голову, Арагон пристально посмотрел на Сандерса. Несмотря на сдержанность доктора, Арагон, похоже, уже составил себе мнение о его характере. Он уныло пожал плечами:

— Так было задумано, но теперь, доктор, уже слишком поздно.

— Почему вы так говорите?

Арагон взглянул на темный лес, высасывающий из воздуха весь свет:

— Увидите, доктор. Скоро доберемся.

* * *

— Когда вы в последний раз были в Монт-Ройяле, капитан? — спросил Сандерс. Он покосился на Луизу; чтобы услышать ответ Арагона, она наклонилась вперед, прижав волосы к щекам.

— Недель пять назад. Мою старую лодку конфисковала полиция.

— Вы не знаете, что там происходит? Они что, нашли новые залежи?

Арагон в ответ на это хмыкнул и пустил лодку прямо на большую белую птицу, сидевшую на плывущем перед ними бревне. С пронзительным криком птица поднялась в воздух прямо над их головами, неуклюже работая огромными крыльями, словно громоздкими веслами.

— Можно сказать и так, доктор. Но не в том смысле, который вы сюда вкладываете. — И прежде, чем Сандерс успел задать ему следующий вопрос, он добавил: — На самом деле я ничего не видел. Я был на реке, а дело было ночью.

— Вы видели сегодня утром в гавани утопленника?

Прежде чем ответить, Арагон с полминуты помолчал. Наконец он сказал:

— Эльдорадо, человек из золота и самоцветов, в панцире из алмазов. Такому концу многие бы позавидовали, доктор.

— Возможно. Он был другом мадемуазель Пере.

— Мадемуазель?.. — Состроив гримасу, Арагон придвинулся к рулю.

* * *

Около двух часов пополудни, пройдя примерно половину пути до Монт-Ройяля, они встали у старого причала, выдававшегося далеко в реку рядом с заброшенной

плантацией. Усевшись на нависающих над водой балках, они перекусили бутербродами с ветчиной, запивая их растворимым кофе. Ни вдоль берегов, ни среди монотонного течения не было видно никакого проблеска движения; Сандерсу начало казаться, что опустела вся округа.

Может быть, поэтому разговор между ними никак не клеился. Арагон уселся особняком, уставившись на бегущую мимо воду. Покатый лоб и худое лицо с выпирающими скулами на фоне плесов Порт-Матарре делали его похожим на пирата, но здесь, окруженный со всех сторон гнетущими джунглями, он казался менее уверенным в себе и более походил на настороженного лесного проводника. Почему он решился взять Сандерса и Луизу в Монт-Рояль, оставалось неясным, но доктор догадывался, что Арагона влекли туда мотивы столь же неопределенные, как и его самого.

Луиза тоже погрузилась в себя. Закурив после еды сигарету, она избегала взгляда Сандерса. Решив оставить ее наедине с собой, доктор побрел вдоль причала, пробираясь по изломанному настилу, и добрался до берега. Лес осаждал плантацию, и гигантские деревья безмолвно застыли ровными рядами, один темный гребень за другим.

Поодаль виднелась полуразрушенная усадьба, между стропил дворовых построек там и сям проросли ползучие растения. Папоротник заполонил весь садик у дома и добрался уже до самой его двери, захватив даже крыльцо. Стараясь не приближаться к этим мрачным развалинам, Сандерс обошел садик вокруг, ступая по белесому гравию дорожки. Он прошел мимо проволочного ограждения у теннисного корта, ячейки которого заполнили выющиеся растения и мох, и добрался до высохшего бассейна с причудливо украшенным фонтаном.

Сандерс уселся на балюстраду и вынул пачку сигарет. Он по-прежнему разглядывал усадьбу, когда через пару-другую минут вдруг резко вздрогнул и выпрямился. Из верхнего окна дома на него смотрела высокая бледнокожая женщина в наброшенной на голову и плечи белой накидке, окруженная со всех сторон гирляндами темного плюща.

Отшвырнув сигарету, Сандерс бросился через папоротники к дому. Вскочив на крыльцо, он настежь распахнул покрытый пылью остов двери и устремился к широкой лестнице. Под его ногами то и дело прогибались мягкие, будто сделанные из бальзы, дощечки паркета, но мрамор ступеней оставался, как обычно, твердым. Мебель в доме не сохранилась; он пересек пустую лестничную площадку и вошел в спальню, в окне которой видел женщину.

— Луиза!

Она со смехом обернулась к нему, и пышные остатки кружевных занавесок вывалились у нее из руки. Чуть тряхнув головой, она улыбнулась Сандерсу:

— Я тебя напугала? Извини.

— Луиза... ну что за глупости... — Он с трудом сдерживал себя, пока шок от узнавания не начал рассеиваться. — Как, черт побери, ты сюда забралась?

Луиза расхаживала по комнате, разглядывая пятна, оставшиеся от снятых картин, словно посетительница некой призрачной галереи.

— Пришла, естественно. — Обернувшись, она пристально посмотрела в лицо Сандерсу. — В чем дело? Я что, напомнила тебе кого-то?

Сандерс подошел к ней:

— Может, и так. Луиза, все это достаточно тяжело и без розыгрышей.

— Я не собиралась тебя разыгрывать. — Она взяла его за руку, ее ироническая улыбка исчезла. — Эдвард, прости меня. Мне не стоило...

— Ничего, ничего. — Сандерс прижал ее лицо к своему плечу, от физического контакта с Луизой он приходил в себя. — Ради Бога, Луиза... Все пройдет, как только мы доберемся до Монт-Ройяля, — а до тех пор у меня нет выбора.

— Ну конечно... — Она потянула его от окна. — Арагон... может нас здесь заметить.

У их ног на полу лежала кружевная занавеска, та самая накидка, которую Сандерс увидел, сидя в саду

у пересохшего фонтана. Когда Луиза, держась за его руки, начала опускаться на нее, он покачал головой и отбросил ткань ногой в угол.

* * *

Позже, когда они возвращались к моторке, Арагон встретил их посреди причала.

— Пора отчаливать, доктор, — сказал он. — Лодка здесь на виду, а они иногда прочесывают реку.

— Ну конечно. А сколько всего солдат в районе Монт-Ройяля? — спросил Сандерс.

— Четыре-пять сотен. А может, и больше.

— Целый батальон? Да, немало. — Он предложил Арагону сигарету из своей пачки, а Луиза тем временем прошла вперед. — А вы были свидетелем случившегося в гавани Порт-Матарре вчера ночью?

— Нет, я услышал об этом только утром... Эти лодки торговцев с рынка часто загораются.

— Возможно. Там было совершено нападение на человека, которого я знаю, европейца по имени Вентресс. — Он взглянул на Арагона. — И был еще большой прогулочный катер с пушкой на палубе. Вы не видели такого на реке?

На лице у Арагона ничего не отразилось. Он безразлично пожал плечами:

— Он, наверное, принадлежит одной из горнодобывающих компаний. А этого Вентресса я не встречал. — И прежде чем Сандерс успел произнести что-то еще, он добавил: — Запомните, доктор, в Монт-Ройяле многие заинтересованы в том, чтобы не дать людям войти в лес — или выйти из него.

— Догадываюсь. Между прочим, этот утопленник — ну, сегодня утром, в гавани, — когда вы его видели, он, часом, не лежал на плоту?

Арагон медленно затянулся сигаретой, с некоторым уважением наблюдая за Сандерсом:

— Хорошая догадка, доктор.

— А что касается этих светящихся лат, он что, был покрыт кристаллами с головы до ног?

Арагон криво улыбнулся, обнажив золотой зуб. Он постучал по нему ногтем:

— «Покрыт» — разве это слово здесь уместно? Мой зуб из золота целиком, доктор.

— Да, я понял.— Сандерс смотрел вниз, как коричневая вода ласкает балки причала. Луиза помахала ему из лодки, но он был слишком погружен в собственные мысли, чтобы ответить.— Понимаете, капитан, меня интересует, был ли этот человек, Матье, мертв, мертв в полном смысле этого слова, когда вы его видели. Если, скажем, во время волнения в гавани он упал с плотa, но все же как-то удерживался, цепляясь за него одной рукой,— это бы кое-что объяснило. И имело бы весьма важные последствия. Вы понимаете, что я имею в виду?

Арагон курил, разглядывая отдыхающих на отмели в тени противоположного берега крокодилов. Потом выбросил в воду недокуренную сигарету.

— Думаю, нам пора отправляться в Монт-Ройаль. Армия здесь не слишком-то понятлива.

— Им и без того есть о чем подумать, но вы, возможно, правы. Мадемуазель Пере слышала, что сюда направляется специалист-физик. Если так, он, может быть, сумеет предотвратить новые трагические случайности.

Перед самым отплытием Арагон повернулся к доктору Сандерсу и сказал:

— Я так и не понял, доктор, почему вы так стремитесь попасть в Монт-Ройаль?

Замечание походило на своего рода извинение за былые подозрения, но Сандерс поймал себя на том, что смеется, чтобы скрыть замешательство. Пожав плечами, он сказал:

— В этом районе оказались двое из моих ближайших друзей, там же и американский коллега Луизы. Естественно, мы беспокоимся о них. Армия, разумеется, не преминет полностью изолировать весь район и посмотреть, что же там происходит. Вчера они грузили со складов в Порт-Матарре колючую проволоку и ограждения. Для любого, кто окажется там, это будет все равно что вмерзнуть в ледник.

Хрустальный лес

Милях в пяти от Монт-Ройяля река заметно сузилась, и берега ее разделяла теперь какая-нибудь сотня ярдов. Арагон сбросил скорость до нескольких узлов, вырубивая между плавучими островками мусора и стремясь избежать лиан, низко нависающих над водой повсюду, где к реке подступали высокие стены джунглей. Сидя на носу, доктор Сандерс вглядывался в лес, но огромные деревья оставались все так же темны и неподвижны.

Потом им попалось чуть более открытое место, подлесок на правом берегу был здесь частично вырублен, отчего и образовалась небольшая прогалина. В тот самый миг, когда доктор Сандерс показал на горстку заброшенных построек, прямо у них над головами лесной полог разразился жутким ревом, будто среди верхушек деревьев кто-то запустил чудовищный мотор,— и через мгновение над деревьями пронесся вертолет.

Он тут же исчез из вида, только грохот мотора по-прежнему звучал в листве. Немногочисленные птицы вспорхнули вверх и устремились прочь, в лесную чашу; лениво подремывавшие крокодилы погрузились в темную, настоящую на коре речную воду. Когда вертолет вновь завис в четверти мили у них по курсу, Арагон полностью выключил двигатель и начал править к берегу, но Сандерс покачал головой:

— Нам же ничто не мешает, капитан. Пешком через лес все равно не пробраться. Так что чем дальше мы пройдем по реке, тем лучше.

И они поплыли прямо по фарватеру; вертолет же тем временем продолжал кружить у них над головой, то поднимаясь вверх на восемьсот-девятьсот футов, словно для того, чтобы лучше обозреть извивы речного русла, то зависая над самой водой в каких-то пятидесяти ярдах перед ними, едва не касаясь колесами поверхности воды. Потом он внезапно резко взмыл вверх и по широкой дуге скрылся за лесом.

После очередной излучины река вдруг расширилась в небольшую бухточку, а перед ними возникло протянувшееся поперек течения от одного берега до другого понтонное ограждение. Справа вдоль причалов выстроились склады, судя по вывескам, принадлежащие горнодобывающим компаниям. Там же были пришвартованы два плоскодонных десантных судна и несколько военных катеров; вокруг них суетились солдаты, разгружая какое-то оборудование и баки с горючим. Дальше на прогалине оказался разбит весьма внушительный военный лагерь. Ряды палаток терялись среди деревьев, частично скрытые серыми гирляндами мха. Неподалеку большими штабелями были навалены секции металлического ограждения, и бригада солдат размечала их люминесцентной краской.

С середины понтонного ограждения, указывая в сторону причалов, сержант прокричал им в мегафон по-французски:

— Направо! Направо!

У пристани, опершись о свои винтовки, томила группа солдат.

Арагон в нерешительности стал разворачивать лодку.

— Что теперь, доктор?

Сандерс пожал плечами:

— Нам нужно попасть туда. Поэтому нет никакого смысла удирать. Если я собираюсь разыскать чету Клэров, а Луиза — добыть свои материалы, нам придется пойти на условия военных.

Они подплыли к пристани между двумя десантными судами, и Арагон бросил концы дожидающимся солдатам. Пока они выбирались на дощатый настил, с понтонов к ним подошел сержант с мегафоном:

— Быстро же вы добрались, доктор. Вертолет только только догнал вас.

Он указал на виднеющуюся между складами маленькую взлетную полосу, примыкавшую к самому лагерю. С оглушительным ревом, вздымая огромные фонтаны пыли, вертолет как раз заходил там на посадку.

— Вы знали, что мы здесь появимся? Но ведь, как я понял, телефонная связь нарушена.

— Вы правы. Но знаете, доктор, у нас же есть и радио.

Сержант дружески улыбнулся. Его спокойное благодушное, столь несвойственное общению военных со штатскими, навело Сандерса на мысль, что случившееся в окрестных лесах вынудило этих солдат радоваться каждому встречному независимо от того, носит он форму или нет.

Сержант приветствовал Луизу и Арагона, сверившись с бумажной карточкой.

— Мадемуазель Пере? Месье Арагон? Прошу сюда. С вами, доктор, хотел бы поговорить капитан Радек.

— Да-да, конечно. Скажите, сержант, если у вас есть радио, то почему же полиция в Порт-Матарре не имеет ни малейшего представления, что здесь происходит?

— А что же здесь, собственно, происходит, доктор? Множество людей как раз сейчас ломает над этим голову. А что касается полиции в Порт-Матарре, мы стараемся сообщать им поменьше — для их же блага. Мы отнюдь не стремимся распространять слухи.

Они направились к обширному металлическому барaku, в котором разместился штаб батальона. Доктор Сандерс оглянулся на реку. По пересекавшей ее плотине взад и вперед расхаживали два молоденьких солдата с большими сачками для бабочек в руках, методично вылавливая ими что-то из текущей через свисавшую с понтоннов проволочную сетку воды. Еще несколько десантных судов оказалось пришвартовано к пристани выше плотины по течению, их команды настороженно замерли. Оба плоскодонных судна были до отказа нагружены большущими ящиками и тюками, случайно подобранными домашними пожитками — холодильниками, кондиционерами, а также деталями каких-то механизмов и даже конторскими шкафами.

Когда они добрались до кромки летного поля, доктор Сандерс обнаружил, что основной взлетной полосой служил отрезок шоссе Порт-Матарре — Монт-Ройяль. Уже в полумиле дорога была наглухо перегорожена рядами пятидесятигаллоновых баков, окрашенных в черные и белые полосы. Дальше лес начинал неспешно карабкаться по

склону наверх, подступая вплотную к голубым холмам, району рудников. А ниже, вдоль реки, над джунглями сверкали в солнечных лучах белоснежные верхушки городских крыш.

Еще два летательных аппарата — военные монопланы с высоко посаженными крыльями — застыли рядом со взлетной полосой. Винт вертолета постепенно замер, его лопасти повисли над головами четырех или пятерых штатских, нетвердой походкой выбирающихся из кабины. Уже с порога барака доктор Сандерс узнал шествующую через пропыленное поле облаченную в черное фигуру.

— Эдвард! — Луиза схватила его за руку. — Кто это там?

— Священник, Бальтус. — Сандерс обернулся к распахнувшему перед ним дверь сержанту. — Что он здесь делает?

Сержант немного помолчал, вглядываясь в Сандерса.

— Здесь его паства, доктор. У самого города. Мы же должны пропустить его, не так ли?

— Ну конечно.

Сандерс взял себя в руки. Собственная обостренная реакция на появление священника заставила его в полной мере осознать, насколько далеко он уже зашел в отождествлении себя с лесом. Он указал на людей в гражданском, которые еще приходили в себя после полета:

— А остальные?

— Эксперты по сельскому хозяйству. Они сегодня утром прибыли в Порт-Матарре самолетом.

— Похоже, масштабная операция. А вы, сержант, видели лес?

Сержант поднял руку:

— Капитан Радек вам все объяснит, доктор.

Он провел доктора Сандерса по коридору, затем открыл дверь в крохотную приемную и кивнул Луизе и Арагону:

— Мадемуазель... прошу, располагайтесь поудобнее. Я распоряжусь, чтобы всем принесли кофе.

— Но, сержант, я должна... — запротестовала было Луиза, но Сандерс положил руку ей на плечо:

— Луиза, подожди лучше здесь. Я выясню все, что смогу.

Арагон помахал Сандерсу рукой:

— Увидимся позже, доктор. Я пригляжу за вашими чемоданами.

* * *

Капитан Радек ждал доктора Сандерса у себя в кабинете. Он как военный врач явно был рад, что в округе появился еще один медик.

— Садитесь, доктор, очень рад вас видеть. Прежде всего, чтобы вас несколько успокоить, хочу сообщить, что инспекционная группа отправится на место через полчаса, и я договорился, что мы присоединимся к ней.

— Спасибо, капитан. А мадемуазель Пере? Она...

— Мне очень жаль, доктор, но это невозможно.— Радек оперся ладонями о металлический стол, словно надеясь таким образом обрести недостающую ему решимость. Высокий, хрупкого сложения мужчина с легкой растерянностью в глазах, он, похоже, очень хотел найти общий язык с Сандерсом, а обстоятельства не оставляли ему другого выхода, кроме как поступиться в завязывании дружбы обычной неспешностью.— Увы, сейчас мы не допускаем на территорию никого из журналистов. Это не мое решение, но уверен, что вы понимаете. Возможно, следует добавить, что кое о чем я не могу поставить вас в известность — о наших операциях в этом районе, о планах эвакуации и тому подобном,— но я буду, насколько смогу, откровенен. Сегодня утром сюда прямо из Либревиля прилетел профессор Татлин — сейчас он на наблюдательном посту,— и я уверен, что его заинтересует ваше мнение.

— Буду рад им поделиться,— сказал доктор Сандерс.— Вообще-то говоря, это не моя специальность.

Радек вяло взмахнул рукой, потом уронил ее обратно на стол. Спокойным голосом, полным уважения к возможным чувствам Сандерса, он произнес:

— Кто знает, доктор? Мне кажется, что происходящее тут имеет много общего с вашей специальностью. В извест-

ном смысле, одно есть теневая сторона другого. Я думаю о серебристых чешуйках лепры, давших болезни ее имя.— Он выпрямился.— Ну, а теперь скажите, вы уже видели какие-нибудь кристаллизовавшиеся предметы?

— Несколько цветов и листьев.— Сандерс решил не упоминать об утопленнике. Сколь бы откровенным и симпатичным ни казался молодой армейский врач, главным для Сандерса было добраться до джунглей. Если они заподозрят его даже в самой ничтожной причастности к смерти Матье, он, скорее всего, будет вовлечен в бесконечное военное расследование.— Местный рынок ими переполнен. Их продают как дикинины.

Радек кивнул:

— Это длится уже некоторое время — примерно год, на самом деле. Началось с дешевой бижутерии, потом в ход пошли резные фигурки и предметы культа. В последнее время здесь процветает настоящая контрабанда — местные жители проносят дешевые поделки в зону активности, оставляют их там на ночь и возвращаются за ними на следующий день утром. К несчастью, отдельные предметы, в частности ювелирные изделия, имеют тенденцию растворяться.

— От быстрого движения? — переспросил доктор Сандерс.— Я заметил это. Такое любопытное явление — истечение света. Обескураживающее кое для кого из владельцев этих предметов.

Радек улыбнулся:

— Для обычной бижутерии это не имеет особого значения, но кое-кто из местных шахтеров надумал поступать так же и с тайно вынесенными с разработок мелкими алмазами. Как вы знаете, в здешних алмазных копиях никогда не добывали драгоценных камней, и все, естественно, были удивлены, когда на рынке стали всплывать эти огромные экземпляры. Курс акций подскочил на парижской бирже до немыслимых высот. С этого все и началось. Разобраться, в чем дело, был послан человек, а кончил он свое расследование в реке.

— Не обошлось без крупных корпораций?

— И сейчас не обходится. Не мы одни пытаемся не допустить широкой огласки. Местные копи никогда не приносили особой прибыли... — Казалось, Радек готов был открыть какой-то секрет, но в этот момент передумал, быть может, заметив сдержанность Сандерса. — Ладно, думаю, можно вам сообщить — естественно, конфиденциально, — что эта область — не единственная на Земле. На данный момент в мире существует по крайней мере еще две: одна во Флориде, среди болот Эверглейдс, другая — в топях у реки Припяти, в Советском Союзе. Обе, естественно, интенсивно исследуются.

— Так объяснение этому явлению уже найдено? — спросил доктор Сандерс.

Радек покачал головой:

— Отнюдь. Советскую группу исследователей возглавляет Лысенко. Как вы можете догадаться, русские просто зря теряют время. Лысенко считает, что дело тут в ненаследственных мутациях и поскольку наблюдается явное увеличение массы тканей, то так можно повысить и урожайность зерновых. — Радек устало усмехнулся. — Хотел бы я посмотреть, как эти непрошибаемые русские попытаются прожевать кусочки стекла.

— А какова теория Татлина?

— В принципе, он согласен с американскими экспертами. Сегодня утром я разговаривал с ним прямо на месте. — Радек выдвинул ящик и бросил оттуда что-то через стол поближе к Сандерсу. Приглушенным светом засветилось нечто напоминающее кристаллизованный обрезок ремня. — Это кусок коры, который я обычно показываю посетителям.

Доктор Сандерс отпихнул его обратно:

— Благодарю, но прошлой ночью я видел спутник.

Радек задумчиво кивнул. Линейкой он сгреб кору обратно в ящик и задвинул его, откровенно радуясь, что может убрать экспонат с глаз долой. Потом соединил кончики пальцев.

— Спутник? Да, впечатляющее зрелище. У Венеры теперь два светила. Да разве только два... Похоже, что

астрономы в обсерватории Маунт Хаббл в Соединенных Штатах видели, как кристаллизуются далекие галактики!

Радек помолчал, с видимым усилием собираясь с духом.

— Татлин считает, что этот эффект Хаббла, как они его называют, ближе всего к раку — и, вероятно, столь же неизлечим: самое настоящее разрастание — но уже самой материи на субатомном уровне. Появляется набор смещенных в пространстве, но тождественных образов одного и того же предмета, как будто при преломлении через призму, только роль света исполняет здесь стихия времени.

В дверь постучали. Сержант просунул внутрь голову:

— Инспекционная группа готова отправиться, сэр.

— Хорошо. — Радек встал и снял с вешалки свою фуражку. — Посмотрим, доктор. Думаю, это произведет на вас впечатление.

Пятью минутами позже группа инспекторов, насчитывавшая с дюжину человек, начала размещаться на одном из десантных катеров. Отца Бальтуса среди них не было, и Сандерс решил, что он отправился в свою миссию наземным транспортом. Однако когда он спросил Радека, почему бы им не воспользоваться шоссе, капитан объяснил, что оно перекрыто. В ответ на просьбу Сандерса Радеку удалось при помощи полевого телефона связаться, правда не напрямую, с клиникой, где работали Сюзанна и Макс Клэр. Владелец соседней шахты, американец шведского происхождения по фамилии Торенсен сообщит им о прибытии Сандерса, и, если повезет, Макс встретит его, когда они причалят, прямо у пристани.

О местонахождении Андерсона Радек ничего не знал.

— Однако, — объяснил он перед отплытием Луизе, — мы и сами сталкиваемся с большими трудностями, когда речь заходит о фотографиях — кристаллы выглядят на снимках как влажный снег, поэтому в Париже до сих пор скептически относятся к происходящему. Так что вполне может быть, что он до сих пор шатается где-то поблизости, пытаясь отснять убедительные кадры.

Заняв свое место рядом с рулевым на носу катера, доктор Сандерс помахал рукой Луизе Пере, которая наблюдала за ним со сходней с другой стороны понтонного заграждения. Он пообещал вернуться за ней вместе с Максом сразу после посещения пораженной зоны, но Луиза все равно попыталась его остановить:

— Эдвард, подожди, когда я смогу отправиться вместе с тобой, — там слишком опасно...

— Дорогая, я в надежных руках — капитан присмотрит, чтобы все было в порядке.

— В этом нет ничего опасного, мадемуазель Пере, — заверил ее Радек. — Я доставлю его назад.

— Не в этом дело... — Она торопливо обняла Сандерса и отступила назад, где Арагон, сидя в своей моторке, беседовал с двумя солдатами.

Заграждение, казалось, служило границей между двумя участками леса, той точкой, миновав которую они вступали в мир, где обычные законы материального мира уже не действовали. Все в катере ощущали какую-то подавленность; и официальные лица, и французские эксперты сгрудились на корме, словно стараясь быть как можно дальше от того, что ждет их впереди.

Минут десять они спокойно скользили по реке между двумя зелеными стенами леса. Навстречу им попался конвой баркасов во главе с десантным судном. Все они были битком набиты грузом, их палубы, крыши надстроек завалены всевозможными пожитками и утварью, детскими колясками и матрасами, стиральными машинами и кипами белья, так что их борта лишь на несколько дюймов возвышались над водой. Прямо на поклаже с торжественно-мрачными лицами восседали, водрузив к себе на колени баулы, французские и бельгийские детишки. Проплывая мимо, их родители без малейшего выражения разглядывали Сандерса и его спутников.

Тяжело покачиваясь на расходящихся по воде волнах, проплыла последняя из буксируемых лодок. Сандерс обернулся ей вслед.

— Вы эвакуируете весь город? — спросил он Радека.

— Когда мы пришли, он был уже наполовину пуст. Зона все время перемещается, там слишком опасно оставаться.

Пока они огибали очередную излучину на подступах к Монт-Ройялю, река стала шире, а поверхность вод окрасилась розоватым цветом, словно в ней отражался далекий закат или зарево какого-то беззвучного пожарища. Небо, однако, по-прежнему хранило свою нежную, прозрачную голубизну, на нем не было ни единого облачка. Они проплыли под низко нависшим мостом, за которым река превращалась в большой, шириной едва ли не в четверть мили, плес.

От изумления у всех на катере перехватило дыхание, и все, как один, невольно вытянули шеи, уставившись на полосу джунглей напротив белых фасадов городских зданий. Склонившиеся над водой деревья, казалось, источали из себя мириады сверкающих призм, будто зачехляющих их стволы и ветви полосами желтого и карминного света, который, как кровь, растекался вокруг по поверхности воды; создавалось впечатление, что вся сцена воспроизведена с использованием особых киноэффектов. Насколько хватало глаз, противоположный берег сверкал, как затянутый легкой дымкой калейдоскоп, переливающиеся цветные полосы превращали джунгли в совершенно непролазную чащобу: даже взгляд не мог проникнуть в глубь ее больше чем на несколько футов.

С ясного и неподвижного неба на этот завораживающий взгляд берег непрерывно изливалось солнечное сияние, но поверхность воды то и дело покрывалась рябью от пробегающего ветерка, и тогда вся картина взрывалась фейерверком цвета, от которого рябил сам воздух вокруг них. Затем буря стихала, и вновь проступали силуэты отдельных деревьев, каждое в лучезарных доспехах, с листвою, покрытой переливающимися самоцветами.

В полном изумлении, как и все остальные на судне, доктор Сандерс не отрывал взгляда от этого зрелища, вцепившись обеими руками в поручни перед собой. Хрустальный свет покрывал пятнами его лицо и одежду, преобразя блеклую ткань в сверкающий палимпсест цветов.

Судно по широкой дуге направлялось к набережной, где на баркасы грузили какое-то оборудование, и прошло всего в каких-нибудь двадцати ярдах от деревьев; перечеркнувшие одежду пассажиров штрихи разноцветных лучей превратили их на миг в арлекинов. За этим последовал взрыв смеха, но веселья в нем было мало, скорее некоторое облегчение. Потом сразу несколько рук указали на поверхность воды: стало видно, что тот же процесс затронул не только растительность.

На два-три ярда от берега выступали длинные осколки будто бы кристаллизовавшейся воды, их остроугольные грани, омываемые поднятой судном волной, испускали голубое или радужное свечение. Осколки эти росли в воде, словно кристаллы в химическом растворе, наращивая на себе все новое и новое вещество, так что вдоль всего берега протянулась, напоминая зазубрины рифа, сплошная масса ромбовидных лезвий, достаточно острых, чтобы распороть корпус их судна.

На катере поднялся гвалт, каждый стремился поделиться своими гипотезами, молчали только Сандерс и Радек. Капитан вглядывался в нависающие сверху инкрустированные прозрачными решетками деревья, от которых солнечный свет отражался многоцветными радугами. Без сомнения, каждое дерево оставалось живым, его ветви и листья переполняли соки. Доктор Сандерс размышлял о письме Сюзанны Клэр. Она написала: «Лес — просто сокровищница». Он вдруг почувствовал, что ему почему-то не столь уж важно найти какое-либо «научное» объяснение увиденному явлению. Красота этого зрелища повернула ключ памяти, и тысячи образов детства, о которых он не вспоминал почти сорок лет, нахлынули на него, воскрешая райское очарование мира, в котором все, казалось, расцвечено радужным светом, так хорошо описанным Вордсвортом в его воспоминаниях о детстве. Как та быстротечная весна, сверкал, казалось, перед ними волшебный берег.

— Доктор Сандерс.— Радек коснулся его рукава.— Пора идти.

— Да-да,— Сандерс постарался взять себя в руки. По сходящим на берег уже спускались первые пассажиры.

Проходя назад между сиденьями, доктор Сандерс вдруг в изумлении замер, указав рукой на сошедшего уже на берег бородатого мужчину в белом костюме.

— Вон он! Вентресс!

— Да, доктор? — Радек нагнал его и заботливо всматривался в глаза Сандерса, словно догадываясь о вызванном лесом шоке. — Вам не по себе?

— Да нет, дело не в этом. Я... мне показалось, что я кое-кого узнал. — Он смотрел, как Вентресс прошел мимо экспертов и зашагал прочь по набережной, напряженно неся на плечах свою костистую голову. Костюм его все еще был испещрен неяркими пятнами, словно лесной свет заразил саму ткань и вызвал в ней тот же процесс. Не оглядываясь назад, он шагнул в проход между двух складов и тут же затерялся среди мешков с какао.

Сандерс смотрел ему вслед, сомневаясь, в самом ли деле он видел Вентресса — или же облаченная в белое фигура была своего рода наваждением, насланным радужным лесом. Казалось невозможным, чтобы Вентресс умудрился пробраться на борт судна, пусть даже прикинувшись одним из экспертов по сельскому хозяйству, хотя Сандерс и был столь поглощен перспективой впервые увидеть загадочную зону, что не удосужился присмотреться к своим попутчикам.

— Вы хотите передохнуть, доктор? — спросил Радек. — Мы можем чуть задержаться.

— Как вам угодно...

Они остановились у одного из металлических кнехтов. Сандерс присел на него, все еще размышляя о неуловимо ускользающей фигуре Вентресса и его истинной сути. Вновь он ощутил чувство замешательства, порожденное странным освещением в Порт-Матарре, смятение, некоторым образом символизируемое Вентрессом с его костистым, напоминающим череп лицом. И однако, сколь бы полно, казалось, не отражал Вентресс удивительный полумрак города, Сандерс был уверен, что именно здесь,

в Монт-Ройяле, этот облаченный в белое человечек найдет себя.

— Капитан... — Не думая, о чем говорит, Сандерс продолжал: — Радек, я был с вами не до конца откровенен...

— Доктор? — Радек не отрывал глаз от Сандерса. Он кивнул, будто догадавшись, что именно тот скажет.

— Поймите меня правильно.— Сандерс указал на сверкающий из-за реки лес.— Я рад, что вы здесь, Радек. Раньше я думал только о себе. Нужно было оставить Форт-Изабель...

— Я понимаю вас, доктор.— Радек коснулся его руки.— Нам пора, а то мы отстанем от остальных.— И, пока они шли вдоль по пирсу, он добавил своим негромким голосом: — Вне этого леса все кажется поляризованным, не так ли, разделенным на черное и белое? Подождите, пока не доберетесь до деревьев, доктор,— там, возможно, вы ощутите единство того и другого.

Крушение

Их компанию разделили на несколько меньших групп и к каждой приставили по паре сержантов. Они прошли мимо небольшой очереди из легковых автомобилей и грузовиков, на которых последние остававшиеся в городе европейцы подвозили свои пожитки к пристани. Семьи французских и бельгийских горных инженеров терпеливо дожидались своей очереди, подчиняясь регулировщикам из военной полиции. Улицы Монт-Ройяля выглядели совсем пустынными, похоже было, что все местное население давным-давно покинуло город. Пустые дома отгородились от солнечных лучей закрытыми ставнями, и только солдаты расхаживали взад-вперед мимо закрытых банков и магазинов. Забитые брошенными автомобилями боковые улочки лишней раз подтверждали, что единственным путем для бегства из города оставалась река.

Когда они подходили к контрольно-пропускному пункту, в двухстах метрах слева от которого сверкали джунгли, на улицу вывернул громоздкий «крайслер» с помятым крылом и резко затормозил прямо перед ними. Из него вылез высокий светловолосый мужчина в расстегнутом синем двубортном костюме. Он узнал Радека и помахал ему рукой.

— Это Торенсен, — объяснил Радек. — Один из владельцев копей. Похоже, он не сумел связаться с вашими друзьями. Впрочем, у него могут быть какие-нибудь известия от них.

Опершись одной рукой о крышу своей машины, верзила обшаривал взглядом крыши соседних домов. Воротник его белой рубашки был расстегнут, и он со скучающим видом почесывал себе шею. Несмотря на его атлетическое телосложение, в длинном мясистом лице Торенсена ощущалось нечто безвольное и эгоистическое.

— Радек! — закричал он. — У меня времени в обрез! Это Сандерс? — Он резко вздернул голову в сторону доктора, потом кивнул ему. — Послушайте, я до них добрался — они в госпитале при миссии неподалеку от старого отеля «Бурбон» и собирались подойти сюда. Но минут десять назад он позвонил, что его жена куда-то запропастилась и он должен отыскать ее.

— Куда-то запропастилась? — повторил доктор Сандерс. — Что это значит?

— Откуда мне знать? — Торенсен забрался обратно в машину, втиснув на сиденье свое крупное тело, будто мешок с мукой. — Но в любом случае он сказал, что будет здесь ровно в шесть. О'кей, Радек?

— Спасибо, Торенсен. Мы подойдем.

Кивнув, Торенсен дал задний ход и, подняв тучу пыли, развернул машину. Резко газанув, он умчался прочь, чуть не сбив проходившего мимо солдата.

— Да, твердый орешек, прямо-таки необработанный алмаз, — прокомментировал Сандерс. — Если здесь уместно это выражение. Вы думаете, он и в самом деле добрался до Клэров?

Радек пожал плечами:

— Скорее всего. Он не очень-то заслуживает доверия, но зато кое-чем мне обязан — я помог ему с лекарствами. Трудный человек, всегда ведет какую-то свою игру. Но нам он полезен. Остальные шахтовладельцы давно уже уехали, но Торенсен все еще тут, а при нем большой катер.

Сандерс оглянулся, вспоминая нападение на Вентресса в гавани Порт-Матарре.

— Большой прогулочный катер? С декоративной пушкой?

— Декоративной? Нет, на Торенсена это не похоже. — Радек рассмеялся. — Я что-то не могу припомнить его катер. А почему вы спросили?

— Мне показалось, что я видел его раньше. А что нам делать дальше?

— Ничего. До отеля «Бурбон» отсюда почти три мили — это такая старая развалина. Если мы отправимся туда, то, чего доброго, можем не успеть вовремя вернуться.

— Странно... Сюзанна Клэр вдруг куда-то делась.

— Может, ей надо было навестить пациента. Вы думаете, это как-то связано с вашим приездом сюда?

— Надеюсь, что нет... — Сандерс застегнул пиджак. — Мы ведь вполне можем до прихода Макса осмотреть лес.

Следуя на некотором расстоянии за инспекционной группой, они свернули в один из переулков. Постепенно они приближались к лесу, возвышавшемуся по обе стороны от дороги всего в четверти мили от них. Растительность тут была довольно скудной, кое-где из песчаной почвы торчали островки травы. Здесь, на полпути к лесу, на автоприцепе соорудили передвижную лабораторию; вокруг бродил чуть ли не взвод солдат, они подбирали лесной мусор, срубали с деревьев мелкие сучки и ветки и складывали их, словно осколки витражей, на расставленные в ряд складные столики. С востока по периметру город окружал сплошной лесной массив, перерезая шоссе на Порт-Матарре и далее на юг.

Группами по двое и по трое они пересекли опушку леса и углубились в заросли обледеневших папоротников,

росших на крошащейся под ногами почве. Песчаная ее поверхность казалась непривычно твердой, словно подвергшейся обжигу, из свежезапекшейся корочки торчали шипы сплавившегося песка.

В нескольких шагах от автофургона два механика крутили в центрифуге охапку покрытых сверкающей коркой ветвей. Вокруг растекалось непрерывное свечение, это осколки отраженного света вылетали из вращающегося резервуара, чтобы тут же раствориться в воздухе. И солдаты, и прибывшие официальные лица, бродившие по огороженному для исследований участку, как один, обернулись, чтобы посмотреть на результат. Когда центрифуга остановилась, механики заглянули в резервуар; там, лишившись своего обрамления, лежала охапка поникших ветвей, их побелевшие листья уныло налипли на металлическое дно. Вместо комментария один из ассистентов показал Сандерсу и Радеку установленный внизу специальный сосуд для сбора выделяющейся жидкости. Сосуд был пуст.

Ярдах в двадцати от леса к взлету готовился вертолет. Тяжелые лопасти его винта вращались, словно слегка изогнутые книзу лезвия, исторгая из потревоженной растительности вспышки света. Резко накренившись, вертолет тяжело поднялся в воздух и, раскачиваясь из стороны в сторону, пополз наискосок над лесной крышей; его лопасти взбивали воздух, чтобы обрести в нем надежную опору. Солдаты, как и вновь прибывшие, замерев на месте, следили за яркими вспышками света, срывающимися с его винта, словно огни святого Эльма. Затем с оглушительным грохотом, напоминающим рев раненого животного, он плавно скользнул назад и нырнул хвостом вниз к раскинувшемуся в сотне футов под ним пологу леса; в кабине отчетливо были видны оба пилота, вцепившиеся в ручки управления. Взыли сирены припаркованных вокруг обследуемого пятачка штабных машин, и, не сговариваясь, все дружно бросились к лесу, как только вертолет скрылся из виду.

Они еще бежали по дороге, когда доктор Сандерс почувствовал, как земля под ногами дрогнула от удара.

Из-за деревьев волнами накатил свет. Дорога вела прямо к месту крушения, по обеим сторонам от нее неясно вырисовывались дома, к которым вели подъездные аллеи.

— Лопасты превратились в кристаллы, пока он стоял рядом с деревьями! — крикнул Радек, когда они перелезали через ограду. — Вы же видели, как кристаллы тают. Лишь бы с пилотами все было в порядке!

Дорогу им преградил сержант, он оттеснил было назад Сандерса и остальных гражданских лиц, толпящихся у заграждения. Радек крикнул что-то сержанту, и тот пропустил Сандерса, а затем отрядил и часть своих людей. Солдаты бежали перед Радеком и доктором Сандерсом, через каждые двадцать ярдов они останавливались и пытались разглядеть что-либо между деревьями.

* * *

Скоро они очутились уже в самом лесу, вступили в зачарованный мир. Вокруг с кристаллических деревьев свисали космы стеклянного мха. Заметно похолодало, словно повсюду все сковало льдом, но сквозь раскинувшийся над головой полог леса беспрерывно накатывали волны света.

Здесь процесс кристаллизации зашел еще дальше. Заграждение вдоль дороги покрылось мощной коркой, которая превратила его в сплошной частокол, покрытый с обеих сторон шестидюймовым слоем белого инея. Одинокие дома сверкали среди деревьев, словно свадебные торты, а их белые крыши и дымовые трубы превратились в экзотические минареты и барочные купола. На лужайке, оштетинившейся остриями зеленого стекла, сверкал, словно работа Фаберже, детский трехколесный велосипед, его колеса превратились в сверкающие яшмовые короны.

Спины солдат все еще маячили впереди Сандерса, но Радек отстал, прихрамывая и то и дело останавливаясь, чтобы ощупать подошвы своих ботинок. Теперь Сандерсу стало ясно, почему была закрыта дорога на Порт-Матарре. Полотно шоссе превратилось попросту в ковер из стеклянных и кварцевых иголок пяти-шести дюймов высотой,

в которых отражались испускаемые листвою цветные лучи света. Шпоры впились в башмаки Сандерса, вынуждая его кое-как ковылять по обочине.

— Сандерс! Вернитесь, доктор! — До Сандерса, словно слабое эхо в подземной пещере, донеслись отзвуки слов Радека, но спотыкающийся доктор не свернул с дороги, следуя замысловатым узорам, которые, вращаясь, разворачивались у него над головой, словно мандалы из драгоценных камней.

Позади него взревел мотор, и мимо промчался «крайслер» Торенсена; тяжелые покрышки крушили кристаллы, облепившие поверхность. Обогнав доктора ярдов на двадцать, автомобиль, покачнувшись, остановился, мотор тут же замолк, и Торенсен выскочил наружу. Крикнув, он махнул Сандерсу рукой, чтобы тот возвращался назад — по туннелю из желтого и малинового света, в который превратил шоссе полог леса у него над головой.

— Назад! Идет вторая волна! — Дико оглянувшись по сторонам, словно в поисках кого-то, Торенсен припустил бегом за солдатами.

Сандерс остался рядом с машиной. Лес ощутимо менялся, словно на него опускались сумерки. Панцирь, сковавший деревья и другую растительность, потускнел, потерял прозрачность. Хрустальный пол под ногами стал матовым и ощерился зубьями, которые на глазах превращались в базальтовые ножи. Исчезли сверкающие доспехи из цветного света, и на деревья надвигалось тусклое янтарное сияние, затеняющее усеянный блестками пол. Одновременно стало быстро холодать. Оставив автомобиль, Сандерс начал было пробираться по дороге назад (Радек по-прежнему что-то беззвучно кричал ему), но стылый воздух преградил путь, словно замороженная стена. Подняв воротник своего тропического костюма, Сандерс отступил к машине, подумывая, не укрыться ли внутри нее. Мороз крепчал, у доктора начало неметь лицо, руки казались хрупкими и бесплотными. Откуда-то донесся приглушенный крик Торенсена, мелькнула тень солдата, бегущего со всех ног между закованных в серый лед деревьев.

Справа от дороги на лес напознала тьма, скрывая за собой силуэты деревьев, затем она внезапно переметнулась через шоссе. Острая боль пронзила глаза Сандерса, и он смахнул наросшие на глазных яблоках кристаллики льда. Когда зрение прояснилось, он увидел, что все вокруг него покрывает ускоряющий процесс кристаллизации густой слой инея. Острия на шоссе достигали в высоту уже более фута, напоминая собой иглы гигантского дикобраза, а сетка мха между деревьями стала более частой и менее прозрачной, так что стволы, казалось, съжились в пятинистые нити. Листья деревьев сливались в сплошную мозаику.

Окна машины облепил толстый слой изморози. Сандерс взялся было за дверную ручку, но жуткий холод обжег его пальцы.

— Эй вы! Скорее! Сюда!

Голос, подхваченный эхом, доносился с подъезда к одному из домов у него за спиной. Оглянувшись в сгущающейся мгле, Сандерс разглядел массивную фигуру Торенсена, тот махал ему рукой с крыльца соседнего особняка. Казалось, что лужайка между ними относится к другой, менее мрачной зоне; трава сохранила здесь свою яркость и блеск, словно там оказался некий анклав, что-то вроде ока тайфуна.

Сандерс бросился по дороге к дому. Воздух здесь явно был градусов на десять теплее. Добравшись до крыльца, он поискал глазами Торенсена, но шахтовладелец опять умчался в лес. Не решившись последовать за ним, Сандерс наблюдал, как приближающаяся стена мглы медленно пересекает лужайку, как ее пелена окутывает сверкающую над головой листву. На главной дороге «крайслер» уже оброс толстой коркой кристаллов, а его ветровое стекло расцвело тысячью хрустальных геральдических лилий.

В спешке обогнув дом, поскольку безопасная зона двигалась через лес, Сандерс пересек остатки заброшенного огорода, где доходившие ему до пояса растения из зеленого стекла вздымались вокруг, словно изысканнейшие скульптуры. Выжидая, пока застывшая на месте зона

снова начнет свое перемещение, он пытался остаться в самом ее центре.

Весь следующий час он, спотыкаясь, брел через лес, не имея ни малейшего представления о направлении, шаркаясь из стороны в сторону от преграждавшей ему путь стены. Сандерс вступил в бесконечное подземелье, где самоцветные скалы смутно проступали сквозь призрачный мрак, словно огромные морские растения, а трава разбрызгивала белые фонтаны. Раз за разом он переходил дорогу. Острия доходили уже почти до пояса, и ему приходилось перебираться через их хрупкие стержни.

Однажды, когда он прислонился, чтобы передохнуть, к раздвоенному стволу векового дуба, с ветки у него над головой вдруг сорвалась огромная разноцветная птица и, зловеще крича, улетела прочь в ореоле света, каскадами изливавшегося из ее красно-желтых крыльев.

Наконец буря улеглась, и сквозь витраж лесного пола просочился бледный свет. Лес снова наполнился радугами, вокруг Сандерса разгорелось насыщенное, переливчатое сияние. Он шел по узкой дороге, которая, петляя, устремлялась к большому, колониального стиля, особенно, венчавшему собой на манер барочного павильона невысокий холм в самом центре леса. Преображенное морозом здание казалось нетронутым фрагментом Версаля или Фонтенбло, его пилястры и фризы сбегали с широкой крыши, словно застывшие потоки воды.

Дорога сузилась, огибая ведущий к дому склон, но ее спекшаяся корка, словно наст из полуоплавленного кварца, являла собой более заманчивую поверхность, нежели хрустальные зубья лужайки. Ярдов через пятьдесят доктор Сандерс наткнулся на усыпанную драгоценными камнями гребную лодку, накрепко засевшую в полотне дороги; цепью из лазури она была пришвартована к обочине. Он понял, что идет по небольшому притоку реки и что под настом все еще бежит маленький ручеек. Из-за этого движения поверхность и оставалась здесь гладкой, без напоминавших шпоры шипов, сплошь покрывших лесную подстилку.

Пока он стоял рядом с лодкой, ощупывая кристаллы на ее бортах, к нему, пошатываясь, двинулась по насту огромная четвероногая тварь, наполовину вмурованная в землю; куски решетки из кристаллов свисали с ее головы и шеи, подрагивая, словно прозрачная кираса. Ее челюсти безмолвно заглатывали воздух, она изо всех сил перемещала свои скрюченные ноги, но так и не смогла продвинуться дальше нескольких дюймов от запечатлевшей абрис ее тела полыньи, в которую теперь стекала тонкая струйка воды. Окутанный сверкающим светом, истекающим из его собственного тела, крокодил напоминал сказочное геральдическое животное. Его слепые глаза превратились в огромные кристаллы рубина. Когда крокодил вновь потянулся к нему, доктор Сандерс ударил его по морде — и во все стороны разлетелись сковавшие пасть чудища влажные самоцветы.

Оставив крокодила вновь застывать, доктор Сандерс выбрался на берег и захромал прямо через лужайку к дому, сказочные башни которого смутно проступали над деревьями. Хотя доктор едва переводил дух и был на грани изнеможения, у него возникло какое-то странное предчувствие надежды и чаяний, словно он, как какой-то заблудший Адам, случайно наткнулся на забытые врата в запретный рай.

Из одного из верхних окон за ним наблюдал бородатый мужчина в белом костюме; ружье в его руках смотрело прямо Сандерсу в грудь.

II ОЗАРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Зеркала и убийцы

Спустя два месяца, описывая события той поры в письме к доктору Полю Дерену, директору госпиталя для больных проказой в Форт-Изабель, Сандерс писал:

...но более всего изумило меня, Поль, до какой степени я был готов к преображению леса — ко всем этим кристаллическим деревьям, развешенным словно иконы в пронизанных светом пещерах, к драгоценному узорочью листвы в витражных створках окон, сливающихся над головой в единую призматическую решетку, сквозь которую тысячью радуг сверкает солнце, к застывшим в гротескных позах птицам и крокодилам, напоминающим вырезанных из нефрита или кварца геральдических животных, — в самом деле впечатляющим оказалось, до какой степени я принял все эти чудеса, включив их в естественный порядок вещей как часть структуры мироздания. По правде говоря, поначалу я был ошарашен, как и всякий, кто впервые поднимается по Матарре до самого Монт-Ройяля, но после первого шока, вызванного лесом, изумления в первую очередь визуального, я очень быстро постиг суть явления, осознав, что все опасности являлись лишь ничтожной ценой, которую следовало заплатить за тот свет,

которым он озарил мою жизнь. В самом деле, по контрасту все вне леса казалось мутным и вязким, выцветшим отражением этого блестящего образа, сомкнувшимся в серую сумеречную зону, напоминающую заброшенное чистилище.

Все это, дорогой Поль, само отсутствие истинного изумления, подтверждает мою убежденность, что этот иллюминированный лес каким-то образом отражает некий более ранний период нашей жизни, быть может, наши врожденные архаические воспоминания о некоем рае наших предков, в котором единство пространства и времени было запечатлено в каждом листике или цветке. Теперь уже всякому ясно, что жизнь и смерть означают в этом лесу отнюдь не то же самое, что в нашем обыденном, обделенном сиянием мире. Здесь мы всегда связывали движение с жизнью и течением времени, но из пережитого в лесу у Монт-Ройяля я вынес, что любое движение неотвратимо ведет к смерти, а время — ее слуга.

Быть может, единственным нашим достижением в роли венца творения явилось то, что мы привнесли с собой разделение пространства и времени. Мы и только мы наделили каждое из них независимым значением, своей собственной, не приложимой больше ни к чему меркой, и эти мерки нынче сковывают и ограничивают нас, словно длина и ширина гроба. Вновь слить их воедино — вот величайшая цель естественных наук, как мы с вами, Поль, могли убедиться в нашем совместном изучении вирусов в их полуорганическом, кристаллическом существовании. Они наполовину, только наполовину погружены в наш временной поток, словно пересекают его под углом... Частенько мне приходит в голову, что, исследуя под микроскопом у себя в госпитале ткани больных проказой бедолаг, мы смотрели на миниатюрную версию того самого мира, с которым мне суждено было столкнуться позже на поросших лесом склонах неподалеку от Монт-Ройяля.

Однако все наши усилия уже запоздали. Сейчас, когда я пишу вам в пустоте и покое отеля «Европа» в Порт-Маттарре, у меня перед глазами лежит заметка в номере «Пари-Суар» двухнедельной давности (Луиза Пере, моло-

дая француженка, с которой я здесь нахожусь, изо всех сил стараясь угодить переменчивым капризам вашего бывшего помощника, целую неделю прятала от меня этот номер газеты), где сообщается, что весь полуостров Флорида в Соединенных Штатах — за исключением единственной магистрали на Тампу — закрыт и что на сегодняшний день около трех миллионов жителей штата переселено в другие районы страны.

Но помимо ожидаемого снижения цен на недвижимость и сокращения гостиничных доходов («О, Майами, — невольно повторяю я, — о, город тысячи соборов, встречающих под радугою солнце»), новости об этой необыкновенной миграции людей не повлекли за собой особых комментариев. Таков уж присущий роду людскому оптимизм, наша убежденность, что мы сможем пережить любой потоп или катастрофу, и большинство из нас, пожав разве что плечами, бессознательно отвернулось от важнейших событий во Флориде, пребывая в полной уверенности, что когда наступит кризис, найдутся и пути его урегулирования.

И однако, Польша, теперь уже кажется очевидным, что истинный кризис давно позади. На последней странице того же выпуска «Пари-Суар» запрятана крохотная заметка об открытии сотрудниками обсерватории Института Хаббла в Маунт-Паломар новой «двойной галактики». Новость, лишенная всяких комментариев, уместилась в каком-то десятке строк, хотя из нее с неизбежностью следует, что где-то на поверхности Земли возникла еще одна зона — быть может, среди рассеянных по джунглям храмов Камбоджи, а может — среди населенных призраками лесов чилийских плоскогорий. А ведь всего год тому назад астрономы Маунт-Паломар выявили первую двойную галактику в созвездии Андромеды, большую приплюснутую диадему, которая, возможно, является прекраснейшим объектом во всей физической Вселенной, островную галактику М 31. Вне всякого сомнения, эти редкие видоизменения, разбросанные по миру, не что иное, как отражение далеких космических процессов огромного масштаба и размаха, впервые замеченных в спиральной туманности Андромеды.

Мы теперь знаем, что причину этих видоизменений следует искать в структуре времени. («Прикосновение времени — будто прикосновение Мидаса», — говорил Вентресс.) Недавнее открытие антиматерии неминуемо предполагает существование антивремени как четвертого измерения отрицательного континуума. При встрече частицы и античастицы разрушаются не только их физические сущности, уничтожают друг друга и их противоположные временные величины, лишая Вселенную еще одного кванта из ее общего запаса времени. Именно случайные разряды подобного типа, вызванные к жизни возникновением в пространстве антигалактик, и привели к истощению временного запаса, находящегося в нашей собственной Солнечной системе.

Точно так же, как перенасыщенный раствор извергает из себя кристаллическую массу, так и перенасыщение материей в нашем континууме ведет к ее проявлению в параллельной пространственной матрице. По мере того как все больше времени «просачивается» прочь, продолжается процесс перенасыщения, в котором исходные атомы и молекулы производят пространственные повторения самих себя, субстанцию без массы, стараясь «закрепить» свое существование. Теоретически процесс этот бесконечен, и может статься, что в конечном счете какой-то один атом сумеет произвести бесконечный ряд своих повторений и наполнить таким образом собой всю Вселенную, из которой одновременно «истечет» все время, и наступит окончательный макрокосмический нуль, который не снился в самых безумных снах ни Платону, ни Демокриту.

В скобках: читая все это у меня через плечо, Луиза комментирует, что я, возможно, дезориентирую Вас, Поль, преуменьшая те опасности, которые все мы пережили в хрустальном лесу. Ну конечно же, тогда они были как нельзя более реальны, свидетельством чему служат многие трагические смерти, да к тому же в тот первый день, когда я заблудился, я ничего не смыслил во всех этих материях, все мои познания ограничивались тем, что в своей двусмысленной и бессвязной манере поведал мне Вентресс. Но даже и тогда, когда я уходил от этого рас-

цветенного самоцветами крокодила прямым к наблюдающему за мной из окна мужчине в белом костюме, ружье в руках которого смотрело прямо мне в грудь...

Откинувшись на когда-то мягкую спинку одного из расшитых кристаллами просторных диванов в расположенной наверху спальне, доктор Сандерс отдыхал после своей гонки через лес. Взбираясь по лестнице, он поскользнулся на одной из покрытых кристаллами ступенек, и тут же у него перехватило дыхание. Замерев на верхней площадке лестницы, Вентресс наблюдал, как он поднимается на ноги, как рассыпаются у него под руками кристаллические плитки. Лицо Вентреса, туго натянутую кожу которого теперь испещряли пятна, напоминавшие по цвету вены, абсолютно ничего не выражало. В его устремленных вниз глазах не промелькнуло ни искорки сочувствия, когда Сандерс, пытаясь сохранить равновесие, хватался за перила. Дождавшись, когда доктор наконец добрался до лестничной площадки, Вентресс скупым жестом указал ему на пол, а сам вновь занял позицию у окна, расчистив прикладом начавшие было зарастать разбитые оконные стекла.

Доктор Сандерс стряхнул с одежды наросты инея, чертыхаясь, когда ему в руки, словно иглы, втыкались кристаллические занозы. Воздух в доме был холодным и неподвижным, но по мере того, как буря отступала, пересекая лес, процесс кристаллизации потихоньку шел на убыль. В этой комнате с высоченными потолками мороз преобразил буквально все. Создавалось впечатление, что зеркальные стекла в нескольких окнах рухнули на ковер, каким-то чудом расплавились и потом затвердели, и изысканные узоры персидских орнаментов проплывали под поверхностью стекла, словно дно какого-то благоухающего пруда из «Тысячи и одной ночи». Мебель покрывал все тот же стильный чехол, ножки и подлокотники выстроившихся вдоль стен кресел с прямыми спинками оказались изукрашены изысканными завитушками и гирляндами. Предметы в стиле Людовика XV походили на огромные осколки переличатых леденцов, многократные отражения которых, как гигантские химеры, сверкали в граненом стекле стен.

Через противоположный дверной проем доктору Сандерсу была видна крохотная гардеробная. По всей видимости, он находился в главной спальне официальной резиденции, предназначенной для посещающих Монт-Ройаль высокопоставленных правительственных лиц или президентов горнодобывающих компаний. Комната, хотя и обставленная с большим изыском — вся мебель, казалось, сошла прямо со страниц каталогов больших универмагов Парижа и Лондона, — была лишена всякого отпечатка личности своего владельца. По какой-то причине широкая двуспальная кровать — с пологом на четырех столбиках, как догадался по пятну на потолке Сандерс, — из спальни исчезла, а всю остальную мебель Вентресс оттащил в одну сторону. Сам он по-прежнему маячил у открытого окна, глядя вниз на ручей, в котором были замурованы лодка из самоцветов и крокодил, и узенькая бородака придавала ему лихорадочный и затравленный вид. Согнувшись в три погибели над своим ружьем, он придвинулся поближе к окну, не обращая внимания на сброшенные им при этом с тяжелых парчовых занавесей куски кристаллического чехла.

Сандерс привстал, но Вентресс махнул в его сторону рукой:

— Отдыхайте, доктор. Мы здесь немного задержимся. — Его голос звучал жестче, иронические нотки, придававшие речи некоторый глянец, теперь исчезли. Он отвел взгляд от ствола своего ружья. — Когда вы в последний раз видели Торенсена?

— Владельца копей? — Сандерс показал в окно. — После того как мы бросились на поиски вертолета. Вы его ищите?

— В некотором роде. И что он делал?

Доктор Сандерс поднял воротник своей куртки, стряхнув покрывавшие ткань тонкие иглы инея.

— Он, заблудившись, как и все мы, носился кругами.

— Заблудившись? — Вентресс насмешливо фыркнул. — Этот тип хитер как лис! Он знает каждую лошину и щель в этом лесу как свои пять пальцев.

Сандерс встал и направился к окну, но Вентресс нетерпеливо отмахнулся от него:

— Держитесь-ка подальше от окна, доктор.— С внезапным проблеском былой иронии он добавил: — Пока я еще не собираюсь использовать вас в качестве подсадной утки.

Не обращая внимания на предупреждение, Сандерс выглянул наружу. словно следы шагов по покрытой росой траве, искрящуюся поверхность лужайки пересекали темные отпечатки его подошв, постепенно в процессе кристаллизации сливающиеся с бледно-зеленой поверхностью склона. Хотя основная волна уже миновала, лес все еще продолжал стекленеть. Абсолютная тишина окаменевших деревьев, казалось, доказывала, что пораженное пространство увеличилось во много раз. Повсюду, насколько хватало глаз, царил стылый покой, словно они с Вентрессом затерялись где-то в пещерах громадного ледника. Подчеркивая близость солнца, везде сверкала одна и та же лучезарная корона. Лес превратился в бесконечный лабиринт стеклянных пещер, герметически отгороженный от остального мира и освещаемый подземными светильниками.

Вентресс на миг расслабился. Задрав одну ногу на подоконник, он критически оглядел Сандерса.

— Неблизкий путь, доктор, но его стоило пройти, не так ли?

Сандерс пожал плечами:

— Как бы там ни было, для меня его конец еще не настал: мне надо разыскать своих друзей. Тем не менее я с вами согласен — это потрясающий опыт. В этом лесу есть нечто чуть ли не омолаживающее. Вам не кажется...

— Конечно, доктор.

Вентресс повернулся обратно к окну, махнув рукой, чтобы Сандерс замолчал. На плечах его костюма неярко многоцветным палимпсестом переливался иней. Он общался взглядом хрустальную растительность вдоль ручья. После паузы он сказал:

— Дорогой мой Сандерс, позвольте вас уверить, не только вы чувствуете это.

— Вы уже бывали здесь? — спросил Сандерс.

— Вы подразумеваете эффект *déjà vu*? — Вентресс огляделся по сторонам, борода скрадывала мелкие черты его лица. Доктор Сандерс заколебался.

— Нет, в прямом смысле,— сказал он.

Вентресс не обратил на это внимания.

— Все мы бывали здесь, доктор, как вскорости поймет каждый,— если только на это хватит *времени*.— Последнее слово он произнес с особой, свойственной только ему тягучей интонацией, напоминающей похоронный звон колокола. Вентресс вслушался, как замирают последние отзвуки его голоса — отражаясь от хрустальных стен, словно затихающий реквием.— Но при этом я чувствую, что как раз оно-то у нас всех и иссякает, доктор,— вы не согласны?

Доктор Сандерс пытался растереть свои руки, чтобы вдохнуть в них хоть каплю тепла. Пальцы казались хрупкими и бесплотными, и он невольно оглянулся на пустой камин, раздумывая, снабжена ли дымоходом эта ниша, витиевато украшенная с обеих сторон большущими золочеными дельфинами. И все же, несмотря на морозный воздух, доктора знобило скорее от возбуждения, чем от холода.

— Иссякает время? — повторил он.— Я об этом еще не думал. И как вы это объясните?

— Неужели это не очевидно, доктор? Разве ваша собственная «специальность» не дает ключа к разгадке? Конечно же, проказа, как и рак, прежде всего болезнь времени, результат перенапряжения в попытке превозмочь эту особую среду, разве не так?

Доктор Сандерс кивал в ответ на слова Вентресса, наблюдая, как оживилось его напоминающее череп костистое лицо, стоило ему заговорить об этом предмете, который он, по крайней мере на первый взгляд, казалось, презирал.

— Это все теория,— согласился он, когда Вентресс закончил.— Это не...

— Недостаточно научно? — Вентресс откинул назад голову. Повысив голос, он провозгласил: — Взгляните, доктор, на вирусы: кристаллическая структура свидетельствует, что они не живые, но они и не мертвые,— и однако они невосприимчивы ко времени! — Он провел рукой

по подоконнику и сгреб полную горсть хрустальных зерен, а затем разбросал их по полу, словно стеклянные шарики.— Мы с вами скоро им уподобимся, Сандерс, как, впрочем, и все живое. И будем не живы и не мертвы!

Под конец своей тирады Вентресс отвернулся и снова принялся придирчиво оглядывать лес. На левой щеке у него, словно далекая молния, предвещающая конец грозы, подергивался мускул.

— Почему вы ищете Торенсена? — спросил доктор Сандерс.— Из-за его алмазных копей?

— Не будьте идиотом,— грубо бросил через плечо Вентресс.— В этом лесу драгоценные камни повсюду, доктор.— Он презрительно соскреб пригоршню кристаллов с ткани своего костюма.— Если хотите, я собираю вам алмазов Хоупа на целое ожерелье.

— Что вы здесь делаете? — ровным голосом спросил Сандерс.— В этом доме?

— Здесь живет Торенсен.

— Что? — Сандерс еще раз недоверчиво оглядел претенциозную мебель и зеркала в золоченых рамах, припоминая здоровяка в синем костюме за рулем «крайслера».— Я видел его всего несколько мгновений, но мне кажется, что все это не в его духе.

— Вот именно. Никогда не встречал такого дурного вкуса.— Вентресс кивнул сам себе.— А поверьте, как архитектор чего я только не повидал. Весь этот дом — жалкое посмешище.— Он указал на один из диванов с островерхой инкрустированной спинкой, которая превратилась в сверкающую пародию на картуш в стиле рококо, перевитый напоминающими козлиные рога гирляндами.— Людовик Девятнадцатый, не иначе...

Увлечшись островами в адрес отсутствующего Торенсена, Вентресс повернулся спиной к окну. Глядя мимо него, Сандерс увидел, как увязший в ручье крокодил пытается приподняться на подгибающихся ногах, будто намереваясь вцепиться в невидимого прохожего. Прервав Вентреса, Сандерс показал на крокодила, но его опередил чужой голос:

— Вентресс!

Сердитый окрик донесся слева, из-за окаймлявших лужайку кристаллических кустов. Секундой позже в стылом воздухе прогремел выстрел. Вентресс, разворачиваясь, отпихнул одной рукой Сандерса в сторону, и пуля угодила в потолок прямо у них над головами, сбив вниз большой кусок кристаллической массы, который разлетелся у самых их ног мириадами одинаковых лезвий. Вентресс отпрянул назад и тут же наугад выпустил пулю в кусты. Отзвуки выстрела разнеслись среди окаменевших деревьев, оживляя их яркие цвета.

— Пригнитесь! — Вентресс, согнувшись, перебежал к соседнему окну и просунул дуло ружья между покрытыми инеем оконными стеклами. На мгновение парализовавшая его паника осталась позади, он был опять во всеоружии и, похоже, даже радовался происходящему. Он всмотрелся в сад и выпрямился, когда донесшийся издали треск веток выдал путь отступления невидимого противника.

Вентресс пересек комнату и подошел к Сандерсу, который стоял, прижавшись спиной к стене, рядом с окном.

— Все в порядке. Он ушел.

Сандерс поколебался, прежде чем сдвинуться с места. Он оглядел обступившие лужайку деревья, стараясь по возможности остаться незамеченным. На дальнем краю лужайки застывшая в обрамлении двух дубов белая беседка преобразилась в огромную хрустальную корону. Стекла ее мозаичных окон мерцали, будто выложенные самоцветами; казалось, что за ними кто-то движется. Вентресс, однако, в открытую встал перед окном, обозревая пространство внизу.

— Это был Торенсен? — спросил Сандерс.

— Кто ж еще.

Казалось, что эта короткая стычка помогла Вентрессу расслабиться. Небрежно покачивая ружье на сгибе локтя, он расхаживал по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы получше изучить оставленную пулей в потолке отметину. По каким-то причинам он, очевидно, решил, что в этой междоусобице Сандерс принял его сторону, — быть может, потому, что Сандерс однажды уже спас его от нападения в туземной гавани Порт-Матарре. Сандерс, правда,

действовал чисто инстинктивно, что, конечно же, не составляло для Вентресса тайны. Вентресс, очевидно, принадлежал к категории людей, ни перед кем не чувствующих себя в долгу, в чем бы этот долг ни выражался. Сандерс догадывался, что на самом деле Вентресс ощутил какую-то искорку близости, проскочившую между ними во время путешествия на пароходе из Либревиля, и что он целиком основывается в своих симпатиях и антипатиях на подобных совершенно случайных моментах.

В беседе больше не было заметно никакого движения. Сандерс шагнул вперед из своего укрытия возле окна.

— А нападение на вас в Порт-Матарре — это тоже дело рук Торенсена?

Вентресс пожал плечами:

— Скорее всего, вы правы, доктор. Ну да не беспокойтесь, я за вами присмотрю.

— Вам следует быть поосторожнее — эти головорезы шутить не намерены. Если верить тому, что мне рассказал на базе армейский капитан, алмазные компании не допустят, чтобы кто-то встал у них на пути.

Вентресс затряс головой, выведенный из себя бестолковостью Сандерса:

— Доктор! Ну сколько можно искать тривиальнейшие объяснения — наверняка вы не имеете никакого представления о своих собственных мотивах! Последний раз повторяю, мне нет никакого дела до проклятых бриллиантов Торенсена — как, впрочем, и до него самого! Причина нашей тяжбы... — Он резко смолк, уставившись невидящим взглядом в окно, и на лице у него впервые проступили следы усталости. Немного рассеянно, будто беседуя сам с собой, он продолжал: — Поверьте, я уважаю Торенсена — при всей своей неотесанности он понимает, что у нас с ним одна и та же цель, а вот что касается метода... — Вентресс повернулся на каблуках. — Пора отсюда убираться, — заявил он. — Остаться здесь нет никакого смысла. Куда вы направляетесь?

— В Монт-Ройяль, если это возможно.

— Вряд ли. — Вентресс показал в окно. — Центр бури лежит как раз между нами и городом. Единственная ваша

надежда — выйти к реке и вернуться по ней на армейскую базу. А кого вы разыскиваете?

— Своего бывшего сотрудника и его жену. Вы знаете отель «Бурбон»? Это в стороне от города. Госпиталь миссии, где они работают, расположен по соседству с отелем.

— «Бурбон»? — Вентресс наморщил лоб. — Разве это наш век? Вы опять выпадаете из времени, Сандерс. — Он направился к двери. — Это старая развалина у черта на рогах. Оставайтесь-ка со мной, пока мы не доберемся до опушки леса, а потом пробирайтесь обратно на военную базу.

* * *

Осторожно нащупывая ногой каждую ступеньку, они спускались по выросшим на лестнице кристаллам. На полпути Вентресс, шедший впереди, остановился и уступил дорогу Сандерсу.

— Мой пистолет. — Он похлопал себя по спрятанной под мышкой кобуре. — Я вас догоню. Гляньте из дверей, не видно ли чего.

Пока он возвращался назад, Сандерс пересек пустой холл. Он невольно задержался среди расцвеченных драгоценными камнями колонн. Вопреки инструкциям Вентреса, ему вовсе не улыбалось красоваться в широком дверном проеме окруженного колоннами портика. До середины холла ни из сада, ни от стоявших поодаль деревьев не доносилось ни звука, и он, повернув назад, стал дожидаться Вентреса среди колонн перед красовавшейся слева от него нишей в стене, окруженный десятками своих отражений, сверкающих в стеклянных чехлах мебели и стен.

Сандерс невольно поднял руки, чтобы поймать светящиеся радуги, разбегавшиеся по краям его одежды и по лицу. Сонмы сказочных Эльдорадо, воплощенных в его облике, чередой уходили в даль зазеркалья — о стольких своих лучезарных отражениях он, человек света, не мог и мечтать. Он изучил профиль собственного отражения и отметил, что цветные полосы смягчили резкие линии рта и глаз, размыв оставленные временем следы, задубив-

шие его кожу не хуже проказы. На миг он показался себе помолодевшим лет на двадцать, яркий слой румян у него на щеках едва ли оказался бы подвластен кисти Рубенса или Тициана.

Переведя взгляд в сторону, Сандерс с изумлением обнаружил, что среди всех этих радужных отражений в преломленных призмах солнечных лучах скрывается и один темный близнец. Его профиль и черты лица оставались неясными, но цвет кожи напоминал эбеновое дерево с синефиолетовыми вкраплениями противоположного края спектра. Таящая в себе угрозу, что особенно подчеркивалось ярким фоном, темная фигура застыла, отвернувшись в сторону, словно догадываясь о воплощенной в ее облике злокозненности. В ее опущенной руке, как звезда в чаше с дарами, сиял клин серебристого света.

Сандерс резко отпрыгнул влево, за колонну, когда затаившийся в нише негр ринулся ему наперерез. Нож блеснул в воздухе, не задев лица Сандерса, и его белый луч тут же затерялся среди мечущихся вокруг обоих мужчин отражений, по которым струились разноцветные сверкающие потоки. Сандерс ударил негра ногой по руке, и ему показалось, что это один из головорезов, напавших на Вентресса среди мостков в гавани Порт-Матарре. Присев так низко, что его костлявое, заостренное лицо маячило где-то между колен, негр размахивал перед собой ножом. Сандерс попятился было к лестнице, но тут заметил огромного мулата в рубахе военного образца, который выглядывал из-за книжного шкафа в гостиной, сжимая в покрытой шрамами руке автоматический кольт. На фоне инея его темное лицо, казалось, светилось изнутри.

Прежде чем Сандерс успел крикнуть Вентрессу об опасности, над головой у него прогремел выстрел. Нырнув вниз, он увидел, что негр с ножом корчится на полу, судорожно дергая ногами от нестерпимой боли. Кристаллическая масса соскользнула со стены у него за спиной и разбилась о диван, а негр, с трудом поднявшись на ноги, как раненое животное бросился наружу. Вслед ему с лестницы прозвучал второй выстрел, и Вентресс начал спускаться вниз, оставив свою столь удобную позицию позади

перил. Его напряженное лицо трудно было разглядеть за прикладом ружья, жестом он показал, чтобы Сандерс держался подальше от входа в гостиную. Мулат, прятаясь за книжным шкафом, бросился к дверному проему и, замерев на секунду под люстрой, выстрелил; в ответ на его бритую голову с хрустальных подвесок пролился целый ливень лучей. Он крикнул что-то высокому белокожему мужчине в короткой кожаной куртке, который, повернувшись к лестнице спиной, колдовал над вмонтированным в стену чуть выше декоративного камина сейфом.

Прикрывая сообщника, мулат выстрелил в дверной проем. Человек у сейфа как раз вытаскивал с верхней полки небольшой металлический ящик, когда Вентрессу удалось опрокинуть возвышавшуюся в холле стойку красного дерева поперек сводчатого прохода. Ящик упал на пол, и десятки рубинов и сапфиров раскатились по полу у ног высокого мужчины. Не обращая внимания на Вентресса, который никак не мог прицелиться в мулата, он нагнулся и сгреб своими большими ладонями попавшиеся под руку камни. Потом они с мулатом повернулись и бросились к застекленным створчатым дверям, которые с легкостью распахнулись под ударами их плеч.

Перепрыгнув через свою баррикаду, Вентресс влетел в гостиную и заметался среди пузатых канапе и кресел. Когда он подскочил к окну, беглецы уже скрылись за деревьями, и ему оставалось только, перезарядив ружье оказавшимися в кармане патронами, пальнуть им вслед через лужайку.

Он повел стволом в сторону Сандерса, когда тот, переступив через поваленную стойку, вошел в комнату.

— Ну как, доктор, путь свободен? — Вентресс часто дышал, его узкие плечи подергивались от избытка нервного напряжения. — Что случилось? Он же не задел вас, а?

Сандерс шел прямо на него. Оттолкнув ствол ружья, который Вентресс все еще направлял в его сторону, он пристально посмотрел сверху вниз на костлявое лицо бородача, заглянул в его до крайности возбужденные глаза.

— Вентресс! Вы же с самого начала знали, что они тут, — вы чертовски ловко использовали меня как приманку!

Он смолк. Вентресс, не обращая на него ни малейшего внимания, рассматривал окрестности сквозь стеклянные створки дверей. Сандерс отвернулся, ощущение какого-то вялого спокойствия притупило его усталость. Он заметил поблескивающие на полу драгоценные камни.

— Вы вроде бы говорили, что Торенсена не интересуют драгоценности.

Вентресс оглянулся на Сандерса, потом перевел взгляд на пол у сейфа. Не выпуская из рук ружья, он наклонился и стал ощупывать камни, не сдвигая их с места, словно озадаченный тем, что нашел их здесь. С отсутствующим видом он опустил несколько камней в карман куртки, потом собрал остальные и распихал их по карманам брюк.

Он вернулся к окну.

— Вы, конечно, правы, Сандерс, — сказал он бесцветным голосом. — Но, поверьте, я думал о вашей безопасности. — И он отрывисто бросил: — Давайте отсюда сматываться.

Когда они пробирались через лужайку, Вентресс отстал во второй раз. Сандерс остановился и оглянулся на дом, который возвышался позади них среди деревьев, как гигантский свадебный торт. Вентресс усталился на пригоршню драгоценных камней у себя на ладони. Яркие сапфиры соскальзывали вниз и ложились, расцвечивая его следы, на искрящуюся траву, когда он вступил под темные лесные своды.

Беседка

В течение часа они пробирались по руслу окаменевшего ручья. Настороженно выставив перед собой ружье, впереди ловко и сноровисто пробирался Вентресс, у него за спиной прихрамывал Сандерс. Время от времени они натывались то на вмурованный в наст катер, то на тщетно пытавшегося встать на ноги остекленевшего крокодила,

и тот, пытаясь проломить сплошной монолит цветного стекла, в беззвучной гримасе разевал пасть, которую доверху заполняли драгоценные камни.

Вентресс ни на миг не прекращал высматривать Торенсена. Кто из них за кем охотится, Сандерс так и не смог понять, как, впрочем, и причину их смертельной вражды. Хотя Торенсен уже дважды нападал на него, Вентресс, чего доброго, сам провоцировал его на это, старательно подставляя себя, будто пытаясь заманить противника в ловушку.

— Может, вернемся в Монт-Ройяль? — прокричал доктор Сандерс, и его голос эхом раскатился под сводами. — Мы забираемся все глубже в лес.

— Мы, дорогой Сандерс, отрезаны от города. Не беспокойтесь, рано или поздно я вас туда выведу.

Вентресс ловко перепрыгнул через трещину в поверхности потока. Внизу, под массой подтаивающих кристаллов, тонкая струйка воды текла по погребенному под льдом желобку.

Они шли и шли по лесу, куда вела облаченная в белое фигурка с озабоченным взглядом, описывая иногда замкнутые круги, словно Вентресс по ходу дела знакомился с топографией этого сумеречного царства драгоценностей. Всякий раз, когда Сандерс усаживался отдохнуть на один из остекленевших стволов и стряхивал наросшие, несмотря на ходьбу, кристаллы с подошв, Вентресс нетерпеливо дожидался, не сводя с Сандерса оценивающего взгляда, словно прикидывал, не стоит ли бросить его в лесу. Воздух по-прежнему оставался ледяным, вокруг них то смыкались, то расступались темные тени.

Затем, когда в надежде срезать путь и выйти к реке ниже по течению они оставили ручей и углубились в лес, им попались на глаза обломки разбившегося вертолета.

Поначалу, когда они наткнулись на прикорнувший в крохотной лощинке слева от тропы летательный аппарат, доктор Сандерс даже не узнал его. Вентресс остановился. С мрачным видом он указал на огромную машину, и Сандерс вспомнил, как вертолет нырнул в лес в полумиле от наблюдательного поста. Четыре искореженные

лопасти в прожилках инея казались крыльями гигантской стрекозы и уже заросли ползучей порослью кристаллов, свисающих с соседних деревьев. Частично ушедший в землю фюзеляж распустился огромным полупрозрачным драгоценным цветком, в монолитных глубинах которого, словно символические рыцари какой-то средневековой геммы, застыли за пультом управления двое пилотов. Из их серебряных шлемов изливались нескончаемые потоки света.

— Им уже не поможешь. — Гримаса сожаления перекосила рот Вентресса. Отвернувшись, он пошел было дальше. — Пойдемте, Сандерс, или вы вскоре станете таким же, как они. Лес все время меняется.

— Подождите! — Сандерс пробирался через окаменевший подлесок, расшвыривая по сторонам обломки стеклообразной листвы. Он с трудом протиснулся мимо выпуклого купола кабины. — Вентресс! Тут человек!

Вместе они спустились на дно лощины под правым бортом вертолета. Распростершись на извилистых корнях огромного дуба, цепляясь за которые он, вероятно, пытался оттуда выбраться, лежал кристаллизовавшийся человек в военной форме. Его плечи и грудь прикрывала громадная кираса из драгоценных пластин, руки были заточены в рукавицы из сплавленных воедино призм; одну из таких рукавиц Сандерс уже видел у вытщенного из реки в Порт-Матарре человека.

— Вентресс, это же армейский капитан! Радек!

Сандерс всмотрелся в покрывавшее всю голову забрало, огромный сапфир в форме шлема конквистадора. Преломляясь в кристаллических призмах, черты лица, казалось, накладывались друг на друга в десятке различных плоскостей, но доктор Сандерс сумел тем не менее распознать слабовольный подбородок капитана Радека, армейского врача, который, собственно, и взял его на наблюдательный пункт. Он сообразил, что Радек в конце концов вернулся назад, вероятно в поисках Сандерса, когда тому не удалось выбраться из леса, но вместо этого обнаружил вертолет с обоими пилотами.

Теперь в глазах мертвеца переливались радуги.

— Вентресс! — Сандерс вспомнил утопленника в гавани Порт-Матарре. Он прижал руки к хрустальному панцирю на груди капитана, пытаясь уловить хоть какой-то намек на исходящее изнутри тепло. — Внутри всего этого он еще жив, помогите мне вытащить его отсюда! — Когда Вентресс выпрямился, качая головой над сверкающим телом, Сандерс выкрикнул: — Вентресс, я знаю этого человека!

Перехватив поудобнее ружье, Вентресс начал выбираться из лощины.

— Сандерс, вы только зря тратите время. — Он покачал головой, глаза его блуждали между деревьев. — Оставьте его здесь, он как-никак обрел покой.

Но Сандерс, скользнув мимо него, перешагнул одной ногой через покрытое кристаллами тело и попытался вытащить его из лощины. Оно оказалось чудовищно тяжелым, и ему с трудом удалось поднять одну руку. Часть головы и плеча, как и правая рука, были скованы наростом у корней дуба хрусталем. Увидев, что Сандерс принялся пинать ногами узловатые корни, пытаясь разбить лед, Вентресс предостерегающе вскрикнул. Рванув на себя туловище Радека, Сандерсу удалось высвободить его. С лица и плеч осыпалось несколько кусков кристаллической оболочки.

Вентресс с криком прыгнул на дно лощины. Он крепко схватил Сандерса за руку.

— Ради всего святого... — начал было он, но когда Сандерс оттолкнул его в сторону, более не настаивал и отступил.

Чуть погодя, не отрывая от Сандерса своих наполненных горечью маленьких глазок, он шагнул вперед и помог ему вытащить тело из лощины.

Ярдов через сто они добрались до берега ручья. Здесь он расширялся, превращаясь в протоку ярдов десяти шириной. Ледяная корка на ее середине казалась никак не толще нескольких дюймов, и было видно, как под ней бежит вода. Оставив искрящегося Радека на берегу, где он покоился, широко размавав руки, пока облепившие его кристаллы едва заметно таяли, Сандерс отломил от одного

из деревьев большой сук и принялся бить им по ледовому панцирю. Под его ударами кристаллы легко раскалывались, и всего за несколько минут ему удалось расчистить круглую полынью трех-четырёх ярдов в диаметре. Вытащив свое орудие на берег, он нагнулся, приподнял тело и переложил его спиной поперек сука, закрепив на нем плечи Радека ремнем. Если повезет, голова, поддерживаемая деревяшкой, останется над поверхностью достаточно долго, чтобы капитан успел прийти в себя, когда течение растворит все кристаллы.

Вентресс ничего не говорил, но по-прежнему смотрел на Сандерса полными горечи глазами. Прислонив ружье к дереву, он помог доктору перенести тело к пробитой полынье. Держась за концы сука, они ногами вперед спустили Радека в воду. Быстрое течение тут же утянуло тело в белый туннель. Омываемые потоком кристаллы на руках и ногах Радека тускло сияли из-под воды, а его наполовину погруженная в ручей голова покоилась на деревянном изголовье. Доктор Сандерс, прихрамывая, направился к берегу. Опустившись прямо на мрамор речного песка, он принялся, чертыхаясь, возиться с воткнувшимися ему в ладони и пальцы острыми иглами.

— Всего один шанс, но его надо использовать, — сказал он. Вентресс стоял в паре шагов от него. — Они наблюдают за рекой ниже по течению, может быть, они его заметят.

Вентресс подошел к Сандерсу. Его маленькое тело напряглось, подбородок уперся в грудь. Мускулы костистого лица безмолвно двигали губами, словно он тщательно подбирает слова. Он сказал:

— Сандерс, вы опоздали. Придет день, и вы поймете, чего лишили этого человека.

Доктор поднял глаза.

— Что вы имеете в виду? — раздраженно бросил он. — Вентресс, я ему кое-чем обязан.

Вентресс не обратил внимания на его слова.

— Только запомните, доктор: если вы когда-нибудь найдете меня в подобном состоянии, *оставьте меня*. Вы поняли?

Они пробирались через лес, не заговаривая друг с другом; иногда Сандерс отставал от Вентресса ярдов на пятьдесят. Подчас он думал, что Вентресс бросил его, но всякий раз перед ним вновь появлялась фигура в белом костюме, волосы и плечи которой покрывал тонкий пушок инея. Хотя и раздраженный бессердечностью Вентресса и отсутствием у него сочувствия в отношении Радека, Сандерс чувствовал, что поведению маленького архитектора могут найтись и другие объяснения.

Наконец они выбрались на опушку небольшой поляны, с трех сторон окруженной испещренной трещинами поверхностью речной бухты. На противоположном берегу сквозь прореху в пологе леса в небо устремлялся шпиль, венчающий крышу беседки с высоким фронтоном. К стоящим вокруг деревьям со шпиля протянулась редкая паутина тусклых прядей, словно прозрачная вуаль, придающая и стеклянному саду, и хрустальному домику приглушенный матовый лоск, свойственный белому мрамору могильных надгробий.

Еще более усиливали это впечатление окна опоясывавшей беседку веранды, изукрашенные тщательно проработанными в подражание узорочью на створках sklepa завитками.

Махнув Сандерсу, чтобы тот оставался на месте, Вентресс, выставив перед собой ружье, подобрался ближе к беседке. Впервые за все время их знакомства Вентресс показался Сандерсу неуверенным в себе. Он вглядывался в эту постройку, как отважный путешественник, внезапно наткнувшийся в дебрях джунглей на таинственное и внушающее страх святилище.

Высоко над ним в полуденном свете медленно трепыхалась золотая иволга со спеленутыми стеклянным пологом крыльями, рябь от ее движений расходилась кругами прозрачного света.

Вентресс взял себя в руки. Не обнаружив в беседке никаких признаков жизни, он, перебегая от дерева к дереву, добрался до реки и, крадучись как кошка, пересек ее льди-

стую гладь. В десяти ярдах от беседки он вновь остановился, невольно отвлеченный иволгой, сверкающей в пологе листвы у него прямо над головой.

— Это Вентресс — хватайте его!

На поляне грохнул выстрел, эхом отразился от раскинувшейся окрест хрупкой листвы. Застигнутый врасплох, Вентресс припал к ступеням беседки, вглядываясь в ее окна. На краю поляны в пятидесяти ярдах позади него появился высокий светловолосый мужчина в короткой черной кожаной куртке — Торенсен. С револьвером в руке он бросился к беседке. Притормозив на бегу, он еще раз выстрелил в Вентресса; по поляне разнесся многократно отраженный грохот выстрела. За спиной у Сандерса, словно рушащиеся стены зеркального домика, свисавшие с деревьев хрустальные шпалеры мха становились мутными и обваливались.

Открылась задняя дверь беседки. Сжимая в руках винтовку, на веранду выбрался обнаженный африканец, левую ногу и левую же сторону торса которого прикрывал хирургический пластырь. Он неловко оперся о колонну и выстрелил в затаившегося на крыльце Вентресса.

Спрыгнув с веранды, Вентресс, как заяц, припустил через реку, согнувшись почти вдвое и перескакивая через трещины. В последний раз оглянувшись, он с перекошенным от страха лицом помчался к деревьям; грузному Торенсену было за ним не поспеть.

Но тут, когда Вентресс добрался до излучины бухточки, где она расширялась, прежде чем слиться с рекой, над серебристыми веерами торчащей вдоль самой кромки берега болотной травы возникла фигура бритоголового мулата. Его огромное темное тело, четко очерченное на фоне окружающего леса белым инеистым контуром, метнулось вперед, словно бык, намеревающийся поддеть на рога спасающегося от него матадора. Вентресс проскочил от него в считанных футах, и мулат, резко, как бичом, взмахнув рукой, метнул в воздух над самой головой Вентресса стальную сеть. Потеряв от ее удара равновесие, Вентресс упал, проскользив по инерции ярдов десять, сквозь ячейки сети было видно его испуганное лицо.

Удовлетворенно заворчав, мулат вытащил из-за пояса пангу* и тяжело шагнул к крохотной фигурке, простертой перед ним, будто связанное животное. Вентресс кололся в сети, пытаясь высвободить свое ружье. В десяти футах от него мулат на пробу рассек воздух мощным ударом и бросился вперед, чтобы добить соперника.

— Торенсен! Остановите его! — закричал Сандерс. Все случилось так быстро, что Сандерс не успел сдвинуться с места, а в ушах у него еще звенели отзвуки выстрелов. Он вновь крикнул что-то Торенсену, который, подбоявшись, дожидаясь развязки у крыльца беседки, повернув в сторону свое длинное лицо, как бы не желая принимать в происходящем никакого участия.

Елозя спиной по земле, Вентресс сумел частично высвободиться из силков. Выпустив ружье из рук, он стянул сеть себе на пояс. Мулат навис над ним с занесенной пангой.

Дернувшись, как эпилептик, Вентресс смог откатиться на несколько футов. Громкий хохот мулата захлебнулся в злобном вопле. Кристаллическая корка подалась у него под ногами, и он до самых колен провалился сквозь наст. Напрягшись изо всех сил, он сумел перенести вес своего тела на высвобожденную из пролома ногу, но стоило ему попытаться вытянуть и вторую, как первая опять провалилась по колено. Вентресс отпихнул сеть в сторону, и мулат, подавшись вперед, рубанул пангой по льду в каких-то дюймах от его башмаков.

Вентресс, пошатываясь, поднялся на ноги. Ружье по-прежнему опутывала сеть, и он, подхватив и то и другое, бросился по насту прочь. Позади него мулат, словно ввалившийся в неистовство морской лев, прорубался через ломкий наст, круша его налево и направо тяжелыми ударами своей панги.

Вскоре Вентресс был вне пределов досягаемости. Там, где бухточка расширялась, пролежала более глубокая протока, которую прикрывал лишь совсем тонкий слой наста.

* Панга — длинный нож для резки и рубки лиан, кустарников и т. п.; африканская разновидность мачете.

С корки под ногами Вентресса осыпался иней, но извилистые дорожки твердого льда выдерживали вес его хрупкого тела. Через двадцать ярдов он добрался до берега и метнулся под прикрытие деревьев.

Когда перевязанный пластырем африканец с веранды беседки выпустил ему вслед последнюю пулю, доктор Сандерс находился в самом центре поляны. Он смотрел, как мулат барахтается в заполненной влажными кристаллами яме, с остервенением врубаясь в них и посылая во все стороны сонмы радужных сполохов.

— Эй вы! Идите сюда! — Торенсен поманил Сандерса револьвером к себе. Кожаная куртка, которую он носил поверх синего костюма, выгодно скрадывала его дородность и подчеркивала мускулатуру. На длинном лице под светлыми волосами застыло насупленное выражение. Когда Сандерс подошел поближе, он испытующе взгляделся в него.

— Что вы тут делаете с Вентрессом? Разве вы не из группы экспертов? Я видел вас на набережной вместе с Радеком.

Доктор Сандерс собрался было ответить, но Торенсен поднял руку. Показав на маячившего на веранде с наведенной на Сандерса винтовкой африканца, Торенсен зашагал по направлению к мулату:

— Я сейчас вернусь — не вздумайте убежать.

Неподалеку от беседки мулату наконец удалось выбраться на поверхность потверже. Завидев подходящего Торенсена, он разразился криками и, отчаянно жестикулируя, замахнулся пангой на раздробленную ледяную корку, словно пытаясь оправдаться за то, что упустил Вентресса. Торенсен на это кивнул и отпустил его, со скукой взмахнув рукой. Пройдя чуть дальше по застывшей глади, он принялся пробовать ногой полуоформившиеся кристаллы на прочность. Несколько минут он разгуливал взад-вперед, поглядывая в сторону реки, словно прикидывая расположение и размеры подземных протоков.

Когда он вернулся к Сандерсу, влажные кристаллы с его башмаков рассыпали во все стороны разноцветные блики. Вполуха он выслушал рассказ Сандерса о том, как

тот заблудился в лесу после крушения вертолета. Сандерс описал свою случайную встречу с Вентрессом и то, как они потом наткнулись на тело Радека. Припомнив горестные протесты, которыми осыпал его Вентресс, доктор подробно изложил свои соображения, которые побудили его, на первый взгляд, утопить мертвеца.

Торенсен угрюмо кивнул:

— У него, может, и есть шанс.— Словно для того, чтобы приободрить Сандерса, он добавил: — Вы делали то, что надо.

Мулат и обнаженный, наполовину залепленный хирургическим пластырем африканец расселись на ступеньках, ведущих к веранде. Мулат точил свою пангу, а его напарник, опустив винтовку на голое колено, обшаривал взглядом лес. У него было худощавое смышленное лицо молодого клерка или младшего инженера, и время от времени он бросал на Сандерса взгляды, в которых сквозило признание в докторе собрата, пусть и далекого, по касте людей с образованием. Сандерс вспомнил, что именно его темное отражение, сжимавшее в руке нож, он и перепутал со своим собственным в зеркальном холле дома Торенсена.

А Торенсен поглядывал через плечо на окна беседки, не вполне, казалось, отдавая себе отчет в присутствии Сандерса. Доктор заметил, что, в отличие от костюма Вентресса и его собственной одежды, кожаную куртку Торенсена иней не тронул.

— Вы не можете отвести меня обратно к военному посту? — спросил он шахтовладельца.— Я уже несколько часов пытаюсь выбраться из леса. А где отель «Бурбон», вы знаете?

Вытянутое лицо Торенсена помрачнело.

— Армия отсюда далеко. Стужа расплзлась по всему лесу.— Он махнул револьвером в сторону реки.— А что насчет Вентресса? Бородача? Где вы его подцепили?

Сандерс еще раз все ему объяснил. Ни Торенсен, ни мулат не признали в нем человека, защищавшего Вентресса от нападения в Порт-Матарре.

— Он укрывался в доме у реки. В вашем доме,— сказал он.— Почему вы стреляли в него? Он что, преступник? Пытается украсть что-то с ваших копей?

Молодой африканец с винтовкой рассмеялся. Торенсен, не изменившись в лице, кивнул. Отвечал он уклончиво, будто не был уверен в себе и никак не мог решить, что же ему делать с Сандерсом.

— Даже хуже. Он безумец, он совсем свихнулся.

Он повернулся и начал подниматься по ступенькам, махнув рукой Сандерсу, будто поощряя его к самостоятельной вылазке в лес.

— Будьте настороже, никогда не знаешь, что выкинет лес в следующий миг. Не останавливайтесь, лучше уж кружите на одном месте.

— Подождите минутку! — позвал его Сандерс. — Я хочу остаться здесь. Мне нужна карта, я должен разыскать этот самый отель «Бурбон».

— Карта? Какой теперь от нее прок? — Торенсен колебался, поглядывая на беседку, — словно опасался, что Сандерс чем-то осквернит ее светозарную белизну. Когда доктор бессильно уронил руки, Торенсен, пожав плечами, кивнул своим людям, чтобы они от него не отставали.

— Торенсен! — Сандерс шагнул вперед. Он показал на молодого африканца с перевязанной ногой. — Дайте мне осмотреть его и оказать помощь. Я же врач.

Все трое обернулись, даже огромный мулат с интересом воззрился на Сандерса. На дне его злобных глаз промелькнула искорка небескорыстного интереса. Торенсен глядел на Сандерса сверху вниз, как будто видел его в первый раз.

— Врач? Ну да, Радек говорил... помню-помню. Хорошо, доктор?..

— Сандерс. У меня с собой ничего нет, ни медикаментов, ни...

— Все в порядке, доктор, — сказал Торенсен. — Это даже очень хорошо. — Он кивнул сам себе, будто все еще решая, стоит ли приглашать Сандерса в беседку. Потом смягчился: — Ладно, доктор, можете зайти минут на пять. Возможно, я вас кое о чем попрошу.

Доктор Сандерс поднялся на веранду. Вся беседка состояла из одной-единственной круглой комнаты с примыкавшей к ней сзади крохотной кухонькой и кладовкой.

Окна закрывали темные ставни, ныне накрепко скованные с оконными рамами кристаллами, заполнившими промежутки между ними, и свет проникал внутрь только через дверь.

Торенсен окинул взглядом лес и спрятал револьвер. Подождав, пока оба африканца отправятся вокруг беседки к задней двери, он повернул дверную ручку. Сквозь покрытое изморозью стекло Сандерс разглядел смутные очертания большой кровати с высоким пологом, несомненно перенесенной сюда из спальни дома, послужившего им с Вентрессом укрытием от бури. На пологе красного дерева, прижав к губам свирели, резвились позолоченные купидоны, а поддерживали его на вытянутых вверх руках четыре обнаженные кариатиды.

Торенсен прочистил горло.

— Миссис... Вентресс, — наконец объяснил он, понизив голос.

Серена

Взгляд их застыл на покоившейся в постели фигуре; она лежала, откинувшись на валик и выпростав горячую руку поверх шелкового стеганого покрывала. Поначалу доктору Сандерсу показалось, что перед ним пожилая женщина, возможно мать Вентресса, но потом он сообразил, что она молода, еще почти ребенок, лет двадцати или чуть больше. Длинные платиновые волосы белой шалью прикрывали ее плечи, тонкое лицо с высокими скулами тянулось к источнику скудного света. Не исключено, что в свое время ее хрупкая фарфоровая красота завораживала взгляд, но теперь полупрозрачная кожа и померкший блеск глаз делали молодую женщину преждевремененно состарившейся и напоминали доктору Сандерсу его пациентов из детской палаты соседнего с лепрозорием госпиталя в последние минуты их жизни.

— Торенсен,— расколол янтарный полумрак ее голос.— Опять холодает. Не развести ли огонь?

— Дерево не будет гореть, Серена. Оно все превратилось в стекло.— Торенсен стоял в изножье кровати, глядя сверху вниз на молодую женщину. В своей кожаной куртке он походил на полицейского, неловко переминающегося с ноги на ногу в комнате больного, куда его заставил прийти долг. Он расстегнул молнию на куртке.— Посмотри, что я принес тебе, Серена, они тебе помогут.

Он нагнулся и рассыпал по покрывалу несколько пригоршней красных и синих драгоценных камней. Рубины и сапфиры самых разных размеров засверкали в меркнушем послеполуденном свете с лихорадочной силой.

— Спасибо, Торенсен... — Голая рука девушки скользнула по покрывалу к самоцветам. От алчности в ее полудетском лице появилось что-то лисье. В глазах у нее неожиданно промелькнул отблеск лукавого коварства, и Сандерс смутно начал понимать, почему этот ~~детина~~ относится к ней с таким почтением. Зачерпнув полную горсть драгоценностей, она крепко прижала их к своей шее; на коже в этих местах появились синие пятна, похожие на следы от пальцев. Казалось, прикосновение камней оживило ее, она пошевелила ногами, и несколько камней соскользнуло с покрывала на пол. Она подняла глаза на доктора Сандерса, потом повернулась к Торенсену.

— В кого ты стрелял? — спросила она чуть погодя.— Я слышала выстрелы. От них у меня разболелась голова.

— В крокодила, Серена. В округе немало коварных крокодилов. Приходится держать ухо востро.

Молодая женщина кивнула. Рукой с зажатой в ней пригоршней самоцветов она показала на Сандерса:

— Кто это такой? Что он тут делает?

— Это врач, Серена. Его прислал капитан Радек.

— Но ты говорил, что мне не нужны никакие врачи.

— Ну конечно, Серена, мне ли этого не знать. Доктор Сандерс просто зашел осмотреть одного из африканцев.

Выдавливая из себя вымученные ответы, Торенсен не переставая разглаживал лацканы своей куртки, глядя куда угодно, только не на Серену.

Сочтя, что теперь-то Торенсен даст ему осмотреть молодую женщину, Сандерс подошел поближе к кровати. Затрудненное дыхание свидетельствовало о чахотке, а анемия не вызывала никаких сомнений, но он все же протянул руку, чтобы взять ее за запястье.

— Доктор... — Повинуясь какому-то противоречивому порыву, Торенсен потянул его в сторону от кровати. Сделав рукой невнятный жест, он махнул ею по направлению к кухонной двери.

— Я думаю, позднее, доктор, ладно? — Он быстро обернулся к молодой женщине. — Тебе лучше немного отдохнуть, Серена.

— Но, Торенсен, мне этого мало, ты всего-то и принес сегодня... — Ее рука, словно клешня, обшаривала покрывало в поисках драгоценностей, тех самых камней, которые Торенсен с мулатом забрали совсем недавно из встроенного в стену сейфа.

Сандерс собрался было возразить, но Серена уже отвернулась от них и, казалось, погрузилась в сон, а самоцветы, как скарабеи, остались лежать на белой коже ее груди.

Торенсен слегка подтолкнул Сандерса локтем. Они вышли на кухню. Перед тем как закрыть за собой дверь, Торенсен окинул молодую женщину тоскливым взглядом, словно боясь, что она может обратиться в прах, стоит ему ее покинуть.

Не вполне отдавая себе отчет в присутствии Сандерса, он пробормотал:

— Нам надо бы перекусить.

В дальнем конце кухни, у самой входной двери, на скамейке сидели, подремывая над своим оружием, мулат и обнаженный африканец. Кухня была почти пуста. Отключенный холодильник громоздился на холодной плите. Открыв его дверцу, Торенсен начал опустошать свои карманы, перекладывая оставшиеся драгоценные камни на полки холодильника, где они рассыпались, словно вишни, среди полудюжины банок консервированной говядины и бобов. Как и все остальное в кухне, холодильник снару-

жи был покрыт легким глянцем изморози, но внутри стенки его камеры оставались чистыми.

— Кто она такая? — спросил доктор Сандерс, когда Торенсен вскрыл банку. — Вам необходимо забрать ее отсюда. Она нуждается в тщательном лечении, здесь не место для...

— Доктор! — Торенсен, чтобы утихомирить Сандерса, поднял руку. Казалось, будто он постоянно что-то скрывает и поэтому отводит глаза в сторону, когда Сандерс смотрит на него в упор. — Она моя... жена, да, — проговорил он, забавно подчеркивая собственные слова, словно все еще не до конца свыкшись с этим фактом. — Серена. Здесь она в безопасности, пока я слежу за Вентрессом.

— Но он только и пытается, что спасти ее! Ради Бога, послушайте...

— Он душевнобольной! — с неожиданной силой выкрикнул Торенсен. Оба негра на противоположном конце кухни обернулись и уставились на него. — Он провел шесть месяцев в смиренной рубашке! Он вовсе не пытается помочь Серене, он просто хочет забрать ее обратно в свой безумный дом посреди болота.

* * *

Пока они ели, выживая вилками холодное мясо прямо из банки, он рассказал Сандерсу кое-что о Вентрессе, об этом странном меланхоличном архитекторе, спроектировавшем множество новых правительственных зданий в Лагосе и Аккре, а затем, два года тому назад, ни с того ни с сего бросившем свою работу. Он женился на Серене, когда той было всего семнадцать (задобрив деньгами ее родителей, бедную французскую чету из Либревилля), всего через несколько часов после того, как впервые встретил ее на улице неподалеку от своего офиса, из которого вышел в тот день в последний раз. Затем он забрал ее в построенный им на заболоченном острове готический домик — среди кишаших крокодилами болот в десяти милях к северу от Монт-Ройяля, где река Матарре

распадается на цепочку мелких озер. По словам Торенсена, после женитьбы Вентресс почти не разговаривал с Сереной, не отпуская ее при этом из дома, так что общалась она только со служанкой — слепой негритянкой. Похоже, что в своего рода прерафаэлитской грезе он заточил свою юную невесту у себя в доме вместо утраченного им творческого воображения. Там и нашел ее, уже больную туберкулезом, Торенсен во время одной из своих охотничьих вылазок, когда у его катера переломилась ось винта и он вынужден был пристать к острову. Он не раз навещал ее во время долгих absences Вентресса, и в конце концов она сбежала вместе с ним из объятых пламенем дома. Торенсен поместил ее в санаторий в Родезии, а сам тем временем подготовил к ее возвращению свой большой особняк в Монт-Ройяле, в котором собрал множество имитаций старинных предметов. После того как она исчезла и были предприняты первые шаги к расторжению брака, Вентресс совершенно обезумел и даже провел некоторое время в качестве добровольного пациента в клинике для душевнобольных. Теперь он вернулся, снedaемый одной мечтой: выкрасть Серену и возвратиться с ней в свой разоренный дом на болоте. Торенсен, похоже, был убежден в том, что именно жуткой атмосферой безумия, которая вызвана присутствием Вентресса, и обусловлено затянувшееся недомогание Серены.

Однако когда Сандерс в надежде, что ему удастся убедить Торенсена увезти девушку из замерзшего леса, попросил еще раз показать ее ему, владелец рудников стал возражать.

— Здесь ей хорошо, — упрямо заявил он Сандерсу. — Не беспокойтесь.

— Но, Торенсен, как вы думаете, сколько еще она здесь протянет? Весь лес кристаллизуется, вы что, не понимаете?..

— С ней все в порядке! — настаивал на своем Торенсен. Он встал и сверху вниз уставился на стол — ссутулившаяся фигура со светлыми волосами, вырисовывающаяся в полумраке. — Доктор, я в этом лесу уже давно. Здесь у нее единственный шанс выжить.

Озадаченный этим загадочным замечанием и тем смыслом, который в него вкладывал Торенсен, Сандерс уселся рядом с ним на стул. Со стороны реки до них сквозь сумрак долетел звук сирены, его отголоски многократно отразились от хрупкой листвы вокруг беседки.

Торенсен обменялся парой фраз с мулатом и вернулся к Сандерсу:

— Оставляю вас на их попечение, доктор. Я скоро вернусь.— С полки возле плиты он взял рулон перевязочных бинтов и кивнул раненому африканцу: — Кагва, пусть доктор тебя осмотрит.

После ухода Торенсена Сандерс осмотрел огнестрельные ранения на ноге и груди африканца и заменил приложенную к ним корпию. Кожу пробило с десятков дробинок, но раны, казалось, уже наполовину затянулись, остались не слишком заметные отверстия, которые, похоже, не собирались ни кровоточить, ни воспалиться.

— Вам повезло,— сказал он африканцу, закончив свою работу.— Удивляюсь, как вы вообще можете ходить,— и добавил: — Я видел вас сегодня утром — в зеркалах, в доме Торенсена.

Юноша дружелюбно улыбнулся:

— Мы-то высматривали месье Вентресса, доктор. В этом лесу охотничий сезон в разгаре, а?

— Вы правы. Хотя я сомневаюсь, что кто-нибудь из вас на самом деле знает, за чем охотится.— Сандерс заметил, что мулат наблюдает за ним со внезапно пробудившимся интересом.— Скажите,— спросил он Кагву, стремясь выжать как можно больше из общительного юноши,— вы работаете у Торенсена? Я имею в виду — на шахте?

— Работы на шахте прекращены, доктор, но я заведовал там техническим обеспечением,— и он не без гордости кивнул.— Обеспечением всей шахты.

— Ответственный пост.— Сандерс показал на дверь в спальню, за которой лежала молодая женщина.— Миссис Вентресс — Серена, так, по-моему, называл ее Торенсен,— ее нужно отсюда забрать. Вы же образованный

человек, мистер Кагва, вы понимаете это. Еще несколько дней здесь — и она уже не жилец на этом свете.

Кагва отвернулся от доктора и про себя улыбнулся. Взглянув на повязки у себя на ноге и груди, он задумчиво их потрогал.

— «Не жилец на этом свете» — здорово сказано, доктор. Я понимаю, что вы хотите сказать, но сейчас для мадам Вентресс лучше остаться здесь.

С трудом не повышая голоса, Сандерс сказал:

— Ради Бога, Кагва, но ведь она же *умрет*! Вы что, этого не понимаете? Не понимаете, с чем играет Торенсен?

Кагва поднял руки, успокаивая Сандерса. Повернувшись на здоровой ноге, он прислонился больной к столу.

— *Вы*, доктор, говорите на медицинском языке. Послушайте! — настойчиво перебил он, когда Сандерс попытался было возражать. — Я ссылаюсь не на местную магию, я же образованный африканец. Но в этом лесу случается множество странных событий, и вы, доктор, еще...

Он замолк на полуслове — мулат что-то ему рывкнул и вышел на веранду. Было слышно, как к беседке возвращается Торенсен, а с ним еще двое или трое; хрупкая листва хрустела у них под ногами.

Когда Сандерс двинулся к двери, Кагва дотронулся до его руки. Внимание доктора привлекла его предупредительная улыбка.

— Запомните, доктор, в лесу идешь в одну сторону, но смотришь в обе... — И с ружьем в руке он захромал прочь, стараясь не опираться на забинтованную ногу.

* * *

Торенсен приветствовал Сандерса на веранде. Он неуклюже вскарабкался на крыльцо и застегнул молнию на куртке, чтобы спастись от царившего в беседке могильного холода.

— Вы еще здесь, доктор? У меня для вас пара провожатых. — Он указал на двух африканцев, оставшихся у подножия ступенек. Как члены команды его катера, они

носили джинсы и голубые хлопчатобумажные рубахи. Один надвинул на лоб островерхую белую каскетку. Оба сжимали в руках карабины и с явным интересом вглядывались в лес.

— Мой катер пришвартован неподалеку, — объяснил Торенсен, — и я бы отправил вас по реке, если бы не заклинило мотор. Как бы там ни было, они быстренько доставят вас прямо в Монт-Ройаль.

И с этими словами он прошагал на кухню; буквально через мгновение Сандерс услышал, как он вошел в спальню.

В окружении четырех африканцев, силуэты которых, покрытые искрящимся инеем, четко вырисовывались на окружающем темном фоне, Сандерс подождал, не вернется ли Торенсен. Потом повернулся и отправился следом за своими проводниками, оставив шахтовладельца и Серену Вентресс запертыми в склепе беседки. Когда они вошли в лес, он оглянулся на веранду, откуда за ним все еще наблюдал молодой африканец. Его темное тело, разделенное из-за белых бинтов на две почти равные половины, напомнило Сандерсу о Луизе Пере и ее словах о равноденствии. Обдумывая свой короткий разговор с Кагвой, он начал понимать, какими мотивами руководствовался Торенсен, удерживая Серену Вентресс внутри пораженной зоны. Опасаясь, что она может умереть, он предпочел частично пожертвовать под этими хрустальными сводами ее жизнью, чем обречь девушку на физическую смерть во внешнем мире. Вероятно, он видел насекомых и птиц, заточенных живьем внутри собственных призм, и по ошибке решил, что здесь кроется единственная возможность спасти свою умирающую невесту.

По тропке, огибающей бухту, они направились к инспекционному лагерю, который, по оценке Сандерса, находился примерно в трех четвертях мили вниз по течению реки. Оставалась надежда, что армейский пост окажется у самой границы зараженной зоны, и солдаты смогут по следам отыскать беседку и спасти шахтовладельца и Серену Вентресс.

Оба проводника шагали очень быстро, практически не останавливаясь, чтобы сориентироваться, один впереди Сандерса, а другой, тот, что носил островерхую каскетку, ярдах в десяти позади. Минут через пятнадцать, когда они прошли уже с милю, а лес даже и не думал редеть, Сандерс вдруг понял, что моряки на самом деле получили совсем другое задание и отнюдь не стремились вывести его в безопасное место. Выпроводив доктора в лес, Торенсен, вне всякого сомнения, использовал его, говоря словами Вентресса, как подсадную утку, будучи уверен, что архитектор попытается добраться до Сандерса, чтобы получить информацию о своей похищенной жене.

Когда они во второй раз вышли на небольшую прогалину, зажатую между двумя дубовыми рощицами, Сандерс остановился и пошел назад к матросу в каскетке. Он начал было с ним препираться, но тот только покачал головой и указал Сандерсу карабином вперед.

Минут через пять Сандерс обнаружил, что остался один. Тропа перед ним опустела. Он вернулся на прогалину, где на лесной подстилке мерцали бесхозные тени. Провожатые исчезли среди подлеска.

Сандерс оглянулся через плечо на окружавшие прогалину темные гроты, вслушиваясь, не раздастся ли звук шагов, но чехлы, окутавшие деревья, пели и потрескивали, пока лес выстывал в темноте. Над головой, сквозь протянувшуюся над поляной сеть из стеклянных волокон, виднелся щербатый шар луны. Вокруг него в стеклянных стенах, словно светлячки, поблескивали отражения звезд.

Он заспешил по тропе дальше. В темноте его одежда постепенно начала светиться, покрывавший ткань иней в свете звезд расшил ее блестками. Циферблат часов ошестинился острыми кристаллов, руку Сандерса будто охватил браслет из лунного камня.

В ста ярдах позади доктора за деревьями гроыхнул ружейный выстрел. В ответ дважды огрызнулся карабин, и до скорчившегося за стволом Сандерса донеслась мешанина звуков: топот бегущих ног, крики, ружейная пальба.

Внезапно все стихло. Сандерс ждал, вглядываясь в темноту вокруг себя. С тропинки донеслось несколько отрывочных, не вполне внятных звуков. Кто-то вскрикнул, и тут же последовал ружейный выстрел. Откуда-то донесся жалобный вопль африканца.

Пробираясь между деревьями, Сандерс пустился в обратный путь. В пяти ярдах от тропы, в ложбинке между корней дуба он наткнулся на тело умирающего проводника. Тот привалился к стволу дуба, отброшенный силой выстрела. Невидящими глазами смотрел он на приближающегося Сандерса, одной рукой прикрывая ручеек крови, бегущей из раздробленной груди. В десятке футов от него валялась островерхая каскетка, на которой отпечатался след маленькой ноги.

Сандерс опустил рядом с ним на колени. Африканец смотрел куда-то в сторону. Его влажные глаза неотрывно следили за просвечивающей между деревьев далекой рекой. Ее окаменевшая гладь, словно белоснежный лед, протянулась до самого переливающегося самоцветами леса на противоположном берегу.

Со стороны беседки завывала сирена. Сообразив, что Торенсен и его люди вряд ли станут с ним церемониться, Сандерс поднялся. Африканец молча умирал у его ног. Оставив его, Сандерс пересек тропинку и устремился к реке.

Когда он добрался до берега, в четверти мили от себя он увидел пришвартованный в крохотном озерце незамерзшей воды катер, неподалеку от которого открывалось устье узкого протока, огибающего полуразрушенный причал. С мостика светил прожектор, его лучи играли на белой поверхности, что обрамляла открытую воду.

Пригнувшись, Сандерс пробирался среди растущей по краю берега осоки. Перед ним, расцветенная блуждающим лучом прожектора, мерцала среди остекленевших деревьев его бегущая тень — темный силуэт, испещренный сверкающими самоцветами.

В полумиле вниз по течению русло расширилось, образуя обширный ледник. По другую его сторону Сандерс

увидел верхушки крыш далекого Монт-Ройяля. Словно пешеходная дорожка из застывшего газа, сквозь темноту уходила разрываемая глубокими провалами речная гладь. По дну протоки струилась ледяная вода, остаток бывшего полноводного потока. Сквозь трещины и расщелины Сандерс пытался заглянуть туда, в надежде отыскать тело капитана Радека, выброшенного на прибрежный лед.

Вынужденный покинуть реку, когда ее гладь вздыбилась чередой огромных наледей, доктор добрался наконец до окраины Монт-Ройяля. Покрытая инеем ограда и оставленное оборудование безошибочно позволяли узнать территорию инспекционного поста. Передвижная лаборатория, расположенные неподалеку столики и оборудование — все покрывал толстый слой инея. Веточки в центрифуге вновь расцвели сверкающими побегами самоцветов. Сандерс подобрал брошенный шлем, превратившийся в стеклянного дикобраза, и закинул его в окно лаборатории.

В темноте белые крыши домов шахтерского городка тускло светились, напоминая собой мрачные храмы какого-то некрополя. Их карнизы украшали бесчисленные шпили и готические химеры, связанные между собой перекинувшимся через дороги переплетением нитей. Стылый ветер разгуливал по пустынным улицам, блуждал по доходящему до пояса окаменевшему лесу ошетинившихся шипов, по вмурованным в него брошенным машинам, увязшим в этой чаще, словно ископаемые ящеры на дне древнего океана.

Превращения повсюду шли все быстрее и быстрее. Ноги Сандерса оказались заточены в огромные хрустальные шлепанцы. Торчащие из них шипы позволяли ему передвигаться по усеянной остриями обочине дороги, но направленные друг против друга иглы угрожали вскоре сраться воедино и приковать его к земле.

С востока доступ в город преграждал лес, а дорога была разворочена. Сандерс поплелся обратно к реке, надеясь перебраться через вереницу наледей и пробиться на юг к военному лагерю. Взявшись на первую из хрусталь-

ных глыб, он услышал, как подземные потоки вливаются из-под морены в свободный речной поток.

Наледь по диагонали пересекала длинная расщелина с низко нависшим над ней козырьком, она привела Сандерса к лабиринту галерей, напоминающих эфемерные колоннады готического собора. Далее ледопады рушились на белый пляж, который, казалось, служил южной границей пораженной зоны. Среди ледопадов открывались жерла погребенных протоков, и прозрачная струя пропитанной лунным светом воды устремлялась между глыбами, чтобы влиться в обмелевшую реку, уровень воды в которой понизился по крайней мере футов на десять. Сандерс брел по замерзшему берегу, вглядываясь в стеклянный лес по обе стороны от реки. Деревья здесь начинали тускнеть, хрустальные оболочки, будто подтаявший лед, лоскутьями облепляли стволы.

В пятидесяти ярдах дальше по ледяному пляжу, который сужался, омываемый потоком воды, Сандерс заметил стоящую под одним из низко нависших деревьев темную человеческую фигуру. Устало взмахнув рукой, доктор бросился к ней.

— Подождите! — позвал он, опасаясь, что человек может отступить в лес. — Я здесь...

В десяти ярдах от него Сандерс перешел на шаг. Человек не шевелясь стоял под деревом. Склонив голову, он держал на плечах большой обломок выловленного из реки дерева. Солдат, решил Сандерс, добывший годные для костра дрова.

Когда Сандерс подошел к нему поближе, человек шагнул вперед — угрожающе и в то же время пугливо. Отраженный от ледопадов свет расцветил его изуродованное тело.

— Радек... О Боже! — Потрясенный, Сандерс отшатнулся назад; споткнувшись о выступающий из-под льда корень, он чуть не упал. — Радек?..

Человек колебался — как раненое животное, которое никак не может решиться, сдаться ему на милость охотника или напасть. На плечах он по-прежнему нес закрепленную

Сандерсом деревянную жердь. Левую половину его тела болезненно перекосило, как будто он пытался сбросить с себя взгромоздившегося ему на плечи инкуба, но не мог поднять руку к ремню на затылке. Правая же, казалось, безвольно свешивалась с деревянной перекладины креста. Плечо было разворочено огромной раной, от локтя до груди зияла обнаженная плоть. Чудовищно ободранное лицо, с которого на Сандерса смотрел единственный глаз, все еще истекало кровью, капавшей вниз на белоснежный лед.

Узнав ремень, которым он приторочил к плечам Радека деревянную поперечину, доктор Сандерс сделал успокаивающий жест и шагнул вперед. Он вспомнил предостережение Вентресса и кристаллы, отломанные им от тела, пока он вытаскивал Радека из-под вертолета. Припомнил он и Арагона, постукивающего себя по клыку со словами: «Покрыт?.. Мой зуб из золота целиком, доктор».

— Радек, дайте я помогу... — Сандерс подступил ближе, видя, что Радек колеблется. — Поверьте, я хотел спасти вас...

Все еще пытаясь избавиться от деревянного груза, Радек устался сверху вниз на Сандерса. На его лице, казалось, отразились еще не оформившиеся мысли, а мигающий глаз сфокусировался на докторе.

— Радек... — Сандерс поднял руку, чтобы удержать его, не понимая, бросится ли капитан на него или устремится, словно раненый зверь, в лесную чашу.

Волоча ноги, Радек подобрался ближе. В горле у него что-то заурчало. Он попытался шагнуть дальше и чуть не опрокинулся под тяжестью раскачивающейся жерди.

— Заберите меня... — начал он и сделал еще один неверный шаг. Словно скипетр, вытянул перед собой окровавленную руку. — Заберите меня *назад!*

Он с трудом держался на ногах, под тяжелым ярмом его качало из стороны в сторону, одна нога шлепала по льду, а лицо заливало свечение лесных самоцветов. Сандерс смотрел, как капитан судорожно дернулся вперед, вытянув руку, словно собираясь опереться на плечо

доктора. Но он уже, казалось, забыл о Сандерсе, привлеченный играющим на ледопадах светом.

Сандерс отступил с его пути, но Радек, неожиданно шагнув вбок, развернул деревянную поперечину и вновь оказался перед доктором.

— *Заберите меня!..*

— Радек!.. — От удара у Сандерса перехватило дыхание, он, спотыкаясь, двинулся вперед, словно зевака, гонимый к некой кровавой Голгофе ее грядущей жертвой. Один неуверенный шаг за другим, все быстрее и быстрее, Радек теснил Сандерса, а перекладина на его плечах отрезала доктору все пути к спасению.

Сандерс бросился бегом в сторону ледопадов. В двадцати ярдах от первой из глыб, где выплескивались на поверхность подземные потоки, такие же темные и холодные, как и его воспоминания о внешнем мире, он развернулся и побежал к отмели. В последний раз, словно раненый зверь, закричал Радек, и Сандерс, погрузившись по самые плечи в реку, поплыл прочь по серебристой воде.

Маска

Несколько часов спустя, когда продрогший до костей Сандерс брел по опушке полыхающего всеми цветами радуги леса, он наткнулся на залитую лунным светом широкую и пустынную дорогу. Вдалеке виднелись очертания белого отеля. Со своим длинным фасадом и полуобвалившимися колоннами здание казалось подсвеченными лучом прожектора руинами. Слева от дороги лесистый склон венчали высившиеся над Монт-Роялем голубые холмы.

На сей раз, когда, подойдя поближе, он помахал рукой застывшему рядом с припаркованным у отеля одиноким «лендровером» человеку, тот с готовностью откликнулся. Второй часовой, охранявший разрушенный отель, перебежал через ведущую к зданию подъездную дорогу. Луч

прожектора с крыши автомобиля осветил мостовую прямо у ног доктора. Двое африканцев в форме местной медицинской службы вышли встретить его. В отвесах леса их подернутые влагой глаза не отрывались от Сандерса, когда они подсаживали его в машину, а темные пальцы испытующе ощупывали мокрую ткань его костюма.

Доктор Сандерс откинулся на заднее сиденье, слишком усталый, чтобы назвать себя. Один из мужчин уселся за руль и включил автомобильную радию. Пока он говорил что-то в микрофон, глаза его не отрывались от продолжающих таять на обуви и часах Сандерса кристаллов. Белый свет слабо искрился в темной кабине. Последние кристаллы на циферблате часов вспыхнули напоследок и померкли, а стрелки неожиданно дрогнули и начали вращаться.

Дорога служила внешней границей зараженной зоны, и доктору Сандерсу темнота вокруг него казалась крошечной, черный воздух — безжизненным и пустым. После нескончаемого мерцания остекленевшего леса стоящие вдоль дороги деревья, разрушенный отель и даже оба спутника Сандерса казались лишь своими собственными сумрачными образами, тусклыми копиями разноцветных, блистающих подлинников в каком-то далеком краю у истоков окаменевшей реки. Несмотря на все облегчение, которое испытывал Сандерс, ускользнув из леса, его не покидало ощущение серости и вторичности окружающего, ощущение того, что он стоит на слякотной отмели отыгравшего свое мира. Он чувствовал неудовлетворенность и разочарование.

К ним по дороге приближалась машина. Водитель просигналил прожектором, установленным на крыше «ленд-ровера», и она, развернувшись, замерла рядом с ними. Из машины выпрыгнул высокий мужчина в полевой военной форме, брошенной поверх гражданской одежды. Всмотревшись сквозь оконное стекло в Сандерса, он кивнул африканцу-шоферу.

— Доктор Сандерс?... — спросил он. — С вами все в порядке?

— Арагон! — Сандерс распахнул дверцу машины и начал было вылезать наружу, но Арагон жестом остановил его: — Капитан... я чуть не забыл. Луиза с вами? Мадемуазель Пере?

Арагон покачал головой:

— Она в лагере вместе с остальными приезжими. Мы подумали, что вы можете выйти с этой стороны, вот я и наблюдаю за дорогой. — Арагон чуть отодвинулся, чтобы лучше разглядеть лицо Сандерса в лучах фар. Он всматривался в глаза Сандерса, словно пытаясь оценить, какое воздействие оказал на него лес. — Вам повезло, что вы здесь, доктор. Боюсь, что многие из солдат заблудились в лесу — и они считают, что капитан Радек мертв. Пораженная зона стремительно разрастается во всех направлениях. Она уже увеличилась во много раз.

Водитель в машине Арагона заглушил двигатель. Когда свет от фар померк, Сандерс наклонился вперед:

— Луиза... она в безопасности, капитан? Я бы хотел ее повидать.

— Завтра, доктор. Она приедет в клинику ваших друзей. Вам сначала нужно повидать их, и она это понимает. Доктор Клэр и его жена находятся сейчас в клинике. Они о вас позаботятся.

Он вернулся в свою машину. Развернувшись, она умчалась по теряющейся во тьме дороге.

* * *

Через пять минут, после недолгого пути по ведущей к заброшенному руднику проселочной дороге, «лендровер» въехал на территорию принадлежащего миссии госпиталя. Кое-где в окнах теснящихся во дворе построек горели керосиновые лампы, и несколько семей аборигенов сгрудилось у своих тележек посреди двора, не выказывая никакого желания укрыться под крышей. В самом центре, у пересохшего фонтана, расположилась группа мужчин, в темноте белел дымок от их манильских сигар.

— Здесь ли доктор Клэр? — спросил Сандерс у шофера. — И миссис Клэр?

— Они оба здесь, сэр. — Шофер все еще искоса поглядывал на Сандерса, по-прежнему опасаясь этого материализовавшегося из хрустального леса призрака. — Вы доктор Сандерс, сэр? — отважился он спросить.

— Ну да. Они ждут меня?

— Да, сэр. Доктор Клэр вчера в Монт-Ройяль из-за вас, сэр, но в городе тревога, он уезжать.

— Знаю. Все пошло кувырком, — жаль, что я с ним разминулся.

Когда Сандерс вылез из машины, навстречу ему со ступенек лестницы устремилась знакомая фигура — одетый в белую хлопчатобумажную куртку полный мужчина с близорукими глазами под высоким выпуклым лбом.

— Эдвард?.. Старина, Бог мой!.. — он взял Сандерса за руку. — И где тебя только черт носил?

Сандерс почувствовал, как его впервые с момента прибытия в Порт-Матарре, а на самом деле даже с самого отъезда из лепрозория в Форт-Изабель, оставило напряжение.

— Макс, я сам хотел бы знать... как я рад вновь тебя увидеть. — Он крепко пожал руку приятеля и какое-то время не выпускал ее. — Здесь все словно сошло с ума... а как ты, Макс? И Сюзанна — как?..

— В порядке, с ней все в порядке. Подожди минутку. — Оставив Сандерса на ступеньках, Клэр подошел к двум доставившим его африканцам и потрепал каждого из них по плечу. Он оглядел остальных собравшихся во дворе аборигенов, в тусклых вспышках света пытающихся примоститься на своих пожитках, и помахал им рукой. В полумиле от них, за крышами госпитальных построек, в ночном небе над лесом сверкала грандиозная мантия серебристого света.

— Сюзанна будет так рада тебя увидеть, — сказал, вновь присоединяясь к Сандерсу, Макс. Он казался гораздо более озабоченным, чем был раньше. — Мы много говорили о тебе, — жаль, что вчера все так обернулось. Сюзанна договорилась посетить одну из бесплатных амбулато-

рий для шахтеров, и когда Торенсен со мной связался, отменить поездку было уже нельзя.— Оправдания звучали не слишком убедительно, и Макс, словно извиняясь, улыбнулся.

Они прошли во внутренний двор и направились к продолговатому коттеджу в его глубине. Сандерс остановился заглянуть в окна пустых больничных палат. Где-то гудел генератор, и в коридорах там и сям горели электрические лампочки, но казалось, что в здании никого нет.

— Макс... Я совершил ужасную ошибку.— Сандерс говорил вздохом, надеясь, что Сюзанна не появится и не прервет его. Через каких-нибудь полчаса, когда они втроем расслабятся со стаканами виски, удобно рассевшись в гостиной Клэров, образ Радека перестанет казаться реальным.— Этот человек, Радек — капитан медицинской службы,— я нашел его в самом центре леса совершенно кристаллизовавшимся. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Макс кивнул, окинув Сандерса с ног до головы более пристальным, чем обычно, взглядом. Тот продолжал:

— Я подумал, что единственный шанс спасти его — это погрузить тело в реку. Но мне пришлось буквально отрывать его... Часть кристаллов отвалилась, я не понимал...

— Эдвард! — Макс взял его за руку и потянул за собой по тропинке.— Ничего не...

Сандерс оттолкнул его руку:

— Макс, я наткнулся на него позже, у него были вырваны половина лица и груди!..

— Ради Бога! — Макс сжал пальцы в кулак.— Не ты первый так ошибся, не казни себя!

— Макс, я не... пойми меня правильно, это еще не все! — Сандерс заколебался.— Дело в том, что... он хотел *вернуться*! Он хотел вернуться в лес и снова кристаллизоваться. Он знал, Макс, он *знал* об этом!

Опустив голову, Клэр отступил на несколько шагов. Он посмотрел на темные, доходящие до пола окна коттеджа, за которыми, наблюдая за ними через приотворенную дверь, маячила высокая фигура его жены.

— А вон и Сюзанна,— сказал он.— Она, конечно, страшно рада тебя видеть, но, Эдвард... — Как-то рассеянно, будто голова его была занята совсем не тем, о чем рассказывал Сандерс, он добавил: — Тебе надо бы переодеться. У меня найдется для тебя подходящий костюм — одного из моих умерших пациентов, европейца,— если тебя это не смущает. Да и поесть тебе не помешает. В лесу чертовски холодно.

Сандерс смотрел на Сюзанну Клэр. Вместо того чтобы выйти ему навстречу, она отступила в сумрак гостиной, и поначалу Сандерс засомневался, не сохранилась ли все еще между ними какая-то неясность. Сандерс чувствовал, что бывшие его отношения с Сюзанной, если на то пошло, скорее связывают его с Максом, нежели разъединяют. Клэр выглядел отстраненным и беспокойным, можно было подумать, что приезд Сандерса его обидел.

Но на лице его жены Сандерс увидел приветливую улыбку. Сюзанна была в капоте из черного шелка, из-за которого ее высокая фигура становилась почти неразличимой среди густых теней гостиной; а выше, словно бледное пятно, парило ее лицо.

— Сюзанна... до чего я рад тебя видеть.— Засмеявшись, Сандерс взял ее за руку.— Я боялся, что вас обоих уже поглотил этот лес. У тебя все в порядке?

— Я так счастлива, Эдвард.— Не выпуская руки Сандерса, Сюзанна обернулась к мужу.— И рада, что ты здесь появился; теперь мы сможем разделить этот лес с тобой.

— Дорогая, я думаю, наш бедолага уже сыт им по горло.— Макс наклонился позади дивана над книжной полкой и зажег стоявшую прямо на полу настольную лампу. Тусклый свет озарил золотые буквы, вытесненные на кожаных корешках книг, остальная же часть комнаты по-прежнему тонула в темноте.— Ты отдаешь себе отчет, что лес держал его в плену со вчерашнего полудня?

— В плену? — Отвернувшись от Сандерса, Сюзанна подошла к застекленным дверям и затворила их. Всмотревшись в ослепительно сверкающее ночное небо над лесом, она уселась в кресло неподалеку от стоящего

у дальней стены комода черного дерева.— Подходящее ли это слово? Я завидую тебе, Эдвард, должно быть, это незабываемое, чудесное переживание...

— Ну... — Прислонившись к камину, Сандерс принял из рук Макса стакан с виски, и тот плеснул полпорции себе. Скрытая падающей от комода тенью, Сюзанна по-прежнему улыбалась Сандерсу, но на этот отзвук ее доселе хорошего настроения, казалось, накладывалась двусмысленная атмосфера гостиной. Быть может, виной всему была его усталость, но в их встрече что-то, казалось, было не так, словно в комнате исподволь возникло некое невидимое измерение. На нем все еще была одежда, в которой он плыл по реке, но Макс больше не предлагал ему переодеться.

Сандерс поднял стакан, обращаясь к Сюзанне.

— Думаю, что его действительно можно назвать чудесным,— сказал он.— Все дело в степени... я не был подготовлен ко всему, что увидел здесь.

— Это просто чудо... ты никогда этого не забудешь.— Сюзанна подалась вперед. Ее длинные черные волосы были зачесаны на необычный манер и, почти полностью прикрывая лицо, спадали спереди ей на щеки.— Расскажи мне все об этом, Эдвард, я...

— Дорогая.— Макс поднял вверх руку.— Дай человеку перевести дух. Ему, в общем-то, сейчас надо перекусить и отправиться в постель. Мы сможем обсудить все это за завтраком.— И он добавил для Сандерса: — Сюзанна проводит уйму времени, скитаясь по лесу.

— Скитаясь?..— переспросил Сандерс.— Что ты имеешь в виду?

— Только у опушки, Эдвард,— сказала Сюзанна.— Мы здесь на краю леса, но хватает и этого — я видела покрытые самоцветами своды.— Оживившись, она добавила: — Несколько дней назад я вышла еще до рассвета — и мои банальнейшие туфли оказались украшены кристаллами, мои ноги чуть не превратились в алмазы и изумруды!

Макс с улыбкой сказал:

— Дорогая, ты — принцесса в зачарованном лесу.

— Макс, я *была* ею... — кивнула Сюзанна, пристально глядя на мужа, не поднимавшего глаз от ковра. Она повернулась к Сандерсу: — Эдвард, теперь мы никогда не сможем отсюда уехать

Сандерс пожал плечами:

— Понятно, Сюзанна, но не исключено, что придется так поступить. Затронутая зона продолжает разрастаться. Одному Богу ведомо, каковы причины всего этого, но с виду не похоже, что этот процесс удастся остановить.

— А зачем пытаться? — Сюзанна снизу вверх посмотрела на Сандерса. — Разве не должны мы быть благодарны лесу за столь щедрый дар?

Макс допил виски.

— Сюзанна, ты как заправский миссионер. Но в данный момент Эдвард больше всего нуждается в том, чтобы поесть и сменить одежду. — Он направился к двери. — Я сейчас вернусь, Эдвард. Комната для тебя уже приготовлена. Выпей пока еще виски.

Когда он вышел, Сандерс сказал Сюзанне, наливая себе в стакан содовую:

— Ты, должно быть, устала. Извини, что не даю тебе лечь.

— Пустяки. Я теперь сплю днем — мы с Максом решили, что должны быть наготове круглые сутки. — Чувствуя, что это объяснение недостаточно убедительно, она добавила: — Если честно, я предпочитаю ночь. Ночью лучше виден лес.

— Да, это так. Ты не боишься его, Сюзанна?

— А с чего мне его бояться? Легче легкого пугаться собственных чувств, а не обстоятельств, их вызывающих. К лесу все это не относится — я приняла его со всеми сопутствующими страхами. — И она добавила более спокойным голосом: — Я рада, что ты здесь, Эдвард. Боюсь, Макс не понимает, что происходит в лесу. Я имею в виду, в широком смысле — со всеми нашими представлениями о времени и смерти. Как бы мне это выразить? «Жизнь, свод из многоцветного стекла, сиянье вечности прозрачное пятнает». Уверена, ты понимаешь.

Со стаканом в руке Сандерс пересек затемненную комнату. Хотя его глаза уже привыкли к скудному освещению, лицо Сюзанны по-прежнему тонуло в отбрасываемой черным комодом тени. На губах у нее продолжал играть слабый отблеск лукавой, почти манящей улыбки, которую он заметил с первого взгляда.

Но, подойдя ближе, он понял, что этот легкий изгиб губ не имел ничего общего с улыбкой, а вызван узелковым набуханием, утолщением тканей верхней губы. Кожа у нее на лице приобрела характерный оттенок, который Сюзанна пыталась скрыть под своими длинными волосами и толстым слоем пудры. Несмотря на этот камуфляж, Сандерс отчетливо видел узелковые припухлости, разбросанные по всему ее лицу, а когда она, вскинув плечо, откинулась на спинку кресла, он заметил еще одну из них на мочке левого уха. Проработав столько лет в лепрозории, он не мог не узнать начальной стадии развития так называемой «львиной маски».

Смущенный своим открытием, хотя он подспудно и догадывался об этом с момента получения первого письма Сюзанны из Монт-Ройяля, Сандерс прошел обратно через комнату, надеясь, что Сюзанна не заметила предательскую дрожь в его руке, из-за чего на ковер выплеснулось немного виски. На смену импульсивному возмущению, с которым он воспринял это преступление природы против той, кто потратила большую часть своей жизни, пытаясь вылечить от страшной болезни других, пришло чувство облегчения, словно как раз к этой-то болезни оба они и были психологически вполне подготовлены. Он понял, что все это время ждал, когда Сюзанна заразится, что, возможно, только этим она и была ему дорога. Даже их связь являлась не более чем попыткой приблизить эту развязку. Именно он, а отнюдь не бедолаги из лепрозория, был для Сюзанны истинным виновником болезни.

Сандерс допил виски и отставил стакан, потом повернулся к Сюзанне. Несмотря на их былую близость, ему казалось почти невозможным объяснить ей свои чувства. Помолчав, он с запинкой проговорил:

— Я так жалел, когда ты уехала из Форт-Изабель. На самом деле я едва удержался, чтобы не последовать за тобой. Тем не менее я рад за тебя. Кое-кто сочтет, что ты сделала странный выбор, но я все понимаю. Да и кто мог бы упрекнуть тебя за попытку ускользнуть от темной стороны солнца?

Сюзанна покачала головой, то ли озадаченная таинственным намеком, то ли предпочтя его не понимать.

— Что ты имеешь в виду?

Сандерс колебался. Хотя внешне казалось, что она улыбается, на самом деле Сюзанна всячески старалась обуздать непроизвольное подергивание своего рта. Ее некогда благородное лицо искажала едва скрываемая гримаса. Он сделал рукой неопределенный жест:

— Я подумал о наших пациентах в Форт-Изабель. Для них...

— Это не имеет к ним никакого отношения. Эдвард, ты устал, а мне пора в амбулаторию. Да и хватит морить тебя голодом.— Сюзанна проворно выпрямилась, ее стройная фигура возвышалась теперь над Сандерсом, напудренное лицо смотрело на него сверху вниз с напряженностью, чем-то напоминавшей доктору Вентресса. Затем еще раз по губам скользнула странная улыбка.

— Спокойной ночи, Эдвард. Увидимся за завтраком, тебе есть что нам рассказать.

Сандерс остановил ее у дверей:

— Сюзанна...

— В чем дело, Эдвард? — Она наполовину прикрыла дверь, отсекая свет, падавший ей на лицо из коридора.

Сандерс с неловкостью принялся подбирать слова и по полузабытой привычке потянулся, чтобы обнять ее. Затем, в равной степени и влекомый, и отталкиваемый ее обезображенным лицом, он понял, что должен сначала разобраться в своих собственных побуждениях, и отвернулся.

— Что я могу тебе рассказать, Сюзанна,— пробормотал он.— Ты сама все видела здесь в лесу.

— Не все, Эдвард,— ответила ему Сюзанна.— Когда-нибудь ты должен взять меня туда.

Белый отель

Луизу Пере на следующее утро Сандерс встречал, облачившись в одежду умершего. Ночь он провел в одном из четырех пустовавших коттеджей, отгораживавших небольшой внутренний дворик позади бунгало Клэров. Остальные европейцы из медицинского персонала уже покинули госпиталь, и перед завтраком Сандерс бродил по опустевшим коттеджам, пытаясь как-то подготовиться к предстоящей встрече с Сюзанной. Немногочисленные книги и журналы, оставшиеся на полках, нетронутые консервные банки на кухне казались предметами из какого-то иного, очень далекого мира.

Надетый Сандерсом костюм принадлежал ранее инженеру-бельгийцу с одной из шахт. Этот человек, приходившийся ему, как заключил Сандерс по покрою его брюк и пиджака, в общем-то ровесником, несколько недель назад умер от воспаления легких. В карманах доктор обнаружил раскошенную кору и несколько высохших листочков. Он призадумался, уже не подцепил ли бельгиец ставшую для него губительной простуду, собирая в лесу эти, искрившиеся тогда кристаллами, кусочки.

Сюзанна Клэр к завтраку не вышла. Когда Сандерс появился у бунгало Клэров, слуга проводил его в столовую, где Макс Клэр приветствовал его, предупреждающе подняв указательный палец.

— Сюзанна спит, — объяснил он Сандерсу. — У нее, бедняжки, выдалась непростая ночь — множество местных околачивается здесь под открытым небом, надеясь, как я понимаю, снять хороший урожай алмазов. С собой они привели и своих больных — по большей части безнадежных. Ну а ты, Эдвард? Как ты с утра себя чувствуешь?

— Вполне сносно, — сказал Сандерс. — Кстати, спасибо за костюм.

— Твой собственный уже высох, — сказал Макс. — Кто-то из слуг рано утром его выгладил. Ты, может, хочешь переодеться?..

— Этот вполне сойдет. Он к тому же и теплее.

Сандерс пощупал синюю саржу костюма. Темный материал казался в общем-то более подходящим для встречи с Сюзанной, чем его хлопчатобумажный тропический костюм, — подходящая маскировка для этой преисподней, где она спала днем и появлялась только по ночам.

Макс поглощал завтрак с большим аппетитом, обеими руками обрабатывая свой грейпфрут. Со времени их ночной встречи он совершенно расслабился, словно в отсутствие Сюзанны у него наконец-то появился шанс спокойно пообщаться с Сандерсом. В то же время Сандерс догадывался, что накануне его оставили на несколько минут наедине с Сюзанной умышленно, чтобы он мог самостоятельно сообразить, почему супруги Клэр перебрались в Монт-Ройяль.

— Эдвард, ты так ничего и не рассказал мне о своей вчерашней вылазке. Что на самом деле произошло?

Сандерс покосился на него через стол, озадаченный очевидным равнодушием Макса.

— Ты, наверное, видел ничуть не меньше меня, — весь лес остекленел. Кстати, ты хорошо знаешь Торенсена?

— Наша телефонная линия подключена к его конторской. Я несколько раз с ним встречался, да и костюм этот принадлежал одному из его инженеров. Он всегда играет в какие-то свои личные игры.

— А что за женщина живет с ним — Серена Вентресс? Как я понимаю, вокруг них здесь немало сплетен?

— Отнюдь. Ты сказал, ее зовут Вентресс? Наверное, какая-то кокотка, которую он подцепил на танцульках в Либревиле.

— Не совсем. — Сандерс решил больше не распространяться на эту тему. Пока они заканчивали завтрак, он описал Максу свое прибытие в Порт-Матарре и путешествие до Монт-Ройяля, рассказал о посещении исследовательского полигона. Под конец, когда они не спеша прошли мимо пустых больничных палат, обрамлявших внутренний двор, он заговорил о том, как объясняет эффект Хаббла профессор Татлин, и о своих собственных представлениях касательно его истинной сути.

Макса, однако, все это, похоже, вовсе не интересовало. Он явно считал кристаллизующийся лес капризом природы, который скоро исчерпает себя и не будет впредь мешать ему ухаживать за Сюзанной. В разговоре с Сандерсом он всячески обходил стороной все, что касалось ее. С известной гордостью он показал Сандерсу госпиталь, особо задержавшись на дополнительных палатах и рентгеновской аппаратуре, установленной ими с Сюзанной за время недолгого пребывания здесь.

— Поверь мне, Эдвард, мы поработали на славу, хотя, конечно, заслуга здесь не только наша. Большую часть пациентов поставляют нам горнодобывающие компании, и, следовательно, они же в основном и дали деньги.

Они не спеша шли вдоль ограды, окружавшей госпиталь с востока. Вдалеке, за одноэтажными постройками, был виден раскинувшийся во все стороны лес, мягко, словно покрытый витражами свод, сиявший в лучах утреннего солнца. Хотя дорога, проходящая мимо отеля «Бурбон», по-прежнему была чем-то вроде границы, зараженная зона, похоже, продвинулась еще на несколько миль вниз по течению, захватив лесистые берега реки. В паре сотен футов над джунглями воздух, казалось, непрерывно переливался, словно кристаллизующиеся атомы истаивали на ветру и им на смену из леса поднимались все новые и новые рекруты.

Крики и грохот бамбуковых палок отвлекли внимание Сандерса. Ярдах в пятидесяти от них, по ту сторону ограды, группа госпитальной прислуги вступила под сень леса. Они пытались отогнать поглубже заплонивших — Сандерс разглядел сидящие в тени ветвей силуэты — всю опушку аборигенов. В качестве демонстрации своей силы загонщики свистели в свистки и лупили палками по земле у самых ног аборигенов.

Заглянув под деревья, Сандерс прикинул, что там нашло приют по меньшей мере сотни две пришельцев, сгрудившихся стайками вокруг своих связанных в узлы пожитков и не отрывающих безжизненных взглядов от далекого леса. Все они, похоже, были либо калеками, либо

больными — с обезображенными лицами, со скелетоподобными руками и плечами. Некоторые отступили в глубь леса на несколько ярдов, захватив за собой больных, но остальные продолжали сидеть где сидели. Казалось, что они не замечают ни палок, ни свиста. Сандерс догадался, что к госпиталю их влекла не надежда на помощь и участие, нет, они воспринимали его просто как временный щит, прикрывающий их от леса.

— Макс, кто это, черт возьми?.. — Сандерс перешагнул через проволочную ограду. До ближайшей группки было каких-то двадцать ярдов, но на фоне мусора, разбросанного по подлеску, их темные тела оставались почти невидимыми.

— Какое-то нищенствующее племя, — объяснил Макс, выйдя вместе с Сандерсом за ограду. Он кивнул в ответ на приветствие одного из своих подчиненных. — Не беспокойся за них, они постоянно бродят по округе. Поверь, на самом деле они не хотят, чтобы им оказывали помощь.

— Но Макс... — Сандерс зашагал было через поляну. Аборигены, до тех пор глядевшие на него безучастно, теперь, когда он приблизился к ним, наконец хоть как-то среагировали. Какой-то старик с опухшей головой, скорчившись под взглядом Сандерса, припал к земле. Еще один спрятал между колен свои покрытые коростой руки. Казалось, что среди них не было детей, но взгляд Сандерса то и дело натывался на сверток, притороченный за спиной искалеченной женщины. Повсюду прокатилась волна беспокойства, они медленно съеживались на своих местах, втягивали головы в ссутулившиеся плечи, будто отдавая себе отчет, что спрятаться от него у них нет никакой возможности.

— Макс, они же...

Клэр взял его за руку, потянул обратно к изгороди.

— Да, Эдвард, да. Они прокаженные. Они ведь повсюду преследуют тебя? Увы, но мы ничего не можем для них сделать.

— Но Макс!.. — Сандерс резко повернулся. Он показал на пустые палаты во дворе. — Госпиталь пуст! Почему вы прогнали их?

— Мы их не прогоняли. — Клэр отвел глаза от деревьев. — Они все из небольшого лагеря — вряд ли его можно назвать лепрозорием, — который устроил один из католических священников. Когда он уехал, они просто разбрелись по округе. Все равно никакой особой помощи они там не получали, разве что он иногда за них молился — не слишком часто, если верить тому, что я слышал. А теперь они возвращаются — я думаю, их привлекает свет, исходящий от леса...

— Но почему не позаботиться кое о ком из них? У вас хватит места для нескольких десятков.

— Эдвард, мы не подготовлены, мы не в состоянии иметь с ними дело. Даже если бы мы захотели, из этого ничего бы не вышло. Поверь мне, я же должен подумать и о Сюзанне. У всех, знаешь ли, свои сложности.

— Конечно. — Сандерс взял себя в руки. — Я понимаю, Макс. Вы и так взяли на себя больше, чем могли.

Макс перебрался через ограду обратно во двор. Служки уже прочесали всю территорию между деревьями и теперь отгоняли последних прокаженных, постукивая палками по ногам медлительных стариков и калек.

— Я буду у себя в приемной, Эдвард. Часов в одиннадцать мы, может быть, чего-нибудь хлебнем. Если ты надумаешь куда-то выбираться, предупреди кого-нибудь из персонала.

Сандерс помахал ему рукой и отправился вдоль опушки леса. Служители, закончив свое дело, возвращались к проходной, положив палки на плечи. Прокаженные отступили в густую тень, почти скрывшись из виду, но Сандерс ощущал, как их глаза смотрят сквозь него на раскинувшийся вдали лес, единственное связующее звено между этими едва узнаваемыми человеческими существами и окружающим его миром.

— Доктор! Доктор Сандерс!

Обернувшись, Сандерс увидел Луизу Пере, направляющуюся к нему от припаркованной у входа штабной машины. Она помахала рукой глядящему на нее сквозь ветровое стекло французскому лейтенанту. Тот широким жестом отсалютовал ей и уехал.

— Луиза... Арагон сказал, что ты приедешь сегодня утром.

Луиза подошла к нему и, широко улыбаясь, взяла за руку:

— Я с трудом тебя узнала, Эдвард. Прямо-таки маскировочный костюм.

— Такое ощущение, что он мне сейчас нужен.— Усмехнувшись, Сандерс показал на деревья в каких-нибудь двадцати ярдах от них, но Луиза не заметила сидящих в тени пораженных.

— Арагон сказал, что ты застрял в лесу,— продолжала она, критически оглядывая Сандерса.— Но ты, кажется, цел и невредим. Я разговаривала с доктором Татлиным, этим физиком, и он объяснил свои теории относительно леса — очень сложные, поверь мне, все про звезды и время, ты будешь поражен, когда я тебе их расскажу.

— Не сомневаюсь.

С удовольствием прислушиваясь к ее беспечной болтовне, Сандерс взял ее под руку и увлек по направлению к теснящимся позади госпиталя коттеджам. После запаха антисептиков и пропитывающего все вокруг ощущения болезни и компромисса с жизнью быстрая походка Луизы и ее свежее тело явились, казалось, из какого-то позабытого мира. Ее белые юбка и блузка сияли на фоне пыли и мрачных деревьев со скрытыми за ними соглядатаями. Ощувив, как соприкасаются их бедра, Сандерс на миг почти поверил, что навсегда уходит с нею из Монт-Ройяля, госпиталя и леса.

— Луиза! — Он со смехом прервал ее краткий отчет о проведенном на армейской базе вечере.— Ради Бога, помолчи. Затем перечислять мне всех офицеров в лагере?

— Да я не про то! Эй, куда ты меня ведешь?

— Угостить тебя кофе. Выпить что-нибудь покрепче самому. Пойдем в мой коттедж, слуга Макса принесет нам туда все, что нужно.

Луиза заколебалась.

— Ну хорошо. Вот только...

— Сюзанна? — Сандерс пожал плечами.— Она спит.

— Что? Сейчас?

— Она спит все дни напролет — ночью ей нужно де-
журить в амбулатории. По правде говоря, я ее почти не
видел. — И он быстро добавил, понимая, что совсем не
обязательно Луиза хотела услышать от него именно этот
ответ: — Зря я сюда ехал — все само собой сошло на нет.

Луиза кивнула.

— Хорошо, — сказала она, вряд ли убежденная до кон-
ца. — Возможно, все к тому и шло. Ну а твой друг — ее
муж?

Прежде чем Сандерс успел ответить, Луиза остано-
вилась и схватила его за руку, встревоженно указывая в сто-
рону деревьев. Здесь, в стороне от дороги и проходной,
прокаженных отогнали всего на несколько ярдов, и их ли-
шенные выражения лица отчетливо виднелись под деревь-
ями.

— Эдвард, вон там, что это за люди?

— Человеческие существа, — ровным голосом ответил
Сандерс. И с еле заметным сарказмом добавил: — Не пу-
гайся.

— Я и не пугаюсь. Но что они делают? О Боже, там их
сотни! И пока мы с тобой разговаривали, они все время
были здесь.

— Вряд ли им пришлось в голову нас слушать. — Сан-
дерс подтолкнул Луизу к пролomu в ограде. — Бедолаги,
они просто-напросто сидят там как заколдованные.

— Кем же это? Мною?

На это Сандерс громко рассмеялся. Вновь взяв Луизу
за руку, он крепко сжал ее.

— Дорогая, что с тобой сделали эти французы? Это я
околдован тобою, а этих людей, боюсь, влечет только лес.

Они пересекли тесный двор и вошли в коттедж Сан-
дерса. Позвонив в колокольчик, он вызвал слугу Клэров
и заказал ему кофе для Луизы и виски с содовой для себя.
Получив заказанное, они расположились в гостиной. Сан-
дерс включил вентилятор на потолке и снял пиджак.

— Ну что, маскировку долой? — спросила Луиза.

— Ты права. — Придвинув скамеечку для ног, Сандерс
уселся на нее у самого диванчика. — Я рад, что ты здесь,
Луиза. Теперь это место не так похоже на могилу.

Подавшись вперед, он забрал у нее из рук чашечку и блюдо. Потом поднялся, чтобы сесть с ней рядом, но передумал и, подойдя к окну, выходящему на бунгало Клэров, опустил пластиковое жалюзи.

— Для человека, столь не уверенного в себе, ты, Эдвард, иногда бываешь потрясающе расчетливым. — Луиза с улыбкой наблюдала, как он усаживается рядом с ней. Оттолкнув для вида его руку, она спросила: — Ты что, все еще испытываешь себя, мой дорогой? Женщина всегда предпочитает знать, какая ей отводится роль, в особенности — в такие моменты. — Сандерс на это промолчал, и она указала на жалюзи: — Мне показалось, ты сказал, что она спит. Или нетопыри-вампиры вылетают здесь и днем?

Когда она рассмеялась, Сандерс крепко взял ее рукой за подбородок:

— День или ночь — какая теперь разница?

* * *

На ленч они остались в коттедже Сандерса, а потом он рассказал о том, что пережил в лесу:

— Я помню, Луиза, когда я только-только появился в Порт-Матарре, ты сказала мне, что это — день весеннего равноденствия. Раньше мне, конечно же, не приходило в голову, но теперь я отчетливо осознал, до какой степени все вне леса разделялось на светлое и темное, — это было отлично видно в Порт-Матарре с его странным освещением в галереях и джунглях вокруг города — даже в его людях, сплошь и рядом оказывавшихся темными и светлыми двойниками друг друга. Если оглянуться назад, все они словно разобьются на пары — Вентресс в своем белом костюме и шахтовладелец Торенсен с его чернокожей бандой. Теперь они сражаются где-то в лесу над телом умирающей женщины. Далее, Сюзанна и ты сама — ты с ней не встречалась, но она твоя полная противоположность, неуловимая и сумеречная. При твоём же появлении сегодня утром мне показалось, что ты сошла прямо с солнца. Опять же, есть еще и Бальтус, священник с лицом как

посмертная маска, хотя одному только Богу известно, кто его двойник.

— Быть может, ты, Эдвард.

— Может, ты и права; мне кажется, он пытается освободиться от своей веры — точно так же, как я пытаюсь ускользнуть от Форт-Изабель и лепрозория, — на это мне указал бедняга Радек.

— Но откуда, Эдвард, это деление на черное и белое? Люди становятся теми или другими в зависимости от твоего взгляда на них.

— Ты думаешь? Я подозреваю, что все это гораздо сложнее. Вполне возможно, что существует некое коренное отличие между светом и тьмой, унаследованное нами от всех предшествующих форм жизни. В конце концов, отклик на свет — это отклик на возможность жизни как таковой. Насколько нам известно, это существеннейшее разграничение — чего доброго, вообще единственное — утверждалось в человеке буквально каждый день на протяжении сотен миллионов лет. Грубо говоря, само течение времени поддерживает в нас это убеждение, а теперь, когда время отступает, мы начинаем отчетливее видеть контрасты буквально во всем. Дело не в том, чтобы соотносить те или иные морально-этические представления со светом или тьмой, — я не принимаю ни сторону Вентресса, ни сторону Торенсена. Если смотреть на них по отдельности, они кажутся нелепыми, но, возможно, лес сделает их самодостаточными. Там, в этой радужной обители, трудно отличить одно от другого.

— А Сюзанна — твоя темная леди, — что она для тебя значит?

— Я не вполне уверен — очевидно, она в каком-то смысле представляет лепрозорий и все, что за ним стоит, — темную сторону равноденствия. Поверь, я наконец понял, что руководствовался, работая в лепрозории, отнюдь не только гуманистическими соображениями; но одного осознания этого факта мало, чтобы мне помочь. Конечно, у души имеется темная сторона, и, полагаю, все, что можно сделать, — это отыскать другую ее грань

и попытаться примирить их между собой — это и происходит в лесу.

— Долго ли ты собираешься здесь оставаться? — спросила Луиза. — Я имею в виду в Монт-Ройяле?

— Еще несколько дней. Я не могу тут же развернуться и уехать. С моей точки зрения, эта поездка обернулась полной неудачей, но я же их обоих почти не видел, а им, может быть, нужна моя помощь.

— Эдвард... — Луиза подошла к окну. Потянув за шнур, она подняла пластинки жалюзи так, что между ними хлынул полуденный свет. На фоне солнца белая одежда и бледная кожа внезапно превратились в темный силуэт. Пока она играла со шнуром, то открывая, то вновь закрывая жалюзи, ее стройную фигуру то заливал свет, то она уходила в тень, словно изображение, пропущенное сквозь шторный затвор фотоаппарата. — Эдвард, завтра в Порт-Матарре возвращается военный катер. Сразу после обеда. Я решила на нем уехать.

— Но Луиза...

— Мне пора возвращаться. — Выставив вперед подбородок, она посмотрела ему прямо в лицо. — Нет никакой надежды отыскать Андерсона — он наверняка уже мертв, и мой долг — добраться до своего бюро, чтобы они опубликовали мой репортаж.

— Репортаж? Дорогая, не следует уделять внимание таким мелочам. — Сандерс отошел за графином с виски, одиноко стоявшим на буфете. — Луиза, я надеялся, что ты сможешь остаться со мной... — Он смолк, осознав, что Луиза просто испытывает его, и не захотел ее огорчать. Как бы он ни относился к Сюзанне, он знал, что должен будет на какое-то время остаться с ней и Максом. Прокляза Сюзанны разве что сделала более насущной его потребность остаться с ней. Несмотря на ее отчужденность прошлой ночью, Сандерс знал, что кроме него некому понять истинную природу ее недуга и его значение для них обоих.

Луизе, когда она взяла свою сумочку, он сказал:

— Я попрошу Макса позвонить на базу, чтобы за тобой прислали машину.

Оставшуюся часть дня Сандерс провел в коттедже, разглядывая возложенную на далекий лес корону света. Позади него, за внешней оградой, прокаженные вновь расположились под прикрытием деревьев. Когда дневной свет начал понемногу меркнуть, в хрустальном лесу по-прежнему сияло солнце, и старики со старухами подобрались к самой кромке деревьев и стояли там, как боязливые призраки.

Когда сгустились сумерки, вновь появилась Сюзанна. То ли она и в самом деле спала, то ли, как и Сандерс, просидела весь день в своей комнате за опущенными шторами,— узнать этого он не мог, но за обедом она казалась даже более отстраненной, чем во время их предыдущей встречи; ела она нервно, будто через силу заставляя себя глотать лишенную всякого вкуса пищу. Она успела разделаться со всеми блюдами, пока Сандерс и Макс продолжали беседовать, потягивая свое вино. Ее темное платье сливалось в неверном освещении с бархатной занавеской на единственном окне, повешенной, разумеется, исключительно для Сандерса, а с дальнего конца стола, куда его усадила Сюзанна, даже напудренная белая маска ее лица казалась расплывшимся в дымке пятном.

— Показывал ли Макс тебе наш госпиталь? — спросила она. — Надеюсь, он произвел на тебя впечатление?

— И большое, — сказал Сандерс. — В нем нет пациентов. — И добавил: — Странно, зачем тебе вообще нужно тратить время на амбулаторию?

— По ночам сюда стекается немало аборигенов, — объяснил Макс. — Днем они толкуются вокруг леса. Один из шоферов рассказал мне, что они начинают переправлять своих больных или умирающих в зараженную зону. Чтобы они тут же стали мумиями, я полагаю.

— Но до чего же это великолепно, — сказала Сюзанна. — Словно мушка в янтаре своих собственных слез или же окаменелость, насчитывающая не один миллион лет. Надеюсь, армия не станет их задерживать.

— Им их не остановить,— вмешался Макс.— Если эти люди хотят совершить самоубийство, это их право. Впрочем, армия едва успевает со своей собственной эвакуацией.— Он повернулся к Сандерсу.— Все это выглядит комично. Стоит им разбить где-то лагерь, как тут же приходится сниматься с места и отступать на очередную четверть мили.

— Как быстро расширяется зона?

— На сотню футов в день, если не больше. По сообщениям военного радио, во Флориде началась паника. Половина штата уже эвакуирована, а зона протянулась нынче от Эверглейдских топей до самого Майами.

Тут подняла свой бокал и Сюзанна:

— Ты можешь себе это представить, Эдвард? Целый город! Все эти сотни белоснежных отелей превратились в витражи — это должно выглядеть как Венеция во времена Тициана и Веронезе или Рим с десятками соборов Святого Петра.

Макс рассмеялся:

— Тебя послушать, Сюзанна, так это новый Иерусалим. Смотри, не успеешь оглянуться, как окажешься ангелом посреди этого готического великолепия.

Сандерс ожидал, что после обеда Клэр покинет их и даст ему побыть несколько минут с Сюзанной наедине, но Макс вместо этого достал из комода черного дерева шахматную доску и стал расставлять на ней фигуры. Стоило им начать игру, как Сюзанна извинилась и выскользнула из комнаты.

Пока Сандерс ждал, что она вернется, прошел час. В десять он сдался и, пожелав Максу спокойной ночи, предоставил ему разбирать возможные варианты эндшпиля.

Не в силах заснуть, Сандерс слонялся по своему коттеджу, допивая остатки виски из графина. В одной из пустых комнат он обнаружил кипу французских иллюстрированных журналов и принялся было их пролистывать, надеясь, что под какой-нибудь статьей его глаз наткнется на фамилию Луизы.

Повинуясь неясному импульсу, он вышел из коттеджа в темноту и отправился к внешней ограде. В двадцати

ярдах от проволоки он различил сидящих в лунном свете прокаженных. Они выбрались на открытое пространство — прямо под лунный свет, словно собрались загорать под полуночным солнцем. То один, то другой, волоча ноги, пробирался через ряды застывших в полусне людей, примостившихся прямо на земле или восседающих на своих узлах.

Таясь в отбрасываемой коттеджем тени, Сандерс обернулся и проследил за направлением их взглядов. Над лесом разливалось обширное озеро света, чью гладь нарушали только смутные очертания отеля «Бурбон».

Сандерс вернулся на территорию госпиталя, пересек внутренний двор и отправился к внешней ограде, туда, где она, повернув, устремлялась к полуразрушенному отелю, сейчас скрытому от него за деревьями, между которыми, огибая заброшенные копи, бежала тропинка. Сандерс перешагнул через ограду и двинулся сквозь наполнявшую воздух темноту к отелю.

* * *

Через десять минут, стоя на верхней из широких ступеней, сбегавших среди обвалившихся колонн вниз, он увидел, как внизу, омываемая лунным светом, идет Сюзанна Клэр. В нескольких местах зараженная зона затронула шоссе и небольшие клочки кустарника по обочинам уже начали стекленеть, посеревшие листья испускали там слабое свечение. Между этими кустами и шла Сюзанна, ее длинный халат волочился по хрупкой земле. Сандерс видел, что туфли и подол ее одеяния начали кристаллизоваться, в лунном свете поблескивали крохотные призмы.

Сандерс начал спускаться по ступеням вниз, рассеянные среди колонн осколки мрамора врезались ему в ноги. Обернувшись, Сюзанна заметила его. В первый момент она отшатнулась к дороге, но, тут же его узнав, поспешила по заросшему травой подъезду, ведущему к отелю.

— Эдвард!..

Опасаясь, что она споткнется, Сандерс потянулся, чтобы взять ее за руки, но Сюзанна проскользнула вперед

и прижалась к его груди. Сандерс обнял ее, ощущая щекой прикосновение темных волос. Ее талия и плечи были как лед, шелковая материя холодила руки.

— Сюзанна, я подумал, что ты можешь оказаться здесь.— Он попытался отстраниться, чтобы заглянуть ей в лицо, но она крепко вцепилась в него, будто в партнера по танцу во время замысловатого па. Она смотрела куда-то в сторону, и потому казалось, что голос ее доносится из развалин, возвышавшихся у нее за левым плечом.

— Эдвард, я прихожу сюда каждую ночь.— Она показала на верхние этажи отеля.— Я была здесь вчера, я видела, как ты вышел из леса! Ты знаешь, Эдвард, твоя одежда сияла!

Сандерс кивнул, и они вдвоем направились к ступеням. Словно для того, чтобы пригладить волосы, Сюзанна поднесла одну руку ко лбу и так и оставила ее — отгораживая их друг от друга; второй же рукой она крепко прижимала его ладонь к своей ледяной талии.

— А Макс знает, что ты здесь? — спросил Сандерс.— Он может прислать кого-либо из слуг за тобой присмотреть.

— Мой дорогой Эдвард! — Сюзанна в первый раз рассмеялась.— Макс ни о чем не подозревает, он спит себе, бедняга,— он понимает, что живет в преддверии кошмара... — Она смолкла, опасаясь, как бы Сандерс не догадался, что она имела в виду свое собственное положение.— То есть леса. Ему никогда не понять, что это такое. А ты, Эдвард, понимаешь, я сразу же это заметила.

— Может быть...

Они поднялись по ступеням, миновав капители обрушившихся колонн, и вступили в просторную залу. Высоко над головой сквозь венчавший лестницу полуобвалившийся купол Сандерсу были видны россыпи звезд, но свет, исходящий от леса вокруг, оставлял залу почти в полной темноте. И сразу он почувствовал, как Сюзанна расслабилась. Взяв его за руку, она обошла разбитую люстру у подножия лестницы.

Они поднялись на следующий этаж и свернули по коридору налево. Сквозь разломанные дверные панели

Сандерс видел источенные червями громады платяных шкафов и повалившиеся спинки кроватей, все это напоминало заброшенные памятники в некоем мавзолее, воздвигнутом в честь позабытого прошлого этого отеля.

— Вот мы и пришли.— Сюзанна шагнула сквозь запертую дверь с вывалившейся центральной панелью. В этой комнате сохранилась нетронутой ампирная мебель, в углу у окна возвышался письменный стол, а туалетный столик без зеркала служил рамой для раскинувшегося внизу пейзажа. Пол покрывала пыль, по которой вились дорожкой следы маленьких ног.

Сюзанна присела на край кровати и безмятежно, как жена, вернувшаяся с мужем домой, распахнула халат.

— Как ты считаешь, Эдвард, мое пристанище ближе к земле или к облакам?

Сандерс оглядел пыльную комнату, пытаясь обнаружить что-либо, несущее на себе отпечаток ее личности. Кроме следов на полу, в комнате не оказалось ничего хоть как-то напоминающего о ней, будто в пустых комнатах белого отеля обрел приют бесплотный призрак.

— Комната мне нравится,— сказал он.— Отсюда великолепный вид на лес.

— Я прихожу сюда только по вечерам, и тогда пыль становится похожа на лунный свет.

Сандерс сел на кровать рядом с ней. Он с опаской покосился на потолок, побаиваясь, что в любой момент отель может рухнуть и, превратившись в гору мусора, погresti их с Сюзанной в своей утробе. Он ждал, чтобы темнота рассеялась, в полной мере осознавая контраст между Сюзанной с ее комнатой в заброшенном отеле, заставленной залитой лунным светом ампирной мебелью, и освещенной лучами солнца комнатой в коттедже, где они с Луизой занимались сегодня утром любовью. Тело Луизы покоилось рядом с ним, словно кусочек солнца, золотая одалиска, заточенная в гробнице фараона. Когда теперь он в свою очередь обнимал холодное тело Сюзанны, стараясь не коснуться руками ее лица, тускло, словно луна в облаках, светившегося рядом с ним во тьме, ему вспомнились слова Вентресса: «У нас иссякает время,

Сандерс...» Время иссякало, и его отношения с Сюзанной, из которых ушло все, кроме образа проказы и того, что она символизировала для Сандерса, тоже начали рассыпаться в пыль, лежащую повсюду, стоит лишь выйти из леса.

— Сюзанна... — он приподнялся и сел рядом с ней, пытаясь растереть свои руки, чтобы вернуть в них хоть немного тепла. Ее груди показались ему наполненными льдом чашами. — Завтра я отправляюсь обратно в Порт-Матарре. Мне пора возвращаться.

— Что? — Сюзанна рывком натянула на себя халат, замуровав во мраке белые очертания своего тела. — Но, Эдвард, я думала, что ты...

Сандерс взял ее за руку:

— Дорогая, помимо моих обязательств перед Максом у меня ведь еще есть и пациенты в Форт-Изабель. Я не могу бросить их.

— Они были и моими пациентами. Лес распространяется повсюду, ни я, ни ты ничего больше не можем для них сделать.

— Возможно... чего доброго, я опять думаю только о себе... и тебе, Сюзанна...

Пока он говорил, она поднялась с кровати и теперь стояла перед ним, сметая подолом темного халата пыль с пола.

— Останься с нами на неделю, Эдвард. Дерен не будет бить тревогу, он же знает, что ты здесь. Через неделю...

— Через неделю, чего доброго, нам всем придется отсюда уехать. Поверь мне, Сюзанна, я же был у леса в плену.

Она подошла к нему, запрокинув лицо в дорожке лунного света, словно собираясь поцеловать его в губы. И тут он понял, что это был отнюдь не романтический жест, — Сюзанна наконец показывала ему свое лицо.

— Эдвард, вот только что... Знаешь, с кем... с кем ты занимался любовью?

Пытаясь ее успокоить, Сандерс коснулся рукой ее плеча:

— Знаю, Сюзанна. Прошлой ночью...

— Что? — Она отшатнулась от него, снова спрятав лицо. — Что ты имеешь в виду?

Сандерс шел за нею через комнату.

— Прости, Сюзанна. Это может звучать как лицемерное утешение, но я поражен этим не меньше.

Прежде чем он мог до нее дотронуться, она выскользнула за дверь. Подхватив свой пиджак, он устремился следом и увидел, как она спешит по коридору к лестнице. Когда он добрался до вестибюля, она уже бежала среди рухнувших колонн — на добрых пятьдесят ярдов впереди него, и ее темное одеяние показалось огромной вуалью, когда она устремилась прочь от отеля по тропинке, заросшей кристаллами.

Дуэль с крокодилом

В полночь, когда Сандерс дремал в своей комнате, до него донесся шум далекой суматохи. Он так устал, что почти не мог спать, но переутомление мешало ему и вслушаться внимательнее, поэтому он просто не обратил внимания на громкие голоса и блуждающий над крышами и отражающийся от окрестных деревьев прерывистый луч установленного на «лендровере» прожектора.

Позднее шум поднялся вновь. Кто-то во дворе госпиталя заводил ручную мотор допотопного грузовика. Пока мотор чихал и кашлял, а вокруг грузовика шли оживленные переговоры, Сандерс слышал по звуку шагов, как в шале вбегают и выбегают все новые люди. Похоже, что подняты на ноги были все слуги, и теперь они перебежали через двор из комнаты в комнату и громко хлопали дверцами шкафов.

Заметив наконец, что кто-то с факелом в руках обследует растительность у него под окном, Сандерс вылез из постели и оделся.

В столовой своего шале он наткнулся на одного из слуг, глядящего через открытое окно на лес.

— Что происходит? — спросил доктор Сандерс. — Что, черт побери, вы здесь делаете? Где доктор Клэр?

Слуга показал на двор:

— Доктор Клэр у грузовика, сэр. В лесу неприятности, он идти смотреть.

— Что за неприятности? — Сандерс подошел к окну. — Лес что, наступает?

— Нет, сэр, не наступает. Доктор Клэр говорить вы спать, сэр.

— А где миссис Клэр? Где-то тут?

— Нет, сэр. Миссис Клэр занят сейчас.

— Что это значит? — настаивал доктор Сандерс. — Я думал, она на ночном дежурстве. Ну, так в чем дело?

Слуга колебался, его губы беззвучно шевелились, подбирая вежливые слова, оставленные Максом, чтобы успокоить Сандерса. Он уже совсем было собрался промямлить что-то, когда во внутреннем дворе послышался звук шагов. Сандерс направился к двери, навстречу ему шел Макс в сопровождении двух помощников.

— Макс! Что происходит — начинается эвакуация?

Клэр остановился прямо перед ним. Его рот был плотно сжат, подбородок прижат к груди, на нависающем куполе лба в свете факелов поблескивали капельки пота.

— Эдвард... Сюзанна не у тебя?

— Что? — Сандерс отступил от двери, приглашая Клэра зайти внутрь. — Дорогой мой... Она ушла? Куда?

— Хотел бы я знать. — Клэр подошел к двери, заглянул внутрь коттеджа, не в состоянии решить, стоит ли воспользоваться приглашением Сандерса. — Она ушла пару часов назад одному Богу ведомо куда. Ты ее не видел?

— Нет, с самого вечера. — Сандерс начал застегивать рукава рубашки. — Ну что, Макс, пошли ее искать!

Клэр поднял руку:

— Только без тебя, Эдвард. У меня и так хватает проблем. На холмах есть одно или два поселения, — привел он ни для кого не убедительный довод. — Она могла

отправиться туда навестить больных в лазарете. Оставайся здесь вместо меня, а я возьму «лендровер» и пару людей. Остальные могут воспользоваться грузовиком — пусть проверят отель «Бурбон».

Сандерс начал было возражать, но Клэр повернулся и зашагал прочь. Сандерс проводил его до стоянки и оставался, глядя, как Макс садится в машину.

Потом он повернулся к слуге:

— Значит, она вернулась в лес... бедная женщина!

Слуга устался на него:

— Вы знаете, сэр?

— Нет, но я тем не менее уверен. У каждого из нас есть нечто, упоминания о чем мы не переносим. Скажите водителю грузовика, чтобы он подождал: он сможет подбросить меня до отеля.

Слуга схватил его за руку:

— Вы уходите, сэр... в лес?

— Конечно. Она где-то там... и я должен убедиться в своей правоте.

Допотопный движок грузовика наконец-то ожил, его назойливое урчание заполонило весь двор. Сандерс забрался через откидной борт в кузов, и грузовик, тут же двинувшись с места, медленно обогнул фонтан. Позади шофера сидели шесть санитаров.

Через пять минут они добрались до шоссе и с грохотом покатали сквозь крошечную темноту в сторону белой громадины отеля «Бурбон». Грузовик остановился на заросшей травой проселочной дороге, его фары осветили лес. Когда лучи света наткнулись на кристаллические деревья, вся масса леса вспыхнула вплоть до самой реки в полумиле к югу.

Спрыгнув через борт, доктор Сандерс подошел к шоферу. Никто не видел, как уходила Сюзанна, но по тому, сколь внимательно они вглядывались в лес, было ясно — все они считают, что туда-то она и направилась. Но их нерешительное топтание возле машины свидетельствовало, что никто из них не собирался за ней последовать. Когда Сандерс попробовал поднажать на шофера, тот пробубнил что-то невнятное о «белых призраках», обходящих

дозором лесной массив,— порожденных, вероятно, мимо-летними видениями преследующих друг друга Вентресса и Торенсена — или Радека, ковыляющего к своей утраченной могиле.

Через пять минут, когда он понял, что никакого прогресса в организации поисковой партии не предвидится — водитель заявил, что не оставит свои фары без присмотра, а остальные потянулись к отелю «Бурбон» и, рассевшись на корточках среди упавших колонн, устроили перекур,— доктор Сандерс зашагал по шоссе один. Слева от него лесное сияние отбрасывало холодный лунный свет на лежащую ему под ноги щебенку и высветило поворот на узкую проселочную дорогу, уходившую к реке. Сандерс заглянул в глубь этого ущелья, уводившего в лучезарный мир. С минуту он колебался, вслушиваясь в затихающие голоса африканцев. Затем, засунув руки в карманы, двинулся по обочине дороги, прокладывая себе путь между становящимися все гуще и гуще стеклянными шипами.

* * *

Минут через пятнадцать он добрался до реки и перешел ее по разрушенному мосту, повисшему на отороченных серебром балках над замерзшей речной гладью наподобие изукрашенной самоцветами паутины. Извиваясь среди заиндевевших деревьев, белая лента реки уходила вдаль. Немногочисленные речные суденышки у ее берегов так заросли ином и настом, что их едва можно было узнать. Исходящий от них свет казался более темным и насыщенным, словно они затаивали свой блеск внутри себя.

К этому времени его костюм вновь начал сиять в темноте; сквозь тонкий слой инея, покрывавший ткань, пробились хрустальные наросты. Процесс кристаллизации здесь шел быстро, а его башмаки вскоре оказались заточенными в призматические чаши.

Монт-Рояль обезлюдел. Прихрамывая, Сандерс пробирался по пустынным улочкам города среди возвышающихся как надгробия белых зданий и наконец добрался до

гавани. Стоя на причале, он разглядел вдалеке по ту сторону замерзшей речной глади когда-то бывшую водопадом наледь. Она стала теперь еще выше и являла собой непреодолимый барьер между ним и отступившими куда-то на юг военными.

Перед самым рассветом он поплелся через город обратно в надежде отыскать беседку, где укрывался со своей умирающей невестой Торенсен. По дороге он наткнулся на свободный от всяких наростов участок тротуара прямо под разбитым окном склада, где хранилось добытое в местных копях. По тротуару кто-то разбросал пригоршни камней; кольца с рубинами и изумрудами, брошки и подвески с топазами лежали вперемешку с бесчисленными мелкими камнями и промышленными алмазами. Весь этот брошенный впопыхах урожай холодно поблескивал в лунном свете.

Стоя среди камней, Сандерс заметил, что кристаллические наросты на его обуви потихоньку растворяются, тают, словно сосульки, на которые откуда-то повеяло жаром. Куски кристаллов отпадали, а затем таяли, исчезая в воздухе.

Тут он понял, почему Торенсен принес молодой женщине самоцветы и почему она так хищно на них набросилась. По какому-то прихотливому капризу — то ли оптической, то ли электромагнитной природы — собранный внутри камней в ослепительный фокус свет параллельно порождал и уплотнение, сгущение времени, и тем самым истечение света с их граней поворачивало вспять процесс кристаллизации. Возможно, именно этот дар — дар времени — и объяснял извечную притягательность драгоценных камней, так же как и очарование всей барочной живописи и архитектуры. Замысловатые гребни и картуши, занимающие гораздо больше места, чем того требует их объем, тем самым, кажется, содержат некое объемлющее, всеохватывающее время, навязывая непреодолимое ощущение бессмертия, которое невольно испытываешь и в соборе Святого Петра, и в Нимфенбургском дворце. Явный контраст с этим представляет архитектура двадцатого века с ее типичными прямоугольными фасадами, лишенными

любых украшений, с ее канонически евклидовым пространством. Она по сути является архитектурой Нового Света, уверенного, что и в будущем будет прочно стоять на ногах, и равнодушного к неотступно преследующим разум старушки Европы острым приступам ощущения собственной бренности.

Встав на колени, доктор Сандерс набил самоцветами карманы, насыпал их за пазуху, запихнул под манжеты. Потом он уселся, привалившись спиной к фасаду склада, внутри полукруга гладкой мостовой, словно в крохотном патио, окаймленном кристаллической порослью, которая сверкала, словно призрачный сад. Прижатые к холодной коже твердые грани самоцветов, казалось, согревали его, и через пару-другую секунд он отдался усталости и провалился в сон.

* * *

Проснулся он среди ослепительного солнечного света на улице храмов, где в изолированном воздухе во всем великолепии красок поблескивали радуги. Прикрыв глаза, он откинулся назад и посмотрел ввысь на верхушки крыш, на их золотую черепицу, инкрустированную ряд за рядом цветными драгоценными камнями, наподобие павильонов в храмовом квартале Бангкока.

Рука потянула его за плечо. Попытавшись сесть, Сандерс обнаружил, что полукруг чистого тротуара исчез, а его тело распростерто на ложе из проросших из земли игл. Быстрее всего они отросли у входа на склад, и его правая рука оказалась заключенной в футляр из множества кристаллических шипов трех-четырёх дюймов длиной, который доходил почти до плеча. Внутри этой примороженной рукавицы, которую он едва мог поднять, пальцы его окружал настоящий лабиринт радуг.

Сандерс с трудом сумел встать на колени, отломав часть кристаллов. Оказалось, что позади него, сжимая в руках ружье, на корточках сидит бородатый мужчина в белом костюме.

— Вентресс! — Сандерс с криком поднял свою превратившуюся в самоцвет руку. В солнечных лучах крохотные узелки драгоценных камней, выпавших из-под манжет, светились среди кристаллизовавшихся тканей его руки, словно врезанные в нее звезды.— Вентресс, ради Бога!

Его крик отвлек Вентресса от дотошного осмотра наполненной светом улицы. Небольшое лицо и блестящие глаза архитектора были преображены странными цветными пятнами, испещрившими кожу и заштриховавшими бледно-голубым и лиловым бороду. Его костюм источал тысячи цветных полос.

Он встал на колени рядом с Сандерсом, пытаясь прикрепить на место оторванную от руки доктора полоску кристаллов. Прежде чем он успел что-либо сказать, прогремели выстрелы, и стеклянная шпалера, застывшая в дверном проеме, разлетелась ливнем осколков. Вентресс скорчился позади Сандерса, потом метнулся к окну. Когда по улице разнеслось эхо нового выстрела, они, миновав разграбленные прилавки, вбежали в кладовую для хранения драгоценностей, где за распаханной настежь дверцей сейфа виднелась груда в беспорядке побросанных металлических коробок. Вентресс походя захлопнул крышки пустых поддонов и принялся сгребать в кучу рассыпанные по полу мелкие самоцветы.

Рассовав их Сандерсу по пустым карманам, он потащил его через окно, и они оказались на аллее позади дома, откуда выбрались на примыкающую улицу, преображенную нависшей над головой сетью решеток в туннель пунцового света. Они остановились у первого же поворота, и Вентресс повелительно махнул рукой в сторону маячившего в каких-то пятидесяти ярдах от них леса.

— Бегите, бегите! Через лес, куда угодно! Это все, что вам остается!

Он подтолкнул Сандерса прикладом ружья, казенную часть которого усеивала теперь россыпь серебряных кристаллов, превративших его в подобие средневекового кремневого ружья. Сандерс поднял руку. Грани самоцветов плясали в солнечном луче, словно рой светляков.

— Моя рука, Вентресс! Уже по самое плечо!

— Бегите! Больше ничто вам не поможет! — Расцветенное лицо Вентресса озарилось гневом, будто от возмущения, что Сандерс никак не может примириться с лесом. — Не тратьте попусту самоцветы, они не могут спасти вас вечно!

Превозмогая себя, Сандерс бегом бросился к лесу и очутился в первой из череды светозарных пещер. Он вращал рукой, как неуклюжим пропеллером, и ощущал, как кристаллы начинают понемногу таять. Ему повезло, и он вскоре наткнулся на узкий приток заворачивающей сюда от гавани реки; он помчался, словно дикарь, по ее окаменевшей поверхности.

Часами он несся сквозь лес, полностью утратив всякое чувство времени. Стоило ему остановиться более чем на минуту, хрустальные ленты тут же охватывали его шею и плечо, и он заставлял себя двигаться дальше, останавливаясь, только чтобы обессиленно рухнуть на стеклянный пляж. Тогда он прижимал самоцветы к лицу, в надежде спасти его от ледяной глазури. Но камни выдыхались, грани их постоянно притуплялись — от них оставались крупицы матового кремния. В то же время самоцветы, погруженные в кристаллические ткани его руки, сияли с неослабевающей силой.

Наконец, когда он, вращая перед собой рукой, бежал между деревьями по берегу реки, впереди возник золоченый шпиль беседки. Спотыкаясь на спекшемся песке, он направился к ней. Теперь уже не прекращающийся процесс кристаллизации спаял крохотный павильон с окружающими деревьями, пощадив лишь крыльцо и дверь, но Сандерс еще сохранял слабую надежду найти здесь приют. Створчатые переплеты окон и стыки балкона сплошь изукрашили геральдические композиции в духе какой-то причудливой барочной архитектуры.

Сандерс остановился в нескольких ярдах от крыльца и посмотрел на запечатанную дверь. Потом повернулся и взглянул назад, на противоположную сторону широко раскинувшегося здесь русла реки. Ее сверкающая поверхность переливалась под лучами солнца, напоминая своим мраморным узором розоватую корку соленого озера.

В двухстах ярдах от беседки, в полынье чистой воды, где сливались струи нескольких подземных потоков, по-прежнему стоял на приколе катер Торенсена.

У него на виду в носовой части катера копошились двое. Их частично загораживала пушка, установленная прямо перед мачтой, но в одном из них, поскольку полосы повязок делили его обнаженное тело на две половины, белую и черную, Сандерс узнал помощника Торенсена Кагву.

Сандерс сделал несколько шагов в сторону катера, прикидывая, не стоит ли добраться до кромки окаменевшей речной глади и переплыть полынью. Хотя в воде кристаллы, скорее всего, начали бы растворяться, его пугало, что тяжесть нароста на руке может сразу же утащить его на дно.

Из дула пушки вырвалась вспышка света. Через мгновение земля дрогнула, и Сандерс успел заметить след летящего по воздуху в его направлении трехдюймового снаряда. С пронзительным свистом он пронесся над головой доктора и врезался в окаменевшие деревья ярдах в двадцати от беседки. Теперь до него с катера донесся и оглушительный грохот выстрела. Отразившись от речной тверди, эхо заметалось между стенами леса, барабанной дробью отзываясь у Сандерса в голове.

Не зная, на что решиться, он бросился к заросшему кустами клочку земли у самого крыльца. Упав на колени, он попытался замаскировать свою руку среди кристаллических листьев папоротника. Оба африканца на борту катера перезаряжали пушку; громадный мулат, стоя на одном колене, шуровал в ее стволе шомполом.

— Сандерс!.. — тихий, чуть громче обычного хриплого шепота голос донесся откуда-то слева, с расстояния буквально в пару ярдов. Сандерс огляделся по сторонам, потом уставился на дверь беседки. Тут из-под крыльца выснулась рука и поманила его:

— Сюда! Под дом!

Сандерс бросился к крыльцу. В тесном углублении за одной из свай, поддерживавших фундамент беседки, с ружьем в руках скорчился Вентресс.

— Вниз! Пока они еще раз в вас не выстрелили!

Сандерс начал протискиваться сквозь узкую щель, и Вентресс, тут же вцепившись ему в башмак, раздраженно дернул его за ногу на себя.

— Ложитесь! Ей-Богу, Сандерс, вы испытываете судьбу!

Его пятнистое лицо прижалось на миг к Сандерсу, когда тот скатился к краю подпола. Тут же Вентресс вновь выглянул наружу, не теряя из виду реку и далекий катер. Перед ним лежало его «кремневое» ружье, разукрашенное дуло которого реагировало на каждую смену узоров света снаружи.

Сандерс оглядел подпол, раздумывая, не забрал ли Торенсен Серену с собой, оставив беседку в качестве приманки для Вентресса, или же после утреннего нападения на улицах Монт-Ройяля тот успел добраться сюда первым.

Деревянные доски у них над головой остекленели и походили теперь на камень, но в самом центре все еще можно было различить контуры люка. На земле под ним среди нескольких с трудом отколотых от краев люка осколков валялся стальной штык.

Вентресс коротко кивнул в сторону люка:

— Можете потом попробовать. Чертовски трудная работа.

Сандерс подсел поближе. Приподняв руку, он разместился так, чтобы видеть реку.

— Серена... ваша жена... еще здесь?

Вентресс посмотрел на балки у них над головами.

— Скоро я буду с ней. Долгими же оказались поиски.— Сдержавшись, он осмотрел через прицел своего ружья покрывавшие берега заросли заиндевевшей травы и только после этого заговорил снова: — Так вы видели ее, Сандерс?

— Всего одну минуту. Я сказал Торенсену, чтобы он забрал ее отсюда.

Забыв о ружье, Вентресс перебрался поближе к Сандерсу. Словно светящийся крот в своей норе, он, стоя на коленях, всматривался Сандерсу в глаза:

— Сандерс, скажите мне... я же до сих пор ее не

видел! Боже мой! — Он забарабанил по деревянным балкам, разбудив в подполе глухое эхо.

— С ней... с ней все в порядке, — сказал Сандерс. — Большую часть времени она спит. А как вы здесь очутились?

Вентресс смотрел прямо на него, но мысли его блуждали где-то далеко. Потом он отполз к своему ружью и помянул к себе Сандерса. Тот послушно посмотрел на берег, куда указывал Вентресс. В каких-то пятидесяти футах от них среди травы лежал навзничь один из людей Торенсена, инеистые отростки уже спаивали его кристаллизовавшееся тело с заиндевевшей растительностью.

— Бедный Торенсен, — пробормотал Вентресс. — Один за другим они от него уходят. Скоро он останется совсем один.

Из жерла пушки в очередной раз полыхнуло пламя. Суденышко чуть подалось назад, а стальной снаряд, прочертив в воздухе дугу, разнес деревья ярдах в ста от беседки. Когда грохочущие раскаты барабанной дробью прокатились по реке, встряхнув перила галереи у них над головой, Сандерс заметил, что из его руки, пульсируя короткими толчками, излился свет. Речная гладь на миг словно сместилась и тут же, пронзив воздух лезвиями пунцового света, осела обратно.

Кагва с мулатом вновь склонились к пушке, в очередной раз ее перезаряжая. Сандерс сказал:

— Плохо целятся. Но как же Серена — если она здесь, то почему они пытаются разнести беседку?

— Да нет, беседка тут ни при чем. — Вентресс продолжал наблюдать за покрывающей берега растительностью, по-видимому не желая рисковать и опасаясь, что Торенсен может воспользоваться артиллерийским огнем как отвлекающим маневром и попытается незаметно проникнуть в беседку. Спустя мгновение, вроде бы удовлетворившись, он расслабился. — Он вынашивает другие планы. Он рассчитывает расчистить шумом реку и подвести катер прямо к беседке, чтобы выбить меня отсюда.

И действительно, на протяжении следующего часа застывший в неподвижности воздух то и дело вспарывали

глуховатые взрывы. Двое негров не оставляли пушку в покое, и каждые пять минут вслед за огненной вспышкой через реку летел очередной снаряд. Когда снаряды рикошетировали от берега или деревьев, отголоски выстрела разводьями среди льдин прокладывали через окаменевшую гладь алые тропки.

И всякий раз превратившаяся в самоцвет рука Сандерса и костюм Вентресса откликались на выстрел, испуская радужное свечение.

— Что вы здесь делаете, Сандерс? — спросил Вентресс во время очередного затишья. Торенсена нигде на было видно, Кагва с мулатом явно работали сами по себе. Вентресс вновь подполз к люку и начал долбить его штыком, время от времени прерываясь, чтобы, прильнув ухом к потолку, вслушаться, что происходит наверху. — Я думал, вы уже убрались восвояси.

— Жена моего коллеги по Форт-Изабель — Сюзанна Клэр — прошлой ночью сбежала в лес. Отчасти по моей вине. — Сандерс посмотрел вниз, на хрустальные латы своей руки. Теперь, когда ему не нужно было бороться с таким чудовищным грузом, его уже не так пугал и ее внешний вид. Хотя кристаллические ткани были холодны как лед и он не мог пошевелить кистью или пальцами, нервы и сухожилия, казалось, обрели какую-то новую — свою собственную — жизнь, пылая жестким, интенсивным светом. Только вдоль предплечья, там, где он отломил полоску кристаллов, сохранились какие-то ощущения, но даже и это была скорее не боль, а ощущение тепла, исходящего от сплавляющихся друг с другом кристаллов.

Над рекой прогремел очередной выстрел. Вентресс отбросил штык и поспешил на свой пост у крыльца.

Сандерс наблюдал за катером. Суденышко по-прежнему находилось в устье притока, но Кагва с мулатом бросили пушку и спустились вниз. Очевидно, это был последний выстрел. Вентресс показал костлявым пальцем на стелющийся за кормой дымок. Катер начал разворачиваться. Когда он чуть повернулся и иллюминаторы рубки стали видны под другим углом, оба они тут же заметили

внутри высокого светловолосого мужчину, стоящего за рулем.

— Торенсен! — Вентресс подался вперед и, прижав колени к груди, припал всем своим маленьким телом к земле.

Сандерс подхватил левой рукой штык.

Дымок выхлопа расползся вдоль корпуса, когда катер дал задний ход. Потом катер остановился и выровнялся.

Полный вперед — катер рванулся с места, его нос поднялся над безмятежной водой. От ближайшей кромки окаменевшей корки его отделяло ярдов пятьдесят. Когда катер чуть изменил курс, устремляясь в одну из трещин, появившихся из-за стрельбы, Сандерс вспомнил, как Торенсен обследовал русла потоков под крошащейся поверхностью реки, после того как Вентресс ускользнул от мульты.

На скорости в двадцать узлов катер обрушился на кромку хрустального поля и стал ломать ее, словно ледокол. Через тридцать ярдов скорость упала. Перед носом катера взгромоздилось несколько огромных льдин, его развернуло боком, и он остановился. В рубке поднялась суматоха, люди хватались за ручки управления, и Вентресс навел на иллюминаторы ружье. Катер, находящийся в трехстах футах, был явно вне пределов досягаемости выстрела. На поверхности реки появились огромные разломы, из которых на окружающий лед сочилось яркое карминное зарево. Прибрежные деревья все еще дрожали от удара, с их ветвей прозрачными цветками изливался свет.

Потом катер подался на несколько футов назад и отступил по только что проложенному проходу. Добравшись до открытой заводи, он встал, готовясь к следующему заходу.

Когда катер вновь ринулся вперед, задрав вверх носовую часть, Вентресс полез под пиджак и извлек из кобуры тот самый автоматический пистолет, который Сандерс пронес через таможню.

— Держите! — прокричал Сандерсу Вентресс, глядя на приближающийся катер в прицел своего ружья.—

Следите за берегом с вашей стороны! А я присмотрю за Торенсеном!

На сей раз равномерное продвижение катера прервалось куда резче. Налетев на льдины потяжелее, он раскидал с полдюжины огромных кристаллических блоков и, до половины погрузившись в ледяное поле, замер с продолжающим работать двигателем, накренившись градусов на пятнадцать. Люди попадали на пол рубки, и прошло несколько минут, прежде чем катер выровнялся и неспешно вернулся назад.

В следующий раз он двигался медленнее, сначала проламывая носом блистающую поверхность, а потом отодвигая глыбы кристаллов со своего пути.

Сандерс, скорчившись за одной из деревянных свай, ждал, что мулат выстрелит из пушки раньше, чем окажется в пределах досягаемости ружья Вентресса. До беседки катеру оставалось каких-то семьдесят пять ярдов, и его мостик маячил теперь в воздухе высоко над ними. Вентресс тем не менее казался спокойным и сосредоточенным, наблюдая за берегом в ожидании внезапной вылазки.

Земля дрожала под беседкой, пока катер снова и снова вгрызался в хрусталь пакового льда. Отравляя свежий воздух, вокруг клубились выхлопы мотора. Каждый раз он придвигался еще на несколько ярдов, но его нос был раздроблен и наружу торчали белые брусья. Весь катер уже покрылся тонким слоем инея, и мулат прикладом ружья высадил закристаллизовавшиеся окна рубки. Поручни на палубе обросли тонкими остриями. Вентресс искал удобное положение для стрельбы, но за разбитыми окнами ему никак не удавалось разглядеть в рубке людей. Выброшенные на речную гладь влажные глыбы кристаллов разлетались во все стороны, и некоторые из них уже докатывались до крыльца беседки.

— Сандерс! — Вентресс привстал, опустив свое ружье. — Они сели на мель!

Катер покачивался с борта на борт в тридцати ярдах от них, зарывшись разбитым носом между двумя торосами. Его двигатель взревел, потом сбросил обороты, взвизгнул и заглох. Застыв в неподвижности, катер возвышался

прямо перед ними, уже преобразенный легким инеем в причудливый свадебный торт. Раз или два он чуть покачнулся, словно через кормовой иллюминатор кто-то пытался работать веслом или забросить на торосы «кошку».

Вентресс не отводил свое ружье от рубки. В десяти футах справа от него с автоматическим пистолетом в одной руке замер Сандерс; вторая его рука покоилась рядом с ним на земле, в ней пульсировала ее собственная кристаллическая жизнь. Они дожидались, когда свой ход сделает Торенсен. Около получаса на катере царила тишина, и только слой инея на его палубе становился все толще и толще. Скрученные спиралями гребни украсили собой поручни на палубе и бортовые иллюминаторы. Разодранный нос походил на зубастую пасть замерзшего кашалота. Пушка превратилась рядом с мостиком в средневековое огнестрельное орудие, казенную часть которого изукрасили изысканные рога и завитки.

Дневной свет угасал. Сандерс смотрел на берег справа от себя, яркие краски заметно потускнели, когда солнце утонуло на западе за деревьями.

И тут среди белых стеблей травы он увидел, как вдоль берега пробирается длинная серебристая тварь. Привалившись рядом, вглядывался в залитую тусклым светом картину и Вентресс. Они смотрели на морду-самоцвет и кривые передние лапы в кристаллической броне. Крокодил подползал медленно, украдкой, волоча свое брюхо, как издревле все рептилии. Добрых пятнадцати футов в длину, он, казалось, продвигался скорее при помощи хвоста, а не раскоряченных ног. Левая передняя лапа свисала, не касаясь земли, охваченная хрустальными доспехами. Когда он двигался, из его глазированных глаз и забитой драгоценными камнями полуоткрытой пасти сочился свет.

Рептилия замерла, словно почуяв двух схоронившихся под беседкой людей, и тут же скользнула вперед. В пяти футах от них она остановилась во второй раз, пошевелила челюстями над обломанными ее грузным телом остриями травы. Чувствуя какую-то отдаленную симпатию к этому

монстру в броне из света, неспособному понять происходящие с ним превращения, Сандерс смотрел прямо в бессмысленные глаза над разинутой пастью.

Затем блеснули зубы-самоцветы, и Сандерс обнаружил, что заглядывает в ружейное дуло.

Подавившись невольным вскриком, Сандерс пригнулся и отполз на несколько футов от сваи. Когда он вновь поднял голову и выглянул наружу, пасть крокодила была открыта. Из-под верхних зубов выдвинулось ружейное дуло, оно целилось в тень за деревянной сваей; раздался выстрел.

Под рев вырвавшегося из дула ружья пламени Сандерс, положив тяжелый пистолет на шипастую поверхность своей хрустальной руки, выстрелил крокодилу в голову. Тот изогнулся, пытаясь направить ствол на Сандерса. Сквозь покрытую самоцветами шкуру доктор разглядел упирающиеся в землю человеческие локти и колени. Сандерс выстрелил еще раз, целясь теперь в грудь и живот драгоценного панциря. Одним спазматическим рывком огромное животное встало на дыбы и нависло над ним, словно расцвеченный ископаемый ящер. Потом оно повалилось на бок, выставив напоказ разошедшийся шов, протянувшийся от нижней челюсти до брюшины. Тело мулата, прикрепленное изнутри к панцирю пластырями, осталось лежать в полумраке лицом вверх, и его черную кожу озарили отблески хрустального корабля, возвышающегося позади него, словно призрак.

Кто-то пробежал по другому берегу. Закричав, Вентресс привстал на колени и выстрелил из ружья. Раздался пронзительный вопль, и в десяти ярдах от беседки на траву повалилась забинтованная фигура Кагвы. Он тут же поднялся на ноги и, как сомнамбула, заковылял мимо дома. На мгновение упавшие на его темную кожу последние лучи уходящего дня выбелили ее почти так же, как и маленькую фигурку Вентресса. Следующая пуля угодила африканцу прямо в грудь и отбросила его тело на прибрежную траву. Он остался лежать ничком, наполовину погруженный в тень.

Сандерс ждал под беседкой, пока Вентресс перезарядит ружье. Тот торопливо обошел тела, бегло оглядел их. Несколько минут длилось молчание, потом он коснулся дулом ружья плеча Сандерса.

— Да, доктор.

Сандерс взглянул в ничего не выражающее лицо Вентресса:

— Что вы имеете в виду?

— Вам пора идти, доктор. Мы с Торенсеном теперь одни.

Когда Сандерс поднялся на ноги, не решаясь показать-ся на виду, Вентресс добавил:

— Торенсен поймет. Выбирайтесь из леса, Сандерс, вы еще не готовы прийти сюда.

Пока он говорил, на его костюме поблескивали нарощие на нем чешуйки драгоценных кристаллов.

Так Сандерс расстался с Вентрессом. Снаружи бело-снежный корабль понемногу срастался с развороченной речной гладью. Когда он уходил по берегу, оставив у беседки три мертвых тела, одно из которых так и осталось в шкуре крокодила, Сандерс не заметил никаких следов Торенсена. У излучины реки в сотне ярдов от беседки он обернулся, но Вентресса, спрятавшегося под крыльцом, не разглядел. А выше сквозь изукрашенные глазурью окна тускло светили лампы.

* * *

В конце концов к вечеру того же дня, когда на лес опустился густеющий рубиновый свет сумерек, Сандерс выбрался на крохотную прогалину, наполненную отражающимися от деревьев низкими звуками органа. В центре поляны высилась миниатюрная церковь, стройный шпиль которой слился ажурным хрустальным узорочьем с ветвями соседних деревьев.

Подняв свою окаменевшую руку, чтобы осветить дубовые двери, Сандерс вступил в неф. Над ним, преломляясь в стеклах витражей, на алтарь изливалось ослепительное сияние. Вслушиваясь в звуки органа, Сандерс прислонился

к алтарной ограде и протянул руку к усеянному рубинами и изумрудами золотому кресту. Хрустальная оболочка тут же подалась и начала растворяться, как тающий ледяной рукав. По мере испарения кристаллов из его руки щедрым фонтаном лился свет.

Обернувшись, чтобы взглянуть на доктора Сандерса, отец Бальтус продолжал играть на органе, своими тонкими пальцами извлекая из его труб неподвластную переменам музыку, которая взмывала сквозь стекла витражей к далекому, разъятому на множество частей солнцу.

Сарабанда для прокаженных

Все три следующих дня Сандерс оставался с отцом Бальтусом, пока в тканях его руки растворялись последние хрустальные шипы. Днями напролет он, стоя рядом с органом на коленях, своей скованной рукой приводил в движение ножной привод органных мехов. По мере того как растворялись кристаллы, рана вновь начала кровоточить, омывая бледные призмы его обнажившейся плоти.

В сумерки, когда солнце тысячами осколков погружалось на западе в ночь, отец Бальтус оставлял орган и выходил на паперть взглянуть на призрачные деревья. Его спокойные глаза на аскетичном лице интеллектуала, никак не вязавшиеся с нервными движениями рук,— хладнокровие его казалось сродни напускному самообладанию только-только оправившегося от приступа горячки больного,— пристально взглядывались в Сандерса, когда они ужинали, притулившись у алтаря, защищенные от бальзамирующего воздействия воздуха россыпью драгоценных камней на кресте.

Святыня эта являлась совместным даром горнодобывающих компаний, и ее простирающаяся на пять, а то и на шесть футов поперечина была обременена драгоценными

камнями, как сучья хрустальных деревьев в лесу. С одного ее конца на другой тянулись вереницы изумрудов и рубинов, между которыми звездчатыми узорами сверкали более мелкие алмазы из Монт-Ройяля. Из самоцветов непрерывным потоком изливался свет, столь резкий и интенсивный, что отдельные камни, казалось, спаивались водино — в некий крестообразный призрак.

Поначалу у Сандерса мелькнула мысль, что Бальтус счел его спасение примером вмешательства Всемогущего и чисто символически изъявил свою благодарность. Бальтус на это лишь двусмысленно улыбнулся. Почему он вернулся в церковь — Сандерсу оставалось лишь догадываться. Хрустальные шпалеры окружили ее уже со всех сторон, словно она очутилась в пасти огромного глетчера.

От алтарных врат Сандерсу были видны постройки — школа для аборигенов и общежитие, о котором говорил Макс Клэр; вероятно, здесь и ютилось то самое племя прокаженных, покинутое своим священником. Сандерс упомянул о своей встрече с прокаженными, но Бальтуса, похоже, не интересовала судьба его бывших прихожан. Даже присутствие Сандерса не могло, казалось, поколебать редуты его одиночества. Поглощенный собственными мыслями, священник часами не вставал из-за органа или бродил между церковными скамьями.

Но однажды утром Бальтус обнаружил на паперти у самых дверей слепого питона. Голову змеи короновали огромные самоцветы, в которые обратились ее глаза. Бальтус встал на колени и, приподняв змею, обмотал ее длинное тело вокруг своих рук. Через боковой придел он пронес питона к алтарю и поднял поближе к распятию. На губах у него играла кривая ухмылка, когда змея, стоило ей вновь обрести зрение, лавируя между скамьями, уползла прочь.

На третий день утренний свет рано пробудил Сандерса, и тот, едва открыв глаза, увидел Бальтуса, вершащего в одиночку святое таинство евхаристии. Не шевелясь на своей приткнувшейся к алтарному ограждению скамье, Сандерс уставился на него, но священнослужитель тут же

прервал таинство и удалился, снимая на ходу свое облачение.

За завтраком он сознался:

— Вы, должно быть, не поняли, что я делал, но мне просто-напросто показалось, что пришла пора удостовериться в действенности этого таинства.

Он показал на льющийся из оконных витражей свет, окрашенный всеми цветами радуги. Изначальные библейские сюжеты преобразились в картины, исполненные обескураживающей абстрактной красоты, на которых разъятые на части лица Иосифа и Иисуса, Марии и апостолов парили в прозрачном ультрамарины многократно преломленного неба.

— Это может показаться ересью, но здесь тело Христова повсюду вокруг нас... — он коснулся хрупкой корки кристаллов на руке Сандерса, — в каждой призме и радуге, в каждой из десяти тысяч граней солнца. — Он поднял свою тонкие руки, сверкающие на свету как драгоценности. — И я, знаете ли, боюсь, что Церковь, как и ее символ, — он указал на крест, — чего доброго, пережила самое себя.

Сандерс замялся в поисках ответа:

— Простите... Возможно, если вы отсюда уедете...

— Нет! — упорствовал раздраженный недомыслием Сандерса Бальтус. — Как вы не понимаете? Раньше я был самым настоящим отступником — я знал, что Бог существует, но не мог в него уверовать. — Он горько усмехнулся. — Теперешние события застали меня врасплох. Для священника не может быть более тяжелого кризиса — отрицать Бога, когда его существование видно в каждом листке и цветке!

Он поманил Сандерса за собой и через неф прошел на паперть. Там он показал вверх, на сводчатую решетку хрустальных балок, которые вздымались над кромкой леса, словно контрфорсы огромного купола из стекла и бриллиантов. То тут, то там в него были вмурованы почти неподвижные силуэты распростерших крылья птиц: золотые иволги и алые ары щедро изливали сверкающие озера света. Сквозь лес проплывали разноцветные волны, и отра-

жения оплывающего оперения украшали их расходящимися во все стороны узорами. В воздухе повисли перекрывающие друг друга арки, будто окна в городе храмов. Повсюду вокруг себя Сандерс видел мелких птах, бабочек, других насекомых, короновавших лес своими крестообразными ореолами.

Отец Бальтус взял Сандерса за руку:

— В этом лесу мы сподобляемся последнему причащению тела Господня. Здесь все преображено и озарено, собрано воедино в последнем бракосочетании пространства и времени.

* * *

Ближе к концу, когда они бок о бок стояли спиной к алтарю, его убежденность, казалось, изменила ему. Проникшая в церковь стужа превратила придел в кончающийся тупиком туннель из стеклянных столбов. На лице у Бальтуса был написан панический страх, когда он наблюдал, как сплавляются, сливаясь в единое целое, клавиши органного мануала, и Сандерс понял, что он пытается отыскать путь к спасению.

Потом он наконец овладел собой. Схватив алтарный крест, Бальтус выдернул его из крепежного гнезда и с внезапно родившимся из абсолютной убежденности раздражением сунул в руки Сандерсу. Затем он увлек доктора за собой на паперть и подтолкнул его в сторону одного из постепенно сужающихся сводов, сквозь который им была видна далекая гладь реки.

— Ступайте! Уходите отсюда! Ищите реку!

Когда Сандерс заколебался, пытаясь одновременно уравновесить крест в забинтованной руке, Бальтус яростно выкрикнул:

— Скажите им, что я велел вам его взять!

Таким он и запомнился Сандерсу — стоящим, замерев, словно озаренная птица, с распростертыми к надвигающимся стенам руками; и глаза Бальтуса наполнились облегчением, когда первые круги света чудодейственно восстали из его воздетых кверху ладоней.

Кристаллизация леса уже почти завершилась. Если бы не драгоценности с креста, Сандерсу никогда не удалось бы пройти сквозь раскинувшиеся между деревьями своды. Сжимая в руках основание креста, он размахивал перекрестьем вдоль шпалер, свисавших отовсюду ледяной паутиной, выискивая слабые места, которые могли бы раствориться от его света. Когда ему под ноги соскальзывали осколки, он перешагивал через них и, волоча за собой крест, устремлялся в открывшийся проход.

Добравшись до реки, Сандерс попытался отыскать мост, который обнаружил, когда во второй раз ушел в лес, но уже всю ширь речной излучины покрыла радугой призматическая поверхность, и блики от нее стирали те немногочисленные приметы, которыми он мог бы воспользоваться. По берегам, словно раскрашенный снег, сверкала листва, и только медленное перемещение солнца порождало какое-то движение. То тут, то там расплывчатые пятна у берегов оказывались на деле изукрашенными призраками баржи или баркаса, но все остальное, казалось, не сохранило и следа своей былой сути.

Сандерс шагал по берегу, избегая трещин в поверхности и доходящих до пояса игл, которыми сплошь заросли сверху прибрежные откосы. Он набрел на устье небольшого ручья и двинулся вдоль него, слишком усталый, чтобы перебираться через попадающиеся на пути пороги и наледи. Хотя за три дня, проведенные с отцом Бальтусом, он достаточно пришел в себя, чтобы понять, что из леса все еще оставался какой-то выход, абсолютная тишина, царившая среди прибрежной растительности, и насыщенность распавшегося на отдельные цвета сияния почти убедили его, что преобразилась вся земля и любое продвижение по этому хрустальному миру совершенно бессмысленно.

Но тут обнаружилось, что в лесу он уже не один. Всюду, где в нависающем пологие деревья оставался доступ к открытому небу, будь то русло ручья или же маленькая полянка, он наткался на полукристаллизовавшиеся тела

мужчин и женщин, слитые воедино со стволами деревьев и глядящие на преломленное солнце. По большей части это были пожилые пары, сидящие рядышком, так что тела их слились друг с другом, как сплавились они и с деревьями, и с усыпанным самоцветами подлеском. Только раз попался ему молодой человек — солдат в камуфляжной форме, сидевший на упавшем дереве у самого ручья. Его каска разрослась в огромный хрустальный шлем, солнечный зонтик, закрывший ему лицо и плечи.

Чуть дальше по течению поверхность ручья пересекала глубокая расщелина. По ее дну все еще бежал узенький ручеек воды, омывая торчащие наружу ноги троих солдат, которые, видимо, собирались перейти здесь ручей вброд, но оказались замурованными в хрустальные стены. Время от времени ноги неспешно и плавно шевелились, словно люди эти навсегда были обречены шагать через хрустальный ледник с затерявшимися в окружавших их пятнах света лицами.

Вдалеке в лесу возникло какое-то движение, послышался шум голосов. Сандерс ускорил шаг, прижимая тяжелый крест к груди. В пятидесяти ярдах от него по прогалине между двумя купами деревьев через лес, приплясывая и обмениваясь криками, двигалась бродячая труппа разодетых как клоуны людей. Сандерс поравнялся с ними и замер на краю поляны, пытаясь пересчитать десятки темнокожих мужчин и женщин всех возрастов — некоторые из них даже с маленькими детьми, — принимавших участие в этой полной своеобразной грации сарабанде. В их процессии царил дух вольницы, и маленькие группки то и дело отбегали в сторону, чтобы сплясать вокруг особо приглянувшихся деревьев или кустов. Их было больше ста, людей, бредущих по лесу не разбирая дороги, без всякой определенной цели. Их руки и лица преобразила хрустальная растительность, иней и самоцветы уже поблескивали в ветхих набедренных повязках и платьях.

Пока Сандерс стоял со своим крестом, к нему вприпрыжку приблизилась одна из крохотных компаний и стала резвиться вокруг него, словно вступившие под сень райских куш праведники, ублажающие приставленного

присматривать за ними архангела. Старик с переполненным светом обезображенным лицом прошел мимо Сандерса, размахивая беспальными руками, из жутких суставов которых лился драгоценный свет. Сандерс вспомнил прокаженных, сидевших под деревьями рядом с госпиталем при миссии. За прошедшие дни племя вошло в лес. Они удалялись, приплясывая на своих изуродованных ногах, таща за собой за руку детишек, и на лицах у них нелепо изгибались ослепительные радуги.

Когда прокаженные прошли, Сандерс поплелся вслед за ними, обеими руками волоча за собой крест. Между деревьями мелькал хвост процессии, казалось, они исчезали так же стремительно, как и появились, словно им не терпелось познакомиться с каждым деревом и рощицей в их новообретенном раю. Однако безо всякой видимой причины вся труппа внезапно повернула и прошла еще разок вокруг него, словно желая насладиться в последний раз видом Сандерса и его креста. Когда они проходили мимо, глаз Сандерса вдруг выхватил из толпы силуэт идущей впереди высокой женщины в темном одеянии, звонким голосом призывающей остальных за собой. Ее бледные руки и лицо уже сверкали хрустальным лесным светом. Она обернулась, чтобы взглянуть назад, и Сандерс прокричал поверх подпрыгивающих голов:

— Сюзанна! Сюзанна, тут...

Но женщина вместе с остатками труппы уже вновь затерялась среди деревьев. Ковыляя за ними вслед, Сандерс наткнулся на валяющиеся на земле остатки их жалкого багажа — стоптанную обувь и прохудившиеся корзины, нищенские чаши для подаяния с несколькими зернышками риса, — уже наполовину спаявшиеся с остекленевшей почвой.

Еще Сандерс набрел на частично кристаллизовавшееся тельце маленького ребенка, который отстал и не смог догнать остальных. Он прилег отдохнуть и примерз к почве. Сандерс прислушался к затихающим среди деревьев голосам, где-то там были и родители ребенка. Потом он опустил над детским тельцем крест и подождал, пока кристаллы не сойдут с его рук и ног. Вновь оказавшись на

свободе, изуродованные руки ребенка бесцельно хватали воздух. Вдруг он рывком вскочил на ноги и побежал прочь, рассеивающийся свет лился из его головы и плеч.

* * *

Сандерс, далеко отстав, по-прежнему брел за процессией, когда вдруг перед ним возникла беседка, в которой когда-то укрывались Торенсен и Серена Вентресс. Сгустились сумерки, и самоцветы мягко сияли с креста в померкшем свете. Крест уже потерял большую часть своей силы, и почти все камни помельче — бриллианты и рубины — выцвели и превратились в округлые кусочки угля или корунда. Только крупные изумруды продолжали ярко гореть, освещая белый корпус застрявшего в расщелине перед беседкой катера Торенсена.

Сандерс шел вдоль берега и наткнулся на хрустальные останки мулата в крокодиловой шкуре. Они сплывались воедино — человек, сам по себе наполовину белый и наполовину черный, слился с темным животным в драгоценном панцире. Их собственные черты не исчезли, а наложились, пропечатавшись сквозь ткани друг друга. Лицо мулата сияло сквозь челюсти и глаза огромного крокодила.

Дверь беседки была распахнута настежь. Сандерс вскарабкался по ступенькам на крыльцо и вошел в комнату. Он взглянул на кровать, в заиндевелых глубинах которой, словно пловцы, заснувшие на дне заколдованного бассейна, лежали рядом Серена и владелец рудников. Глаза Торенсена были закрыты, а из дыры у него в груди, как изысканнейшее морское растение, распустила свои нежные лепестки кроваво-красная роза. Рядом с ним спокойно спала Серена, невидимые биения сердца окутывали ее тело едва заметным янтарным сиянием — истончающимся проблеском жизни. Хотя Торенсен умер, пытаясь спасти ее, она продолжала жить в своей полусмерти.

Что-то сверкнуло в полумраке за спиной Сандерса. Он обернулся и увидел, как под деревьями, оставляя за собой потоки рассеивающихся в воздухе частиц, пронеслась

сверкающая химера, человек с пылающими руками и грудью. Он отступил за крест, но человек уже исчез, унесен прочь, затерявшись под хрустальными сводами. Пока исчезал оставшийся от него светящийся след, Сандерс слышал, как в выстуженном воздухе эхом отдается его голос, жалобные слова в оправе самоцветов — как и все в этом преображенном мире.

— *Серена!.. Серена!..*

Призматическое солнце

Спустя два месяца, заканчивая свое письмо директору госпиталя для прокаженных в Форт-Изабель, доктору Полю Дерену, в тишине спальни отеля в Порт-Матарре, Сандерс писал:

...здесь, в пустом отеле, кажется трудным поверить, Поль, что вообще имели место странные события, связанные с этим фантазмагорическим лесом. И однако в действительности я нахожусь от него милях в сорока, может, чуть больше,— если ворону (или, скорее, грифону?) взбредет в голову прилететь сюда из зоны эпицентра, находящейся в десяти милях к югу от Монт-Ройяля. Если какое-либо напоминание понадобится мне самому, так рана у меня на руке зажила еще не до конца. Если верить бармену из ресторана внизу — хорошо, что хотя бы он все еще на своем посту (почти все остальные уже уехали),— сейчас лес продвигается за день в среднем на четыреста ярдов. Один из приехавших сюда журналистов в беседе с Луизой заявил, что при такой скорости продвижения к концу следующего десятилетия окажется кристаллизованной по меньшей мере треть земной поверхности, а десяток-другой столиц станут напластованиями хрустальных призм, как это уже случилось с Майами,— вы, без

сомнения, сталкивались с упоминаниями о покинутом курорте как о городе тысячи церковных шпилей, материализовавшемся видении Иоанна Богослова.

По правде говоря, меня, однако, мало беспокоят виды на будущее. Как я уже говорил, Польш, теперь очевидно, что истоки всего этого выходят далеко за рамки физики. Когда я, выходя из леса с золотым крестом в руках, набрел в пяти милях от Монт-Ройяля на армейскую заставу (всего через два дня после того, как видел беспомощное привидение, которое было когда-то Вентрессом), то был полон решимости никогда больше в лес не входить. Все оказалось перевернутым с ног на голову, меня отнюдь не стали прославлять как героя, а отдали под военно-полевой суд — по обвинению в грабеже. На первый взгляд, с золотого креста исчезли все драгоценные камни — щедрый дар горнодобывающих компаний, и тщетно я пытался возразить, доказывая, что эти камни стали платой за мою жизнь. Меня спасло лишь вмешательство Макса Клэра и Луизы Пере. По нашему предложению в лес на поиски Сюзанны и Вентресса был направлен экипированный крестами с самоцветами военный патруль, но он был вынужден отступить ни с чем.

Как бы ни менялись мои чувства, теперь я, однако, уверен, что рано или поздно вернусь в лес у Монт-Ройяля. Каждую ночь раздробленный диск спутника «Эхо» пролетает над нами, озаряя полуночное небо, как серебряная люстра. И я убежден, Польш, что уже начало кристаллизоваться и само солнце. На закате, когда его окутывает пелена пунцовой пыли, солнечный диск кажется перечеркнутым четко различимой решетчатой структурой, огромной опускной решеткой, которая однажды рухнет на планеты и звезды, прервав их бег.

Как показывает пример мужественного священника-отступника, отдавшего мне крест, в этом замерзшем лесу нам предстоит обрести безмерную награду. Там прямо у нас на глазах свершается преображение всех одушевленных и неодушевленных форм, дар бессмертия оказывается прямым следствием отказа любого из нас от своей собственной физической и временной тождественности.

Какими бы апостатами мы ни были в этом мире, там мы волей-неволей становимся апостолами призматического солнца.

Стало быть, окончательно поправившись, я вернусь в Монт-Ройяль, примкнув к одной из отправляющихся отсюда научных экспедиций. Не составит особого труда ускользнуть от людей, и тогда я вернусь в заброшенную церковь в этом зачарованном мире, где днем в окаменевшем лесу парят фантастические птицы, а на берегах кристальных рек, словно геральдические саламандры, драгоценными самоцветами искрятся крокодилы; и где ночью среди деревьев проносится озаренный человек, руки его — как золотые колеса, голова — словно радужная корона.

* * *

Отложив ручку, когда в комнату вошла Луиза Пере, доктор Сандерс аккуратно согнул исписанный лист и засунул его в старый конверт от письма Дерена, в котором тот спрашивал о дальнейших планах Сандерса.

Луиза подошла к стоящему у окна письменному столу и положила руку на плечо Сандерсу. На ней было опрятное белое платье, подчеркивавшее тусклую серость всего в Порт-Матарре, — несмотря на преобразование леса всего в нескольких милях отсюда, в дельте реки растительность по-прежнему сохраняла свой мрачный облик, хотя мерцающие среди листвы пятнышки света свидетельствовали, что ждать кристаллизации осталось недолго.

— Ты все еще пишешь Дерену? — спросила Луиза. — Длинное у тебя получится письмо.

— Мне многое нужно объяснить.

Сандерс откинулся назад и сжал ее руку, глядя вниз на пустынную галерею. К полицейскому причалу было пришвартовано несколько десантных судов, а дальше темная река уходила в глубь континента. Главная военная база разместилась теперь на одной из обширных государственных плантаций в десяти милях вверх по реке. Там оснастили летное поле, и сотни ученых и техников, не говоря

уже о журналистах, по-прежнему пытающихся разобраться с наступающим лесом, прибывали прямо туда, минуя Порт-Матарре. И прибрежный городок вновь наполовину опустел. Закрылся местный рынок. Владельцы лавок с их кристаллическими украшениями не могли тягаться с точным производством, которое находилось неподалеку. Правда, время от времени прогуливающимся по Порт-Матарре Сандерсу на глаза попадался какой-нибудь одинокий попрошайка, болтающийся возле казарм или полицейской префектуры, и под старым одеялом у него в корзинке обычно лежали причудливые дары леса — кристаллизовавшийся попугай или карп, а однажды доктор увидел даже голову и грудную клетку ребенка.

— Так ты увольняешься? — спросила Луиза. — Я думаю, тебе надо еще раз все взвесить — мы же говорили...

— Дорогая, нельзя же все вычислить до сотого знака после запятой. Рано или поздно все равно приходится принимать решение. — Сандерс вынул письмо из кармана и бросил его на стол. Чтобы не тревожить Луизу, которая оставалась с ним в отеле после того, как его освободили, он сказал: — На самом деле я еще не принял окончательного решения. Я просто пользуюсь поводом — этим письмом, — чтобышний раз отдать себе во всем отчет.

Луиза, глядя на него, кивнула. Сандерс заметил, что она вновь стала носить темные очки, бессознательно объявляя о принятом ею сугубо личном решении относительно Сандерса и его будущего — их неизбежного расставания. Как бы там ни было, подобные мелкие обманы являлись просто ценой, которую приходилось платить за проявляемую ими друг к другу доброжелательность.

— Нет ли у полиции каких-либо новостей об Андерсоне? — спросил Сандерс. В первый месяц их пребывания в Порт-Матарре Луиза каждое утро ходила в префектуру в надежде узнать что-либо о своем пропавшем коллеге — отчасти, как догадался Сандерс, чтобы оправдать свое затянувшееся пребывание с ним. То, что теперь ей не нужны были эти мелкие обывательские объяснения, означало, что она настроена по-другому. — Может, они что-то узнали — кто его знает. Ты сегодня не выходила?

— Нет. Теперь мало кто ходит в зону.— Луиза пожала плечами.— Хотя, наверное, стоит к ним зайти.

— Конечно.— Сандерс встал, опираясь на раненую руку, и надел пиджак.

— Ну как? — спросила Луиза.— Как твоя рука? С виду с ней все в порядке.

Сандерс похлопал себя по локтю:

— Думаю, что все прошло. Луиза, я так признателен тебе за твою заботу... Ты же знаешь.

Луиза взглянула на него сквозь свои темные очки. Мимолетная, не лишенная теплоты улыбка тронула ее губы.

— А что еще могла я сделать? — И, усмехнувшись своим словам, она направилась к двери.— Мне нужно зайти к себе и переодеться. Наслаждайся прогулкой.

Сандерс проводил Луизу до дверей и на миг задержал ее руку в своей. Когда она ушла, он постоял еще немного у порога, вслушиваясь в редкие звуки почти пустого отеля.

Вновь усевшись за стол, он перечитал свое письмо к Полю Дерену. Размышляя в то же время о Луизе, он понял, что вряд ли может винить ее за решение его оставить. Сандерс на самом деле ее к этому вынудил — не столько своим поведением в Порт-Матарре, сколько своим неполным присутствием здесь; его истинное «я» все еще блуждало в лесах Монт-Ройяля. Пока он спускался с Луизой и Максом Клэром на санитарно-транспортном судне вниз по реке, пока выздоравливал в Порт-Матарре,— он все время ощущал себя лишь пустой проекцией своего истинного «я», которое по-прежнему скиталось в лесу с драгоценным крестом в руках, оживляя заблудившихся детей, проходило там, словно божество в первый день творения. Луиза ничего об этом не знала и считала, что он ждет Сюзанну.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Макс Клэр. Помахав Сандерсу рукой, он поставил на стул свой саквояж с инструментами. Прибыв в Порт-Матарре, он сразу же приступил к работе в местной клинике, которую содержали отцы-иезуиты. Уже несколько раз они пытались встретиться с Сандерсом — с целью, как он догадывался,

расспросить его о самопожертвовании отца Бальтуса. Очевидно, они подозревали, что продиктовано оно было отнюдь не заботой о пастве.

— Доброе утро, Эдвард,— надеюсь, я не отвлек тебя от размышлений о дне насущном?

— Да нет, с этим покончено.— Когда Макс покосился на приоткрытую дверь ванной, Сандерс добавил: — Луиза наверху. Ну-с, что сегодня новенького?

— Понятия не имею — у меня нет времени болтаться около полицейского участка. Слишком много работы в клинике. Больные появляются из-под каждого забора, с каждой проселочной дороги.

— А чего ты ждал — теперь здесь есть врач.— Сандерс покачал головой.— Помести врача в такое место, как Порт-Матарре,— и ты немедленно создашь немалые проблемы со здоровьем.

— Ну... — Макс покосился поверх очков на Сандерса, до конца не уверенный, шутит тот или нет.— Мне об этом ничего не известно. А вот мы и в самом деле очень заняты, Эдвард. По правде говоря, теперь, когда с рукой у тебя получше, нам кажется — особенно иезуитам,— что ты мог бы немного и помочь. Для начала раза два в неделю. Отцы были бы тебе благодарны.

— Ну да.— Сандерс посмотрел на далекий лес.— Я бы, конечно, с охотой помог тебе, Макс. Но так получилось, что я сейчас в общем-то занят.

— Но это же совсем не так. Ты просто просиживаешь здесь целыми днями. Послушай, по большей части это рутинная работа, она не будет отвлекать тебя от высоких материй — несколько рожениц, пеллагра,— и он спокойно прибавил: — Вчера к нам явилось двое прокаженных — возможно, тебя это заинтересует.

Сандерс обернулся и взгляделся в лицо Макса с его светлыми близорукими глазами под нависающим куполом лба. В какой степени его последняя фраза диктовалась расчетом, да и был ли в этом вообще какой-то расчет, оценить было не так просто. Какое-то время Сандерс подозревал, что Макс с самого начала знал: Сюзанна после

встречи с Сандерсом сбежит в лес; а его собственные бесцельные поиски среди горных поселений имели целью лишь сбить остальных со следа. За время их пребывания в Порт-Матарре Макс редко вспоминал о Сюзанне, хотя к этому моменту его жена наверняка уже стояла, застыв как статуя, где-то в хрустальном лесу. И все же последнее упоминание Макса о прокаженных, если только оно не диктовалось желанием подтолкнуть Сандерса обратно в лес, свидетельствовало, что в действительности Макс не имел ни малейшего представления о значении леса для Сюзанны и Сандерса, о том, что для них обоих только внутри хрустального мира могло быть найдено окончательное разрешение неуравновешенности их рассудка, их склонности к темной стороне равноденствия.

— Два случая проказы? Меня это совершенно не интересует,— и прежде, чем Макс мог вымолвить слово, Сандерс продолжил: — Честно говоря, Макс, я не уверен, что гожусь теперь тебе в помощники.

— Что? Конечно, годишься.

— В высшем смысле, мне кажется, Макс, что, может быть, уже устарела сама профессия врача. Не думаю, что простое разграничение между жизнью и смертью наполнено сейчас большим смыслом. Вместо того чтобы пытаться вылечить своих пациентов, ты лучше посади их на корабль и отправь вверх по реке в Монт-Ройяль.

Макс встал. Он беспомощно развел руками и сказал:

— Я завтра вернусь. Будь осторожен.

Когда он ушел, Сандерс дописал письмо, добавив последний абзац и попрощавшись с Полем. Вложив листки в чистый конверт, он надписал на нем адрес Дерена и прислонил его к чернильнице. Затем он вынул чековую книжку и выписал чек, который вложил в другой конверт, написав на нем имя Луизы.

Потом он встал и, застегивая пиджак, заметил Луизу и Макса, разговаривающих на улице возле отеля. В последнее время он частенько видел их вместе — и в вестибюле, и у дверей ресторана. Дождавшись, пока они закончат свой разговор, он спустился в вестибюль.

У стойки он оплатил счета за предыдущую неделю за себя и за Луизу, потом снял номера еще на пару недель. Обменявшись парой шуток с хозяином-португальцем, Сандерс вышел на свою обычную утреннюю прогулку.

Обычно он забредал к реке. Он шагал пустынными галереями, как всегда по утрам отмечая странный контраст между светом и тенью, несмотря на кажущееся отсутствие в Порт-Матарре прямого солнечного света. На углу напротив полицейской префектуры он в последний раз отжался своей раненой рукой от одного из столбов. Где-то на хрустальных улицах Монт-Ройяля осталась его недостающая часть, продолжающая жить в своей собственной призматической среде.

Размышляя о капитане Радеке и Сюзанне Клэр, Сандерс добрался до береговой линии и пошел вдоль опустевших причалов. Лодок местных жителей здесь почти не осталось, заброшенными стояли и поселения на другом берегу реки.

Лишь одна лодка, как обычно, патрулировала пустынную береговую линию. В трехстах ярдах от себя Сандерс видел красно-желтый катер, на котором они с Луизой когда-то отправились в Монт-Ройяль. Высокая фигура Арагона замерла у руля, предоставив катеру спокойно дрейфовать по течению. Каждое утро он наблюдал за прогуливающимся Сандерсом, но они никогда не заговаривали друг с другом.

Нащупывая в кармане пиджака бумажник, Сандерс направился в его сторону. Когда он подошел поближе, Арагон помахал ему рукой и, заведя мотор, отплыл прочь. Удивленный этим, Сандерс двинулся дальше и вскоре обнаружил, что Арагон приплыл к тому месту, где два месяца тому назад обнаружили кристаллизовавшееся тело Матье.

Сандерс поравнялся с лодкой и начал спускаться по берегу к воде. Какой-то миг мужчины разглядывали друг друга.

— Отличная у вас лодка, капитан, — произнес наконец Сандерс, повторяя фразу, с которой когда-то впервые обратился к Арагону.

* * *

Спустя полчаса, когда они, взяв курс вверх по течению, миновали центральный причал, Сандерс откинулся на спинку сиденья. В беспокойно плещущей воде дробились струи и брызги, падающие радуги которых уносил прочь темный кильватерный след. На улице, в пыли между галереями замер, дожидаясь, пока проплывет лодка, старый негр с белым щитом в руке. На полицейском причале рядом с Максом Клэром стояла Луиза Пере. Глаза ее скрывали темные очки, она смотрела на Сандерса, но не помахала ему рукой, когда лодка, набирая скорость, устремилась вверх по пустынной реке.

РАССКАЗЫ

Белая женщина, белая птица
И пробуждается море
Утонувший великан
Дельта на закате
Садок для рептилий
Сторожевые башни
Время переходов
Безвыходный город
Зона ужаса
Эндшпиль
Последний берег
Сумеречная зона
Мистер Ф. это мистер Ф.
Перегруженный человек
Джоконда в полумраке полдня
Ноль

Белая женщина, белая птица

По утрам тела мертвых птиц сверкали во влажном свете, заливавшем болота, серые перья свисали, словно павшие наземь — на воду — облака. Каждое утро, выходя на палубу сторожевика, Криспин видел птиц. Они лежали в ручьях и протоках, там, где умерли два месяца тому назад; медленное течение давно промыло их раны. И каждое утро он смотрел, как жившая в пустом доме под обрывом женщина идет по берегу реки. По узкой прибрежной полосе, мимо лежащих у ее ног огромных — больше кондора — птиц. Она двигалась среди них, иногда наклонялась, чтобы выщипнуть из распростертого крыла перо, а Криспин смотрел на нее с мостика сторожевика. Под конец этой прогулки, когда она шла через мокрый луг назад, к своему пустому дому, руки ее были полны огромных белых перьев.

Первые дни Криспина странным образом раздражало то, как эта незнакомая ему женщина спускалась на берег и невозмутимо грабила мертвых птиц, вырывая их перья. Хотя по берегам реки и в окружавших заливчик, место стоянки его корабля, болотах лежали многие тысячи этих мертвых созданий, Криспин все равно относился к ним с чем-то вроде собственнического инстинкта. Это же он,

он сам, почти в одиночку, перебил их в тех последних кошмарных сражениях, когда птицы поднялись с своих гнездовий на побережье Северного моря и напали на сторожевик. Это его, его пулю, подобно драгоценному камню, несла в сердце каждая из этих невероятных по своим размерам тварей — по большей части здесь были чайки и глупыши, иногда буревестники.

Глядя, как женщина пересекает заросший газон по пути к своему дому, Криспин снова вспомнил лихорадочные часы перед последней, безнадежной атакой птиц. Это теперь она представлялась безнадежной, теперь, когда их трупы мокрым лоскутным одеялом покрывали промозглые Норфолкские болота. Тогда, каких-то два месяца тому назад, когда небо над кораблем потемнело от бесчисленных птичьих силуэтов, как раз Криспин-то и расставался со всякой надеждой.

Огромные, больше человека, с крыльями по двадцать и более футов в размахе, они затмевали солнце. Криспин как бешеный носился по проржавевшей железной палубе, сбитыми в кровь руками таская ящики с патронными лентами, вставляя эти ленты в пулеметы, а тем временем Квимби, дебильный молодой парень с фермы у Лонг-Рич, которого Криспин уговорил пойти к себе заряжающим, бормотал что-то невнятное и, подпрыгивая на с рождения изуродованных ногах, пытался спрятаться от несущихся сверху огромных теней. Когда птицы начали пикировать и небо обрушилось на него огромной белой косой, Криспин едва успел пристегнуться к пулеметной турели.

И все-таки он победил, сперва уложив очередями в болото первую волну, устремившуюся на корабль подобно белой армаде, а затем перенеся огонь на вторую группу, на бреющем полете бросившуюся на него сзади, со стороны реки. На бортах корабля, повыше ватерлинии, так и остались вмятины от ударов их тел. В самый разгар битвы птицы были везде, крылья их, словно заходящиеся криком кресты, резали небо, тела прорывались сквозь такелаж и тяжело обрушивались на палубу вокруг Криспина, а он разворачивал тяжелые стволы от упора до упора

и стрелял, стрелял. И не раз, и не два Криспин оставлял всякую надежду, проклинал тех, которые бросили его на этой ржавой развалине один на один с кошмарными птицами, вынудили его даже дурачку Квимби платить из своего собственного кармана.

Но позднее, когда казалось уже, что битва эта длится вечность, когда небо было все еще полно птиц, а боеприпасы почти иссякли, он увидел, как Квимби приплясывает на заваливших палубу трупах, сбрасывая их в воду двузубыми вилами по мере того, как все новые и новые мертвые чудовища рушатся с неба.

И тогда Криспин понял, что победил. Когда стрельба немного поутихла, Квимби, обуянный желанием продлить бойню, подтащил еще боеприпасов. Лицо и деформированная грудь идиота были сплошь в крови и перьях. Что-то крича в яростной гордости за свою отвагу и за свой страх, Криспин перебил последних птиц, пристрелив оставших, нескольких едва оперившихся птенцов-сапсанов, когда те пытались улететь в сторону обрыва. И еще целый час после того, как умерла последняя из птиц, когда и река, и ручьи в окрестностях корабля покраснели от их крови, Криспин оставался в турели, поливая пулями небо, осмелившееся напасть на него.

Потом, когда прошли дрожь и возбуждение битвы, Криспин осознал, что был всего один свидетель того, как он выстоял против этого воздушного Армагеддона, и этот свидетель — идиот на изуродованных ногах, которого никто и никогда не станет слушать. Конечно же, седая женщина тоже была здесь, прячась за ставнями своего дома, но Криспин не замечал ее, пока не прошло несколько часов и она не начала разгуливать между трупами. Уже поэтому ему приятно было видеть, как птицы лежат там, куда они упали, как их размытые очертания медленно вращаются в холодной воде реки и болот. Он отослал Квимби назад на ферму и смотрел, как дебильный карлик удаляется вниз по реке, проталкивая свою плоскодонку между раздувшихся трупов. Затем Криспин взошел на мостик сторожевика. На груди его перекрещивались пулеметные ленты.

Он был доволен, что на сцене появилась эта женщина, рад, что есть с кем разделить свой триумф, он прекрасно понимал, что она обязательно заметит победителя пернатых чудовищ, стоящего на капитанском мостике сторожевика. Однако женщина ограничилась одним мимолетным взглядом в его сторону. Похоже, ее занимали исключительно собственные поиски на берегу и на лугу вблизи дома.

На третий день после битвы она вышла на лужайку перед домом вместе с Квимби, и карлик потратил почти целый день, убирая с этой лужайки птичьи трупы. Он наваливал их горой на тяжелую деревянную двуколку, затем впрягался в оглобли и оттаскивал телегу с грузом к яме, вырытой неподалеку от фермы. На следующий день дебильный парень появился на ялике; женщина, чуждая всему окружающему, как призрак стояла на носу, а он шестом направлял лодку между плавающих на воде птичьих тел. Время от времени Квимби переворачивал своим шестом один из трупов, словно в поисках чего-либо,— ходили апокрифические истории, в которые верили многие в поселке, что клювы этих птиц снабжены бивнями из чего-то вроде слоновой кости; Криспин знал, что все эти разговоры — чушь.

Поведение женщины было загадкой для Криспина, подсознательно считавшего, что его победа над птицами укротила весь ландшафт, окружавший корабль, и все в нем. Вскоре, когда женщина принялась собирать маховые перья птиц, у него появилось ощущение, что она неким образом узурпирует право, принадлежащее ему и только ему. Раньше или позже речные мыши, крысы и прочие мародеры болот уничтожат птиц, но пока его возмущало, что кто-то другой грабит опущенное в воду сокровище, которое столь трудно ему досталось. Сразу после битвы он послал краткую, кое-как накарябанную записку окружному офицеру на станцию, до которой было миль двадцать, и теперь предпочел бы, чтобы до получения ответа тысячи трупов оставались лежать там, куда упали. Криспин состоял на патрульной службе по призыву, так что не мог рассчитывать на денежное вознаграж-

дение, однако у него витали смутные надежды на получение медали или какой-нибудь там благодарности.

То, что эта женщина была его единственным, если не считать идиота Квимби, свидетелем, удерживало Криспина от любых поступков, могущих вызвать ее неприязнь. Кроме того, странное поведение женщины наводило на подозрения, что и она, возможно, тоже не в своем уме. Криспин никогда не видел ее ближе, чем с трех сотен ярдов, отделявших сторожевик от берега, на который она спускалась из своего дома, но он наблюдал за ней через подзорную трубу, установленную на мостике, что позволяло лучше разглядеть седые волосы и пепельно-серую кожу, обтягивающую высокие скулы. Она расхаживала в сером бесформенном платье до колен, упираясь в бока тонкими, но сильными руками. У нее был неопрятный вид человека, не вполне сознающего, что он давно уже живет один.

Криспин несколько часов наблюдал, как она ходит среди трупов. Прилив ежедневно выбрасывал на песок новую партию, но теперь, когда туши начали разлагаться, вид их только издали мог показаться привлекательным. Мелкий заливчик, в котором стоял сторожевик — это было одно из сотен старых каботажных грузовых суденышек, торопливо переоборудованных для несения патрульной службы двумя годами ранее, когда появились первые стаи огромных птиц, — находился через реку от дома, как раз напротив него. В свою подзорную трубу Криспин мог бы при желании сосчитать десятки оспин, испещрявших белую штукатурку там, где в нее впились на излете пули из его пулеметов.

К концу прогулки руки женщины были полны перьев. Крепко сжимая руками пулеметную ленту, наискось пересекавшую его грудь, Криспин наблюдал, как женщина подошла к одной из птиц, войдя в мелкую воду, чтобы заглянуть в ее полупогруженное лицо. Затем она вырвала из крыла одно-единственное перо и добавила его к тем, которые уже держала в охапке.

Криспин с беспокойством вернулся к своей подзорной трубе. В узком поле зрения плавно покачивающаяся

фигура, почти полностью скрытая фонтаном белых перьев, напоминала огромную декоративную птицу, белого павлина. Может быть, она каким-то бредовым образом воображала себя птицей?

Вернувшись в рулевую рубку, Криспин потрогал висевшую на переборке ракетницу. Завтра утром она снова выйдет, и тогда можно будет выпустить ракету у нее над головой, дать ей понять, что эти птицы принадлежат ему, что они — подданные его собственного эфемерного царства. Этот фермер, Хассел, который приходил вместе с Квимби, чтобы попросить у Криспина разрешения сжечь часть птиц на удобрение, — он самым очевидным образом признал моральное право Криспина на них.

Обычно Криспин ежеутренне тщательно осматривал свой корабль, пересчитывая ящики с боеприпасами и проверяя пулеметы. Ржавая палуба растрескалась от тяжелых металлических тумб, на которых они были установлены. Весь корабль понемногу погружался в грязь. При большом приливе Криспин слушал, как вода, подобно полищам среброязыких крыс, пробирается в трюм через тысячи щелей и дырки от выпавших заклепок.

Но этим утром осмотр был кратким и поверхностным. Проверив турель на мостике — всегда оставался шанс, что с гнездовой на заброшенном побережье случайно залетит несколько заплутавших птиц, — он вернулся к подзорной трубе. Женщина была во дворе; вооружившись пиллой, она сносила остатки маленькой беседки. Время от времени она бросала взгляд вверх, на небо и нависавший обрыв, внимательно оглядывала его темневший край, словно опасаясь появления птиц.

Это напоминание о том, что сам-то он справился со своим страхом перед крылатыми чудовищами, подтолкнуло Криспина к догадке, почему его так раздражает женщина, выщипывающая их перья. По мере того как тела птиц разлагались, в нем росло желание их сохранить. Он часто ловил себя на том, что снова погрузился в воспоминания об их больших, трагичных лицах, несущихся на него сверху. Во многих отношениях они больше заслуживали жалости, чем страха, жертвы, как это называл окружной

офицер, «биологического несчастного случая», — Криспин смутно припоминал, как тот рассказывал про новые стимуляторы роста, использованные для повышения урожаев в Восточной Англии, и про то, как непредвиденно и необычно повлияли эти вещества на птиц.

Пять лет тому назад Криспин работал в поле поденщиком; после лет, напрасно выкинутых на военной службе, он не мог подыскать себе ничего лучшего. Он помнил, как начали опрыскивать этими новыми штуками пшеницу и фруктовые сады; липкий фосфоресцирующий налет, мерцавший при лунном свете, преображал безмятежное сельскохозяйственное захолустье в нездешний ландшафт, где готовились к действию какие-то неизвестной природы силы. Поля покрылись мертвыми чайками и сороками, рты их забивала серебристая смола. Криспин лично спас многих полумертвых птиц, он очищал клювы и перья, а затем отправлял их в полет в направлении побережья, к гнездовьям.

Через три года птицы вернулись. Сперва — гигантские кормораны и черноголовые чайки, с размахом крыльев в десять, в двадцать футов, с сильными телами и клювами, способными на куски разорвать собаку. Они низко кружили над полями, в пустоте небес, под которыми Криспин вел свой трактор. Казалось, они чего-то ждут.

Следующей осенью появилось второе поколение еще более огромных птиц — воробьи, яростные как орлы, глупыши и чайки с размахом крыльев больше, чем у кондора. Эти невероятные существа с телами широкими и мощными, как у человека, возникали из прибрежных бурь, они убивали скот на лугах, нападали на фермеров и их семьи. Вернувшиеся по какой-то причине на те самые пораженные поля, которые дико подтолкнули их рост, они были всего лишь авангардом многомиллионной воздушной армады, покрывшей небо над всей страной. Движимые голодом, птицы начали нападать на людей, бывших для них единственным источником пищи.

Криспин был слишком занят защитой фермы, на которой жил, чтобы следить за ходом битвы, охватившей весь мир. Ферма, расположенная всего в десяти милях от

берега, была осаждена. Перебив скот, птицы занялись строениями. Как-то ночью Криспин проснулся оттого, что колоссальный фрегат, плечи которого не пролезли бы в дверь, разбил ставни и просунулся через окно в его комнату. Схватив вилы, Криспин пригвоздил шею птицы к стене.

После уничтожения фермы, во время которого погибли хозяин, его семья и трое работников, Криспин захотел записаться добровольцем в патрульную службу. Поначалу офицер, возглавлявший подразделение моторизованного ополчения, хотел отказаться от его услуг. Оглядев низкорослого, худого, похожего на хорька человека с горбатым носом и похожей на звезду родинкой под левым глазом, одетого в измазанную кровью фуфайку, который бродил, спотыкаясь, по развалинам фермы, в то время как последние птицы, подобно гигантским крестам, уносились прочь, окружной офицер покачал головой. Он видел в глазах Криспина одну только слепую жажду мести.

Однако, подсчитав убитых птиц, валявшихся вокруг печи для обжига кирпича, где Криспин держал последнюю оборону, — вооруженный одной лишь косой, которая была на голову выше его самого, — офицер передумал. Криспину выдали винтовку, и они полчаса ездили по разоренным полям, устланым наголо обглоданными скелетами коров и свиней, приканчивая валявшихся кое-где раненых птиц.

В конечном итоге Криспин попал на сторожевик, облупленный корпус которого ржавел в почти неподвижных водах среди речных протоков и болот, где карлик проталкивал свою лодчонку среди мертвых птиц, а сумасшедшая женщина украшала себя гирляндами из перьев.

Целый час, пока женщины не было видно, Криспин рассказывал по кораблю. В какой-то момент она появилась с бельевой корзиной, наполненной перьями, и разложила их на складном столе, стоявшем неподалеку от беседки.

Пройдя на корму, Криспин ногой распахнул дверь камбуза и взгляделся в полутемное помещение:

— Квимби! Ты здесь?

Это сырое логово все еще оставалось временным домом карлика. Квимби время от времени наносил неожиданные визиты Криспину, скорее всего — в надежде стать свидетелем дальнейших боевых действий против птиц.

Не получив ответа, Криспин закинул за плечо винтовку и направился к сходням. Все еще глядя на противоположный берег, где в недвижимом воздухе поднималась струйка дыма от небольшого костра, он подтянул свои патронные ленты и ступил на скрипучую лесенку, спускавшуюся к привязанному внизу ялику.

Мертвые тела птиц мокрым ковром окружали сторожевик. После нескольких безуспешных попыток провести ялик между ними Криспин заглушил подвесной мотор и взялся за багор. Многие из птиц весили до пяти сотен фунтов, они лежали на воде, сцепившись крыльями, вдобавок их еще опутывали тросы и веревки, сброшенные с палубы. Криспину едва удавалось расталкивать их багром, он медленно, с трудом продвигал ялик к выходу из залива.

Криспин помнил, как окружной офицер говорил ему, что птицы находятся в близком родстве с рептилиями, — видимо, как раз это и объясняло их слепую ярость и их ненависть к млекопитающим, — но сейчас омытые водой лица мертвых тварей скорее напоминали дельфинов: спокойные, каждое со своим выражением, они почти походили на человеческие. Когда Криспин пересекал реку, встречая по пути эти покачивающиеся на воде формы, ему казалось, что нападавшие на него недавно противники — неведомое племя крылатых людей, что ими двигала не жестокость, не слепой инстинкт, а какая-то неизвестная и неотвратимая судьба. На противоположном берегу серебристые силуэты лежали среди деревьев и на поросших травой открытых прогалинах. Сидящему в ялике Криспину этот пейзаж напоминал утро после некоей апокалиптической небесной битвы, а птичьи трупы — павших наземь ангелов.

Он пристал к берегу, оттолкнув в сторону лежавших на отмели мертвых птиц. По какой-то неведомой причине здесь, у края воды, полегла стая голубей, среди них

несколько домашних. Их тела длиной не меньше десяти футов от головы до хвоста, с пышными грудками, лежали на влажном песке словно сморенные сном, с глазами, прикрытыми от теплых лучей солнца. Придерживая патронные ленты, чтобы они не соскользнули с плеч, Криспин вскарабкался на берег. Впереди расстилался луг, усеянный трупами. Он пошел к дому, пробираясь между ними, иногда наступая на кончики широко раскинутых крыльев.

Через канаву, окружавшую дом, вел деревянный мостик. Рядом с ним, подобно некому геральдическому символу, указывающему путь, вздымалось вставшее торчком крыло белого орла. Огромные перья своей утонченной лепкой заставили Криспина подумать о монументальной скульптуре, а когда он приблизился к обрыву, кажущаяся целостность оперений навела на еще более мрачную мысль — луг показался чем-то вроде огромного птичьего морга.

Он обогнул дом; женщина стояла около стола, выкладывая на просушку очередную порцию перьев. Налево от нее, рядом с пустым скелетом веранды находилось нечто, сперва показавшееся Криспину костром из белых перьев, нагроможденных на грубый деревянный каркас, изготовленный из остатков беседки. Надо всем этим местом витал дух запустения, большую часть окон дома перебили за последние годы нападавшие на него птицы, сад и дом были устланы мусором.

Женщина обернулась. К удивлению Криспина, ее не смутила бандитская внешность посетителя, пулеметные ленты, винтовка, покрытое шрамами лицо. Взгляд ее не дрогнул. Глядя в подзорную трубу, он считал ее пожилой, но в действительности женщине вряд ли было больше тридцати, ее белые волосы, густые и хорошо ухоженные, напоминали оперение мертвых птиц, усеивавших все вокруг. Однако все остальное в ней, несмотря на сильную фигуру и крепкие руки, было столь же запущенно, как и ее дом. Привлекательное лицо, лишенное малейших следов косметики, казалось намеренно отданным на расправу

пронизывающему зимнему ветру, длинное шерстяное платье было в пятнах, из-под засаленного подола выглядывали стоптанные сандалии.

Криспин остановился, изумившись на мгновение, зачем он вообще сюда пришел. Кучки перьев, взгроможденных на этот костер и лежавших на столе, не казались теперь вызовом его власти над птицами,— прогулка через луг более чем убедила его в этом. И все же он чувствовал, как нечто — возможно, общий опыт, связанный с птицами,— сближает эту женщину с ним. Готовое убить, хоть и пустое сейчас небо, залитые солнцем, молчащие под своим бременем поля, этот костер из перьев давали ощущение общего прошлого.

Уложив на стол остаток перьев, женщина сказала:

— Они скоро высохнут. Солнце сегодня теплое. Вы можете мне помочь?

Криспин неуверенно шагнул поближе:

— А что вам нужно? Конечно.

Женщина указала на сохранившуюся часть беседки. Из неглубокого пропила, который она сумела сделать в одной из стоек, торчала ржавая пила.

— Вы можете вот это спилить?

Криспин, снимая на ходу винтовку с плеча, подошел вслед за женщиной к беседке. Он указал на остатки основного забора, повалившегося в огород.

— Вам нужны дрова? Это горит лучше.

— Нет, мне нужен этот каркас. Надо, чтобы он был крепким.— Женщина помедлила, пока Криспин продолжал возиться со своей винтовкой, голос ее стал немного вызывающим.— Так можете вы это сделать? Карлик сегодня не может прийти. Обычно я прошу его.

Криспин жестом заставил ее замолчать.

— Я помогу вам.— Он прислонил винтовку к беседке, взялся за пилу, несколькими движениями высвободил ее из пропила и начал с нового места.

— Спасибо.— Пока он работал, женщина стояла рядом и смотрела, дружелюбно улыбаясь. Патронные ленты раскачивались в такт движениям его руки и корпуса.

Криспин остановился и с неохотой снял тяжелые ленты — знак его положения. Он глянул в сторону сторожевика. Поймав этот взгляд, женщина сказала:

— Вы капитан? Я видела вас на мостике.

— Ну... — Криспина никогда не называли капитаном, но такой титул давал ему определенный статус.

— Криспин, — скромно кивнул он, представляясь женщине. — Капитан Криспин. Рад вам помочь.

— Меня звать Кэтрин Йорк. — Придерживая одной рукой у шеи свои белые волосы, женщина опять улыбнулась и указала в направлении проржавевшего сторожевика: — Прекрасный корабль.

Криспин пилил, размышляя, искренне она это сказала или хотела ему польстить. Отнеся спиленную стойку к наминавшему погребальный костер сооружению, увенчанному перьями, и положив ее на землю, он с расчетом на производимое впечатление снова надел пулеметные ленты. Женщина, похоже, не обратила на это никакого внимания, но через секунду, когда она взглянула на небо, Криспин подобрал винтовку и подошел к ней.

— Вы там что-нибудь увидели? Не беспокойтесь, я с ней справлюсь. — Он попытался проследить за направлением ее взгляда, скользнувшего по небу вслед за каким-то невидимым предметом, который, казалось, исчез по другую сторону обрыва, но женщина отвернулась и начала машинально перекладывать перья. Криспин жестом обвел окружавшие их поля, чувствуя, что сердце его забилось сильнее, как тогда, в ожидании и страхе битвы. — Я перестрелял всех этих...

— Что? Простите, что вы сказали? — женщина огляделась по сторонам. Было видно, что она утратила всякий интерес к Криспину и, пусть и не выражая этого прямо, ждет его ухода.

— Вам нужно еще дерево? — спросил Криспин. — Я могу добыть еще.

— Мне хватит. — Она потрогала перья, лежавшие на столе, поблагодарила Криспина и ушла внутрь дома, закрыв за собой дверь, скрипнувшую на ржавых петлях.

Криспин пересек лужайку перед домом, затем луг. Птицы, как и прежде, валялись повсюду, но сейчас он не смотрел на них, вспоминая дружественную, сколь ни мимолетную улыбку женщины. Он сел в ялик и начал резкими движениями багра распахивать встречавшихся на пути птиц. Сторожевик, стоявший на мертвых якорях, глубоко осел в воду, со всех сторон его окружал намокший ковер из птичьих трупов. Впервые вид ржавого одра навел на Криспина тоску.

Уже взбираясь по сходням, он заметил на мостике маленькую фигурку Квимби, дикие глаза идиота блуждали по небу. Криспин строго-настрого запретил карлику и близко подходить к штурвалу, хотя было крайне сомнительно, что сторожевик вообще когда-нибудь стронется с этого места. Он раздраженно крикнул Квимби, чтобы тот убирался с корабля.

Карлик быстро слез по истертым ступенькам веревочного трапа на палубу и заковылял навстречу Криспину.

— Крисп! — прокричал он своим хриплым шепотом. — Они видели, одну. Летела от берега вглубь. Хассел сказал, чтобы я тебя предупредил.

Криспин замер. С колотящимся сердцем он боковым зрением оглядел небо, внимательно глядя в то же самое время на карлика.

— Когда?

— Вчера. — Квимби сделал какое-то извивающееся движение плечом, словно пытаясь поставить на место свою заплутавшую память. — А может, сегодня утром? Все равно, главное — она летит. Ты готов, Крисп?

Криспин прошел мимо карлика, крепко сжимая рукой затвор винтовки.

— Я-то всегда готов, — ответил он. — А вот как ты? — Он резко указал пальцем на дом. — Ты должен был быть с этой женщиной, Кэтрин Йорк. Пришлось мне помочь ей. Она сказала, что не хочет больше тебя видеть.

— Что? — Карлик заметался по палубе, руки его плясали по ржавым поручням. Потом он остановился и демонстративно пожал плечами. — Да чего там, она же со

странностями. Ты знаешь, Крисп, она же потеряла мужа. И ребенка.

Криспин приостановился у трапа, ведущего на мостик:

— Правда? А как это случилось?

— Голубь, он убил ее мужа, разорвал его на куски там, на крыше. А потом унес ребенка. И что интересно, ручная птица. — Криспин с сомнением поглядел на карлика, и тот утвердительно кивнул. — Точно. Он ведь тоже был с приветом, этот самый Йорк. Поймал здорового голубя и держал его на цепи.

Криспин вскарабкался на мостик и поглядел на другой берег реки, на дом. Побормотав что-то себе под нос минут пять, он выгнал Квимби с корабля, а затем полчаса проверял пулеметы. Известие о том, что видели одну из птиц, он отбросил, — конечно же, одна-две заблудившихся летают, ищут свои стаи, — но уязвимость женщины на том берегу напомнила ему, что надо принимать все меры предосторожности. Ближайшие окрестности дома относительно безопасны, но во время прогулок по берегу, на открытом месте, она будет совсем легкой добычей.

Это же неопределенное, невысказанное чувство ответственности перед Кэтрин Йорк заставило его в тот же день, поближе к вечеру, снова отправиться на ялике. В четверти мили вниз по течению он поставил лодку на якорь напротив большого открытого луга; прямо над этим местом летели пернатые армады, штурмовавшие сторожевик. Сюда, на холодный зеленый дерн, падало особенно много умирающих птиц. Недавний дождь усилил запах разложения, исходивший от огромных чаек и глупышей. Напоминавшие ангелов, они громоздились друг на друге. Раньше Криспин всегда с гордостью ходил посреди своего белого урожая — результата небесной жатвы. Но на этот раз он торопливо шел между птиц по извилистым проходам. На руке его висела корзина, и занят он был только тем, зачем пришел сюда.

Дойдя до слегка возвышенного места в центре луга, он поставил корзину на труп сокола и начал вырывать перья из крыльев и грудей валявшихся вокруг птиц. Несмотря

на дождь, перья оставались почти сухими. Полчаса Криспин работал без остановки; он рвал перья обеими руками, затем в корзине относил их к ялику. Плечи и голова его едва выглядывали из-за птичьих трупов.

Когда пришла пора возвращаться, маленькая лодка была от носа до кормы забита яркими перьями. Криспин плыл вверх по течению, он стоял на корме, около мотора, и глядел на реку поверх своего груза. Он причалил напротив дома женщины. От костра поднималась тоненькая струйка дыма, и было слышно, как миссис Йорк колет дрова.

Криспин по воде обогнул стоявшую на мелководе лодку, выискивая отборнейшие перья и аккуратно пристраивая их в свою корзину — яркие хвостовые перья сокола, жемчужно-серые перья глупыша, коричневые грудные перья гаги. Взяв корзину на плечо, он направился к дому.

Кэтрин Йорк поддвигала стол ближе к огню, заодно укладывая поаккуратнее перья, сохнувшие в дыму костра. Куча перьев, лежавших на сделанном из остатков беседки каркасе, за это время выросла; наружные были свиты вместе и образовали нечто вроде жесткого ободка.

Криспин поставил корзину перед ней и отступил на шаг.

— Миссис Йорк, я принес вам эти. Думал, они могут пригодиться.

Женщина искоса взглянула на небо, затем, словно чего-то не понимая, потрясла головой. Криспину неожиданно пришло в голову: да узнает ли она его?

— Что это такое?

— Перья. Для вот этого.— Криспин указал на высокий белый ворох.— Это самые лучшие, какие я смог найти.

Кэтрин Йорк опустилась на колени, юбка прикрыла сбитые сандалии. Она трогала цветные перья, словно вспоминая их первоначальных владельцев.

— Очень красивые. Спасибо, капитан.— Она встала.— Мне бы хотелось оставить их себе, но нужны ведь только вот такие.

Следуя жесту ее руки, Криспин поглядел на перья, разложенные по столу. Выругавшись, он хлопнул ладонью по затвору винтовки.

— Голуби! Это же все голубиные! Как же я сам не заметил! — Он подхватил корзину с земли. — Я наберу вам таких.

— Криспин... — Кэтрин Йорк взяла его за руку. Ее глаза обеспокоенно блуждали по лицу Криспина, словно подыскивая необходимый способ его остановить. — Спасибо, мне хватит. Я уже почти закончила.

Криспин помедлил, ожидая от себя каких-нибудь слов для этой прекрасной беловолосой женщины, чьи ладони и платье покрывал мягкий голубиный пух. Затем он подхватил корзину и вернулся к лодке.

На обратном пути к кораблю он перебирался с одного конца лодки на другой, сбрасывая в воду ее груз. За яликом тянулся след из мягких перьев.

Ночью, когда Криспин лежал на ржавой койке в капитанской каюте, сны его, в которых гигантские птицы заполняли лунное небо, были прерваны еле слышным шорохом воздуха в такелаже, приглушенным бормотанием призрачного, говорящего сам с собою голоса. Проснувшись, он лежал не двигаясь, прижав голову к стальному пиллерсу, вслушиваясь, как воздух почти беззвучно обтекает мачту.

Криспин вскочил с койки, подхватил винтовку и босиком взбежал по трапу на мостик. Вступив на палубу и подняв ствол винтовки, он успел на мгновение различить в лунной ночи огромную белую птицу, летящую поперек реки.

Он бросился к поручням, пробуя приладить винтовку достаточно устойчиво, чтобы выстрелить вдогон. Гиблое дело: птица была слишком далеко, а потом ее очертания и вообще исчезли на фоне обрыва. Если раз спугнуть, она уже никогда не вернется. Несомненно, это одна из заплутавших. Вероятно, хотела устроить гнездо среди мачт и такелажа.

Незадолго до рассвета, пронаблюдав всю ночь за небом, Криспин отправился на ялике на другой берег. Он был уверен, что птица кружила над домом, и находился из-за этого в лихорадочном возбуждении. Может быть, она даже видела спящую Кэтрин Йорк сквозь одно из разбитых окон. Приглушенный отзвук лодочного мотора разносился по воде, поверхность которой нарушали силуэты мертвых птиц. С винтовкой наготове Криспин низко пригнулся и вытолкнул лодку на берег. Он пробежал призрачным лугом. Трупы лежали здесь, подобно серебристым теням. Одним броском он преодолел мощный булыжным двор и опустился на колено около кухонной двери, пытаясь уловить звуки, производимые во сне спящей этажом выше женщиной.

Целый час, пока над обрывом поднимался рассвет, Криспин крадучись ходил вокруг дома. Не было ни малейших признаков птицы, но в конце концов он набрел на кипу перьев, вознесенную на каркас из обломков беседки. Заглянув в серую ямку, он сообразил: голубь строил себе гнездо.

Осторожно, чтобы не разбудить женщину, спавшую наверху, за окнами с разбитыми стеклами, он уничтожил гнездо. Прикладом винтовки он прошиб его бока, затем ногой проломил плетеное дно. Если бы не он, Кэтрин Йорк могла следующим утром выйти во двор и неожиданно обнаружить в этом гнезде птицу, готовую атаковать ее со своего насеста. Счастливый, что спас женщину от такого кошмара, в разгорающемся свете утра Криспин отплыл от берега и вернулся на свой корабль.

Следующие два дня Криспин бдительно караулил на мостике, однако голубя не было. Кэтрин Йорк оставалась внутри дома и даже не подозревала о своем спасении. Ночью Криспин сторожил ее дом. Перемена погоды и первые признаки приближавшейся зимы странным образом трансформировали пейзаж, и в течение дня Криспин проводил больше времени на мостике; ему не хотелось глядеть на болота, окружавшие корабль.

В ночь, когда разразилась буря, Криспин снова увидел эту птицу. Начиная с середины дня темные тучи набегали с моря вдоль речной долины, и к вечеру обрыв за домом совсем скрылся за струями дождя. Криспин стоял в рубке и прислушивался. Ветер все дальше загонял суденышко в грязь, и переборки жалобно стонали.

Над рекой сверкнула молния, высветив на лугах тысячи трупов. Криспин оперся на штурвал, глядя на отражение своего изможденного лица в темном стекле рубки, и тут в поле его зрения всплыло огромное белое лицо с таким же горбатым, как у него самого, носом. Пораженный, он не мог оторвать взгляда, а в это время на плечах видения развернулась пара невероятных белых крыльев. Затем заблудившийся голубь, освещенный на мгновение вспышкой молнии, взмыл в воздух, порывами налетавший на мачту; крылья птицы путались среди стальных тросов.

Голубь все еще парил там, пытаясь укрыться как-нибудь от дождя, когда Криспин вышел на палубу и прострелил ему сердце.

Как только стало светать, Криспин вышел из рубки и вскарабкался на ее крышу. Мертвая птица с широко распахнутыми крыльями висела в путанице стальных тросов у самой верхушки мачты. Скорбное ее лицо широко раскрытыми глазами глядело сверху вниз, выражение этого лица практически не изменилось с того момента, как в разгар бури оно выплыло из-за отражения Криспина. Стихший ветер замер теперь совсем; Криспин глядел на дом под обрывом. На темном фоне растительности лугов и болот птица висела подобно белому кресту; он ждал, чтобы Кэтрин Йорк подошла к окну, ждал и боялся, что неожиданный шквал может сбросить голубя на палубу.

Когда двумя часами позже в своем челноке появился Квимби, страстно рвавшийся посмотреть на добычу, Криспин послал его на мачту, привязать голубя к рее. Карлик приплясывал на палубе под огромной птицей, он был готов сделать все, что велит Криспин, казалось, тот его за-гипнотизировал.

— Ты в нее стрельни, Крисп! — взывал он к Криспину,

печально стоявшему у поручня.— Стрельни над домом, вот тогда она выскочит.

— Ты так думаешь? — Криспин поднял винтовку и передернул затвор, выкинув патрон, пуля из которого убила птицу. Он проследил глазами, как блестящая гильза упала вниз, в покрытую слоем перьев воду.— Не знаю... она может испугаться. Лучше я туда сплаваю.

— Вот так и надо, Крисп.— Карлик лихорадочно расхаживал по палубе.— Привези ее сюда. Я тут пока все приберу.

— Может, так я и сделаю.

Вытащив ялик на берег, Криспин оглянулся на сторожевик, еще раз убедившись, что мертвый голубь отчетливо виден с такого расстояния. В свете утра оперение сверкало, как снег, на фоне ржавых мачт.

Подойдя к дому, он увидел Кэтрин Йорк, стоявшую в дверном проеме, раздуваемые ветром волосы закрывали лицо. Глаза ее сурово наблюдали за приближением Криспина.

Он был уже ярдах в десяти, когда женщина отступила внутрь дома и полуприкрыла дверь. Криспин побежал, но она высунулась из двери, крича:

— Уходи! Возвращайся к своему кораблю и к этим мертвым птицам, которых ты так любишь!

— Миссис Кэтрин... — Криспин, заикаясь, остановился перед дверью.— Я же вас спас... миссис Йорк!

— Спас? Спасайте птиц, капитан.

Криспин попытался что-то сказать, но она с силой хлопнула дверь. Он пересек луг, переправился через реку и вернулся на сторожевик, не замечая безумных лунообразных глаз, которыми смотрел на него сверху Квимби.

— Крисп... В чем там дело? — впервые карлик говорил мягким голосом.— Что там случилось?

Криспин покачал головой. Он неотрывно глядел вверх, на мертвую птицу, всеми силами пытаясь угадать смысл последних слов женщины.

— Квимби,— тихо сказал он карлику.— Квимби, она считает себя птицей.

Всю следующую неделю это подозрение росло в пораженном сознании Криспина, так же как росла его одержимость мертвой птицей. Глаза голубя, нависавшего над ним подобно огромному убиенному ангелу, казалось, следовали за Криспином, куда бы тот ни шел на корабле, следовали, напоминая о моменте, когда голубь появился впервые, появился почти внутри собственного лица Криспина, отраженного в стекле рубки.

Вот это ощущение собственной идентичности с птицей и подтолкнуло Криспина к хитрой, как ему казалось, уловке.

Взобравшись на мачту, он крепко привязался к ее верхушке и ножовкой перерезал стальные тросы, опутывавшие мертвого голубя. Подхваченное поднявшимся ветром, большое белое тело закачалось и рухнуло вниз, чуть не сбив Криспина с его насеста. Время от времени начинал хлестать дождь, но это было хорошо, капли смывали с груди птицы кровь и крупинки ржавчины, вылетевшие из-под ножовки. В конце концов Криспин опустил голубя на палубу, а затем привязал его к крышке люка позади трубы.

Обессиленный, он проспал остаток дня и всю ночь, а наутро, вооружившись мачете, начал вынимать из птицы внутренности.

Тремя днями позднее Криспин стоял на верху обрыва, нависавшего над домом; сторожевик виднелся далеко внизу, у противоположного берега. Скелет со шкурой голубя, надетые им на голову и плечи, казались не тяжелее подушки. Ненадолго выглянуло солнце, и он приподнял раскинутые крылья, пробуя их подъемную силу, ощущая струение воздуха сквозь перья. Через гребень хребта, где стоял Криспин, перекатилось несколько порывов ветра, его почти оторвало от земли, и он шагнул поближе к невысокому дубу, скрывавшему его от вида, расстилавшегося из дома внизу.

У ствола дерева лежали винтовка и патронные ленты. Криспин опустил крылья, посмотрел вверх, последний раз уверяясь в том, что по соседству нет случайного ястреба

или сапсана. Успешность маскировки превосходила все его ожидания. Стоя на коленях, свернув крылья и опустив на лицо опустошенную голову птицы, он чувствовал, что совершенно неотличим от голубя.

Перед ним был обрыв, спускавшийся к дому. С палубы сторожевика обрыв казался почти вертикальным, однако в действительности склон шел довольно отлого. Если очень повезет, можно и пролететь несколько шагов. Однако большую часть пути к дому он собирался просто пробежать под уклон.

Ожидая, когда появится Кэтрин Йорк, Криспин высвободил правую руку из металлической скобы, которую он приделал к кости крыла птицы. Он протянул руку и поставил винтовку на предохранитель. Добровольно лишив себя оружия и пулеметных лент, придав себе одновременно внешность птицы, он, как ему казалось, принял безумную логику, в соответствии с которой жила эта женщина. Но в то же время символический полет, который он собирался сейчас осуществить, освободит не только Кэтрин Йорк, но и его самого от заклания этих птиц.

Дверь дома открылась, треснутое стекло блеснуло на солнце. Криспин встал за дубом, руки его крепко держали крылья. Появилась Кэтрин Йорк, она что-то несла через двор. Подойдя ко вновь построенному гнезду, она переложила несколько перьев, брызг шевелил белые волосы.

Выйдя из-за дерева, Криспин пошел вниз по склону. Через десять ярдов начался участок, покрытый плотным, вытоптаным дерном. Тогда он побежал, крылья неровно колыхались у него по бокам. Он набирал скорость, его ноги едва поспевали отталкиваться от земли. Неожиданно крылья перестали раскачиваться, поймав восходящий поток воздуха, и Криспин начал планировать, ветер бил ему в лицо.

До дома оставалось с сотню ярдов, и тут женщина его увидела. Через несколько мгновений, когда она вынесла из кухни ружье, Криспин был слишком занят, пытаясь справиться с набирающим скорость планером, растерянным, но торжествующим пассажиром которого он стал. Он что-то кричал и парил над валящимся вниз склоном,

он неся вниз десятиярдовыми скачками, запах птичьей крови и перьев наполнял его легкие.

Криспин достиг края луга, окаймлявшего дом, перелетел изгородь на высоте в пятнадцать футов. Он держался одной рукой за рвущийся вверх скелет голубя, голова его была полупогружена в голубиный череп, когда женщина дважды выстрелила. Первый заряд прошел через хвост, но второй ударил Криспина прямо в грудь, бросил его на мягкую траву луга, между мертвых птиц.

Через полчаса, увидев, что Криспин умер, Кэтрин Йорк подошла к перекореженному трупу голубя и начала выщипывать лучшие перья, относя их к гнезду, которое снова строила для той большой птицы, которая однажды прилетит сюда и принесет назад ее сына.

И пробуждается море

Этой ночью Мейсон слышал шум приближающегося моря, приглушенный рокот вод, катящихся по близлежащим улицам. Вырванный из сна, он выскочил на залитую лунным светом улицу, где белые дома стояли, точно склепы среди чистых, залитых бетоном дворов. В двух сотнях ярдов волны стремительно набегали на тротуар, бурлили, отступали назад. Пена липла к планкам заборов, а воздух был полон соленых брызг.

Чуть дальше от берега могучие волны открытого моря перекатывались через крыши домов, буруны кипели вокруг труб. Холодная вода окатила ноги Мейсона, и он оглянулся на дом, где спала его жена. Каждую ночь море подбиралось на несколько ярдов ближе, проносясь шипящей гильотиной по пустым лужайкам.

В течение получаса Мейсон наблюдал, как волны обливают верхушки крыш. Фосфоресцирующий прибой отбрасывал бледное сияние на тучи, которые гнал куда-то мрачный ветер, и покрывал руки Мейсона тусклым восковым блеском.

Наконец волны начали отступать, глубокая чаша светящейся воды обмелела, опустели улицы, и в лунном сиянии вновь возникли очертания домов. Мейсон побежал

вслед за исчезающими пузырями, но море удалялось, прячась от него за углами домов, ускользая под дверями гаражей. Он помчался к концу дороги, когда на небе за шпилем церкви погас последний отблеск. Измученный Мейсон вернулся в свою постель, и шум умирающих волн наполнял его сны, пока он спал.

— Прошлой ночью я снова видел море,— сказал он за завтраком жене.

Мириам тихо ответила:

— Ричард, ближайшее море находится в тысяче миль отсюда.— Она несколько мгновений смотрела на мужа, ее бледные пальцы блуждали среди упавших на шею прядей волос.— Выйди на улицу и посмотри. Там нет моря.

— Дорогая, я его *видел*.

— Ричард!..

Мейсон встал и очень медленно поднял руки ладонями вверх:

— Мириам, брызги летели мне на ладони. Волны бурлили около моих ног. Мне это не приснилось.

— Наверняка приснилось.— Мириам прислонилась к двери, словно не хотела впускать в дом диковинный ночной мир мужа.

Длинные волосы цвета воронова крыла, обрамляющие милое овальное лицо, и алый халатик, распахнувшийся так, что он видел стройную шею и белую грудь, напомнили Мейсону прерафаэлитскую героиню в позе дамы времен короля Артура.

— Ричард, сходи к доктору Клифтону. Ты меня пугаешь.

Мейсон улыбнулся и принялся разглядывать далекие крыши домов за высокими деревьями.

— Нечего волноваться. Все очень просто. Я слышу по ночам шум моря, выхожу на улицу и любуюсь волнами в лунном свете, а потом возвращаюсь домой, в постель.— Он замолчал, и по его лицу пробежала тень усталости. Высокий, стройный Мейсон выздоравливал после болезни, которая продержала его взаперти около полугода.— Впрочем, все это довольно странно,— после паузы добавил он,— вода так необычно светится в темноте. Наверное, в ней повышенное содержание соли...

— Но Ричард... — Мириам беспомощно покачала головой, спокойствие мужа выводило ее из себя. — Там нет моря; оно существует только в твоём воображении. Больше никто его не видит.

Мейсон кивнул и засунул руки в карманы:

— Возможно, никто его даже и не слышал.

Он вышел из столовой и отправился к себе в кабинет. Диван, на котором он спал во время болезни, по-прежнему стоял в углу, рядом с книжным шкафом. Мейсон сел и взял с полки большого окаменевшего моллюска. Зимой, когда он был прикован к постели и смотрел на гладкую витую раковину, у него в воображении рождались бесконечные ассоциации с древними морями и затонувшими кораблями, даря ему несказанное удовольствие безграничных фантазий и образов. Мейсон взял ее в руки, изящную и загадочную, точно фрагмент древнегреческой скульптуры, найденный в высохшем русле реки, и представил себе, что эта раковина стала вместилищем времени и иной вселенной. Еще немного, и он поверил бы, что ночное море, преследующее его во сне, возникло из той самой раковины после того, как он, сам того не ведая, потерял один из ее завитков.

Мириам вошла в комнату вслед за ним и резким движением раздвинула шторы, будто понимала, что Мейсон вернулся в сумеречный мир своей болезни. Она взяла его за плечи и сказала:

— Слушай, Ричард, сегодня, когда ты услышишь волны, разбуди меня. Мы посмотрим на них вместе.

Он мягко высвободился из ее рук и ответил:

— Увидишь ты море или нет, не имеет никакого значения. Важно, что я его вижу.

Чуть позже, шагая по улице, Мейсон подошел к тому месту, где стоял прошлой ночью, наблюдая, как, пенясь и шипя, к нему приближаются волны. Из домов, которые в его видении накрывала вода, доносились самые обычные будничные звуки. Пожелтевшую от июльской жары траву на лужайках поливали вращающиеся фонтанчики — в лучах яркого солнца тут и там возникали разноцветные яркие радуги. Между деревянными заборами и водяными

шлангами лежал толстый слой летней пыли, нетронутый со времен прошедших ранней весной дождей.

Улица, один из дюжины пригородных бульваров, окружавших город, тянулась на северо-запад примерно на три сотни ярдов, а потом выходила на большую открытую площадь, где располагался местный торговый центр. Мейсон прикрыл глаза рукой, чтобы не мешало солнце, и посмотрел на часы на башне здания библиотеки и на шпиль церкви — только они и выступали среди бурлящих протуберанцев моря. Все было именно так, как он запомнил.

Чем ближе они подъезжали к торговому центру, тем ниже становилась дорога, пока наконец не стала, по удивительному совпадению, границей берега призрачного моря. Отсюда до города оставалось всего около мили, и узкая невысокая гряда составляла часть края большого естественного бассейна, внутри которого находилась аллювиальная равнина, заканчивающаяся небольшими меловыми залежами. И хотя его частично скрывали дома, Мейсон узнал мыс, возвышавшийся в море, словно крепость. Огромные волны разбивались о его основание, в воздух летели снопы брызг, а потом с гипнотической медлительностью падали, падали в отступающую воду. Ночью мыс казался больше и уже, напоминая неприступный бастион, защищающий берег от стихии. Мейсон пообещал себе, что как-нибудь вечером придет на мыс, чтобы волны разбудили его, когда он уснет на его оконечности.

Мимо проехала машина, и водитель удивленно посмотрел на Мейсона, который остановился посреди дороги, задрав к небу голову. Решив, что не стоит усугублять свою репутацию весьма эксцентричного, любящего одиночество, постоянно занятого собственными мыслями мужа красивой, но бездетной миссис Мейсон, он повернул на улицу, идущую вдоль каменистого уступа. Направляясь к мысу, Мейсон время от времени поглядывал на заборы, пытаясь увидеть залитые водой сады и застрявшие машины. Или дома, пострадавшие от морской стихии.

Первое видение моря посетило Мейсона всего три недели назад, но он не сомневался в том, что оно реально. Он уже знал, что, уходя, вода не оставляет никаких

следов на сотнях домов, погрузившихся на морское дно, и больше не опасался за судьбу утонувших людей, которые, очевидно, мирно спали в огромной водной постели, в то время как он любовался блистающими волнами, разбивающимися о крыши домов. Несмотря на этот парадокс, именно уверенность в истинности происходящего заставила Мейсона рассказать Мириам, что однажды ночью он проснулся, услышав рокот волн за окном, а когда вышел, обнаружил залитые водой улицы и дома. Сначала Мириам просто улыбалась, принимая рассказ мужа как очередную иллюстрацию его необычного внутреннего мира. Потом, три ночи спустя, она проснулась оттого, что слышала, как Мейсон, вернувшись домой, закрывает на замок дверь, и испугалась, увидев его покрытое испариной лицо. Он тяжело дышал.

На следующий день она все время оглядывалась на окно, надеясь увидеть там хотя бы какие-нибудь признаки моря. Кроме самой чрезвычайно странной истории ее беспокоило полнейшее спокойствие, которое Мейсон демонстрировал перед лицом ужасающего апокалипсиса, существующего только в его сознании.

Устав, Мейсон присел на низкую декоративную стену, отгороженную от близлежащих домов кустами рододендрона. Несколько минут он развлекался, рисуя палочкой узоры в белой пыли у своих ног. Бесформенная пассивная пыль каким-то непостижимым образом обладала теми же качествами, что и ископаемый моллюск, испуская загадочный тугой свет.

Впереди дорога изгибалась и уходила вниз, к полям. Меловой склон горы, покрытый плащом зеленого торфа, выделялся на фоне синего неба. На нем поставили металлический домик, а возле входа в шахту сновали крошечные фигурки, которые деловито устанавливали лебедку. Мейсон, отчаянно жалея, что не взял машину жены, наблюдал за тем, как они по одному спускаются в шахту.

Эта сложная пантомима весь день стояла у него перед глазами, даже потом, когда он вернулся домой и устроился в своей библиотеке. Она произвела на него такое

впечатление, что частично заслонила воспоминание о черных волнах, мчащихся по ночным улицам. Сохранять спокойствие Мейсону помогала неколебимая уверенность в том, что и остальные скоро узнают о наступлении моря.

Когда Мейсон отправился спать, он увидел одетую Мириам, которая сидела в кресле у окна, на лице у нее застыло выражение спокойной решимости.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Жду.

— Чего?

— Море. Не волнуйся, просто не обращай на меня внимания, ложись спать. Я могу посидеть и в темноте.

— Мириам... — Мейсон устало взял ее за тонкую руку и попытался поднять с кресла. — Милая, чего ты этим добьешься?

— Разве ты не понимаешь?

Мейсон сел в изножье кровати. По какой-то причине он не только хотел защитить ее, но и сделать так, чтобы она не увидела море.

— Мириам, неужели тебе нужно объяснять? Вполне возможно, что на самом деле я его не *вижу*... понимаешь, в обычном смысле слова. А если я... — Мейсон начал импровизировать. — Вдруг это всего лишь галлюцинация или сон?

Мириам покачала головой и вцепилась в подлокотники кресла:

— Я так не думаю. И вообще — я хочу понять.

Мейсон лег на кровать.

— Я не уверен, что ты выбрала правильный путь...

Мириам наклонилась вперед в своем кресле:

— Ричард, ты так спокойно относишься к происходящему и говоришь о своих видениях, будто это обычная головная боль. Мне страшно. Если бы твое море внушало тебе ужас, я бы не волновалась, но...

Через полчаса он заснул, Мириам, сидя в тени, не сводила с него обеспокоенного взгляда.

Бормотали волны, далекое шипение пенных бурунов за окном вырвало Мейсона из сна, приглушенный грохот

волн и плеск воды барабанным боем отдавался в ушах. Он выбрался из постели и быстро оделся, прислушиваясь к шепоту потока, устремившегося на улицу. В углу, в кресле, спала Мириам, залитая сиянием, отражающимся от белых барашков пены, тонкий лунный луч прочертил полосу у нее на шее.

Неслышно, босиком, Мейсон побежал навстречу своему видению, споткнулся о сверкающую линию прибоя, когда с гортанным ревом на него налетела очередная волна. Опустившись на колени, он почувствовал, как холодная, наполненная светом вода, кишащая тысячами живых существ, ударила ему в грудь, окатила плечи, потом ее хватка ослабла, и она поползла назад прямо в пасть идущему за ней по пятам буруну. Мокрый костюм цеплялся за тело, точно замерзший зверек. Не обращая на него внимания, Мейсон не сводил глаз с моря. В лунном свете белые дома погружались в сияющие брызги, точно дворцы призрачной Венеции или мавзолее на далеком острове некрополей. Вода набирала силу, поднималась, промчалась еще двадцать ярдов по улице, почти добралась до дома Мейсона.

Он подождал, когда отхлынет очередная волна, и пошел по мелководью в сторону проспекта, который уходил к далекому мысу. Теперь уже вода захватила дорогу, поглотила лужайки у домов, билась о ступени лестниц.

До мыса оставалось около полумили, когда Мейсон услышал грохот и тяжкие стоны мощного потока. Задыхаясь, он прислонился к забору, и холодная пена тут же ухватила за его ноги, пытаясь утащить за собой. На каменном парапете на вершине скалы Мейсон увидел фигуру женщины, залитую лунным сиянием, ее черное платье рвал ветер, а длинные волосы казались белыми в призрачном свете. Далеко внизу блистающие волны, словно цирковые акробаты, выделявали свои сложные кульбиты.

Мейсон бросился вперед, потерял женщину из виду, когда улица свернула и у него на пути встали дома. Постепенно поток начал терять силу, и в фонтанах брызг он мельком увидел ее белое лицо. Но тут начался отлив,

и море стало отступать, поплыло между домами, лишая ночь света и жизни.

Когда последние капли растаяли на влажном асфальте, Мейсон быстро посмотрел на мыс, но окутанная сиянием женщина исчезла. Мокрая одежда высохла, пока он шел домой по пустым улицам. И вот уже ветер унес запах соленых брызг, словно ничего и не было.

На следующее утро Мейсон сказал Мириам:

— Знаешь, это и *в самом деле* был сон. Мне кажется, море ушло. По крайней мере, прошлой ночью я ничего не видел.

— Слава Богу, Ричард. Ты уверен?

— Уверен,— Мейсон улыбнулся, стараясь ее успокоить.— Спасибо, что ты за мной присмотрела.

— Я и сегодня ночью посижу.— Мириам помахала рукой.— И не спорь. Я себя отлично чувствую и хочу прогнать это раз и навсегда.— Потом, глядя в чашку с кофе и хмурясь, она проговорила: — Странно, но пару раз мне показалось, будто я тоже слышу море. Шум был такой необычный, точно кто-то очень старый, слепой просыпается после сна, который длился миллион лет.

По дороге в библиотеку Мейсон решил подъехать к меловой шахте и остановил машину в том месте, где видел залитую лунным сиянием женщину с белыми волосами, наблюдавшую за морем. Солнечные лучи расцвечивали бледную траву, освещая вход в шахту, около которой снова деловито сновали какие-то люди.

Следующие пятнадцать минут Мейсон ездил по улицам, заросшим деревьями, заглядывал за невысокие живые изгороди, всматривался в окна кухонь. Он не сомневался, что незнакомка живет в одном из близлежащих домов и еще не сняла своего черного платья, накинув на него простой домашний халат.

Позже, уже в библиотеке, он узнал машину, которую видел вчера на мысу. Пожилой человек в твидовом костюме изучал витрины с последними геологическими находками.

— Кто это? — спросил Мейсон Феллоуса, зрителя в отделе древностей, когда машина уехала. — Я видел его в скалах.

— Профессор Гудхарт, он из группы палеонтологов. Кажется, они обнаружили интересный костеносный слой. — Феллоус махнул рукой в сторону коллекции обломков бедренных и лицевых костей. — Если повезет, может быть, они с нами поделятся своими находками.

Мейсон смотрел на кости и чувствовал, что начинает понимать, что происходит.

Каждую ночь, когда море появлялось на темных улицах и все ближе и ближе подбиралось к дому Мейсона, он просыпался рядом со спящей женой, выходил на пронизанный ветром воздух и по колено в воде шел к мысу. Там на скале он всегда видел беловолосую женщину, лицо которой было подставлено соленым брызгам. Но ему никак не удавалось добраться до нее до того, как начинался отлив, и, опустошенный и измученный, он падал на колени на мокром тротуаре погребенного под водой города.

Однажды проезжавшая мимо полицейская патрульная машина высветила его своими фарами — он сидел, прильнув к воротам одного из домов. В другой раз, вернувшись домой, он забыл закрыть за собой дверь. Во время завтрака Мириам, заметившая, что вокруг глаз у него появились круги, похожие на черные кандалы, сказала с беспокойством:

— Ричард, мне кажется, тебе следует перестать ходить в библиотеку. У тебя уставший вид. Может быть, ты снова видишь во сне море?

Мейсон покачал головой и заставил себя вымученно улыбнуться:

— Нет, с этим покончено. Наверное, я слишком много работаю.

Мириам взяла его руки в свои:

— Ты упал вчера? — Она принялась внимательно разглядывать его ладони. — Милый, посмотри, они *расцарапаны*? Ты, наверное, поранил руки несколько часов назад. Ты ничего не помнишь?

Мейсон придумал какую-то историю, чтобы ее успокоить, а потом забрал чашку с кофе в свой кабинет и занялся изучением утренней дымки, которая окутывала крыши домов; он заметил, что легкое непроницаемое озеро повторяло контуры ночного моря. Солнечные лучи разогнали туман, и на мгновение уходящая реальность привычного мира наполнила его острой болью ностальгии.

Мейсон инстинктивно потянулся к полке, где лежала раковина, но на полпути остановился и убрал руку.

Рядом стояла Мириам.

— Отвратительная штука, — заявила она. — Скажи-ка, Ричард, как ты думаешь, что вызвало тот твой сон?

Мейсон пожал плечами:

— Может быть, это какое-то воспоминание...

Одно короткое мгновение он раздумывал, а не сказать ли Мириам о том, что он продолжает слышать во сне море, и о беловолосой женщине на вершине скалы, которая, как ему казалось, звала его к себе... Но, как и всякая женщина, Мириам считала, что в жизни ее мужа может существовать только одна загадка. По какой-то необъяснимой логике он чувствовал, что его материальная зависимость от жены и потеря самоуважения дают ему право на тайну, которой он не должен с ней делиться.

— Ричард, что случилось?

Мейсон вдруг увидел, как перед ним, словно прозрачный сверкающий веер, распахнулись воды и заклинательница волн повернулась к нему лицом.

Вода доходила ему до пояса, заливала лужайку, вспенивалась могучими бурунами. Так высоко она еще не поднималась ни разу, уже подобралась к его дому, разбиваясь о порог, но Мейсон забыл о жене. Он стащил куртку, швырнул ее в волны и побрел по улице, сражаясь с потоком. Сейчас он думал только о скале, на вершине которой стояла женщина, едва различимая в бушующем каскаде ослепительных брызг.

Мейсон упрямо шагал вперед, иногда погружаясь в воду по самые плечи, не обращая внимания на клочья светящихся водорослей вокруг. У него слезились глаза от

соленого воздуха, но он добрался до подножия мыса и в изнеможении опустился на колени.

Высоко над ним звенели соленые брызги, разбиваясь о поверхность скалы, а глухой голос бурунов перекрывали пронзительные стоны ветра. Околдованный волшебными звуками, Мейсон начал карабкаться по склону, не переставая любоваться тысячами лунных ликом в бушующем море. Когда он добрался до вершины, черное одеяние скрыло от него лицо женщины, но он видел, что она стоит, гордо выпрямившись, а еще Мейсон заметил, какая она стройная. Неожиданно, оставаясь совершенно неподвижной, она двинулась вдоль парапета.

— Подождите!

Его крик заглушил рев ветра. Мейсон бросился вперед, и тогда женщина повернулась и посмотрела на него. Белые волосы обрамляли ее лицо, словно облако серебряного дыма, но вот порыв ветра их разметал, и Мейсон увидел лицо с пустыми глазницами и рот. Рука, похожая на связку белых палочек, потянулась к нему, а потом женщина взмыла в клубящийся мрак, словно гигантская птица.

Мейсон шарахнулся от нее, не понимая, кто так страшно кричит — он сам или этот призрак. Не успев сообразить, что происходит, он перелетел через деревянное ограждение и под звон цепей ворота рухнул спиной вниз прямо в шахту — и все время, что он падал, море грохотало у него в ушах, разрывая сумрак ночи.

Выслушав отчет полицейского, профессор Гудхарт покачал головой:

— Я так не думаю, сержант. Мы работаем здесь целую неделю. Никто не падал в шахту. — Одна из тонких деревянных перекладин ограждения болталась в воздухе. — Но спасибо за то, что вы меня предупредили. Наверное, следует сделать более надежную ограду, если парень бродит по ночам...

— Не думаю, что он сюда заберется, — заметил сержант. — Это совсем не просто. — Помолчав немного, он добавил: — В библиотеке, где он работает, сказали, что вчера вы нашли в шахте парочку скелетов. Я знаю,

прошло всего два дня с тех пор, как он исчез... но он не может быть одним из них? — Сержант пожал плечами. — Если там имеется какая-нибудь кислота, например...

Профессор Гудхарт ткнул каблуком в меловой слой:

— Чистый карбонат кальция, толщиной примерно в милю, возник в триасовый период, около двухсот миллионов лет назад, когда здесь было большое море. Два скелета, которые мы вчера нашли, принадлежат мужчине и женщине — рыбаки кроманьонцы, их племя жило на берегу, пока море не высохло. Я бы с удовольствием вам помог — мне и самому непонятно, как тут оказались кроманьонские реликвии. Ведь шахта опустилась всего тридцать лет назад. Но это уже мои проблемы, а не ваши.

Вернувшись в свою машину, сержант покачал головой. По дороге он молча рассматривал ряды мирных пригородных домов.

— Очевидно, в древности здесь было море. Миллион лет назад. — Он взял с заднего сиденья машины фланелевую куртку Мейсона. — Кстати, я понял, чем она пахнет — морской водой.

Утонувший великан

Наутро после шторма приливная волна вынесла на берег труп утонувшего великана, километрах в семи к северо-западу от города. Первым о великане сообщил живший неподалеку фермер, потом новость подтвердили местные газетчики и полиция. Большинство горожан, и я в том числе, не сразу клюнули на эту удочку, но все новые и новые очевидцы, захлебываясь, рассказывали об огромном утопленнике, и в конце концов, сгорая от любопытства, мы сдались. Где-то после двух часов дня библиотека, в которой мои коллеги и я занимались научной работой, почти полностью опустела, и мы отправились на побережье, да и не только мы, весь город, взбудораженный слухами о диковине, постепенно позакрывал конторы и магазины и снялся с места.

Машину мы поставили в дюнах над берегом моря и приблизились к толпе, уже довольно плотной. Да, на мелководье, метрах в двухстах от берега, лежал утопленник. Поначалу показалось, что размеры его не так уж поразительны. Был отлив, почти все тело великана находилось над поверхностью воды, и оно было не намного больше гигантской акулы. Великан лежал на спине, руки вдоль тела, словно отдыхал, спал на зеркале из влажного песка,

и в этом зеркале тускло отражалась его слегка обесцвевшаяся кожа. Под ярким солнцем тело его блестело, как белое оперение какой-то морской птицы.

Зрелище произвело на нас сильное впечатление, и мы с друзьями, не удовлетворенные обывательскими объяснениями людей в толпе, спустились с дюн и устроились на гальке. Приближаться к великану охотников не было, но через полчаса смельчаки выискались, по песку зашагали два рыбака в высоких резиновых сапогах. Когда их крохотные фигурки приблизились к распростертому телу, по толпе зрителей пронесся ропот. Великан и вправду оказался великаном, два рыбака рядом с ним были просто лилипутами. Хотя его пятки частично ушли в песок, рыбаки не доставали и до середины торчащих вверх стоп, и мы сразу поняли, что этот утонувший левиафан весом и размерами не уступит крупнейшему кашалоту.

На месте действия появились три рыбацких одномачтовых суденышка, они покачивались на волнах в двухстах метрах от берега, моряки сгрудились на палубе и смотрели на великана оттуда. Их осторожность отпугивала наблюдателей на берегу, уже готовых отправиться к великану по мелководью. Все спустились с дюн на гальку и нетерпеливо ждали, сгорая от желания разглядеть утопленника получше. У краев тела песок немного отступил, вода намыла впадину, будто великан упал с неба. Меж могучих монолитов его ступней стояли два рыбака и махали нам, как какие-нибудь туристы на Ниле среди колонн частично ушедшего под воду храма. На миг меня охватил страх: вдруг великан всего лишь спит, сейчас он пошевелится и стукнет пятками... но остекленевшие глаза смотрели в небо, он явно не ведал, что между могучими ступнями стоят две его многократно уменьшенные копии.

Рыбаки начали обходить труп, неторопливо зашагали вдоль белых ног. С любопытством изучив кисть повернутой вверх руки, они скрылись из вида между предплечьем и грудью, потом снова появились и стали разглядывать голову великана, прикрывая глаза от солнца. Греческий профиль великана — плоский лоб, прямой нос с высокой переносицей, красивый изгиб губ — напомнил мне голо-

вы, вылепленные Праксителем*, а изящно вырезанные ноздри лишь подчеркивали сходство с классической скульптурой.

Вдруг над толпой пронесся крик, и сотни вскинутых рук указали на море. Вздвогнув, я увидел, что один из рыбаков вскарабкался на грудь великана и теперь разгваливал по ней и подавал сигналы толпе на берегу. Зрители ответили победным ревом, растворившимся в грохоте гальки,— толпа хлынула к великану по влажному песку.

Мы приближались к распростертому телу, лежавшему в озерке размером с хорошее поле, и взволнованный гомон снова затих, все присмирели, увидев вблизи, сколь величественны масштабы этого ушедшего из жизни колосса. Он лежал под небольшим углом к берегу, и этот ракурс искажал его настоящий рост. Рыбаки уже перебрались на живот великана, но толпа все-таки побаивалась, люди образовали широкий круг, и лишь группками по три-четыре человека отваживались подойти к гигантским конечностям.

Мои спутники и я обошли великана со стороны моря, его бедра и грудная клетка возвышались над нами, как остов севшего на мель корабля. Жемчужная кожа, разбухшая от соленой воды, скрывала истинные очертания огромных мышц и сухожилий. Мы прошли под чуть согнутым левым коленом, с которого свисали влажные водоросли. Для соблюдения незамысловатых приличий бедра были обмотаны тяжелой грубой тканью, пожелтевшей в воде. Эта набедренная повязка, подсыхавшая на солнце, распространяла сильный запах моря, он смешивался со сладковатым, но резким запахом великаньей кожи.

Мы остановились у плеча великана и стали разглядывать его неподвижный профиль. Губы были чуть раздвинуты, открытый глаз подернут непрозрачной пеленой, будто в него налили какую-то молочно-голубую жидкость, но благородные очертания ноздрей и бровей придавали лицу картинную привлекательность, которая противоречила грубой силе, таившейся в груди и плечах.

* Пракситель (390—330 до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Ухо нависало над нашими головами, словно замысловато вылепленная распахнутая дверь. Когда я поднял руку, чтобы дотронуться до отвисшей мочки, кто-то появился над краем лба и закричал на меня сверху. Я в испуге отступил назад и увидел, что несколько подростков забрались на гигантское лицо и теперь дурачились, заталкивая друг друга в глазницы.

Люди уже всюду разгуливали по телу великана, легко взбираясь по двум рукам-лестницам. С ладоней они поднимались к локтям, переползали через вздувшиеся бицепсы и попадали на плоскую равнину в верхней части гладкой безволосой груди. Отсюда они залезали на лицо, цепляясь за губы и нос, либо скатывались по его животу навстречу тем, кто оседлал лодыжки или расхаживал по колоннам бедер.

Мы продолжали идти по кругу сквозь толпу и остановились около вытянутой правой руки. В ладони подарком из другого мира лежало небольшое озерцо, многочисленные «скалолазы», спускаясь по руке, разбрызгивали воду ногами. Ладонь была испещрена линиями, и я попытался прочитать их, отыскать какой-то ключ к судьбе великана, но кожа разбухла, линии были нечеткими и ничего не могли сказать о личности великана и случившейся с ним трагедии. Огромные мышцы рук и мощные запястья едва ли говорили о том, что великан был натурой чувствительной, однако изящная форма пальцев и ухоженные ногти, симметрично подстриженные сантиметрах в пятнадцати от плоти, указывали на некую утонченность, это подтверждалось и греческими чертами лица, которое теперь облепили горожане как мухи.

Один парень даже взгромоздился на кончик носа, он размахивал руками и кричал что-то своим товарищам, но лицо великана все равно хранило незыблемое спокойствие.

Мы вернулись к берегу, сели на большой камень и продолжали смотреть на бесконечный поток прибывающих из города людей. На некотором удалении от берега собралось шесть или семь рыбацких шхун, и рыбаки в высоких сапогах шли по мелководью, чтобы поближе рассмотреть гран-

диозный улов, принесенный штормом. Позже появился отряд полицейских, без особого энтузиазма они попытались оцепить берег, но распростертое тело великана повергло их в крайнее изумление, и они удалились, забыв, по всей видимости, зачем сюда пожаловали.

Еще через час на берегу собралось не меньше тысячи человек, по крайней мере двести из них стояли или сидели на теле великана, мельтешили у его рук и ног, толклись на груди и животе. Голову оккупировала большая группа мальчишек, они пихали друг друга и скатывались вниз по щекам и подбородку. Двое или трое оседлали нос, а еще один ухитрился залезть в ноздрю и лаял оттуда по-собачьи.

Ближе к вечеру полиция вернулась и, раздвигая толпу, пропустила ученых из университета, специалистов по анатомии крупных млекопитающих и по биологии моря. Мальчишки да и почти все взрослые слезли с великана, лишь самые дерзкие не дрогнули и продолжали восседать на кончиках пальцев ног либо на лбу. Специалисты промаршировали вокруг великана, энергично кивая головами и обмениваясь мнениями, ведомые полицейскими, которые раздвигали стену обывателей. Возле вытянутой руки гиганта офицер полиции предложил ученым подняться на ладонь, но те поспешно отказались.

Вскоре они вернулись на берег, и толпа снова завладела великаном, он безраздельно принадлежал ей. В пять часов, когда мы уезжали в город, люди облепили его руки и ноги подобно густой стае чаек, пировавших на огромной дохлой рыбине.

Через три дня я поехал на побережье снова. Мои коллеги вернулись к своей работе в библиотеке и поручили мне вести наблюдения за великаном, а потом отчитаться перед ними. Возможно, они почувствовали, что я сам этого хочу, и меня действительно тянуло на побережье. Никакого извращения в этом не было, великан был для меня скорее живым существом, а не покойником, более живым, чем многие из тех, кто собирался, чтобы на него поглазеть. Отчасти меня завораживали его колоссальные размеры, огромные объемы пространства, занимаемые его

руками и ногами, как бы подтверждавшими правильность форм моих собственных конечностей, но главным образом я был потрясен самим фактом его существования, фактом непреложным. В этой жизни много чего можно подвергать сомнению, но великан, мертвый или живой, существовал в абсолютном смысле: он позволял нам заглянуть в мир таких же, как он, абсолютных величин, а мы, наблюдатели с берега, были лишь их несовершенными и крошечными копиями.

На сей раз толпа была значительно меньше: человек двести—триста сидели на камнях, разложив перед собой еду, и лениво наблюдали за группами приезжающих, идущих по песку. Прилив подвинул великана ближе к берегу, развернул его головой и плечами в сторону суши, и он словно стал вдвое больше, рядом с его гигантским телом рыбацкие шхуны, покачивавшиеся возле его ног, казались игрушечными. Из-за неровностей песчаного дна спина великана чуть прогнулась, грудь как бы стала шире, а подбородок приподнялся, и облик его приобрел более героические очертания. Морская вода выбелила его кожу, которая к тому же разбухла,— в результате лицо великана разгладилось и слегка постарело. Черты этого лица были столь огромны, что не позволяли определить возраст и характер великана, но в первый приезд мне показалось, что это был благовоспитанный молодой человек скромного нрава, классические формы его носа и рта сказали мне именно об этом. Сейчас, однако, он выглядел много старше, где-то на средний возраст. Оплывшие щеки, толстый нос, вспухшие виски и сузившиеся глаза придали ему облик человека хорошо кормленного, зрелых лет, и я понимал, что тело великана только начинает разлагаться.

Я был зачарован тем, как великан меняется на глазах после смерти, словно скрытые в нем черты набирали силу при жизни и вот заявили о себе в кратком последнем резюме. Изменение это знаменовало собой начало конца. Великану не устоять перед всепоглощающим временем, в которое погружается все остальное человечество. Временем, конечными продуктами являются наши краткие жизни, подобные мириадам больших и маленьких брызг

над вспененной пучиной. Я сел на камень прямо напротив головы великана, откуда были хорошо видны взрослые и дети, карабкавшиеся по его ногам и рукам.

Среди утренних посетителей было несколько человек в кожаных куртках и матерчатых кепках, они критически оглядывали великана профессиональным оком, прикидывали его размеры и производили какие-то подсчеты прямо на песке выброшенными на берег щепками. Я понял, что это представители отдела коммунальных услуг и других муниципальных подразделений и заботит их, конечно же, одно: как избавиться от этого дара моря, от этого утонувшего Гаргантюа.

Появилось несколько более изысканно одетых особ: хозяин цирка и его подручные. Они неторопливо обошли тело великана, держа руки в карманах длинных пальто, не говоря друг другу ни слова. Видимо, великанье тело было слишком большим даже для их несравненного заведения. Когда они ушли, дети снова принялись за свое, стали бегать по рукам и ногам взад-вперед, а парни постарше возились на повернутом к небу лице, и влажный песок с их ног прилипал пятнами к белой коже великана.

На следующий день я намеренно задержался и поехал на побережье ближе к вечеру. На гальке сидело человек пятьдесят—шестьдесят. Великана прибило почти к самому берегу, он лежал метрах в семидесяти пяти, сокрушив ногами частокол прогнившего волнореза. Тело его, попав на песчаную горку, развернулось в сторону моря, а лицо, покрытое ссадинами, было отвернуто в сторону почти естественным образом. Я сел на большую металлическую лебедку, прикрепленную к бетонной балке, и стал смотреть на распростертую фигуру.

Кожа великана совсем побелела, утратила жемчужную прозрачность и была заляпана грязным песком, появившимся на месте смытого ночным приливом. Между пальцами набились комья водорослей, под бедрами и коленями скопились горки морского мусора и ракушек. Черты его лица продолжали расползаться, но облик этого колосса все равно оставался величественным и заставлял вспомнить о героях гомеровского эпоса. Гигантский размах

плеч, мощные колонны рук и ног и сейчас придавали фигуре какое-то особое измерение, казалось, великан был кем-то из утонувших аргонавтов или героев «Одиссеи», причем более точно, чем живший в моем воображении до сих пор эллин обычных человеческих размеров.

Я ступил на песок и, минуя лужи и лужицы морской воды, пошел к великану. Двое мальчишек забрались в его ушную раковину, а еще один застыл на пальце ноги, стоял и наблюдал за мной. Как я и надеялся, никто больше на меня внимания не обратил, люди на берегу спокойно сидели, закутавшись в пальто.

Раскрытая правая ладонь великана была заполнена ракушками и песком, на нем виднелись бесчисленные следы ног. Круглая махина великаньего бедра возвышалась надо мной, полностью скрывая от меня море. Сладковатый острый запах, который я учуял в прошлый раз, стал более едким, сквозь матовую кожу проступали змеевидные кольца кровеносных сосудов. Зрелище было отталкивающим, и все же эта бесконечная метаморфоза, очевидная жизнь в мертвом теле, позволила мне ступить на труп.

По оттопыренному большому пальцу я забрался на ладонь и начал восхождение. Кожа оказалась тверже, чем я ожидал, она почти не проседала подо мной. Я быстро поднялся по пологому склону руки, преодолел шар бицепсов. Справа от меня грозной и величавой глыбой покоилось лицо, пещеры ноздрей и огромные скаты щек напоминали конус какого-то немыслимого вулкана.

Благополучно обогнув плечо, я ступил на широкую равнину груди, на которой громадными бревнами выступали ребра грудной клетки. Белая кожа была вся усыпана темными пятнами от бесчисленных отпечатков ног, особенно ясно виднелись следы пяток. В центре грудины кто-то построил маленький замок из песка, и я взобрался на это частично обвалившееся сооружение, чтобы лучше рассмотреть лицо.

Двое мальчишек перестали ковыряться в гигантском ухе и перелезали в правую глазницу, откуда мимо их крошечных фигурок совершенно забеленный молочного цвета жидкостью невидяще взирал голубой глаз великана.

Я смотрел на лицо под углом снизу, и в нем уже не было ни утонченности, ни безмятежности, перекошенный рот и задранный вверх подбородок, державшийся на гигантских канатах сухожилий, напоминали вскрытое чрево корабля. Впервые я понял, сколь мучительной была последняя агония великана, ему было больно, хотя он и не знал, что мышцы и ткани его тела уже вступили в период своего распада. От щемящего одиночества лицо погибшего, этого затонувшего корабля на пустынном берегу, куда почти не долетает рокот волн, превратилось в маску полнейшего бессилия и беспомощности.

Я шагнул вперед, и нога моя провалилась во впадину, ткань в этом месте оказалась мягкой, и через отверстие между ребрами вырвалась струя зловонного газа. Липкое зловонное облако зависло над моей головой, я отступил и вернулся к морю, чтобы отдышаться. И тут, к своему удивлению, увидел, что кисть левой руки великана ампутирована.

Ошеломленный, я смотрел на чернеющий обрубок, а одинокий юнец, что качался на своем насесте, внимательно глядел на меня, и было в его взгляде что-то кроваж-адное.

Это было лишь первое из серии хищений. Следующие два дня я провел в библиотеке, желание ехать на берег почему-то пропало, я чувствовал, что стал свидетелем начала конца этого грандиозного чуда. Когда я в следующий раз прошел через дюны и ступил на гальку, великан находился всего метрах в двадцати, и эта близость к морским камешкам свела на нет все признаки волшебства, когда-то витавшие над далеким, омываемым волнами торсом. Несмотря на исполинские размеры великана, синяки и грязь, покрывавшие его тело, как бы уменьшали его до человеческих масштабов, и то, что он такой невысказанно большой, делало его еще более уязвимым.

Правой кисти и правой ступни не было, их волоком втащили на склон и вывезли. Расспросив собравшихся у волнореза — их было немного, — я выяснил, что тут успели поработать компания по производству удобрений и поставщики корма для скота.

Оставшаяся ступня великана торчала торчком, к большому пальцу прикрепили буксирный трос, видимо чтобы на завтра сразу приступить к делу. Рабочие, человек двадцать, разворошили береговую гальку, в местах, где волокли отрезанные кисти рук и ступню, тянулся глубокий след. Темная зловонная жидкость, что текла с обрубков, вымазала песок и белые конусы ракушек. С берега я заметил, что на посеревшей коже великана вырезаны какие-то шуточные девизы, свастики, значки, будто негласное разрешение изувечить этого недвижимого колосса повлекло за собой поток дотоле сдерживаемой ярости и злобы. Мочку уха кто-то проткнул деревянным копьём, в центре груди успел догореть небольшой костер, и кожа вокруг почернела. Мелкие хлопья сажи все еще носились на ветру.

Над трупом висел тяжелый и удушливый запах, безошибочный признак разложения, и он разогнал-таки подростков. Я вернулся на берег и взобрался на лебедку. Распухшие щеки великана превратили его глаза в щелочки, растянули губы, и получился монументальный зевок. Прямой греческий нос был изуродован, истоптан и вмят во вздувшееся лицо несметным множеством пяток.

Наведавшись к морю на следующий день, я обнаружил почти с облегчением, что великана обезглавили.

Минуло еще несколько недель, прежде чем я попал на побережье снова, и к тому времени сходство великана с человеком, столь явственное ранее, совсем исчезло. При ближайшем рассмотрении грудная клетка и живот несомненно походили на человеческие, но по мере того как отсекались конечности, сначала до колен и локтей, потом до плеч и бедер, тело великана стало напоминать тушу обезглавленного кита или китовой акулы. Труп совершенно утратил человеческие черты, и интерес обывателей иссяк, побережье опустело, если не считать пожилого безработного да сторожа, сидевшего у домика подрядчика.

Вокруг останков великана были воздвигнуты просторные деревянные леса, с десятков лестниц раскачивалось на ветру, а в песке вокруг валялись мотки веревок, длинные ножи с металлическими ручками и крюки-кошки, галька

маслянисто блестела от крови, попадались куски костей и кожи.

Я кивнул сторожу, угрюмо поглядевшему на меня поверх жаровни, в которой тлели уголья. Все кругом пропиталось едким запахом из огромного чана с ворванью, которая кипела на медленном огне позади домика.

Обе бедренные кости удалили с помощью небольшого крана, завернули в грубую ткань, бывшую некогда набедренной повязкой великана, гнезда суставов зияли, как распахнутые двери амбаров. Исчезли и предплечья, ключицы и половые органы. По остаткам кожи на груди и животе шла разметка — проведенные дегтем параллельные полосы, — первые пять или шесть участков уже были отделены от диафрагмы и обнажали гигантскую арку грудной клетки.

С неба на берег спикировала стая чаек, они с яростными криками принялись что-то клевать на побуревшем песке.

Через несколько месяцев, когда об утонувшем великане все более или менее забыли, в городе начали появляться различные части его четвертованного тела. В основном это были кости, которые производители удобрений не сумели измельчить. Узнать их не составляло труда — по величине, огромным сухожилиям и хрящам суставов. Трудно сказать почему, но, освобожденные от телесной оболочки, части передавали суть его прежнего величия лучше, чем вздувшиеся и впоследствии ампутированные конечности. Взглянув через дорогу на здание фирмы крупнейших в городе оптовиков по продаже мяса, я узнал две огромные бедренные кости, обрамлявшие входные двери. Эти мегалитические колонны нависали над головами швейцаров словно в храме древних друидов, и мне вдруг увиделся великан, встающий на колени прямо перед этими голыми костями и семимильными шагами бегущий по улицам города: он возвращался к морю и на обратном пути собирал свои разбросанные части.

Еще через несколько дней на глаза мне попала левая плечевая кость, она лежала у входа в одну из верфей (правая кость несколько лет провалялась в груде мусора под

главным торговым причалом гавани). В ту же неделю ссохшаяся кисть правой руки выставлялась на карнавале во время ежегодной пышной процессии.

Интересно, что нижняя челюсть попала-таки в музей естественной истории. Остатки черепа исчезли, но вполне возможно, они затаились где-нибудь на городской мусорной свалке или на задворках чьего-либо сада,— совсем недавно, проплывая на лодке по реке, я увидел два великаньих ребра, хозяин прибрежного сада приспособил их под декоративную арку, возможно, приняв за челюсти кита. Огромный квадрат потемневшей и покрытой татуировкой кожи, размером с индейское одеяло, используется как задник, фон для кукол и масок в лавке, торгующей сувенирами у входа в детский парк, и я не сомневаюсь, что в каком-нибудь отеле или гольф-клубе на стене над камином висят засушенные уши великана или его нос. Что касается гигантского полового члена, он заканчивает свои дни в музее диковинок при цирке, который разъезжает по северо-западу страны. Этот монументальный орган, поражающий своими пропорциями и былой потенцией, занимает целую отдельную кабинку. Ирония заключается в том, что его ошибочно выдают за член кита, и действительно, почти все, включая тех, кто собственными глазами видел великана, выброшенного на берег после шторма, помнят его скорее как крупное животное, а то и не помнят вовсе.

Остатки скелета, с которого содрали всю плоть, и сейчас лежат на берегу, ребра выцвели, будто деревянный остов разбившегося о скалы корабля. Времянку подрядчика и лесá разобрали и увезли вместе с краном, в бухту пригнали несколько машин с песком и как следует засыпали тазовые кости и позвоночный столб. В зимнее время около высоких изогнутых костей никого нет, они принимают на себя удары волн, летом же на них с удовольствием садятся уставшие от моря чайки.

Дельта на закате

И каждый вечер, когда над протоками и болотами дельты опускалась густая, крупитчатая мгла, змеи опять выходили на берег. Сидячие носилки стояли под навесом палатки; отсюда Чарльз Гиффорд в полудреме следил глазами, как гибкие тени, свиваясь и развиваясь, всползают по склонам. Последний отблеск заката лучом потухающего прожектора пробегал по сырым отлогим берегам, и в этом свете, матовом и голубоватом, сплетенные тела ярко, почти фосфоресцирующе, блестели.

Ближайшие протоки прорезали равнину в добрых трех сотнях ярдов от лагеря, однако по какой-то причине змеи непременно появлялись именно в тот час, когда Гиффорда отпускала вечерняя лихорадка. Она отступала, унося с собой ставшие уже привычными каждодневно возникавшие в горячечном бреду образы рептилий, и тогда он сидел в своих носилках, а змеи, явленная материализация бредовых видений, ползли по берегам. Гиффорд непроизвольно оглядывал песок вокруг палатки, ожидая и здесь увидеть их бледные влажные тени.

— Самое странное, что эти твари всегда приходят в одно и то же время, — сказал он индейцу-слуге, появившемуся из-за палатки-столовой, чтобы прикрыть его одеялом.

— Вот только-только тут еще ничего не было, а через какую-нибудь секунду они уже тысячами кишат по всему болоту.

— Вам не холодно, сэр?— спросил индеец.

— Ты посмотри на них, посмотри сейчас, пока совсем не стемнело. Это же чистая фантастика. Видимо, есть некий четко определенный порог...— Высоко подвешенная нога мешала Гиффорду смотреть, и он попытался поднять голову, по бескровному, обросшему бородой лицу пробежала болезненная гримаса.— Ладно, ладно!

— Что вы сказали, доктор?— Слуга, тридцатилетний индеец по имени Мечиппе, продолжал устраивать ногу Гиффорда поудобнее, не сводя с него прозрачных, опреленных в обветренное, испещренное прожилками черное дерево глаз.

— Я сказал, отодвинься к чертовой матери, не засти!

Бессильно опершись на один локоть, Гиффорд наблюдал, как последний свет вечера исчезает с изгибов дельты, а вместе с ним и последние образы змей. День ото дня летний жар прибывал, вечер от вечера их приходило все больше и больше — скользкие твари словно чувствовали, что лихорадка бьет его все сильней и сильней.

— Сэр, я принесу вам еще одеяло?

— Не надо, Христа ради.

Вечерний холод, зябкая дрожь, то и дело пробегавшая по донельзя исхудавшим плечам,— все это оставалось за пределами восприятия; теперь, после ухода змей, внимание Гиффорда полностью сосредоточилось на этом неподвижном, похожем на труп предмете, смутно проступавшем сквозь одеяло. Он изучал его как нечто постороннее, свое собственное тело вызывало у него куда меньше участия, чем неизвестные индейцы, умиравшие в Таксоле, в импровизированном полевом госпитале. В индейцах ощущалась хотя бы пассивная отстраненность, ощущалось неразрывное единство плоти и духа, ничуть не пострадавшее, скорее укрепившееся неудачей, постигшей одного из союзников. Именно такого фатализма очень хотел бы достичь Гиффорд — даже самый занюханный туземец ощущал себя в единстве с необратимым потоком

вселенских событий, соединял своей личностью больше годовых циклов, чем самые упорные долгожители из европейцев или американцев, которые в одержимости постоянным ощущением уходящего времени ненасытно затапливают в свои жизни один «важный опыт» за другим. Сам же Гиффорд — он успел уже это понять — просто откинул в сторону свое собственное тело, разведясь с ним, как с неким партнером по чисто функциональному, деловому браку, чья полезность себя исчерпала. Столь очевидное отсутствие лояльности вводило его в тоску.

Гиффорд постучал рукой по своим костлявым чреслам:

— Не это, Мечиппе, не это делает нас смертными, а трижды проклятые наши эго. — Он одарил слугу ироничной улыбкой. — Луизе это бы понравилось, как ты думаешь?

Слуга смотрел, как за столовой поджигают мусор. Он резко перевел взгляд на полулежащую в носилках фигуру. Диковатые глаза индейца, наконечники стрел, опасно поблескивающие в маслянистом свете горящих веток.

— Сэр? Вы бы хотели?..

— Бог с ним, — отмахнулся Гиффорд. — Принеси только два виски с содовой. И стулья. А где миссис Гиффорд?

Мечиппе не ответил, и Гиффорд вскинул на него глаза. Их взгляды на мгновение пересеклись, вспыхнули абсолютным пониманием. Пятнадцать лет тому назад, когда Гиффорд появился в дельте с первой своей археологической экспедицией, Мечиппе ничем не выделялся в кучке детей, приходивших к лагерю. Теперь это был индеец средних — для индейца — лет, линии, процарапанные на его щеках, совсем затерялись в густом переплетении морщин и шрамов, он стал большим знатоком палаточного фольклора.

— Мисс' Гиффорд — она отдыхает, — загадочно сообщил Мечиппе. Пытаясь сменить тему и направленность разговора, он добавил: — Я скажу мистеру Лоури, а потом принесу виски и горячее полотенце, доктор.

— Хорошо.

С ироничной улыбкой на губах, лежа на спине, Гиффорд слушал, как шаги индейца мягко удаляются по песку.

С разных сторон доносились приглушенные звуки лагерь — прохладный плеск воды в душевой кабинке, обрывки разговоров на местном наречии, визг пустынной собаки, ждущей, когда наступит подходящий момент подобраться к помойке, — и он мало-помалу погрузился в худое, усталое тело, вытянутое под одеялом, подобно куче собранных в мешок костей, погрузился, наново оживляя затухающие чувства осязания и давления в своих членах.

При свете луны белые побережья дельты сверкали, как отложения фосфоресцирующего мела, змеи гноились по склонам, словно возносили молитву полуночному солнцу.

Получасом позднее все они вместе сидели в полутьме. Массаж Мечиппе заметно оживил Гиффорда, он держал теперь спину прямо и жестикулировал своими стаканами. Виски на короткое время прояснил его сознание; обычно ему не хотелось говорить о змеях при жене, тем паче при Лоури, но заметное увеличение их количества было достаточно важным для обсуждения фактом. Присутствовало тут и злокозненное удовольствие — меньшее теперь, чем прежде — видеть, как Луизу передергивает от одного упоминания змей.

— Но что особенно необычно, — объяснял он, — они появляются на берегах всегда в одно и то же время. Судя по всему, существует точный уровень освещенности, точное количество фотонов, на которое они откликаются, — вероятно, врожденный внутренний спусковой механизм.

Доктор Ричард Лоури, ассистент Гиффорда, исполнявший после несчастного случая обязанности руководителя экспедиции, смотрел на Гиффорда, сидя на краешке складного стула, крутя стакан по соседству со своим длинным носом, и ощущал крайнюю неловкость. Усажен он был с наветренной стороны от бинтов, свободно запеленывавших Гиффордову ступню (одна из мелких, ребячливых пакостей, оживлявших интерес Гиффорда к окружающим), и потому, задавая вопрос, осторожно повернул лицо в сторону.

— Но чем вызвано такое неожиданное увеличение их числа? Месяц тому назад они и по штуке-то едва появлялись.

— Дик, ради Бога!— Луиза Гиффорд с видом смертельно усталой великомученицы повернулась к Лоури.— Неужели это необходимо?

— На это есть очевидный ответ,— объяснил Гиффорд.— Летом дельта пересыхает и приобретает тот вид, который имели полувysохшие лагуны, бывшие здесь пятьдесят миллионов лет назад. К тому времени гигантские рептилии уже вымерли, и доминирующим видом остались мелкие. Можно предположить, что эти змеи фактически несут в себе запись ландшафта, картину палеоцена, столь же отчетливую, как наши воспоминания о Нью-Йорке и Лондоне.— Он повернулся к жене; свет дальнего костра, на котором сжигали мусор, подчеркивал вваленность пергаментных щек.— А в чем дело, Луиза? Не хочешь ли ты сказать, что не способна вспомнить Нью-Йорк или Лондон?

— Я уже и не знаю, способна или не способна.— Она откинула со лба светлую выгоревшую прядь.— Лучше бы ты не думал все время про этих змей.

— Знаешь, последние дни я начинаю их понимать. Раньше меня приводило в недоумение, почему это они всегда появляются в одно и то же время. К тому же и делать мне больше нечего. Не хочу я сидеть здесь и глазеть на проклятые эти ваши тольтекские развалины.

Взмахом руки он указал на невысокий песчаниковый хребет, четким силуэтом вырисовывавшийся на фоне белых, залитых лунным светом облаков и отмечавший собой край аллювиальной гряды в полумиле от лагеря. До случая с Гиффордом стулья всегда ставились лицом к разрушенному террасному городу, поднимавшемуся из чертополоха, которым порос этот хребет. Но теперь Гиффорда утомляло каждодневное зрелище обвалившихся колоннад и галерей, где работали его жена и Лоури. Он велел Мечиппе снять палатку и развернуть ее на девяносто градусов, что давало возможность смотреть, как последние лучи заката гаснут над западной дельтой. Пламя горящего

мусора, на которое они смотрели сейчас, создавало хоть какое-то движение. Часами глядя на бесчисленные протоки, ручейки, болотистые берега, извилистые очертания которых становились все более и более змеистыми по мере того, как, в результате летней засухи, падал уровень воды, он увидел однажды вечером змей.

— Это, конечно же, просто нехватка растворенного кислорода,— произнес Лоури. Он заметил, что Гиффорд взирает на него неодобрительно, почти с отвращением, и неожиданно переключился с физиологии на психологию: — По мнению Юнга, змея в первую очередь является символом бессознательного и ее появление всегда свидетельствует о душевном кризисе.

— Тут я, пожалуй, соглашусь.— Чарльз Гиффорд деланно рассмеялся, покачал своей подвешенной ногой и добавил:— Я просто должен так поступить. Ведь правда, Луиза?— Но прежде чем жена, с отрешенным выражением лица глядевшая на костер, успела ответить, он продолжил:— Хотя, если по правде, я не согласен с Юнгом. Для меня змея — символ трансформации. Каждый вечер ближе к закату здесь воссоздаются огромные лагуны палеоцена, воссоздаются не только для змей, но и для вас, и для меня тоже, стоит нам только взглянуть. Недаром змея символизирует мудрость.

На лице Ричарда Лоури читалось крайнее сомнение; он слегка пожал плечами и заговорил, не отрывая глаз от своего стакана:

— Вы не убедили меня, сэр. Это только первобытный человек вынужден был ассимилировать в своей психике события внешнего мира.

— Вот именно,— возразил Гиффорд.— А как иначе может природа приобрести смысл, если не иллюстрируя некое внутреннее переживание? Единственно реальными являются внутренние ландшафты или их внешние проекции, как, например, эта дельта.— Он передал пустой стакан жене.— Ты согласна с этим, Луиза? Хотя, возможно, ты придерживаешься фрейдистской точки зрения на змей?

Эта прозрачная шуточка, произнесенная с ледяным, характерным для Гиффорда юмором, оборвала беседу. Лоури беспокойно поглядывал на часы, страстно желая оказаться подальше от прикованного к носилкам полутрупа с его жалкими грубостями. Холодно ухмыляясь, Гиффорд ждал, пока Лоури встретится с ним глазами; по странному парадоксу его нелюбовь к ассистенту подогревалась скорее нежеланием того принимать какие-либо встречные меры, чем не совсем еще определенными, но все более формировавшимися отношениями между Лоури и Луизой. Тщательно сохраняемый Лоури нейтралитет и его хорошие манеры казались Гиффорду некоей попыткой сохранить тот мир, от которого сам Гиффорд отвернулся, мир, в котором на берег не выползали змеи, где события развивались в единственной временной плоскости, наподобие размытой проекции трехмерного объекта, сделанного испорченной камерой-обскурой.

Конечно же, вежливость Лоури была также попыткой защитить себя и Луизу от острого, как осиное жало, языка Гиффорда. Подобно Гамлету, пользовавшемуся своим сумасшествием, чтобы всех оскорблять и допрашивать, Гиффорд зачастую использовал периоды частичного облегчения для того, чтобы делать свои наиболее колкие замечания. Когда Гиффорд вырывался из трясины бреда и обнаруживал нависающими над собой неясные фигуры жены и ассистента, все еще окруженные теми же вращающимися мандалами, которые были с ним в бреду, он совсем отпускал поводья своего мучительного (для него самого — тоже) юмора. А то, что этим он только подталкивал жену и Лоури к неизбежной развязке, распаляло его еще больше.

Долгое прощание с Луизой, растянувшееся уже на столько лет, казалось теперь вполне осуществимым, как малая часть другого, большего прощания. Все пятнадцать лет их брака не представляли собой ничего, кроме сплошного неудачного прощания, попыток пробиться к цели, достижению которой мешали собственные их сильные характеры.

Глядя сейчас на обожженный солнцем, но все равно привлекательный профиль Луизы, на выгоревшие откинутые назад белокурые волосы, Гиффорд понимал: то, что она ему не нравится,— чувство совершенно имперсональное, часть огромного искреннего отвращения, которое испытывал он по отношению ко всему почти роду человеческого. И даже эта глубоко укоренившаяся мизантропия — лишь отражение его вечного, неумирающего презрения к самому себе. Было несколько людей, которые ему когда-то нравились, но равным образом случались отдельные моменты, когда он и сам себе нравился. Вся его жизнь археолога с того времени, как еще подростком он собирал окаменевших аммонитов на соседнем известняковом обнажении, была одной долгой попыткой вернуться в прошлое и обнаружить там источники своего к себе презрения.

— Как ты думаешь, они пришлют самолет?— спросила Луиза наутро после завтрака.— Я слышала шум...

— Сильно сомневаюсь,— покачал головой Лоури. Он смотрел вверх, в пустынное небо.— Мы не заказывали самолет. Посадочная площадка в Таксоле не используется. Летом гавань пересыхает, и все перебираются подальше от берега.

— Но уж доктор-то должен был остаться? Ведь не все ушли?

— Ну да, доктор там есть. Тот самый, который постоянно работает при порте.

— Пьяный придурок,— вставил Гиффорд.— Да я не позволю, чтобы он хотя бы дотронулся до меня своими трипперными лапами. Про доктора, Луиза, ты забудь. Даже если бы кто и готов был нанести нам визит, каким же таким образом сумеет он это сделать?

— Но, Чарльз...

Гиффорд раздраженно махнул рукой в сторону поблескивавших полос грязи.

— Вся эта дельта высыхает сейчас, как грязевая ванна; никто не собирается рисковать тем, что подхватит хо-рошенькую малярию, с единственной целью — привязать

шину к моей лодыжке. Да и вообще, скорее всего, тот бездельник, которого послал Мечиппе, ошивается где-нибудь здесь неподалеку.

— Но ведь Мечиппе говорил, что это очень надежный парень.— Луиза беспомощно поглядела на мужа, привалившегося к спинке носилок.— Дик, как жаль, что ты не смог пойти с ним. Тут же всего пятьдесят миль. Вы бы уже вернулись.

Лоури смущенно кивнул:

— Я как-то не подумал... Я уверен, что все будет в порядке. Как ваша нога, сэр?

— Просто великолепно.— Все это время глаза Гиффорда были устремлены вдаль, через дельту. Теперь он заметил, как глядит на него Лоури — искоса, брезгливо наморщив длинное лицо.— В чем дело, Ричард? Тебе мешает запах?— Внезапно разозлившись, он резко добавил:— Слушай, друг, сделай одолжение, пойди погуляй.

— Что?— неуверенно уставился на него Лоури.— Ну конечно же, доктор, конечно.

Гиффорд наблюдал, как заботливо ухоженная фигура ассистента чопорно удаляется, пробираясь между палатками.

— Он всегда ну просто потрясающе корректен, правда? А вот воспринимать оскорбления толком еще не научился. Ничего страшного, я позабочусь, чтобы у него было побольше случаев потренироваться.

Луиза медленно покачала головой:

— Зачем ты так, Чарльз? Ты же сам понимаешь, что без него у нас было бы положеньеице. Не думаю, чтобы ты честно к нему относился.

— Честно?— с гримасой повторил Гиффорд.— О чем это ты? Побойся Бога, Луиза.

— Ну, значит, все в полном порядке,— терпеливо ответила жена.— Только мне не кажется, что Ричарда можно в чем-то винить.

— А я его и не виню. Это что, это твой драгоценный Дик так считает? А теперь, когда от этой штуки пошел запах, он пытается свалить вину назад на меня.

— Он совсем не...

Гиффорд раздраженно стукнул рукой по подлокотнику:

— Не нет, а да!— Он смотрел на жену потемневшими от злости глазами, тонкие, окаймленные узкой бородкой губы презрительно перекосились.— Да ты не беспокойся, радость ты моя, к концу этой истории ты и сама будешь считать точно так же.

— Чарльз, ради Бога...

— А какая, собственно, разница?

Гиффорд бессильно обвис на носилках, но тут же пришел в себя; мгновенное головокружение сменилось странным, почти эйфорическим спокойствием, и он продолжил:

— Доктор Ричард Лоури. Как же он любит эту свою докторскую степень. Я бы просто не мог так, в его-то возрасте. Третьесортная степень за работу, выполненную для него мной, и он еще величает себя «Доктор».

— Как и ты сам.

— Не притворяйся душой. На моей памяти мне предлагались по крайней мере две кафедры.

— Ну, а принять их было, конечно же, ниже твоего достоинства,— с легкой иронией в голосе прокомментировала Луиза.

— Именно так,— яростно подтвердил Гиффорд.— Да ты представляешь себе, на что похож сейчас Кембридж? Он просто кишит такими вот ричардами лоури. А самое главное, у меня же имелся значительно лучший вариант. Я женился на богатой. Она была очаровательна, прелестна, с неким, не совсем определенным уважением относилась к мрачноватому блеску моего таланта, и — что тоже совсем не мешало — она была богата.

— До чего же тебе повезло.

— Люди, женящиеся на деньгах, зарабатывают их. Свои-то я уж точно заработал.

— Большое спасибо, Чарльз.

Гиффорд негромко хихикнул:

— Одного у тебя, Луиза, не отнимешь — вот ты-то умеешь принимать оскорбления. Тут все дело в воспитании. Меня просто удивляет, что с Лоури ты не проявила побольше разборчивости.

— Разборчивости?— неловко рассмеялась Луиза.— Мне и в голову не приходило, что я его выбирала. Ричард кажется мне очень исполнительным и обязательным, и ты, кстати, считал так же, когда брал его себе в ассистенты.

Гиффорд начал было составлять ответ, но тут грудь его и плечи пробил внезапный озноб. Он бессильно потянул на себя одеяло, его охватывало всепоглощающее ощущение огромной усталости и апатии. Совсем забыв о том, что шедшей пикировке, он снизу вверх стекленеющими глазами посмотрел на жену. Дневной свет исчез совсем, и над всей дельтой лежала глубокая тьма, лишь иногда на мгновение озаряемая кипящими очертаниями мириад змей. Превозмогая тяжесть, он попытался подняться, чтобы запечатлеть в себе их образ, но затем снова провалился в яму тошноты и головокружения.

— Луиза!..

И в то же мгновение руки жены лежали на его руках, ее плечо поддерживало его голову. К горлу Гиффорда приступил пустой приступ рвоты, он боролся с судорожно сжимавшейся мускулатурой, словно змея, пытающаяся выползти из своей кожи, смутно осознавая, что жена криком зовет кого-то, что заживо гниющая нога свалилась на землю, увлекая за собой одеяло.

— Луиза,— прошептал он,— я хочу, чтобы как-нибудь ночью ты отвела меня туда, к змеям.

Днем он несколько раз, когда боль в ноге становилась особенно острой, просыпался и неизменно видел рядом с собой Луизу. И все это время он блуждал в бесконечных снах, погружаясь все глубже и глубже, с одной плоскости воображения на другую, огромные мандалы не давали ему заблудиться, их светящиеся диски были его тропой в этом царстве.

Следующие дни Гиффорд разговаривал с женой совсем редко. Состояние его ухудшилось, и он чувствовал, что не может делать почти ничего, кроме как смотреть вдаль, через болота, почти не замечая движений и разговоров рядом с собой. Жена и Мечиппе были шатким мостиком,

соединяющим Гиффорда с реальностью, но настоящим центром его внимания были пляжи, куда по вечерам выходили змеи. Там исчезало время, там он ощущал одновременность всех времен, одновременность всех событий своей прошлой жизни.

Теперь змеи появлялись раньше. Однажды он даже различил на склонах их белесые недвижимые формы в обжигающем полуденном воздухе. Благодаря известково-белым шкурам, поднятым головам и отдыхающим позам, очень похожим на его собственную позу, они казались неизмеримо древними, подобно белым сфинксам в погребальных коридорах карнакских пирамид.

Хотя Гиффорд очень обессилел, воспаление на ноге поднялось всего на несколько дюймов выше лодыжки, и Луиза понимала, что ухудшение его состояния — только симптом глубинного психического недуга, болезни, причина которой — одуряющий открытый ландшафт и вызываемый им призрак палеоценового лагунного мира. Однажды, во время одного из просветлений мужа, она предложила ему переместить лагерь на полмили через равнину, поближе к хребту, к террасному городу тольтеков, где она с Лоури вела вместе археологические раскопки.

Однако Гиффорд отказался, не желая покидать змей. К тому же он невзлюбил террасный город. Нет, совсем не потому, что именно здесь он получил, по своей собственной вине, рану, угрожавшую сейчас его жизни. То, что это — просто несчастный случай, лишенный какой-либо особой символичности, он принимал без малейших оговорок. Но загадочное присутствие здесь террасного города, с его рассыпающимися галереями, с внутренними дворами, поросшими гигантским чертополохом и жестким, как проволока, мхом, казалось ему огромным, созданным человеком артефактом, который находится в состоянии войны с сверхреальной природностью дельты. Однако и террасный город, подобно дельте, двигался во времени вспять, ажурные барочные изображения змееподобных божеств, покрывавшие фризy, растворялись и сменялись переплетением вьющихся растений; псевдоорганические

формы, созданные человеком, уступали место оригиналу. Древняя тольтекская развалина, исполинской декорацией расставленная за его спиной, предавалась в пыли тяжелым раздумьям, словно разлагающийся мастодонт, рассыпающаяся гора, чьи мрачные мысли о мире окутывали Гиффорда своим фосфоресцирующим присутствием.

— Ты чувствуешь себя достаточно прилично, чтобы двинуться отсюда?— спросила Гиффорда Луиза, когда прошла еще неделя, а от посланца Мечиппе все еще не было ни слуху, ни духу. Она критически посмотрела на мужа сверху вниз. Гиффорд лежал в тени навеса, тонкого его тела почти не было видно за складками одеяла и уродливым навесом, устроенным над ногой; о том, кто это такой, напоминало только упрямое лицо, поросшее жесткой щетиной.— Может, если мы встретим спасательный отряд на полпути...

Гиффорд покачал головой и перевел глаза вдаль, через выгоревшую равнину, к почти пересохшим протокам дельты:

— Да какой там спасательный отряд? Отсюда до Таксола нет ни одной посуды с достаточно мелкой осадкой.

— Может быть, они пошлют вертолет. Они могут увидеть нас с воздуха.

— Вертолет? Да ты, милая, похоже, малость тронулась. Мы останемся здесь еще на неделю или две.

— Но твоя нога,— настаивала Луиза.— Без врача...

— А как я могу двигаться? Если меня начнут дергать туда-сюда на носилках, я и пяти минут не протяну.— Он устало взглянул снизу на бледное, обгоревшее на солнце лицо жены, ожидая, когда же та уйдет.

Луиза неуверенно наклонилась. В пятидесяти ярдах от них Ричард Лоури сидел рядом со своей палаткой и смотрел в их сторону. Прежде чем Луиза успела себя остановить, ее рука непроизвольно поднялась, чтобы поправить волосы.

— Что, Лоури здесь?— спросил Гиффорд.

— Ричард? Да.— Она чуть помедлила.— Мы вернемся к ленчу. Тогда я и сменю тебе бинты.

Когда Луиза вышла из поля его зрения, Гиффорд слегка приподнял подбородок, чтобы внимательно оглядеть берега, затуманенные утренней дымкой. Прокаленные глиняные склоны поблескивали, как горячий асфальт, лишь тоненькая струйка черной жидкости сочилась вдоль русла. Здесь и там посреди пересохших протоков вставляли маленькие островки — точные полусферы ярдов пятидесяти в диаметре; они придавали всему ландшафту странную геометрическую формальность. Все было абсолютно недвижно, но Гиффорд терпеливо сидел в своих носилках, ожидая, когда змеи выйдут на берег.

Он обратил внимание, что ленч подает Мечиппе, и понял — Лоури и Луиза все еще не вернулись с раскопа.

— Убери это. — Он оттолкнул миску консервированного супа. — Принеси виски с содовой. Двойной. — Он пристально взглянул на индейца. — А где миссис Гиффорд?

Мечиппе отправил миску назад на принесенный поднос.

— Мисс' Гиффорд скоро прийти, сэр. Солнце очень горячее, она ждать до вечера.

Гиффорд бессильно обвис в носилках, представляя себе Луизу в компании Ричарда Лоури, этот образ неприятно шевельнул в нем последние крупинки исчезнувшего чувства. Затем он махнул рукой, пытаясь разогнать застлавшую глаза пелену.

— А это что?..

— Сэр?

— Черт, я вроде увидел... — Он медленно покачал головой, а тем временем белесое очертание, то ли померещившееся, то ли нет, исчезло на опалесцирующем склоне. — Да нет, еще слишком рано. Так где твой виски?

— Сейчас, сэр.

Гиффорд с трудом сел и беспокойно оглянулся на кучку палаток. У него за спиной наискось, продолжением его взгляда, громоздились длинные стены тольтекского города. Где-то там, в коридорах, в спиральных галереях были

Луиза и Ричард Лоури. Если смотреть с одной из этих высоких террас через аллювиальную гряду, стоящий в отдалении лагерь должен казаться чем-то вроде нескольких выгоревших на солнце кукурузных початков, охраняемых мертвецом, засунутым в кресло.

— Милый, ты себе не представляешь, как мне жаль. Мы пытались вернуться, но я неудачно подвернула ногу,— тут Луиза Гиффорд слегка рассмеялась,— вроде как это было у тебя, я только сейчас подумала. Вполне может статься, что через день-другой я тоже к тебе присоединюсь. Как хорошо, что Мечиппе присмотрел за тобой и сменил повязку. Как ты себя чувствуешь? Выглядишь значительно лучше.

Гиффорд дремотно кивнул. Лихорадка спала, но теперь он чувствовал себя выдохшимся и опустошенным, только виски, который он медленно пил на протяжении всего дня, помогал ему еще осознавать болтливое присутствие своей жены.

— Это был день в зоопарке,— сказал он и добавил с усталым юмором,— в отделении рептилий.

— Эти твои змеи. Чарльз, ты — это просто что-то потрясающее.

Луиза обошла кресло-носилки, встала с подветренной стороны, затем переместилась на наветренную. Она помахала Ричарду Лоури, который заносил в свою палатку коробки с образцами:

— Дик, я предлагаю принять душ, а потом мы присоединимся к Чарльзу и выпьем.

— Отличная мысль,— крикнул в ответ Лоури.— А как он себя чувствует?

— Значительно лучше. Ты не против, Чарльз?— повернулась она к Гиффорду.— Тебе будет очень полезно немного поболтать.

Гиффорд неопределенно покачал головой. Когда жена ушла в свою палатку, он с усилием сфокусировал глаза на пляжах. Там, при свете вечера, кишели и извивались змеи, длинные тела переливались одно в другое, они обнимали, закрывали весь темнеющий горизонт. Теперь змеи

приходили десятками тысяч, они уже выползали за пределы пляжа, на открытую равнину, в сторону лагеря. Днем, в самый разгар своей лихорадки, Гиффорд попытался их позвать, однако голос его был слишком слаб.

Позднее, за коктейлями, Ричард Лоури спросил:

— Как вы себя чувствуете, сэр?— И добавил, не получив ответа:— Я рад, что вашей ноге лучше.

— Знаешь, Дик, я думаю, что все это — нечто психологическое,— заметила Луиза.— Когда мы с тобой уходим, Чарльзу становится лучше.— Она поймала взгляд Ричарда Лоури и держала его.

Лоури крутил свой стакан, на вежливой физиономии играла чуть самоуверенная улыбка.

— А что там насчет гонца? Есть какие новости?

— Чарльз, ты что-нибудь слышал? Возможно, кто-нибудь прилетит сюда в ближайшие дни.

Все время этого обмена любезностями и других подобных разговоров в последующие дни Чарльз Гиффорд отстраненно молчал, глубже и глубже погружаясь во внутренний ландшафт, входивший в него с берегов дельты. Вечерами, по возвращении из террасного города, жена и Ричард Лоури сидели с ним, но он едва осознавал их присутствие. К этому времени ему казалось, что они двигаются в каком-то периферийном мире, актеры захолустной мелодрамы. Иногда он думал о них, однако соответствующее усилие казалось лишенным смысла. Связь жены с Лоури не трогала Гиффорда, скорее он испытывал к ассистенту благодарность за то, что тот освободил его от Луизы.

Двумя или тремя днями позднее, когда Лоури пришел посидеть с ним вечером, Гиффорд несколько собрался и сухо произнес:

— Я слышал, вы нашли в террасном городе сокровище.

Но прежде чем Лоури смог ответить, он вновь погрузился в свое бдение.

Как-то вскоре после этого разговора, когда неожиданный приступ боли в ноге разбудил его самым ранним

утром, Гиффорд посмотрел в сторону дальних палаток и увидел две фигуры, бредущие сквозь крупитчатую синюю мглу. На какое-то мгновение обнявшиеся тела Лауры и Лоури стали подобны змеям, сплетающимся на пляже.

— Мечиппе!

— Доктор?

— Мечиппе!

— Я здесь, сэр.

— Сегодня, Мечиппе,— сказал ему Гиффорд,— ты спишь у меня. Понимаешь? Мне нужно, чтобы ты был рядом. Если хочешь, ложись на мою кровать. Ты услышишь, если я тебя позову?

— Конечно, сэр. Я слышать вас.

Эбеновое лицо слуги смотрело на Гиффорда почтительно и осторожно. Теперь он относился к хозяину с крайним вниманием; это означало, что тот, хоть и новичком, вошел наконец в мир абсолютных ценностей, состоявший из дельты, змей, постоянно давящего присутствия тольтекских развалин и собственной его умирающей ноги.

За полночь Гиффорд тихо лежал в своих носилках и смотрел, как над поблескивающими пляжами поднимается полная луна. Подобно волосам Медузы, тысячи змей вышли на берега и густо расползлись по краю равнины; луна освещала их белые спины.

— Мечиппе.

Слуга тихо сидел на корточках, в тени палатки.

— Доктор Гиффорд?

Гиффорд заговорил тихим, но отчетливым голосом:

— Костыли. Вон там.

Получив от слуги две палки, он сбросил одеяла в сторону, осторожно извлек ногу из подвески, сел и опустил ее на землю. А затем оперся на костыли, наклонился вперед и примерил равновесие. Запеленутая нога торчала вперед, как белая дубинка.

— Еще. В походном столе, правый ящик, мой револьвер. Принеси его мне.

На этот раз слуга помедлил.

— Револьвер, сэр?

— «Смит и Вессон». Он должен быть заряжен, а если что, там лежит коробка патронов.

И снова слуга заколебался, его глаза не могли оторваться от двух палаток, установленных в ряд чуть поодаль от Гиффордовой. Входы их были прикрыты пологам. Над лагерем повисла тишина, легкие дуновения ветра приглушались еще не остывшим песком и темным, липким воздухом.

— Револьвер,— повторил Мечиппе.— Да, сэр.

Гиффорд осторожно встал и тут же покачнулся. От непривычных усилий кружилась голова, левая нога, словно огромный якорь, тянула к земле. Взяв револьвер, он указал им в направлении дельты:

— Мы идем смотреть змей, Мечиппе. Ты мне поможешь. Хорошо?

Глаза Мечиппе блеснули в лунном свете.

— Змей, сэр?

— Да. Ты пойдешь со мной до полпути. Потом можешь вернуться. Не беспокойся. Со мной все будет в порядке.

Мечиппе медленно кивнул, глаза его смотрели вдаль, через дельту:

— Я помогу вам, доктор.

Медленно, с трудом пробираясь по песку, Гиффорд для равновесия держался за руку слуги. Сделав несколько шагов, он решил, что поднимать тяжелую левую ногу слишком трудно, и дальше тащил этот мертвый груз волоком.

— Господи, как же это далеко.

Они прошли двадцать ярдов. В результате какого-то оптического фокуса ближайшие из змей были теперь, казалось, в полумиле от них, едва различимые среди небольших холмиков.

— Ну, давай дальше.

Еще десять ярдов. Открытый вход палатки Лоури был слева, белый конус москитной сетки маячил во тьме, подобно надгробью. Выдохшись почти окончательно, Гиффорд ковылял, покачиваясь, пытаясь сфокусировать глаза в густом воздухе.

Неожиданная вспышка и грохот, это сам выстрелил и вылетел из разжавшихся пальцев револьвер. Он почувствовал, как напряглись пальцы Мечиппе, державшие его за локоть, увидел, как кто-то выскочил из палатки Лоури, услышал удивленный, испуганный женский крик. Появилась вторая, на этот раз мужская фигура,— появилась, на мгновение оглянувшись, спугнутым зверем скользнула между палатками и бросилась, пригнув голову, в сторону террасного города.

Раздраженный всей этой суетой, Гиффорд начал вслепую искать свой револьвер, с трудом справляясь с костылями. Но затем тьма сомкнулась, песок поднялся и ударил его в лицо.

Наутро, когда палатки были сняты и сложены, Гиффорд чувствовал себя слишком усталым, чтобы наблюдать дельту. Раньше полудня змеи не появлялись никогда, а разочарование неудачей попытки добраться до них ночью лишило его последних сил.

Когда от лагеря осталась одна его палатка, а от душевой кабинки — только голый каркас, торчащий из земли подобно абстрактной скульптуре или какому-то футуристическому межевому знаку, подошла Луиза.

— Пора снимать твою палатку.— Голос звучал естественно, но несколько настороженно.— Парни мастерят носилки. Тебе будет удобно.

— Я не собираюсь никуда уходить,— отмахнулся Гиффорд.— Оставьте мне Мечиппе, а остальных заберите.

— Чарльз, можешь ты для разнообразия хоть сейчас вести себя разумно?— Лицо Луизы оставалось совершенно спокойным.— Нельзя же оставаться здесь до бесконечности, а тебе необходим врачебный уход. Теперь уже ясно, что этот парень, которого послал Мечиппе, не добрался до Таксола. Да и запасы уже на исходе, надолго не хватит.

— Надолго? — Глаза Гиффорда, почти совсем прикрытые, подобно испорченному биноклю обшаривали далекий горизонт.— Оставь мне на месяц.

— Чарльз...

— Бога ради, Луиза...

Гиффорд устало уронил голову на подушку. Он заметил, что Ричард Лоури наблюдает за упаковкой экспедиционного имущества, индейцы двигались вокруг него подобно старательным подросткам.

— И для чего вся эта спешка? Почему бы вам не остаться еще на неделю?

— Мы не можем, Чарльз.— Она посмотрела мужу прямо в глаза.— Ричард чувствует, что ему надо уйти. Ты же понимаешь. Ради тебя.

— Ради меня?— Гиффорд потряс головой.— Да мне и на фиг не нужен тот Лоури. Этой ночью я шел посмотреть на змей.

— Ну что ж...— Луиза поправила свою рубашку.— Чарльз, эта экспедиция была полным фиаско, очень многое меня просто пугает. Я скажу, чтобы они сняли твою палатку, когда ты будешь готов.

— Луиза.— Последним усилием Гиффорд сел. Тихо, чтобы не смущать жену тем, что его слышит Ричард Лоури, он сказал:— Я же действительно шел, чтобы посмотреть на змей. Ты это понимаешь?

— Но, Чарльз!— С неожиданной вспышкой раздражения Луиза почти крикнула: — Неужели ты сам не понимаешь, что здесь нет никаких змей! Ты спроси Мечиппе, спроси Ричарда Лоури, да спроси любого из рабочих. Вся река абсолютно высохла.

Гиффорд повернулся и поглядел на белые пляжи дельты.

— Вы с Лоури уходите. Прости, Луиза, только я не выдержу пути.

— Но ты должен!— Она взмахом руки указала на дальние холмы, террасный город и дельту.— Во всем этом месте есть что-то не такое, Чарльз, что-то, убившее тебя в том, что...

К ним медленно приближался Ричард Лоури, сопровождаемый группой рабочих; он подавал Луизе какие-то знаки. Секунду Луиза пребывала в нерешительности, затем раздраженно отмахнулась и села рядом с Гиффордом.

— Чарльз, послушай меня. Я останусь с тобой еще на неделю, как ты того просишь, чтобы ты мог разобраться со своими галлюцинациями,— если ты дашь обещание, что потом уйдешь отсюда. Ричард может отправиться раньше, один, он встретит нас в Таксоле с врачом.— Она заговорила тише: — Чарльз, мне очень жаль всей этой истории с Ричардом. Теперь я понимаю...

Луиза наклонилась, чтобы заглянуть мужу в лицо. Он полулежал в своих носилках перед одинокой палаткой; стоящие кольцом рабочие терпеливо смотрели и ждали. Вдали, милях в десяти над одной из плоских горных вершин, плыло одинокое облачко, словно струйка дыма над спящим, но не совсем еще угасшим вулканом.

— Чарльз.— Она ждала, чтобы муж заговорил, надеялась, что он станет ее укорять, а может, и простит. Но Чарльз Гиффорд думал только о змеях на берегу.

Садок для рептилий

— Они напоминают мне стадо кочующих кабанов,— заметила Милдред Пэлхем.

Оторвавшись от изучения заполненного людьми пляжа, расположенного чуть ниже террасы, где находилось кафе, Роджер Пэлхем взглянул на жену и спросил:

— Что ты такое говоришь?

Милдред еще некоторое время читала, потом опустила книгу и задала риторический вопрос:

— А что, разве нет? Они похожи на свиней.

Пэлхем неохотно улыбнулся этой умеренной, но уже привычной демонстрации мизантропии. Он бросил взгляд на свои белые ноги, торчащие из шорт, а потом на пухлые руки и плечи жены.

— Наверное, мы все похожи на свиней,— подвел он итог.

Однако Пэлхем не сомневался, что замечание его жены было услышано и с возмущением отвергнуто окружающими. Они сидели за угловым столиком, спиной к сотням жмущихся друг к другу любителей мороженого и кока-колы, расположившихся на террасе. Глухой гул голосов перекрывала ни на минуту не смолкающая болтовня транзисторных радиоприемников, расставленных

тут и там среди бутылок, а также привычный шум города, раскинувшегося за дюнами.

Практически сразу под террасой начинался пляж — отдыхающие заполнили своими телами пространство от самой кромки воды до дороги, проходящей за кафе, и дальше к дюнам. Даже если очень постараться, рассмотреть хотя бы крошечный свободный островок песка не представлялось возможным. У линии прилива, там, где волны лениво облизывали всякий мусор вроде старых пачек от сигарет и прочую ерунду, кучка малышей цеплялась за подол берега, прикрывая его собой.

Бросив еще один взгляд на пляж, Пэлхем подумал, что суровый приговор, вынесенный женой, чистая правда. Повсюду в глаза бросались голые конечности и плечи, сплетенные в змеинные кольца ноги и руки. Несмотря на яркое солнце и время, проведенное на пляже, большинство загорающих оставались белокожими или в лучшем случае отчаянно напоминали куски вареного мяса, при этом они копошились в своих ямках, безрезультатно пытаясь устроиться поудобнее.

Изучая пляж, протянувшийся почти до самой оконечности мыса, Пэлхем представил себе, как в воздухе над ним повис ореол разложения, пронизанный жужжанием полчищ жирных мух — или десяти тысяч радиоприемников? Зрелище шевелящейся, обнаженной плоти, испускающей тошнотворный аромат старого лосьона для загара и пота, в любой другой момент заставило бы Пэлхема, не теряя ни минуты, забраться в свой автомобиль и мчаться прочь от этого кошмара на скорости семьдесят миль в час — все равно, по какому шоссе. Однако по совершенно необъяснимой причине неприязнь, которую он обычно испытывал к большим скоплениям народа, куда-то исчезла. Неожиданно он почувствовал удививший его самого восторг оттого, что вокруг него люди (Пэлхем подсчитал, что на отрезке пляжа примерно в пять миль расположилось около пяти тысяч человек). Он вдруг понял, что не сможет заставить себя покинуть террасу, хотя пробило уже три часа, а ни он, ни Милдред ничего не ели с самого

утра. Пэлхем не сомневался, что как только они освободят свое местечко в углу, его непременно кто-нибудь займет.

Про себя он подумал: «Любители мороженого на пляже Эхо». Немного повертел в руках пустой стакан, стоящий на столе. Кусочки искусственной апельсиновой мякоти прилипли к стенкам, возле которых лениво жужжала муха. Спокойное море напоминало тусклый серый диск, но примерно в миле от берега над водой повисла дымка, словно пар над ванной.

— Мне кажется, тебе жарко, Роджер. Сходи испейся!

— Может, и схожу. Странная вещь: столько людей, а никто не купается.

Милдред кивнула со скучающим видом. Крупная, спокойная, скорее пассивная женщина, Милдред Пэлхем производила впечатление человека, который вполне доволен тем, что может сидеть на солнце и читать книгу. Однако именно она предложила отправиться на побережье и проявила редкую для себя выдержку, когда они попали в ужасающую пробку, были вынуждены оставить машину и остаток пути (целых две мили) проделать пешком. Пэлхем подумал, что вот уже десять лет не видел, чтобы она так много ходила.

— И правда странно, — согласилась с ним Милдред. — Но сегодня не так чтобы очень жарко.

— Ну, ты совершенно не права.

Пэлхем собрался еще что-то сказать, но неожиданно вскочил на ноги и, перевесившись через перила, начал всматриваться в толпу. Чуть дальше, вниз по склону, параллельно набережной, двигался непрерывный поток людей, которые расталкивали друг друга, спеша поскорее добраться до пляжа с бутылками колы, лосьоном для загара или мороженым.

— Роджер, что случилось?

— Ничего... мне показалось, я увидел Шеррингтона. — Пэлхем еще раз с сомнением оглядел берег.

— Вечно тебе мерещится Шеррингтон — только за сегодня это уже четвертый раз. Прощу тебя, успокойся.

— А я и так совершенно спокоен. Я не уверен, но у меня возникло ощущение, будто я его увидел.

Пэлхем неохотно опустил на свой стул, чуть придвинув его к перилам. Несмотря на скучающее, бездумное и какое-то летаргическое состояние, весь день его мучило необъяснимое, но вполне отчетливое беспокойство. Оно становилось все сильнее и имело какое-то непонятное отношение к присутствию Шеррингтона на пляже. Шансы, что Шеррингтон — с которым Пэлхем вместе работал на факультете физиологии в Университете — выберет именно этот пляж, были ничтожно малы, и Пэлхем не знал, откуда у него взялась такая неколебимая уверенность в том, что Шеррингтон должен здесь находиться. Возможно, обманчивые видения — в особенности если вспомнить, что Шеррингтон обладал черной бородой и худым суровым лицом, да и ходил чуть сутулясь, — являлись отражением внутреннего напряжения Пэлхема и его необычной зависимости от Шеррингтона.

Впрочем, несмотря на то что Милдред не демонстрировала никаких признаков беспокойства, обитатели пляжа, казалось, разделяли состояние Пэлхема. Время шло, и постепенно равномерный гул голосов уступил место разговорам, которые неожиданно возникали и так же неожиданно обрывались на полуслове. Время от времени наступала тревожная тишина, когда все замолкали и становились толпой взволнованных зрителей, которые слишком долго ждут начала зрелища и с трудом сдерживают нетерпение. Пэлхему, рассматривавшему публику на пляже со своего наблюдательного поста, показалось, что всплески тревожной активности, когда люди, превратившись в одну огромную волну, накатывали на берег, устремляясь вперед, связаны с металлическим блеском тысяч портативных приемников, испускающих свои волны. Каждое такое спазматическое движение приближало толпу, пусть и совсем чуть-чуть, к линии прилива.

Прямо под бетонным краем террасы в самой гуще полюбощенных тел какое-то семейство свило свое собственное уютное гнездышко. Неподалеку от них, так, что Пэлхем мог дотянуться рукой, резвились дети — их

угловатые тела в мокрых купальниках переплелись между собой, точно диковинное змеевидное существо. Несмотря на немолчный гомон голосов на берегу и шум машин, мчащихся мимо по шоссе, Пэлхем отчетливо слышал их пустую болтовню и комментарии по поводу радиопередач, когда они бессмысленно переключали каналы.

— Скоро запустят еще один спутник,— сообщил он Милдред.— «Эхо двадцать два».

— Зачем? — Пустые голубые глаза Милдред равнодушно разглядывали далекую дымку над водой.— Мне казалось, что их уже и так достаточно болтается в воздухе.

— Ну...

Несколько секунд Пэлхем колебался, не зная, стоит ли воспользоваться ответом жены, чтобы продолжить разговор. Хотя она была замужем за преподавателем отделения физиологии, Милдред совершенно не интересовалась вопросами науки, ограничиваясь безоговорочным презрением к данной сфере деятельности. Пост, который занимал ее муж в Университете, она рассматривала с болезненной терпимостью, ненавидела его грязный кабинет, нечесанных студентов и бессмысленное лабораторное оборудование. Пэлхему так и не удалось выяснить, к какой профессии его жена относилась бы с уважением. До замужества, как впоследствии понял Пэлхем, она хранила вежливое молчание, когда речь заходила о его работе; за одиннадцать лет совместной жизни Милдред не изменила своих взглядов, несмотря на то что необходимость сводить концы с концами при его жалком жалованье заставила ее заинтересоваться тонкостями сложных и разнообразных игр, ведущих к продвижению вверх по служебной лестнице.

Разумеется, из-за ее острого языка им не удалось завести большого количества друзей, но Пэлхем обнаружил, что лично он выиграл от того, что окружающие относились к Милдред с невольным уважением. Иногда ее ядовитые замечания на официальных приемах, сделанные громким голосом, да еще во время неожиданно возникшей паузы в разговоре (например, она назвала престарелого декана факультета физиологии «этот древний чудак»), восхищали Пэлхема своей колкой точностью. Однако в ее

безжалостном отсутствии симпатии в адрес остального человечества было что-то пугающее. Ее широкое лицо со строгой линией розовых губ почему-то вызывало у Пэлхе-ма ассоциацию с Моной Лизой, которая только что закусила собственным мужем.

— Шеррингтон вывел довольно неожиданную теорию по поводу спутников, — сказал ей Пэлхем. — Я надеялся, что мы его встретим и он еще раз поделится со мной своими идеями. Мне кажется, тебе было бы интересно послушать, Милдред. Сейчас он работает над ПМС...

— Над чем?

Группа людей, расположившихся у них за спиной, включила погромче свои приемники, и все пространство вокруг заполнил комментарий с мыса Кеннеди, посвященный последним минутам перед стартом спутника.

— ПМС — это природные механизмы сброса, — пояснил Пэлхем. — Я уже тебе о них рассказывал. Наследственные рефлекс...

Он замолчал, с нетерпением глядя на жену.

Милдред, которая разглядывала людей на пляже, повернула к нему холодное, ничего не выражающее лицо.

— Милдред, я пытаюсь объяснить тебе, в чем заключается теория Шеррингтона касательно спутников! — сердито рявкнул он.

Милдред совершенно спокойно покачала головой и заявила:

— Роджер, здесь слишком шумно, я не в состоянии тебя слушать. А уж вникать в теории Шеррингтона и подавно.

На пляже возникла новая, едва различимая волна активности. Возможно, в ответ на взволнованный отчет последних секунд перед стартом с мыса Кеннеди, несущийся из всех приемников, люди садились, начинали счищать песок со своих тел, со спин соседей. Пэлхем был не в силах оторвать взгляда от солнечных зайчиков, мечущихся по поверхности хромированных радиоприемников и отражающихся от очков, когда практически весь пляж пришел в движение, зашевелился, заволновался. Неожиданно стало так тихо, что Пэлхем услышал звуки музыки,

которые доносились из парка аттракционов. Пэлхему, смотревшему на берег через полуприкрытые от солнца глаза, пляж показался огромной ямой с копошащимися белыми змеями.

Где-то вскрикнула женщина. Пэлхем быстро выпрямился, а потом наклонился вперед, вглядываясь в ряды лиц, замаскированных солнечными очками. Воздух звенел, точно натянутая струна, был пронизан неприятным, зловещим ожиданием насилия, прячущегося до поры до времени под прикрытием покоя и порядка.

Впрочем, люди постепенно успокоились, расслабились, заняли свои прежние места на песке. Вода снова лениво омывала ноги тех, кто растянулся у самой ее кромки. Неожиданно с моря налетел легкий ветерок, промчался над пляжем, принес с собой сладковатый запах пота и лосьона для загара. Пэлхем почувствовал приступ тошноты и отвернулся. Вне всякого сомнения, подумал он, большие скопления *homo sapiens* выглядят гораздо менее привлекательно, чем стаи любых других живых существ. Если посмотреть на стадо лошадей или бычков в загоне, возникает ощущение могучей, нервной грации, а масса болтающей чепуху белой плоти, лежащей на пляже, производит впечатление болезненного анатомического кошмара безумного сюрреалиста. Зачем они здесь собрались? Прогноз погоды сегодня утром звучал не особенно благоприятно. В основном репортажи были посвящены приближающемуся запуску спутника, последней ступени мировой коммуникационной сети, которая теперь обеспечит всю поверхность земного шара прямым визуальным контактом с одним из десятков спутников, находящихся на орбите. По-видимому, тот факт, что непроницаемое воздушное покрывало окончательно и бесповоротно окутает Землю, заставил людей в качестве последнего жеста капитуляции броситься на ближайший пляж и выставить себя напоказ всему миру.

Пэлхем поерзал, неожиданно почувствовав, как больно врезается металлический край стола в локти. Сиденье дешевого стула, сколоченного из узких реек, было отвратительно неудобным и скорее напоминало уродливое орудие

пытках. И снова его посетило неожиданное предчувствие ужасного акта насилия, и он посмотрел в небо, почти не сомневаясь, что увидит, как из дымки появляется самолет и падает на пляж.

— Удивительно, как все полюбили загорать, — сказал он Милдред. — В Австралии перед Второй мировой войной это стало серьезной проблемой.

Милдред оторвалась от книги:

— Наверное, им больше нечего было делать.

— Вот именно. Когда люди готовы проводить все свое время, растянувшись на пляже, нет никакой надежды, что они смогут придумать для себя какое-нибудь достойное занятие. По-моему, валяться на солнце... абсолютно асоциальное времяпрепровождение — ведь оно пассивно. — Пэлхем заговорил тише, когда заметил, что окружающие начали оглядываться, бросать на него заинтересованные взгляды через плечо, прислушиваться к четкой профессиональной речи. — С другой стороны, это объединяет людей. В голом виде — или почти голом — продавщица из магазина и графиня ничем друг от друга не отличаются.

— Так ли уж не отличаются?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, — пожал плечами Пэлхем. — Однако я считаю, что психологическая роль пляжа чрезвычайно интересна. Линия прилива становится особенно важной областью, зоной, которая одновременно является морем и пространством над ним, погружившимся навсегда, но не до конца в огромную утробу времени. Если принять море за образ подсознания, в таком случае стремление людей на пляж можно рассматривать как попытку сбежать от своей экзистенциальной роли в привычной жизни и вернуться в универсальное время-море...

— Роджер, прошу тебя! — Милдред сердито отвернулась. — Ты рассуждаешь совсем как Чарлз Шеррингтон.

Пэлхем снова посмотрел на море. Внизу, под террасой, радиокomentатор сообщил местонахождение, скорость и маршрут успешно стартовавшего спутника. Пэлхем от нечего делать сосчитал, что ему понадобится примерно пятнадцать минут, чтобы добраться до этого пляжа, иными

словами, спутник пролетит над ними в половине четвертого. Разумеется, разглядеть его с берега будет невозможно, хотя в последней работе Шеррингтона, посвященной восприятию инфракрасного излучения, утверждается, что часть таких лучей, отраженных от солнца, может быть подсознательно воспринята сетчаткой глаза.

Раздумывая над тем, какие возможности в связи с этим получают коммерческие или политические демагоги, Пэлхем решить послушать приемник, стоящий на песке под террасой, когда его выключила чья-то белая рука. Хозяйка руки — белокожая пухленькая девушка с лицом безмятежной мадонны и розовыми щечками, окутанными облаком черных кудряшек, перевернулась на спину, отодвинулась от своих спутников, и одно короткое мгновение они с Пэлхемом смотрели друг на друга. Он решил, что она специально выключила приемник, когда заметила, что он прислушивается к комментарию, но потом сообразил, что на самом деле девушку заинтересовали его рассуждения и она надеялась на продолжение монолога.

Польщенный вниманием, Пэлхем посмотрел на круглое серьезное личико девушки, зрелое и в то же самое время детское тело, обнаженное, совсем рядом, словно они лежат в одной постели. На ее открытом, молодом лице неожиданно появилось новое доброжелательное выражение, и Пэлхем отвернулся, не желая принять его значение и осознав с болезненной ясностью, насколько прочно он связан с Милдред. В эту минуту он понял, что для него навсегда закрыты все возможности новых волнующих впечатлений. Десять лет ежедневных осторожных компромиссов, на которые он шел, чтобы сделать свою жизнь терпимой, в конце концов притупили его способность к восприятию, а то, что осталось от его личности, и нереализованные возможности превратились в нечто, похожее на заспиртованного в банке жука. Раньше Пэлхем презирал бы себя за то, что так легко сдался, но он уже переступил черту самооценки, поскольку так и не сумел отыскать достаточно надежных критериев и теперь находился в состоянии более жалком и презренном, чем вульгарное, тупое стадо на пляже.

— Там что-то в воде,— Милдред показывала рукой на берег.— Вон, смотри.

Пэлхем проследил за направлением ее руки. Примерно в двухстах ярдах от них на самой границе воды собралась небольшая группа людей, волны лениво разбивались о ноги зевак, наблюдавших за чем-то на отмели. Большинство мужчин прикрывали газетами головы, а женщины, те, что постарше, приподняли юбки, чтобы не замочить.

— Ничего не вижу.— Пэлхем потер подбородок, заметив бородатого мужчину на набережной наверху. Незнакомец был ужасно похож на Шеррингтона.— Но, кажется, ничего опасного. Наверное, на берег выбросило какую-нибудь диковинную рыбину.

На террасе и дальше на пляже все ждали, что вот-вот произойдет нечто необычное, сидели или стояли, вытянув вперед головы и вглядываясь в линию прибоя. Радиоприемники смолкли одновременно, их владельцы напряженно вслушивались, пытаясь понять, что случилось на берегу. Повисла такая гнетущая тишина, будто набежала черная туча и скрыла солнце. Отсутствие каких бы то ни было звуков и неподвижность обитателей пляжа и террасы после бесконечных часов мучительной, бессмысленной суетливой активности производило странное и неестественно жуткое впечатление, словно тысячи людей вдруг неожиданно ушли в себя и перестали замечать окружающих.

Группка зевак у кромки воды замерла на месте, даже маленькие дети не шевелились, упорно разглядывая то, что привлекло внимание их родителей. Впервые за все время стала видна узкая полоска пляжа, засыпанные песком приемники и разные пляжные принадлежности — издали все это походило на груды мусора, отливающего металлическим блеском. Постепенно освободившиеся места заняли вновь прибывшие с набережной, однако их маневры остались без внимания со стороны тех, кто не сводил глаз с воды. Пэлхему они представлялись компанией кающихся пилигримов, пришедших издали, чтобы постоять у священного источника в ожидании чуда, которое возродит их к жизни.

— Что *все-таки* происходит? — спросил Пэлхем, когда прошло несколько минут, а группа у воды так и не сдвинулась с места. Он заметил, что они вытянулись в прямую линию вдоль берега.— Они ни на что не смотрят.

С моря на берег начала напоздать дымка, которая уже скрывала огромные глубоководные валы. Мутная вода напоминала теплое масло, время от времени маленькие волны набегали на берег, превращаясь в жирные пузыри, которые лениво уходили в песок, перетаскивая с места на место мусор и пустые пачки от сигарет. Больше всего на свете море сейчас походило на огромное чудовище, поднывавшее с глубин и безуспешно пытающееся выползти на песок.

— Милдред, я схожу на минутку к воде.— Пэлхем встал.— Там творится что-то необычное... — Он вдруг замолчал и показал на берег по другую сторону от террасы.— Смотри! Еще одна группа. Какого черта?..

На глазах у остальных обитателей пляжа еще одна группа зевак выстроилась у кромки воды примерно в семидесяти пяти ярдах от террасы. Около двухсот человек безмолвно стояли на берегу, не сводя глаз с водной глади перед собой. Пэлхем вцепился обеими руками в перила, пытаясь справиться с непреодолимым желанием к ним присоединиться. Его сдерживала только толпа людей на пляже.

На сей раз сторонние наблюдатели довольно быстро потеряли интерес к происходящему, и на заднем плане снова возник гул голосов.

— Одному Богу известно, что они там делают,— заявила Милдред и повернулась спиной к морю.— Смотри, вон еще компания. Похоже, они чего-то ждут.

Она оказалась права, около дюжины таких же групп выстроилось с интервалом в сто ярдов у кромки воды. Пэлхем начал всматриваться вдаль, пытаясь разглядеть что-нибудь похожее на моторную лодку или катер, затем перевел глаза на часы. Почти половина четвертого.

— Они не могут ничего ждать,— заявил он, изо всех сил стараясь успокоиться. Однако его ноги выбивали на

цементном полу под столом нервную чечетку.— Если они рассчитывают увидеть спутник, у них ничего не выйдет. Это невозможно. Наверняка там что-то в воде... — Заговорив о спутнике, он снова вспомнил Шеррингтона.— Милдред, ты не чувствуешь...

Он не успел договорить, потому что мужчина, сидевший позади них, так резко вскочил на ноги, что острый угол его стула врезался Пэлхему в спину. На одно короткое мгновение, когда он помогал мужчине удержать равновесие, Пэлхема окутал резкий запах пота и прокисшего пива. Он заглянул в остекленевшие глаза незнакомца, увидел открытый рот и подбородок, уставившийся, точно дуло пистолета, в сторону моря.

— Спутник!

Страхнув незнакомца, Пэлхем поднял голову. В бледно-голубом равнодушном небе не было ничего — даже самолетов и птиц, хотя они с Милдред видели сегодня утром чаек, когда ехали на пляж. Казалось, они почувствовали приближение шторма и спрятались. Яркий солнечный свет ударил в глаза, и по небу в эпилептическом припадке заматались разноцветные круги и точки. Одна из них возникла на западном горизонте и начала медленно и неуклонно приближаться, занимая свое законное место в поле зрения Пэлхема.

Люди вокруг поспешно вставали со своих мест, с грохотом отодвигая стулья. С какого-то стола на цементный пол скатились бутылки, во все стороны полетели осколки.

— Милдред!

Внизу возникло суетливое, беспорядочное движение — люди медленно поднимались на ноги. Размытое бормотание пляжа сменил другой, более резкий и напряженный звук, который эхом отзывался со всех сторон залива. Казалось, весь пляж шевелится, извивается, корчит-ся, а неподвижными остаются лишь те, кто стоит у кромки воды. Они образовали вдоль берега бесконечный забор, отгородивший море от пляжа. В их ряды вливались все новые и новые люди, выстраиваясь в шеренгу друг за другом, иногда по десять и больше человек.

И вот уже все, кто находился на террасе, стоят и смотрят на море. А тех, кто оказался в первых рядах, теснят, толкают вперед вновь прибывшие, гулявшие по набережной. Семья, сидевшая под террасой, тоже покинула свое место и приблизилась на двадцать ярдов к воде.

— Милдред, ты не видишь Шеррингтона? — Взглянув на часы и убедившись, что стрелки показывают ровно три тридцать, Пэлхем схватил жену за плечо, стараясь привлечь ее внимание. Милдред посмотрела на него пустыми, остекленевшими глазами, она явно не понимала, что он от нее хочет. — Милдред! Нам нужно поскорее отсюда уйти! — Неожиданно охрипнув, он крикнул: — Шеррингтон убежден, что мы в состоянии воспринимать инфракрасное излучение, испускаемое спутниками, оно может отключить защитные механизмы, возникшие миллионы лет назад, когда другие космические спутники облетали Землю. Милдред...

Но они оказались беспомощными перед натиском толпы, им пришлось встать со своих стульев, а в следующее мгновение их прижали к перилам. По пляжу двигался поток людей, и вскоре весь склон протяженностью в пять миль был заполнен стоящими телами. Никто не произносил ни звука, и на всех лицах застыло одинаковое выражение самосозерцания и погруженности в собственные мысли — такое нередко видишь на лицах зрителей, покидающих стадион после матча. Парк с аттракционами, расположенный всего в ста ярдах от пляжа, опустел, карусели продолжали вращаться, но лодочки остались без пассажиров.

Пэлхем быстро помог Милдред перелезть через перила, прыгнул на песок, надеясь, что им удастся добраться до набережной. Но когда они завернули за угол, толпа, надвигающаяся на пляж, стиснула, поглотила и потащила их за собой, и они подчинились, время от времени спотыкаясь о брошенные на песке приемники.

Все еще оставаясь рядом, они наконец почувствовали себя немного увереннее, когда толпа у них за спиной стала не такой плотной.

— ...Шеррингтон считает, что люди из кроманьонской эры сошли с ума от ужаса, совсем как стадо тупых, неуправляемых свиней. Большая часть костеносных слоев находится под берегами озер. Наверное, инстинкт слишком силен... — Он замолчал.

Шум неожиданно стих, и огромная паства безмолвно замерла на месте, не сводя глаз с моря. Везде, куда ни бросишь взгляд, стояли люди. Пэлхем повернулся к морю, где туманная дымка, приблизившаяся к пляжу уже на пятьдесят ярдов, терпеливо и неустанно наступала на берег. Первый ряд, чуть опустив голову, бесстрастно наблюдал за распухающими волнами. Поверхность воды испускала ослепительное мерцающее сияние, призрачное и одновременно наполненное своей особой жизнью, а воздух над головами, серый в сравнении с этим ярким светом, превращал застывших в неподвижности людей в бесконечные ряды зловещих статуй.

Чуть впереди Пэлхема, примерно в двадцати ярдах, в первом ряду стоял высокий человек со спокойным задумчивым выражением лица. Борода и высокие скулы не оставляли сомнений в том, кто это такой.

— Шеррингтон! — крикнул Пэлхем и невольно посмотрел на небо, но тут же почувствовал, как ослепительная крупинка света обожгла глаза.

Где-то далеко у него за спиной продолжала играть музыка в парке, где по-прежнему кружила карусель.

И вдруг толпа вздрогнула, ожила, и все, кто находился на пляже, пошли вперед, к воде.

Сторожевые башни

На следующий день в сторожевых башнях неизвестно почему поднялась суматоха. Замечено это было утром, а ближе к полудню, когда Рентелл вышел из гостиницы, чтобы повидаться с миссис Осмонд, непонятная деятельность была в разгаре. По обеим сторонам улицы люди стояли у открытых окон и на балконах, взволнованно перешептывались и показывали на небо.

Обычно Рентелл старался не обращать внимания на сторожевые башни — у него вызывали возмущение любые разговоры о них, — но сейчас, укрывшись в тени стоявшего в начале улицы дома, он принялся рассматривать ближайшую. Она как бы парила метрах в шести над Публичной библиотекой. Впечатление было такое, что застекленное помещение в нижнем ярусе полно наблюдателей — они возились, как показалось Рентеллу, вокруг полусобранного огромного оптического механизма, то закрывая, то открывая при этом окна. Рентелл посмотрел по сторонам — башни, отстоящие друг от друга метров на сто, как бы заполняли собой небо. Во всех, судя по вспышкам света, возникавшим, когда на открываемое окно падал солнечный луч, кипела аналогичная деятельность.

Старик в потрепанном черном костюме и рубашке апаш, обычно слонявшийся около библиотеки, пересек улицу, подошел к Рентеллу и встал рядом с ним в тени.

— Не иначе как они что-то там затевают.— Он приложил ладони козырьком к глазам, озабоченно глядя на сторожевые башни.— Никогда раньше такого не видел.

Рентелл внимательно посмотрел на него. Как бы ни был старик встревожен, все же он явно испытывал облегчение при виде начавшейся в башнях суеты.

— Я бы не стал беспокоиться попусту,— заметил Рентелл.— Хорошо, что там вообще хоть что-то происходит.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и зашагал прочь. Через десять минут он дошел до улицы, где жила миссис Осмонд, и все это время упорно не поднимал глаз от мостовой и не глядел на редких прохожих. Над улицей, прямо по центру, нависали четыре сторожевые башни. Примерно из половины домов уже выехали их обитатели, и нежилые здания постепенно, но неотвратно ветшали. Обычно во время прогулки Рентелл внимательно рассматривал каждый частный дом, прикидывая, не снять ли ему его и не переехать ли из гостиницы, но сейчас движение в сторожевых башнях вызывало у него беспокойство, какого раньше он и предположить не мог, а посему на этот раз мысли его были далеки от жилищного вопроса.

Дом миссис Осмонд находился в глубине квартала, распахнутые ворота покачивались на ржавых петлях. Рентелл, помедлив у росшего рядом с тротуаром платана, решительно пересек садик и быстро вошел в дом.

В это время дня миссис Осмонд обычно загорала на веранде, но сегодня она сидела в гостиной. Когда Рентелл вошел, она разбирала старые бумаги, которыми был набит небольшой чемоданчик.

Рентелл даже не обнял ее и сразу подошел к окну. Шторы были приспущены, и он их поднял. Метрах в тридцати возвышалась сторожевая башня, нависая над опустевшими домами. Наискосок за горизонт уходили рядами башни, полускрытые яркой пеленой.

— Ты считаешь, что тебе обязательно надо было приходить? — беспокойно осведомилась миссис Осмонд.

— Почему бы и нет? — спросил Рентелл. Он рассматривал башни, засунув руки в карманы.

— Но если они станут следить за нами, то заметят, что ты ходишь ко мне.

— На твоём месте я бы меньше верил разным слухам, — спокойно ответил Рентелл.

— Что же тогда все это значит?

— Не имею ни малейшего представления. Их поступки могут быть в той же степени случайны и бессмысленны, как и наши. Возможно, они и в самом деле собираются установить за нами надзор. Но какое имеет значение, если они только смотрят?

— В таком случае тебе вообще не нужно больше приходить! — воскликнула миссис Осмонд.

— Но почему? Не думаю, что они могут видеть сквозь стены.

— Не так уж они глупы, — бросила миссис Осмонд. — Они скоро сообразят, что к чему, если уже не сообразили.

Рентелл отвел взгляд от башни и терпеливо посмотрел на миссис Осмонд.

— Дорогая, в твоём доме нет подслушивающей аппаратуры. Потому им неизвестно, чем мы занимаемся: теологической беседой или обсуждением эндокринной системы ленточного червя.

— Только не ты, Чарлз, — захихикала миссис Осмонд. — Только уж не ты. — Явно довольная своим ответом, она смягчилась и взяла сигарету из шкатулки на столе.

— Возможно, они меня не знают, — сухо произнес Рентелл. — Более того, я совершенно уверен, что не знают. Если бы знали, то не думаю, что я ещё находился бы здесь.

Он почувствовал, что начал сутулиться, — верный признак волнения.

— Будут сегодня в школе занятия? — спросила миссис Осмонд, когда он уселся на диване в своей любимой позе, вытянув длинные ноги.

— Трудно сказать, — пожал плечами Рентелл. — Хэн-

сон утром пошел в Таун-холл, но там, как всегда, ничего не знают.

Он расстегнул куртку и вытащил из внутреннего кармана старый, аккуратно свернутый женский журнал.

— Чарлз! — воскликнула миссис Осмонд. — Где ты его достал?

— Дала Джорджина Симоне, — ответил Рентелл. С дивана можно было видеть сторожевую башню. — У нее полно таких журналов.

Он встал, подошел к окну и задернул шторы.

— Чарлз, не надо! Я же ничего не вижу.

— Потом посмотришь, — ответил Рентелл, опять устраиваясь на диване. — На концерт сегодня идешь?

— Разве его не отменили? — спросила миссис Осмонд, неохотно откладывая журнал.

— Конечно, нет.

— Мне что-то не хочется, Чарлз. — Миссис Осмонд нахмурилась. — А что за пластинки собирается проигрывать Хэнсон?

— Чайковский и Григ. — Рентелл старался заинтересовать ее. — Ты должна пойти. Мы же не можем целыми днями сидеть дома, плесневея от скуки.

— Я все понимаю, — протянула миссис Осмонд капризно. — Но у меня нет настроения. Давай сегодня не пойдем. Да и пластинки мне надоели — я их столько раз слышала.

— Мне они тоже надоели. Но, по крайней мере, это хоть какая-то деятельность. — Он обнял миссис Осмонд и начал играть завитком волос за ухом, позванивая ее большими блестящими серьгами. Когда он положил руку ей на колено, миссис Осмонд встала и отошла, поправляя юбку.

— Джулия, да что с тобой? — раздраженно спросил Рентелл. — У тебя голова болит?

Мисс Осмонд стояла у окна, глядя на сторожевые башни.

— Как ты думаешь, они выйдут оттуда?

— Разумеется, нет! — бросил Рентелл. — С чего ты взяла? Внезапно он почувствовал, что злится и ему все

больше хочется скорей уйти из этой тесной пыльной комнаты.

Он встал и застегнул куртку:

— Встретимся сегодня в Институте, Джулия. Начало концерта в три.

Миссис Осмонд рассеянно кивнула, открыла дверь и мелкими шажками вышла на веранду, не задумываясь, что ее видно с башен, с отрешенным выражением молящейся монахини на лице.

Как Рентелл и предполагал, на следующий день занятия в школе были отменены. Послonyaвшись после завтрака по гостинице, он с Хэнсоном пошел в Таун-холл. Единственный чиновник, которого им удалось отыскать, ничего не знал.

— До сих пор мы не получили никаких распоряжений,— объяснил он.— Но можете быть спокойны: как только что-то прояснится, вам сразу сообщат. Правда, насколько я слышал, произойдет это не скоро.

— Таково решение школьного комитета? — спросил Рентелл.— Или это очередная блистательная импровизация секретаря муниципального Совета?

— Школьный комитет больше не функционирует,— сказал чиновник.— А секретаря, боюсь, сегодня нет на месте.— Прежде чем Рентелл смог что-либо вставить, он добавил: — Жалованье вам, конечно, будет продолжать идти. Если хотите, на обратном пути можете заглянуть в финансовый отдел.

Выйдя из Таун-холла, Рентелл и Хэнсон решили выпить кофе. Найдя открытое кафе, они уселись под тентом, поглядывая на сторожевые башни, нависшие над крышами. Деятельность в башнях по сравнению с вчерашним днем существенно уменьшилась. Ближайшая башня находилась в пятнадцати метрах от них, прямо над пустым зданием конторы на противоположной стороне улицы. Окна в наблюдательном ярусе оставались закрытыми, но Рентелл заметил за стеклом мелькавшую время от времени тень.

Наконец к ним подошла официантка, и Рентелл заказал кофе.

— Я соскучился по урокам,— заметил Хэнсон.— Безделье все же ощутимо утомляет.

— Это точно,— согласился Рентелл,— остается только позвать кого-нибудь в школу. Жаль, что вчерашний концерт не удался.

Хэнсон пожал плечами:

— Может быть, в следующий раз смогу достать новые пластинки. Кстати, Джулия вчера прекрасно выглядела.

Рентелл легким поклоном поблагодарил за комплимент и сказал:

— Надо бы чаще выводить ее в свет.

— Полагаешь, это разумно?

— Что за странный вопрос?

— Ну, знаешь ли, только не в нынешней ситуации,— Хэнсон кивнул на сторожевые башни.

— Не понимаю, при чем здесь это,— отрезал Рентелл. Он терпеть не мог обсуждать свою или чужую личную жизнь и только собрался переменить тему, как Хэнсон перевел разговор в неожиданное русло:

— Может, и ни при чем, но как будто на последнем заседании Совета о тебе упоминали. Кое-кто весьма неодобрительно отзывался о ваших отношениях с миссис Осмонд.— Хэнсон улыбнулся помрачневшему Рентеллу.— Понятно, что ими движет зависть, и ничего больше, но твоё поведение действительно многих раздражает.

Сохраняя самообладание, Рентелл отодвинул чашку:

— Не скажешь ли ты мне, какое их собачье дело?

Хэнсон хохотнул:

— Ясно, что никакого. А поскольку у них в руках власть, то я бы советовал тебе не отмахиваться от подобных указаний.— При этих словах Рентелл фыркнул, но Хэнсон невозмутимо продолжал: — Между прочим, через несколько дней ты можешь получить официальное уведомление.

— Что?! — Рентелл взорвался было и тут же взял себя в руки.— Ты это серьезно? — И когда Хэнсон кивнул, он зло засмеялся.— Какие идиоты! Не знаю, почему только мы их терпим. Иногда их глупость меня просто поражает.

— Я бы на твоём месте воздержался от таких замечаний,— заметил Хэнсон.— Я позицию Совета понимаю. Памятуя, что суeta в сторожевых башнях началась вчера, Совет, скорее всего, полагает, что нам не следует делать ничего, что могло бы их озлобить. Кто знает, но Совет, возможно, действует в соответствии с их официальным распоряжением.

Рентелл с презрением взглянул на Хэнсона:

— Ты в самом деле веришь, будто Совет как-то связан с башнями? Быть может, простачки и поверят в такую чушь, но, Бога ради, избавь от нее меня.— Он внимательно посмотрел на Хэнсона, прикидывая, кто же мог снабдить его такой информацией. Топорность методов Совета вызвала раздражение.— Впрочем, спасибо, что предупредил. Очевидно, когда мы с Джулией завтра пойдем в кино, публика в зале будет страшно смущена.

Хэнсон покачал головой:

— Нет. В свете вчерашних событий любые зрелищные мероприятия отменены.

— Но почему? Неужели они не понимают, что сейчас нам необходима любая социальная деятельность? Люди попрятались по домам, как перепуганные привидения. Надо вытащить их оттуда, объединить вокруг чего-нибудь.— Рентелл задумчиво посмотрел на сторожевую башню на противоположной стороне улицы, за матовыми стеклами наблюдательных окон мелькали тени.— Надо что-то устроить, скажем, праздник на открытом воздухе. Только вот кто возьмет на себя организацию?

Хэнсон отодвинул стул.

— Осторожнее, Чарлз. Неизвестно, как отнесется Совет к таким затеям.

— Уверен, что плохо.

После ухода Хэнсона Рентелл с полчаса сидел за столиком, рассеянно поигрывая пустой кофейной чашкой и глядя на редких прохожих. В кафе больше никто не заходил, и он был счастлив, что может побыть в одиночестве, которое с ним разделяли сторожевые башни, тянувшиеся рядами над крышами.

За исключением миссис Осмонд, у Рентелла практически не было близких друзей. Его острый ум и нетерпимость к пошлости существенно затрудняли для многих общение с ним. Определенность, отстраненность, не выпячиваемое, но легко ощущаемое превосходство держали людей на расстоянии от Рентелла, хотя многие считали его про себя всего лишь жалким школьным учителем. В гостинице он редко вступал с кем-либо в разговоры. Вообще между собой ее постояльцы общались мало; в гостиной и столовой они сидели, погружившись в старые газеты и журналы, время от времени негромко переговариваясь. Единственное, что могло стать предметом общей беседы,— это проявление активности в сторожевых башнях, но в таких случаях Рентелл неизменно хранил молчание.

Когда он уже собрался уходить из кафе, на улице показалась коренастая фигура. Рентелл узнал этого человека и хотел было отвернуться, чтобы не здороваться с ним, но что-то в облике прохожего приковывало к себе внимание. Дородный, с выпяченной челюстью, этот человек шел вольно, вразвалку, распахнутое двубортное клетчатое пальто обнажало широкую грудь. Это был Виктор Бордмен, владелец местной киношки, в прошлом бутлегер, а вообще-то сутенер.

Рентелл не был знаком с ним, но чувствовал, что Бордмен, как и он сам, отмечен клеймом неодобрения Совета. Хэнсон рассказывал, что Совет как-то поймал Бордмена на противозаконной деятельности (в результате чего тот понес ощутимые убытки), но выражение неизменного самодовольства и презрения ко всему миру на лице бывшего бутлегера, казалось, опровергало это.

Когда они с Бордменом встретились взглядами, физиономия толстяка расплылась в хитрой ухмылке. Ухмылка была явно предназначена Рентеллу и явно намекала на некое событие, о котором тот еще не знал,— по-видимому, на его предстоящее столкновение с Советом. Очевидно, Бордмен ожидал, что Рентелл безропотно сдастся Совету. Раздосадованный, Рентелл отвернулся и, бросив

взгляд через плечо, увидел, как Бордмен расслабленной походкой побрел дальше по улице.

На следующий день активность в сторожевых башнях полностью прекратилась. Голубая дымка, из которой они вырастали, стала ярче, чем на протяжении нескольких предыдущих месяцев, сам воздух на улицах, казалось, искрился светом, отражавшимся от наблюдательных окон. В башнях не ощущалось ни малейшего движения, и небо, пронизанное их бесчисленными рядами, приобрело устойчивую однородность, предвещавшую длительное затишье.

Тем не менее Рентелл обнаружил, что нервничает как-то больше, чем раньше. Занятия в школе еще не начались, но ему почему-то совсем не хотелось хотя бы зайти к миссис Осмонд, и он решил после завтрака вообще не выходить из дома, словно чувствуя себя в чем-то виноватым.

Нескончаемые ряды тянувшихся до горизонта сторожевых башен напоминали ему, что он скоро мог получить «уведомление» Совета, — не случайно Хэнсон упомянул об этом; и не случайно, что Совет становился обычно наиболее деятелен в укреплении своей позиции, издавая бесчисленные мелочные инструкции и дополнения к ним именно во время каникул.

Рентелл с удовольствием публично оспорил бы полномочия Совета по некоторым формальным вопросам, не имеющим отношения непосредственно к нему самому, — например, по поводу законности постановления, запрещающего собрания на улицах, но даже сама мысль о суете, неминуемой при сборе сторонников, чрезвычайно угнетала его. Хотя никто из жителей города не выступал против Совета, однако большинство несомненно испытало бы тайную радость, узнав о его падении; к сожалению, для создания оппозиции не было подходящего центра. В случае с Рентеллом дело было даже не столько во всеобщем страхе перед Советом и его возможным контактом со сторожевыми башнями — просто вообще кто-либо вряд ли стал бы защищать права Рентелла, в частности — на неприкосновенность его личной жизни.

Как ни странно, но сама миссис Осмонд, казалось, даже не подозревала о том, что происходит в городе. Ког-

да Рентелл зашел навестить ее во второй половине дня, она сделала уборку и находилась в прекрасном расположении духа.

— Чарлз, что с тобой? — упрекнула она, когда он тяжело опустился в кресло. — Ты серьезен, как курица на яйцах.

— Что-то я устал сегодня. Вероятно, из-за жары. — Когда она села на подлокотник кресла, он вяло положил руку на ее бедро, словно пытаясь этим жестом помочь себе. — Похоже, в последнее время Совет стал для меня навязчивой идеей. Я чувствую какую-то неуверенность, надо бы выбраться из этого...

Миссис Осмонд погладила его по голове:

— Единственное, что тебе надо, Чарлз, так это немного материнской любви. Ты ведь так одинок в своей гостиной, среди старичья. Почему бы тебе не снять дом на нашей улице? Я бы тогда могла присматривать за тобой.

Рентелл насмешливо взглянул на нее.

— А может быть, я перееду прямо к тебе? — спросил он, но миссис Осмонд презрительно фыркнула и отошла к окну.

Она взглянула на ближайшую башню.

— О чем, по-твоему, они там думают?

Рентелл небрежно щелкнул пальцами:

— Возможно, они не думают ни о чем. Иногда мне кажется, что там вообще никого нет, а эти движения за стеклами — просто оптические иллюзии. Хотя окна как будто открываются, никто никогда не видел ни одного обитателя. Так что башни могут быть просто-напросто заброшенным зоопарком.

Миссис Осмонд посмотрела на него с горестным изумлением:

— Что за странные метафоры ты выбираешь, Чарлз. Я часто удивляюсь, почему ты не такой, как все, — я бы, например, ни за что не осмелилась сказать то, что говоришь ты. В том случае, если... — Она замолчала, невольно бросив взгляд на сторожевую башню.

Рентелл лениво спросил:

— В каком «том случае»?

— Ну, когда...— раздраженно начала она снова.— Перестань, Чарлз, неужто тебе никогда не становится страшно при мысли об этих башнях, нависающих над нами?

Рентелл медленно повернул голову и взглянул в окно. Однажды он попытался сосчитать сторожевые башни, но сбился и бросил.

— Да, я боюсь их, как Хэнсон, как старики в гостинице, как и все в городе. Но вовсе не так, как мальчишки в школе боятся меня, учителя.

Миссис Осмонд кивнула, неверно истолковав его последнее замечание.

— Дети очень восприимчивы, Чарлз, они чувствуют, что тебе нет до них никакого дела. К сожалению, они еще малы и не понимают, что же происходит в городе.

Она поежилась, закутываясь в кофту:

— Ты знаешь, в те дни, когда они там в башнях за окнами суетятся, я вся разбитая, это ужасно. Я чувствую такую апатию, не в состоянии ничего делать, просто сижу и тупо смотрю в стену. Возможно, я более восприимчива к их... их излучению, чем большинство людей.

Рентелл улыбнулся:

— Возможно. Не позволяй, однако, чтобы они испортили тебе настроение. Когда они в следующий раз начнут там возиться, попробуй не поддаваться: надень карнавальную шляпу и потанцуй.

— Что? Господи, Чарлз, ну почему ты всегда иронизируешь?

— Я говорю сейчас совершенно серьезно. Неужели ты веришь всем этим слухам о башнях?

Миссис Осмонд печально покачала головой:

— Переменишься ли ты когда-нибудь... Ты уже уходишь?

Рентелл помедлил у окна.

— Пойду домой, отдохну. Кстати, ты знакома с Виктором Бордменом?

— Когда-то была. А почему ты спрашиваешь?

— Сад рядом с кинотеатром около автомобильной стоянки принадлежит ему?

— Кажется, да.— Миссис Осмонд засмеялась.— Ты решил заняться садоводством?

— В некотором роде.— Помахав на прощанье, Рентелл вышел.

Он решил начать с доктора Клифтона, живущего этажом ниже, прямо под ним. Клифтон был хирургом, но служебные обязанности отнимали у него не более часа в день — в городе болели и умирали редко. Однако доктор, несмотря на опасность утонуть в болоте провинциальной скуки, оказался человеком достаточно деятельным и обзавелся хобби. В комнате он устроил небольшой вольер, где держал дюжину канареек, с которыми проводил почти все свободное время. Его суховатая манера была неприятна Рентеллу, но он уважал доктора за то, что тот не поддавался апатии, подобно всем окружающим.

Клифтон внимательно выслушал его.

— Я согласен с вами: что-то в этом роде сделать необходимо. Мысль хорошая, Рентелл, и, реализовав ее соответствующим образом, можно действительно встряхнуть людей.

— Все упирается, доктор, в организационную сторону дела. Ведь единственное подходящее место — Таун-холл.

Клифтон кивнул:

— Да, тут-то и возникает главная сложность. Боюсь, что я вряд ли могу быть вам полезным — у меня нет выхода на Совет. Разумеется, вам надо заручиться их разрешением. Но думаю, вы вряд ли его получите — они неизменные противники любых радикальных перемен и сейчас тоже предпочтут сохранить статус-кво.

Рентелл кивнул, добавив словно невзначай:

— Одно их заботит: как бы сохранить власть. Временами такая политика Совета меня просто бесит.

Клифтон коротко глянул на него и отвернулся.

— Да вы просто революционный агитатор, Рентелл,— спокойно сказал он, поглаживая пальцем клюв одной из канареек. Провожать Рентелла до дверей он демонстративно не стал.

Вычеркнув мысленно доктора из своего списка, Рентелл поднялся к себе. Обдумывая следующий ход, он

несколько минут ходил по узкому выцветшему лянному ковру, затем спустился на цокольный этаж поговорить с управляющим Малвени.

— Я пока только навожу справки. За разрешением я еще не обращался, но доктор Клифтон полагает, что сама идея превосходна и нет сомнения, что мы получим его. Как вы отнесетесь к тому, чтобы взять на себя заботу о праздничном столе?

Изжелта-бледная физиономия Малвени выразила сомнение.

— За мной дело не станет. Я, разумеется, согласен; но насколько серьезна ваша затея? Вы полагаете, что получите разрешение? Ошибаетесь, мистер Рентелл. Совет вряд ли вас поддержит. Они даже кино закрыли, а вы к ним с предложением провести праздник на открытом воздухе.

— Я так не думаю, не скажите, вас-то моя идея привлекает?

Малвени покачал головой, явно желая прекратить разговор.

— Получите разрешение, мистер Рентелл, тогда посмотрим.

Стараясь не сорваться, Рентелл спросил:

— А так ли уж необходимо разрешение Совета? Неужели мы не можем обойтись без него?

Малвени склонился над своими бумагами, давая понять, что беседа окончена.

— Не ослабляйте усилий, мистер Рентелл, ваша идея замечательна.

В течение нескольких следующих дней Рентелл сумел переговорить с полудюжиной людей. В основном он встречал отрицательное отношение, но вскоре, как и предполагал, ощутил сначала неявный, а потом все более отчетливый интерес. Как только он появлялся в столовой, разговоры стихали, и обслуживали его быстрее остальных. Хэнсон по утрам перестал ходить с ним в кафе, а однажды Рентелл видел его погруженным в беседу с секретарем городского суда, молодым человеком по имени

Барнс. Он-то, решил Рентелл, и есть источник информации Хэнсона.

Тем временем активность в сторожевых башнях не возобновлялась. Бесконечные ряды башен все так же висели в небе, наблюдательные окна оставались закрытыми, и жители городка мало-помалу возвращались к всегдашнему ничегонеделанью, бесцельно слоняясь по улицам. После того как Рентелл решил придерживаться определенного курса действий, он ощутил, что к нему возвращается уверенность.

Выждав неделю, он позвонил Виктору Бордмену. Бутлегер принял его в своей конторе, расположенной над кинотеатром, встретив посетителя кривой улыбкой.

— Признаться, мистер Рентелл, я был удивлен, услышав, что вы решили обратиться к индустрии развлечений. Причем рассчитанных не на самый тонкий вкус.

— Я хочу устроить праздник на открытом воздухе, — поправил его Рентелл. Сев в предложенное Бордменом кресло, он оказался лицом к окну — старая уловка, подумал Рентелл. Из окна открывался вид на сторожевую башню, нависшую над крышей соседнего мебельного магазина. Башня загораживала полнеба. Металлические листы ее обшивки были соединены с помощью неизвестной Рентеллу технологии, не похожей ни на сварку, ни на клепку, отчего башня выглядела как цельнолитая. Рентелл переставил кресло так, чтобы оказаться к окну спиной.

— Школа все еще закрыта, поэтому я подумал, не смогу ли я быть полезным на каком-то ином поприще. Надо же оправдать получаемое жалованье. Я обращаюсь за помощью к вам потому, что у вас богатый опыт.

— Да, опыт у меня богатый, мистер Рентелл. И в самых разных областях. Как я понимаю, вы, состоя на службе у Совета, получили от него разрешение?

Рентелл ушел от прямого ответа:

— Мы с вами, мистер Бордмен, понимаем, что Совет — консервативная организация. Потому сейчас я выступаю только от себя лично, а в Совет обращусь позже, когда смогу представить конкретный план.

Бордмен глубокомысленно кивнул:

— Это разумно, мистер Рентелл. А в чем конкретно, по-вашему, могла бы выразиться моя помощь? Я должен взять на себя организационную работу?

— В данный момент нет, но, вообще говоря, я был бы крайне признателен, если бы вы согласились. Сейчас я хочу просто попросить разрешения провести праздник у вас.

— В кинотеатре? Я не позволю убирать сиденья, если вы это имеете в виду.

— Не в самом кинотеатре, хотя мы могли бы использовать бар и гардероб.— Рентелл на ходу импровизировал, надеясь, что размах его замысла не отпугнет Бордмена.— Скажите, а старый пивной зал рядом с автомобильной стоянкой тоже принадлежит вам?

Бордмен медлил с ответом. Он хитровато поглядывал на Рентелла, подравнивал ногти ножичком для сигар, в глазах его тлело восхищение.

— Так, значит, вы хотите провести праздник на открытом воздухе, мистер Рентелл, я правильно вас понял?

Рентелл кивнул, улыбнувшись:

— Мне очень приятно беседовать с вами, вы действительно быстро схватываете самую суть дела. Вы согласны сдать сад в аренду? Разумеется, вы получите и значительную долю прибыли. Если же вы поможете в организации праздника, то можете рассчитывать на всю прибыль.

Бордмен отложил сигару:

— Мистер Рентелл, вы, безусловно, человек необычный. Я недооценивал вас и считал, что вами просто движет обида на Совет. Надеюсь, вы понимаете, на что идете?

— Мистер Бордмен, вы сдадите сад в аренду? — повторил Рентелл.

Бордмен задумчиво посмотрел в окно, на громаду сторожевой башни, и на его губах появилась задумчивая улыбка.

— Прямо над пивным залом две башни, мистер Рентелл.

— Я полностью отдаю себе в этом отчет. Так каким же будет ваш ответ?

Они молча смотрели друг на друга, наконец Бордмен едва заметно кивнул. Рентелл понял, что Бордмен серьезно отнесся к его предложению. Он явно собирался использовать Рентелла в своей борьбе с Советом, рассчитывая в случае успеха на определенную выгоду. Рентелл изложил в общих чертах предварительную программу. Они договорились о дате проведения праздника — через месяц — и решили встретиться снова в начале следующей недели.

Через два дня, как Рентелл и ожидал, появились первые эмиссары Совета. Однажды он сидел, как обычно, на террасе кафе, в окружении молчаливых сторожевых башен, и тут заметил торопящегося куда-то Хэнсона.

— Присоединяйся,— пригласил его Рентелл и пододвинул ему стул.— Какие новости?

— Кому, как не тебе, знать их, Чарлз,— Хэнсон сдержанно улыбнулся Рентеллу, словно делая замечание любимому ученику, потом оглядел пустую террасу в поисках официантки.— Здесь из рук вон плохое обслуживание. Скажи мне, Чарлз, что это за разговоры идут о тебе и Викторе Бордмене — я просто собственным ушам не поверил.

Рентелл откинулся в кресле:

— Я ничего не слышал, расскажи.

— Мы... то есть я... я подумал, что, наверное, Бордмен воспользовался какой-нибудь твоей совершенно невинной фразой, оброненной случайно. Эта затея с праздником в саду, который вы вроде организуете вместе, по-моему, абсолютно фантастична.

— Разве?

— Но, Чарлз...— Хэнсон наклонился вперед, вглядываясь в лицо Рентелла и пытаясь понять, что скрывается за его спокойствием.— Разумеется, ты затеял это не серьезно?

— Отчего же? Не вижу причины, почему бы и нет. Просто мне захотелось организовать праздник в саду — праздник на открытом воздухе, точнее говоря.

— Дело не в названии,— резко ответил Хэнсон.— Не говоря уже о прочих причинах...— он глазами показал на небо,— факт остается фактом: ты — служащий Совета.

Сунув руки в карманы брюк, Рентелл покачивался на стуле.

— Ну и что, это еще не дает Совету права вмешиваться в мою личную жизнь. Кажется, они подзабыли, что и условия моего контракта исключают любое подобное вмешательство. Так что если Совету не нравятся какие-то мои действия, то он в силах применить единственную санкцию — увольнение.

— Они так и поступят, Чарлз, не считай себя незамеченным.

Рентелл спокойно ответил:

— Что ж, пусть увольняют — если только смогут найти мне замену, в чем я, честно говоря, сомневаюсь. До сих пор они, как видно, считали возможным поступаться своими моральными принципами и меня не трогали.

— Чарлз, сейчас совсем иная ситуация. До недавнего времени всем было наплевать на твою личную жизнь, но подобный праздник — дело общественное, а потому находится в компетенции Совета.

Рентелл зевнул:

— Разговоры о Совете меня утомили. Праздник — частная инициатива, вход только по именным приглашениям. У Совета нет права требовать, чтобы с ним консультировались в таких вопросах. На случай возможного нарушения общественного порядка будет приглашен начальник полиции. Так из-за чего шум? Я просто хочу немного развлечь людей.

Хэнсон покачал головой:

— Чарлз, не делай вид, будто не понимаешь, о чем я. По словам Бордмена, праздник будет проводиться на открытом воздухе — прямо под двумя сторожевыми башнями. Ты что, не понимаешь, какие последствия это может иметь?

— Разумеется, понимаю,— произнес Рентелл отчетливо.— Абсолютно никаких.

— Чарлз! — Хэнсон сжался, услышав такое богохульство, и метнул взор на ближайшую башню, словно ожидая, что их тут же постигнет кара. — Дорогой мой, послушайся доброго совета — брось это дело. У тебя нет никаких шансов довести до конца эту сумасшедшую затею, так зачем осложнять отношения с Советом? Кто знает, на что они могут пойти, если их раздражить.

Рентелл поднялся. Устало посмотрел на сторожевую башню, и вдруг безотчетная тревога сжала ему сердце.

— Ты получишь приглашение, — бросил он Хэнсону.

На следующий день Рентеллу позвонил секретарь городского суда и договорился о встрече. Времени до его визита было достаточно — без сомнения, сделано это было для того, чтобы Рентелл мог еще раз обдумать свое поведение. Утром он успел забежать к миссис Осмонд, та заметно нервничала, зная, наверное, о надвигающемся конфликте. Постоянное напряжение — нелегко было выглядеть неизменно беззаботным — начало сказываться, и Рентелл, поелику возможно, стал избегать появляться на людях. Хорошо, что школа еще не открылась.

Секретаря суда Рентелл встретил в гостинной. Барнс, энергичный темноволосый молодой человек, перешел прямо к делу. Отказавшись от приглашения сестры, он обратился к Рентеллу, держа в руке листок бумаги — явно протокол последнего заседания Совета:

— Мистер Рентелл, Совету стало известно о вашем намерении устроить праздник в саду мистера Бордмена недели через две-три. В связи с чем я уполномочен передать вам, что Совет крайне отрицательно относится к этой идее и просит вас незамедлительно прекратить всякую деятельность в этом направлении.

— Мне очень жаль, Барнс, но боюсь, что подготовка продвинулась слишком далеко. Мы вот-вот начнем рассылать приглашения.

Барнс помедлил, оглядывая запущенную комнату Рентелла, словно надеясь отыскать там скрытый мотив поведения ее хозяина.

— Мистер Рентелл, возможно, мне следовало бы уточнить, что переданная просьба Совета равносильна его прямому приказу.

— Я так и понял.— Рентелл сел на подоконник и посмотрел на сторожевые башни.— Я уже беседовал на эту тему с Хэнсоном, что, надо полагать, вам известно. У Совета не больше права отменить праздник, чем запретить мне дышать.

Барнс гадко улыбнулся:

— Мистер Рентелл, данный вопрос не находится в юрисдикции Совета. Приказ издан на основании полномочий, возложенных на Совет вышестоящими инстанциями. Для удобства можете считать, что Совет передает прямое указание, полученное от...— Барнс слегка кивнул в сторону сторожевых башен.

Рентелл встал:

— Наконец-то! Добрались до сути дела! — Он взял себя в руки.— Не могли бы вы передать через Совет этим «вышестоящим инстанциям», как вы их назвали, мой вежливый, но решительный отказ? Вы меня поняли?

Барнс сделал шаг назад и внимательно оглядел Рентелла:

— Полагаю, что да, мистер Рентелл. Без сомнения, вы понимаете, что делаете.

После его ухода Рентелл опустил шторы, лег на кровать и в течение примерно часа попытался хоть немного расслабиться. Итак, решающий бой с Советом состоится завтра. Получив повестку на экстренное заседание, он решил, что сможет использовать эту ситуацию для достижения своей главной цели — разоблачения деятельности Совета публично.

Хэнсон и миссис Осмонд пытались убедить Рентелла, что он должен сдаться.

— Во всем виноват ты сам, Чарлз,— сказал ему Хэнсон.— Однако я надеюсь, что они будут снисходительны к тебе — им надо сохранить лицо.

— Дело не только в них самих,— ответил Рентелл.— Они утверждают, что выполняют прямые указания сторожевых башен.

— Да, наверное... — замылся Хэнсон. — Конечно. Только вряд ли будут сторожевые башни вмешиваться в такие пустяковые дела. Они полагаются на Совет, доверяют ему осуществлять общий надзор, и пока власть Совета непоколебима, они останутся в стороне.

— Едва ли все так просто. Как, по-твоему, осуществляется связь между сторожевыми башнями и Советом? — Рентелл указал на ближайшую башню. Наблюдательный ярус парил в воздухе, похожий на неуместную здесь гондолу. — По телефону? Или они сигнализируют флажками?

Но Хэнсон только рассмеялся в ответ и переменял тему. Аргументация Джулии Осмонд, как и Хэнсона, была неубедительной, но сама Джулия не сомневалась в непогрешимости Совета.

— Конечно же, они получают инструкции из башен, Чарлз. И не волнуйся, чувство меры у них есть — ведь они все это время позволяли тебе приходить сюда. Твоя основная ошибка в том, что ты слишком высокого мнения о собственной персоне. Ты только посмотри на себя: спорбился, лицо как старый башмак. Ты думаешь, что Совет и сторожевые башни собираются тебя наказать? Этого не будет: их наказания ты просто недостоин.

За ланчем Рентелл нехотя ковырялся в тарелке, ощущая, что взоры всех в столовой устремлены на него. Многие пришли со знакомыми, и он прикинул, что на сегодняшнем заседании Совета, назначенном в половине третьего, зал будет полон.

После ланча он поднялся к себе, решив почитать до начала заседания. Полистал какую-то книгу, отложил и подошел к окну. В наблюдательных окнах по-прежнему не было никакого движения, и Рентелл рассматривал их открыто, словно генерал, изучающий перед битвой расположение вражеских войск. Сегодня дымка опустилась ниже, чем обычно, так что возникало ощущение, что башни вздымаются в воздух подобно гигантским четырехугольным трубам, — типичный индустриальный пейзаж в белом тумане.

Ближайшая башня находилась метрах в двадцати пяти, наискосок от него, над восточным концом сада, общего с другими гостиницами, расположенными полукругом. Как только Рентелл отвернулся, окно в наблюдательном ярусе открылось, пучок солнечных лучей отразился от оконного стекла и, подобно сверкающему копью, поразил его. Рентелл отпрянул, сердце его замерло и вновь сильно забилось. В башне снова все замерло так же внезапно, как и началось. Окна по-прежнему плотно закрыты, никаких признаков жизни. Рентелл прислушался к тому, что происходит в гостинице. Настолько явственно открылось окно — за много дней первый признак того, что в башнях кто-то есть, и несомненный показатель того, что это только начало, — что балконы должны были бы стремительно заполниться людьми. Но в гостинице царила тишина, и только снизу доносился голос Клифтона, рассеянно мурлыкавшего себе под нос у окна, где размещался вольтер с канарейками. Не было заметно и прилипших к окнам лиц в гостинице напротив.

Рентелл внимательно оглядел сторожевую башню, предположив, что он мог ошибиться и видел открытое окно гостиницы напротив. Однако такое объяснение не удовлетворило его. Тот, направленный прямо на него, солнечный луч рассек воздух, как серебряное лезвие; с такой интенсивностью могли отражать свет лишь окна сторожевых башен.

Рентелл взглянул на часы и выругался: была уже четверть третьего. До ратуши добрый километр, и теперь он доберется туда весь растрепанный и вспотевший.

Раздался стук в дверь. Рентелл открыл и увидел Малвени.

— В чем дело? Я занят.

— Прошу прощения, мистер Рентелл. Господин по имени Барнс просил срочно передать вам, что сегодняшнее заседание откладывается.

— Ага! — Рентелл презрительно щелкнул пальцами. — Значит, в итоге они пришли к такому выводу. Впрочем, для них благоразумие — прежде доблести. — Широко

улыбаясь, он пригласил управляющего войти.— Мистер Малвени, подождите!

— Хорошие новости, мистер Рентелл?

— Превосходные. Я все же заставил их посуетиться. Вот увидите, следующее заседание Совета будет проходить за закрытыми дверьми.

— Должно быть, вы правы, мистер Рентелл. Кое-кто тоже считает, что Совет несколько зарвался.

— В самом деле? Интересно.— Отметив про себя этот факт, Рентелл подозвал Малвени к окну.— Скажите, мистер Малвени, вот сейчас, поднимаясь по лестнице, вы не заметили никакой активности... там?

Рентелл мотнул головой в сторону башни, не желая привлекать к себе внимания. Малвени выглянул в сад:

— По-моему, я ничего особенного не видел... все как обычно. А что?

— Знаете ли, там открылось окно...— Видя, что управляющий отрицательно качает головой, Рентелл остановил себя.— Ладно. Дайте мне знать, если этот Барнс позвонит еще раз.

Когда Малвени ушел, Рентелл вновь зашагал по комнате, насвистывая рондо Моцарта.

В течение трех последующих дней его победоносное настроение мало-помалу исчезло. К досаде Рентелла, никаких сведений о перенесенном заседании Совета не поступало. Он предположил, что будет закрытое слушание, но хотел, чтобы члены Совета знали, что суть дела не изменится. Все равно все вскоре узнают, что Рентелл одержал над Советом моральную победу.

Рентелла злила даже мысль, что заседание может быть отложено на сколь угодно долгий срок. Избегая прямого столкновения с Рентеллом, Совет мудро избавлял себя от лишних хлопот.

Сопоставляя различные варианты, Рентелл решил, что явно недооценил Совет. Возможно, там уже поняли, что борется-то он не с ними, а со сторожевыми башнями. Все чаще ему стала приходить в голову мысль: быть может, и на самом деле существует некий тайный сговор между башнями и Советом.

Кроме того, вновь напоминал себе Рентелл, он ведь не собирался поднимать открытый бунт. Первопричиной его поступков была кратковременная досада, протест против общей скуки и безразличия, а также против гнетущего страха, который у населения вызывал уже сам вид сторожевых башен. Он не собирался бросить вызов их абсолютной власти (во всяком случае, не в данный момент), но всего лишь хотел очертить экзистенциальные границы их мира — если люди оказались в мышеловке, то пусть им по крайней мере достанется приманка. К тому же он считал, что вызвать реакцию со стороны сторожевых башен можно лишь благодаря поистине героическим усилиям, которые могут оказаться тщетными, поскольку башни в ходе контакта (если бы он вообще состоялся) придерживались бы только своих правил.

Это помогало Рентеллу понять экзистенциальную сущность происходящего, так как в данной ситуации граница между диаметрально противоположными понятиями не совпадала с общепринятой этической нормой. Водоразделом служила некая сумеречная зона, где существовало большинство быстротечных блаженств. Для Рентелла там был домик миссис Осмонд, туда он и стремился, ощущая себя наиболее свободным именно там. Но прежде — он это чувствовал — нужно было определить протяженность спасительной зоны; Совет же, отменив заседание, помещал Рентеллу сделать это.

Пока Рентелл ожидал повторного звонка Барнса, им все больше овладевало чувство разочарования и безысходности. Сторожевые башни, казалось, заполняли все небо, и он с раздражением задернул шторы. На крыше целыми днями слышалось легкое постукивание, и хотя ему хотелось узнать, что там происходит, он избегал выходить из дома.

Наконец Рентелл решил подняться наверх и на крыше увидел двух плотников, под руководством Малвени соорудивших настил из досок. Пока Рентелл, прикрыв глаза ладонью, пытался привыкнуть к яркому свету, на лестнице

послышались шаги — поднялся третий рабочий, принесший две секции деревянных перил.

— Простите, что мы так шумим, мистер Рентелл, — извинился управляющий, — но к завтрашнему дню нам надо закончить.

— Что здесь происходит? — спросил Рентелл. — Уж не солярий ли вы делаете?

— Именно его. — Малвени указал на перила. — По совету доктора Клифтона, чтобы пожилым людям было уютно, поставим здесь стулья и зонтики от солнца. — Он взглянул на Рентелла, все еще стоявшего в дверном проеме. — Вам бы тоже следовало пойти сюда позагорать.

Рентелл поднял глаза к сторожевой башне, возвышавшейся почти над их головами. До ее металлического рифленого основания можно было легко добросить камушек. Крыша гостиницы оказывалась полностью во власти множества сторожевых башен, висящих вокруг, и Рентелл подумал, не сошел ли Малвени с ума — ведь никто не высидит здесь и секунды.

Управляющий указал на крышу здания на противоположной стороне сада, там кипела аналогичная работа. Уже натянули желтый тент, два места под которым были заняты.

Рентелл, запнувшись, прошептал:

— Но как же наблюдатели в сторожевых башнях?

— Наблюдатели?.. — Один из плотников окликнул Малвени, тот на мгновение отвлекся, затем снова включился в разговор. — О, конечно, мистер Рентелл, отсюда можно наблюдать за всем, что происходит внизу.

Озадаченный, Рентелл вернулся в свою комнату, так и не поняв, то ли Малвени не расслышал его вопроса, то ли затевалась дурацкая провокация. А еще он мрачно подумал, что ответственность за подобные демонстративные выходы, возможно, ляжет на него. А вдруг именно он невольно выпустил на свободу подавлявшееся возмущение людей, которое копилось годами?

К удивлению Рентелла, скрип лестницы на следующее утро возвестил, что первая группа желающих позагорать

отправилась на крышу. Перед ланчем Рентелл тоже поднялся туда и нашел там по меньшей мере человек десять, сидящих под сенью сторожевой башни и безмятежно вдыхающих холодный воздух. Никто из них ни в малейшей степени не был обеспокоен таким соседством. Словно отвечая какому-то внутреннему зову, загорающие собирались в шумные группки, располагались около домов, устраивались в оконных проемах, весело перекликаясь.

Удивительным было также, что это внезапное увлечение не вызывало никакой реакции со стороны сторожевых башен. Из-за штор в своей комнате Рентелл внимательно изучал башни, один раз ему показалось, будто в одном наблюдательном окне, в километре от гостиницы, мелькнула тень, но в остальном башни оставались молчаливыми, неподвижными и загадочными, их длинные ряды, как и раньше, уходили за горизонт. Дымка немного истончилась, и более явственно стали видны массивные колонны, как бы нисходящие с неба.

Незадолго до ланча пришел Хэнсон:

— Привет, Чарлз. Замечательные новости! Школа, слава Богу, завтра открывается. А то уж я совсем одурел от безделья.

— Что заставило Совет принять такое решение?

— Точно не знаю, но, наверное, должны же они были когда-нибудь начать занятия. Ты разве не рад?

— Конечно, рад. Я еще в штате?

— Что за вопрос! Совет на тебя зла не держит. Неделю назад они еще могли бы тебя уволить, но сейчас ситуация изменилась.

— Что ты имеешь в виду?

Хэнсон внимательно посмотрел на Рентелла:

— Только то, что школа снова открывается. Что с тобой, Чарлз?

Рентелл подошел к окну, рассеянно глядя на загорающих. Он немного еще подождал — вдруг все же появится какой-нибудь признак активности в башнях.

— А когда Совет собирается слушать мое дело?

Хэнсон пожал плечами:

— Теперь оно уже не очень-то их интересует. Достаточно, что они поняли: тебя голыми руками не возьмешь. Забудь ты об этом.

— Но я не хочу забывать. Я хочу, чтобы слушание состоялось. Черт побери, я ведь нарочно затеял этот праздник, чтобы заставить их скинуть маску. А теперь они дают обратный ход.

— Ну и что такого? Брось, у них тоже есть свои проблемы.— Хэнсон рассмеялся.— Кто знает, быть может, они сейчас и сами были бы рады получить от тебя приглашение.

— Уж они-то его не получают. Знаешь, у меня такое ощущение, что меня обвели вокруг пальца. Если праздник так и не состоится, все решат, что я струсил.

— Но он же состоится. Разве ты не видел Бордмена? Он развил бешеную деятельность, это явно будет потрясающее шоу. Смотри, как бы он не приписал все заслуги себе одному.

Пораженный Рентелл отвернулся от окна:

— Ты хочешь сказать, что Бордмен по-прежнему занят праздником?

— Конечно, да еще как! Он натянул над автомобильной стоянкой большой тент, поставил киоски, развесил повсюду флаги.

Рентелл сжал кулаки:

— Бордмен спятил! — Он повернулся к Хэнсону.— Надо быть очень осторожным, происходит что-то странное. Я убежден, что Совет просто ждет подходящего случая, они нарочно отпустили вожжи — в надежде, что мы подставимся. Ты видел, сколько людей на крышах? Они же принимают солнечные ванны!

— И прекрасно. Разве ты не этого хотел?

— Но не в этой ситуации,— Рентелл указал на ближайшую сторожевую башню. Окна ее были закрыты, но свет, отражавшийся от них, казался ярче, чем всегда.— Там рано или поздно отреагируют, быстро и беспощадно. Этого-то Совет и ждет.

— Совет здесь ни при чем. Если люди хотят загорать на крыше, то это их дело. Ты есть идешь?

— Сейчас.— Рентелл стоял у окна, внимательно глядя на Хэнсона. Неожиданно ему в голову пришло возможное объяснение происходящего, о котором он раньше не думал. И он знал, как проверить свою догадку.— Гонг уже был? А то мои часы встали.

Хэнсон посмотрел на свои часы:

— Двенадцать тридцать.— Потом взглянул в окно на часы над ратушей.

Одним из давнишних оснований для недовольства своей комнатой у Рентелла было то, что ближайшая сторожевая башня практически заслоняла огромный циферблат. Хэнсон перевел стрелку и кивнул:

— Двенадцать тридцать одна. Я подожду тебя внизу.

После его ухода Рентелл сел на кровать, чувствуя, что мужество покидает его, но пытаясь все же найти разумное объяснение столь непредвиденному развитию событий.

На следующий день он обнаружил еще одно доказательство.

Бордмен с отвращением оглядывал запущенную комнату, пораженный унылым видом сторбившегося в кресле у окна Рентелла.

— Мистер Рентелл, сейчас не может быть и речи об отмене праздника. Ярмарка фактически уже началась. Да и как такое вообще пришло вам в голову?

— Мы договорились, что это должен быть праздник,— сказал Рентелл.— Вы же превратили его в балаган с шарманками.

Бордмен усмехнулся, не обращая внимания на менторский тон Рентелла.

— А какая разница? Как бы то ни было, я собираюсь накрыть весь участок крышей и превратить его во что-то вроде постоянно действующего луна-парка. Совет не будет вмешиваться — они такие вещи спускают сейчас на тормозах.

— Разве? Сомневаюсь.

Рентелл выглянул в сад. Мужчины сидели без пиджаков, женщины в летних платьях, очевидно забыв о сторожевых башнях, заполнявших небо прямо над ними. Дымка поднялась еще выше, и было видно, по крайней мере,

метров на двести вверх. В башнях не замечалось никакой активности, но Рентелл был убежден, что она скоро начнется.

— Скажите,— спросил он, отчетливо произнося каждое слово,— вы не боитесь сторожевых башен?

Бордмен удивился:

— Каких башен? — Он помахал в воздухе незажженной сигарой.— Вы имеете в виду американские горки? Не беспокойтесь, у меня их нет, посетителям они не нравятся.

Он закурил сигару, встал и направился к двери:

— До свидания, мистер Рентелл. Я пришлю вам приглашение.

Во второй половине дня Рентелл зашел к доктору Клифтону.

— Простите, доктор,— извинился он.— Можно вас попросить осмотреть меня?

— Но ведь не здесь же, мистер Рентелл, я дома не принимаю...— Клифтон оторвался от своих клеток с канарейками, не скрывая раздражения, но, увидев лицо Рентелла, смягчился.— Ладно, что с вами стряслось?

Пока Клифтон мыл руки, Рентелл начал рассказывать:

— Скажите, доктор, возможен ли одновременный гипноз больших групп людей и известны ли подобные случаи вам? Я имею в виду не сеанс гипнотизера в театре, а ситуацию, когда всех членов некоего небольшого сообщества — например, всех жителей нашего гостиничного комплекса — можно было бы заставить поверить в то, что полностью противоречит здравому смыслу.

Клифтон перестал мыть руки.

— Я думал, что вы обратились ко мне по профессиональному вопросу. Я врач, а не шаман. Что вы еще затеяли, Рентелл? В прошлый раз это был праздник в саду, а сейчас — уже массовый гипноз? Советую вам поостеречься.

Рентелл покачал головой:

— Никого я не хочу гипнотизировать, доктор, боюсь, что такая операция уже произведена. Не замечали ли вы

чего-то необычного в поведении своих пациентов в последнее время?

— Никаких отклонений от нормы, — ответил Клифтон сухо. Он смотрел на Рентелла с растущим интересом. — Так кто же занимается массовым гипнозом? — Когда Рентелл, замаявшись, показал на потолок, Клифтон глубоко-мысленно покивал: — Понятно. Какой ужас...

— Именно так, доктор. Я рад, что вы меня понимаете. — Рентелл подошел к окну и показал на сторожевые башни. — Напоследок, доктор, если вы не возражаете, я хотел бы кое-что для себя прояснить. Вы видите сторожевые башни?

Клифтон помедлил, сделав было произвольное движение в сторону своего медицинского саквояжа, лежащего на столе. Затем снова кивнул:

— Конечно.

— Слава Богу. Вы снимаете с моей души камень. А то я было начал думать, что я один такой. Можете себе представить, Хэнсон и Бордмен башни не видят! И я совершенно уверен, что никто из сидящих на крышах людей — тоже, иначе их оттуда как ветром сдуло бы. Я убежден, что все это работа Совета, хотя представляется маловероятным, чтобы их власти хватило для... — Он умолк, почувствовав, что Клифтон пристально смотрит на него. — В чем дело? Доктор!

Клифтон быстро вытащил из чемоданчика рецептурные бланки.

— Рентелл, предусмотрительность — основа любой стратегии. Важно остерегаться опрометчивых шагов, потому мой вам совет — сегодня отдохните. Ну, а эти таблетки помогут вам заснуть...

Первый раз за несколько дней он отважился выйти на улицу. Вzbешенный, что доктор провел его, Рентелл брел к дому миссис Осмонд, решив найти хотя бы одного человека, кто все-таки видит сторожевые башни. Он уже забыл, когда на улицах было так много народу, и все время приходилось быть начеку, чтобы не столкнуться с прохожими. Над улицами, подобно военному судну, с борта

которого должен быть высажен апокалипсический десант, возвышались сторожевые башни, но никто их, похоже, не замечал.

Рентелл прошел мимо кафе — непривычно было видеть террасу, заполненную людьми, — затем увидел ярмарку Бордмена около кинотеатра. Оттуда доносилась музыка, веселые полотнища флагов развевались в воздухе.

Метров за двадцать до дома миссис Осмонд Рентелл увидел, как она, в большой соломенной шляпе, выходит на улицу.

— Чарлз! Что ты здесь делаешь? Я не видела тебя так давно, что уже начала беспокоиться.

Рентелл взял у нее ключ и вставил обратно в замок. Закрыв за собой дверь, он постоял в полутьме холла, переводя дыхание.

— Чарлз, да что же стряслось? Тебя кто-то преследует? Дорогой, ты ужасно выглядишь. Твое лицо...

— Бог с ним, с моим лицом. — Войдя в гостиную, Рентелл подошел к окну, поднял шторы и удостоверился, что сторожевые башни не исчезли. — Сядь. Извини, что я ворвался таким образом, но сейчас я все тебе объясню. — Он подождал, пока миссис Осмонд неохотно уселась на диван, затем облокотился на каминную полку, собираясь с мыслями.

— Ты не поверишь, но последние дни были каким-то сплошным кошмаром, а в довершение ко всему я только что оказался полным идиотом в глазах Клифтона. Господи, мог ли я...

— Чарлз!

— Умоляю, не перебивай — у меня нервы и так на пределе... Это какое-то безумие, но почему-то я, кажется, единственный, кто сохранил рассудок. Я понимаю, что произвожу впечатление сумасшедшего, но все, что я говорю, — чистая правда. Почему это так, я не знаю; и хотя мне страшно, то только потому, что я чувствую: они переходят в наступление... — Он подошел к окну. — Джулия, что ты видишь из окна?

Миссис Осмонд сняла шляпу, беспокойно поежилась и, прищурившись, посмотрела в окно.

— Чарлз, что же все-таки происходит? Мне нужно надеть очки...

— Джулия! Когда раньше ты смотрела из окна, очки тебе не требовались. Что ты видишь?

— Ну, дома, сады...

— Так, что еще?

— Дерево...

— А небо?

Она кивнула:

— Да, вижу, там как будто дымка? Или у меня что-то с глазами?

— Нет.— Рентелл утомленно отвернулся от окна. Впервые его охватила непреодолимая усталость.— Джулия,— мягко спросил он,— ты не помнишь сторожевые башни?

Она медленно покачала головой:

— Нет, не помню. Где они были? — На ее лице появилось тревожное выражение.— Милый, что с тобой?

Рентелл заставил себя выпрямиться:

— Не знаю...— Он провел по лбу рукой.— Ты вообще не помнишь башни? — Он указал на башню, глыба которой виднелась в окне.— Вон там была одна... над теми домами. Мы всегда смотрели на нее. Помнишь, как мы опускали шторы в комнате наверху?

— Чарлз! Осторожнее, тебя могут услышать. Куда же ты?

— На улицу,— произнес он безжизненным голосом.— Нет смысла оставаться в помещении.

Он вышел из дома. Пройдя метров пятьдесят, услышал, как она зовет его, и быстро свернул в переулок.

Он чувствовал, что над ним возвышаются сторожевые башни, но не поднимал глаз выше дверей и оград, внимательно вглядываясь в опустевшие дома. Время от времени ему попадались дома, где жили люди, семья обычно в полном составе сидела на лужайке, и то и дело его окликали по имени, напоминая, что занятия в школе сегодня начались без него. Воздух, свежий и бодрящий, был пронизан необычайно ярким солнечным светом.

Минут через десять Рентелл понял, что оказался в незнакомой части города, и совершенно потерялся; единственными ориентирами оставались сторожевые башни, но он все еще не поднимал на них глаз.

Он шел по кварталам бедняков, где по обеим сторонам узких улиц возвышались огромные мусорные кучи, а дряхлые деревянные заборы еле держались между домами-развалюхами. Многие дома были одноэтажные, потому небо казалось здесь более широким и открытым, сторожевые башни, тянувшиеся до горизонта, напоминали сплошной палисад.

Он подвернул ногу и, хромая, еле дотащился до ближайшего забора. Рентелл взмок и распустил узел галстука; немного придя в себя, он стал изучать лабиринт окрестных домишек в поисках выхода.

Над головой что-то мелькнуло. Заставляя себя не смотреть вверх, Рентелл перевел дыхание, стараясь справиться с охватившим его странным головокружением. Внезапно наступившая тишина повисла над землей, она была настолько полной и оглушительной, что казалось — возникла неслышная, пронизывающая все музыка.

Сзади послышалось медленное шарканье шагов по булыжной мостовой, и Рентелл увидел старика в черном поношенном костюме и рубашке апаш — того самого, что обычно слонялся у Публичной библиотеки. Старик плелся прихрамывая, руки в карманах — почти чаплиновский типаж; время от времени он вскидывал водянистые глазки к небу, будто искал там что-то потерянное или забытое. Рентелл смотрел, как старик пересекает пустырь, но прежде, чем успел окликнуть его, тот уже скрылся за стеной разрушенного дома.

Опять что-то сдвинулось над его головой, затем последовало еще одно резкое — он заметил его краем глаза — движение, потом в воздухе что-то быстро замелькало. Щебенка у ног Рентелла мерцала отраженным светом, и внезапно небо заискрилось, словно там открывались и закрывались окна. Затем, также внезапно, все снова замерло.

Изо всех сил сдерживаясь, Рентелл выждал последнее мгновение. И поднял голову: сотни башен висели в небе подобно гигантским колоннам. Дымка исчезла, и башни были видны с небывалой доселе четкостью.

Насколько он мог видеть, все наблюдательные окна были распахнуты. Молча, не двигаясь, наблюдатели смотрели на него.

Время переходов

Утопавшее в цветах кладбище отнюдь не производило гнетущего впечатления; залитые ярким солнцем памятники казались экспонатами какой-то необычной, с преобладанием мраморных ангелочков, скульптурной выставки. Похожие на двух сухопарых ворон могильщики отдыхали, опершись на заступы; их черные тени наискось рассекали безукоризненную белизну одного из недавних надгробий.

Буквы на камне сверкали свежим, совсем не поблекшим золотом:

ДЖЕЙМС ФОЛКМАН

1963—1901

«Конец — это лишь начало»

Неспешно взрезав упругий дерн, могильщики сняли надгробную плиту, обернули ее холстиной и отнесли в ближний проход между могилами. Биддл-старший, костлявый человек в черной жилетке, указал на группу траурно одетых людей, приближавшуюся со стороны ворот:

— Давай-ка поднажмем. Они уже здесь.

Биддл-младший, его сын, взглянул на немногочисленную процессию, пробиравшуюся по извилистым кладбищенским дорожкам. В воздухе висел сладковатый запах взрыленной земли.

— И всегда-то они рано,— задумчиво пробормотал он.— Странно даже, ну хоть бы раз пришли вовремя.

Укрытая кипарисами часовня огласила кладбище мерным, печальным звоном колокола. Проворно орудя заступами, могильщики выбрали из могилы мягкую, почти не слежавшуюся землю и сложили ее аккуратно конусом в головах. Через несколько минут, когда подошли дьячок и ближайшие родственники покойного, полированный тик гроба уже полностью обнажился, спрыгнувший в яму Биддл споро соскребал с латунной обивки последние комочки влажной земли.

После непродолжительной церемонии два десятка скорбящих во главе с сестрой Фолкмана, высокой седовласой дамой с узким, властным лицом, тяжело опиравшейся на руку своего супруга, вернулись в часовню. Биддл взмахнул рукой, подзывая сына. Они вытащили гроб из могилы, взгромоздили его на тележку и затянули ремнями. Теперь оставалось только закидать яму и аккуратно уложить на место квадратики дерна.

Отряхнув землю с рук, они покатали тележку к часовне. На поредевших могилах дрожали кружевные тени деревьев.

Сорок восемь часов спустя гроб доставили во внушительных размеров каменный особняк Джеймса Фолкмана, располагавшийся в дальнем конце Мортмер-Парка. На обнесенной высокими, глухими оградами улице не было ни машин, ни прохожих, так что мало кто стал свидетелем того, как катафалк свернул в тенистый проезд и остановился у дома. Гроб внесли в зал с наглухо зашторенными окнами, установили на массивном, красного дерева столе и открыли. Фолкман лежал без движения в окружении множества огромных венков. В мягком, приглушенном свете его резко очерченное, с массивным подбородком лицо выглядело спокойным и собранным, не выдавало ни малейших признаков смерти. Короткая прядь волос на лбу заметно смягчала внешность Джеймса Фолкмана в сравнении с суровым обликом его сестры.

По мере того как солнце поднималось по небосводу, одинокий луч света, чудом пробившийся сквозь густые кроны окружавших дом платанов, медленно перемещался

по залу. Приблизившись к виску Фолкмана, яркое пятнышко скользнуло по открытым, немигающим глазам и поползло дальше. Но даже и потом, когда свет ушел, казалось, что в глубине зрачков сохранился слабый его отблеск, подобный отражению звезды в темной воде колодца.

С раннего утра до вечера сестра Фолкмана спокойно, без неподобающей суеты перемещалась по дому. Ее быстрые, ловкие руки вытряхивали пыль из бархатных портьер на дверях библиотеки, заводили миниатюрные, в стиле Людовика XV, настольные часы в кабинете, переставляли стрелку висевшего на лестнице барометра. Ей активно помогали две остролицы, столь же умелые подруги. Прошло несколько часов, и слаженные усилия одетых в черное женщин (за все время работы они не обменялись ни словом) преобразили дом; посетители, желавшие отдать Джеймсу Фолкману дань уважения, попадали в зал, сверкавший темным деревом стен и паркета.

— Мистер и миссис Монтефьоре...

— Мистер и миссис Колдуэлл...

— Мисс Эвелин Джермин и мисс Элизабет...

— Мистер Сэмюэл Бэнбери...

Ритуально кивая, когда объявлялись их имена, посетители проходили в зал, задерживались у гроба, со сдержанным интересом изучали лицо Фолкмана, а затем следовали в столовую, где им предлагались портвейн и цукаты. По большей части это были немолодые, не по погоде теплые одетые люди; двоим-троим было явно не по себе в обшитых темным дубом стенах огромного особняка, и в каждом из них угадывался один и тот же дух нетерпеливого, пусть и сдержанного ожидания.

На следующее утро Фолкмана извлекли из гроба и отнесли наверх, в спальню с окнами на проезд. Саван размотали, обнаружив иссохшее, хрупкое тело, одетое в теплую шерстяную пижаму. Безжизненно серое, с широко открытыми, невидящими глазами, лицо Фолкмана казалось спокойным и умиротворенным, он лежал в холодной как лед постели, бесконечно далекий от своей сестры, расположившейся здесь же рядом на стуле с высокой спинкой. Бетти — так ее звали — тряслась от беззвучных рыданий,

давая выход переполнявшим ее чувствам, и только когда зашедший в комнату доктор Маркем положил руку ей на плечо, она сумела немного собраться.

И тут же, словно по сигналу, глаза Фолкмана вздрогнули. Некоторое время они неуверенно блуждали по потолку, мутные зрачки силились и не могли сфокусироваться, но затем Фолкман вполне определенно взглянул на заплаканное лицо сестры. Когда она и доктор Маркем склонились над все еще недвижимым телом, бескровные губы чуть раздвинулись в мимолетной, полной бесконечного терпения и понимания улыбке. Мгновение спустя изнуренный непомерными усилиями Фолкман провалился в забытие.

Его сестра и доктор зашторили окна и на цыпочках вышли. Наружная дверь бесшумно открылась и закрылась, дом замер в ожидании. С каждой минутой грудь Фолкмана вздымалась все выше и ровнее, звуки его дыхания наполняли спальню, мешаясь с неумолчным шорохом платанов под окном.

Первую неделю Фолкман не вставал с кровати, однако сил у него быстро прибавлялось, вскоре он мог уже самостоятельно есть приготовленную сестрой пищу. Бетти сменила траур на серое шерстяное платье. Сейчас она сидела в старинном, черного дерева кресле и критически взирала на брата.

— Джеймс, мне не нравится твой аппетит, нужно побольше есть. Ты же у нас вконец исхудал.

Фолкман отодвинул поднос, уронил узкие, изящные руки на грудь и улыбнулся:

— Тебе, сестричка, только дай волю, так ты быстренько превратишь меня в молочный пудинг.

Чуть более резким, чем надо, движением Бетти поправила пуховое одеяло.

— Если тебе не нравится, как я готовлю, можешь заботиться о своем хлебе насущном самостоятельно.

Фолкман негромко рассмеялся:

— Спасибо за предложение, Бетти, я обдумую его в самое ближайшее время и самым серьезным образом.

Устало улыбаясь, он проводил глазами сестру, выскочившую из комнаты с подносом. Возможность подразнить Бетти приносила пользу едва ли меньшую, чем обеда, ею приготовленные. Вот и сейчас он ощутил струение крови в холодных, занемевших ногах. Лицо Фолкмана все еще оставалось бескровным и вялым; сознавая свою слабость, он избегал лишних движений и следил за прилетающими на подоконник воронами одними глазами, не поворачивая головы.

Мало-помалу Фолкман настолько окреп, что начал садиться, его беседы с сестрой стали чаще и продолжительнее. Он выказывал все больший интерес к окружающему миру, наблюдал сквозь окно за прохожими на улице, слушал, что говорит об этих людях сестра, а иногда и оспаривал ее суждения.

— А вот и Сэм Бэнбери, собственной своей персоной, — раздраженно заметила она, когда мимо проковылял сморщенный, похожий на гнома старик. — Опять наладился в «Лебедь», искал бы лучше себе работу.

— Помилосердствуй, Бетти. Сэм очень разумный парень. Вот я, я бы тоже куда охотнее пошел бы в пивную, чем на работу.

Бетти скептически фыркнула — эта легкомысленная шуточка никак не соответствовала ее представлению о характере брата.

— Ты хозяйин одного из лучших домов во всем Мортмер-Парке, — наставительно сказала она. — Думаю, тебе не стоит особенно якшаться с людьми вроде Сэма Бэнбери. Он не твоего класса.

— Да какой там класс, — улыбнулся Фолкман. — Все мы одного и того же класса, или ты, Бетти, прожила здесь так долго, что уже призабыла?

— Каждый из нас забывает, — пожала плечами Бетти. — И ты, Джеймс, тоже никуда не денешься. Грустно, конечно, но раз уж мы попали в этот мир, нужно жить по его законам. Если церковь может поддерживать в нас память — прекрасно, пусть поддерживает. Но ты и сам скоро увидишь, что в большинстве своем люди ровно ничего не помнят. Возможно, так оно и лучше.

Первых гостей она встречала с почти нескрываемым раздражением, по десять раз напоминая, что Фолкман совсем еще слаб и почти не может разговаривать. Впрочем, эти визиты и вправду быстро утомляли Фолкмана и сводились в конечном итоге к краткому обмену ничего не значащими любезностями. Даже когда Сэм Бэнбери принес трубку и кисет с табаком, всех его сил достало только на то, чтобы поблагодарить Сэма за подарки, после чего Бетти утатила их, не встретив никакого сопротивления.

И только когда пришел преподобный Мэтьюз, Фолкман внутренне собрался и проговорил, почти не останавливаясь, с полчаса, а то и дольше. Священник слушал с живейшим вниманием, вставляя время от времени вопросы. Беседа явно прибавила Мэтьюзу бодрости и уверенности; спускаясь по лестнице, он одарил сестру Фолкмана лучезарнейшей из улыбок.

Через три недели Фолкман начал вставать и даже кое-как спустился вниз, чтобы осмотреть дом. Бетти протестовала, сопровождая каждый неуверенный, с трудом дающийся шаг брата напоминаниями о его слабости, однако Фолкман ничего не желал слушать. Еле переставляя ноги, он дошел до зимнего сада и обессиленно прислонился к одной из декоративных колонн, его нервные пальцы гладили листья миниатюрных деревьев, ноздри жадно втягивали аромат цветов, лицо покраснелось. Выйдя из дома, он осмотрел деревья, росшие снаружи, словно сравнивая все это с представлением о рае, пребывавшим в его памяти.

Возвращаясь в дом, Фолкман подвернул на неровном плитняке двора ногу и с размаха упал на камни.

— Ты будешь когда-нибудь слушать, что тебе говорят? — кипятилась Бетти, помогая ему преодолеть террасу. — Ведь сказано было, чтобы лежал в постели.

Добравшись до своей комнаты, Фолкман облегченно плюхнулся в кресло и начал ощупывать ушибленные ноги.

— Слушай, Бетти, ты не могла бы немного помолчать? — взмолился он, когда боль отошла и вернулось дыхание. — Я никуда не дежся и отлично себя чувствую.

Что вполне соответствовало истине. С этого момента Фолкман резко пошел на поправку, несчастный случай

словно стряхнул с него беспомощную усталость и дискомфорт последних недель. Его походка стала легкой и свободной, мертвенный цвет лица сменился здоровым румянцем, он облазил все уголки обширного особняка.

Месяц спустя Бетти признала, что теперь Фолкман вполне способен вести самостоятельную жизнь, и вернулась к мужу, а ее место заняла экономка. Освоившись со своим домом, Фолкман начал проявлять все больший интерес к окружающему миру. Он нанял комфортабельный автомобиль с шофером и взял за обычай ежевечерне посещать свой клуб; вскоре вокруг него собрался обширный круг друзей и знакомых. Он возглавил несколько благотворительных комитетов и много трудился на этом поприще; терпимость и благожелательность в сочетании с острой деловой хваткой снискали ему всеобщее уважение. Теперь он блистал безукоризненной осанкой и роскошной гривой седых, чуть тронутых чернотой волос, его резко очерченное, с твердым, энергичным подбородком лицо покрылось ровным загаром.

По воскресеньям Фолкман непременно посещал утреннюю и вечернюю службы в своей церкви, где у него было постоянное место, и глубоко печалился, что среди прихожан почти нет молодежи. Однако он и сам все чаще находил, что изображаемые литургией картины плохо соотносятся с его собственными, быстро блекнувшими воспоминаниями; прошло немного времени, и они окончательно превратились в нечто непостижимое, подвластное не разуму, но лишь вере.

Через несколько лет, когда Фолкман начал испытывать растущее беспокойство, он принял предложение одной из ведущих брокерских фирм и стал ее совладельцем.

Многие его знакомые по клубу также находили себе работу, принося ей в жертву мирное спокойствие курительной комнаты и зимнего сада. Гарольд Колдуэлл, один из ближайших друзей Фолкмана, получил в университете кафедру истории, а Сэм Бэнбери стал управляющим гостиницей «Лебедь».

Первый день Фолкмана на бирже был отмечен торжественной и весьма впечатляющей церемонией. Сперва

мистер Монтефьоре, старший совладелец фирмы, представил персоналу троих новых сотрудников более низкого ранга, каждому из которых вручили золотые часы в знак признательности за долгие годы будущей работы. Будущая работа Фолкмана была отмечена чеканным серебряным портсигаром и громкими аплодисментами всех собравшихся.

На пять следующих лет Фолкман с головой окунулся в работу; с течением времени неуклонно возраставший интерес к материальным благам и жизненным радостям делал его все более активным и агрессивным. Он с увлечением играл в гольф, день ото дня прибавляя в силе и ловкости, а затем перешел на теннис. Влиятельный представитель делового мира, Фолкман проводил свои дни в бесконечной череде конференций и званных обедов. Он забыл дорогу в церковь, предпочитая выезжать по воскресеньям на скачки и регаты в обществе той или иной из своих многочисленных знакомых очаровательного пола.

Но затем, к вящему удивлению Фолкмана, им стала овладевать черная тоска; совершенно беспричинная, она преследовала его неотвязно, день ото дня сгущаясь. После работы Фолкман ехал прямо домой и сидел там безвылазно, он вышел из всех своих комитетов и не появлялся больше в клубе. На бирже он проявлял непонятную рассеянность, мог часами стоять у окна, глядя невидящими глазами на снующие мимо машины.

Когда его дела пошли совсем из рук вон плохо, мистер Монтефьоре завел разговор об отпуске на неопределенный срок.

Неделю рядом Фолкман тупо слонялся по огромному, пустому особняку. Сэм Бэнбери чуть не выворачивался наизнанку, пытаясь растормошить друга, однако Фолкман был безутешен. Он зашторил окна, сменил обычную свою одежду на черный костюм с таким же галстуком и часами безутешно сидел в полутемной библиотеке.

Когда депрессия Фолкмана достигла крайней точки, он поехал на кладбище за своей женой.

Когда часовня стала пустеть, Фолкман задержался у дверей ризницы, чтобы дать чаевые могильщику Биддлу

и вежливо повосхищаться его сыном, трехлетним ангелочком, который увлеченно играл среди надгробий. Затем он вернулся в Мортмер-Парк; его машина следовала прямо за катафалком, остальные — чуть следом.

— Великолепный кортеж,— одобрительно заметила Бетти.— Двадцать наемных машин, да еще сколько личных.

— Спасибо за участие,— пробормотал Фолкман, глядя на сестру с критической отчужденностью. За пятнадцать лет Бетти заметно изменилась, и не в лучшую сторону. Чего стоит один этот грубый, хриплый голос, не говоря уж о вульгарной жестикуляции. То, что они с сестрой принадлежат к различным социальным слоям, ощущалось всегда, но если прежде Фолкман милосердно закрывал на это различие глаза, теперь оно грозило превратиться в пропасть. Последнее время все помыслы Бетти крутились исключительно вокруг денег и престижа — не потому ли, к слову сказать, что дела ее супруга заметно расстроились?

Фолкман втайне порадовался своим профессиональным навыкам и удачливости, однако тут же в его мозгу шевельнулось тревожное предчувствие.

Гроб установили в том же самом зале, на том же самом столе, где пятнадцать лет назад стоял гроб самого Фолкмана. Изобилие темно-оливковой зелени огромных венков, полумрак и стоялый воздух превращали зал в подобие таинственного леса, посреди которого уснула волшебным сном пламенно-рыжая, полногубая и широкая чародейка. Фолкман судорожно вцепился в серебряный поручень гроба и без отрыва смотрел на жену, почти не сознавая присутствия посетителей и Бетти, препровождавшей их одного за другим в соседнюю комнату к портвейну и виски. Его глаза медленно скользили по прелестным ямкам и впадинам ее подбородка и шеи, по светлой, безукоризненно гладкой коже, уходящей от хрупких ключиц к сильным, угадывающимся под саваном плечам. На следующий день, когда жену перенесли наверх, ее присутствие буквально заполнило спальню. Фолкман безотлучно сидел у гроба, терпеливо ожидая пробуждения.

В начале шестого часа дня, когда до заката оставались считанные минуты и воздух в саду устало замер, недвижимое лицо озарилось первым проблеском жизни. Остеклевшие глаза прояснились и сфокусировались на безликой плоскости потолка.

У Фолкмана перехватило дыхание; он подался вперед и осторожно потрогал холодную как лед руку. Под тонкой кожей запястья угадывалось слабое биение.

— Марион, — нерешительно прошептал он.

Марион чуть повернула голову, по бескровным губам скользнула тень улыбки. Затем ее взгляд нашел мужа.

— Привет, Джейми.

Приход жены вывел Фолкмана из долгого оцепенения, влил в него новую энергию. Преданный и любящий супруг, он полностью ушел в построение семейной жизни. Следя за постепенным выздоровлением Марион, он и сам претерпел разительные перемены. Из его черных волос окончательно исчезла седина, подбородок стал еще тверже; пожилой, пусть и хорошо сохранившийся человек превратился в мужчину во цвете лет. Фолкман вернулся на биржу и с удвоенным энтузиазмом взялся за дела.

По всеобщему убеждению, из них с Марион получилась красивая пара. Время от времени они выезжали на кладбище, чтобы отметить появление на свет кого-либо из своих старых друзей, однако такое случалось все реже и реже. Приветственные церемонии происходили регулярно, но теперь из земли извлекали малознакомых, а чаще — и вовсе незнакомых им людей. Могилы стремительно редели, освободившиеся от надгробий участки превращались в лужайки для отдыха. Похоронное бюро, взявшее на себя обязанность следить за кладбищем и своевременно извещать скорбящих родственников о скором приходе долгожданных усопших, закрылось, его помещение было продано какой-то фирме. В конце концов могильщик Биддл извлек из последней могилы свою собственную жену, чем существование кладбища и завершилось, на его месте разбили детскую игровую площадку.

Годы семейной жизни были для Фолкмана длящимся апогеем счастья. С каждой весной Марион становилась

все стройнее, прекраснее и моложе, при встречах на улице пламенеющий костер ярко-рыжих волос позволял Фолкману заметить ее на фоне толпы за добрую сотню ярдов. Они возвращались домой держась за руки, а летними вечерами целовались в прибрежных ивах, как юные влюбленные.

Счастье Джеймса и Марион стало притчей во языцех в кругу друзей, а потому не приходится удивляться, что на церковную церемонию, отмечавшую долгие годы их совместной жизни, собралось две с лишним сотни гостей. Преклоняя колени перед аналоем, Марион потупила глаза и густо покраснела, в этот момент она казалась Фолкману застенчивой розой. Это была их последняя ночь вместе. Год от года Фолкман все больше терял интерес к работе на бирже, а появление в фирме пожилых, более серьезных и солидных сотрудников знаменовало для него целую серию должностных понижений. Многие друзья Джеймса сталкивались с аналогичными проблемами. Гарольд Колдуэлл лишился профессорского звания и стал младшим преподавателем; чтобы подробно ознакомиться с огромным массивом работ, выполненных за последнюю четверть века, он пошел на аспирантские курсы. Сэм Бэнбери работал в «Лебеде» официантом.

Марион переехала к своим родителям; квартиру, куда переселились они с Джеймсом несколькими годами раньше, после продажи особняка, сдали новым жильцам. Фолкман, чьи вкусы становились с годами все проще и неприхотливее, снял комнату в молодежном общежитии, однако они с Марион продолжали встречаться каждый вечер. Он ощущал растущее беспокойство, смутно сознавая, что жизнь его движется к неизбежному перелому, и с трудом подавлял желание оставить место на бирже.

— Как же так, Джейми, — увещевала его Марион, — ведь ты потеряешь все, ради чего работал столько лет.

Они лежали в городском парке. Марион прибежала на свидание в обеденный перерыв, из универмага, где работала последнее время продавщицей. Фолкман перестал жевать травинку и неопределенно пожал плечами:

— Возможно, но только меня оскорбляют все эти понижения. А теперь и от Монтефьоре ничего не будет

зависеть — на днях председателем совета стал его дедушка. — Он перекатился на спину и положил голову ей на колени. — Ты бы только знала, до чего там занудно, в этой затхлой атмосфере, среди этих престарелых фарисеев. Работа не доставляет мне больше никакого удовлетворения.

Марион ласково улыбнулась его наивности и юношескому энтузиазму. Никогда еще на ее памяти Фолкман не был таким, как сейчас, красивым, время сгладило с его загорелого лица все, даже самые крошечные морщинки.

— Как это было чудесно, — сказал он в канун тридцатилетней годовщины их совместной жизни. — И как хорошо, что мы не завели ребенка. У некоторых людей их бывает по три, даже по четыре, — ты можешь себе представить себе такую трагедию?

— И все равно, Джейми, это и нас не минует, — трезво заметила Марион. — К тому же некоторые говорят, что иметь ребенка — прекрасно и благородно.

Весь этот вечер они с Марион бродили по городу. Ее неприступность еще больше распаляла в Фолкмане желание. С той поры, как Марион переехала к родителям, она стала такой недотрогой, что даже стеснялась держаться за руки при людях.

Затем он ее потерял.

На городском рынке Марион встретила двух своих подружек, Элизабет и Эвелин Джермин, и познакомила их с Джеймсом.

— А вот и Сэм Бэнбери, — Эвелин указала на дальнюю сторону рынка, где только что громыхнула петарда. — Валяет дурака, как обычно.

Сестрички Джермин неодобрительно заквохтали. Тонкогубые и унылые, они были одеты в одинаковые, наглухо застегнутые костюмы из темной саржи.

Засмотревшись на Сэма, Фолкман отошел чуть в сторону, затем обернулся и не увидел девушек. Попытка найти их в толпе не увенчалась успехом, только в какой-то момент он вроде бы заметил вдали огненно-рыжую голову Марион.

Охваченный отчаянием, Фолкман протолкался среди лотков, чуть не перевернув по дороге тележку зеленщика, и крикнул Сэму Бэнбери:

— Сэм! Ты не видел здесь Марион?

Бэнбери рассовал неиспользованные петарды по карманам и активно включился в поиски. Битый час они с Джеймсом обшаривали все закоулки, после чего Сэм решил, что с него хватит, и пошел домой, оставив друга на базарной площади под тусклыми фонарями — к этому времени почти все ларьки и павильоны успели закрыться. Фолкман бродил по усеянной мусором булыжной мостовой, приставая с расспросами к последним, не успевшим еще собрать свое хозяйство торговцам:

— Извините, пожалуйста, вы не видели здесь девушку? Такую, с рыжими волосами.

— Пожалуйста, она ведь точно была здесь вечером.

— Ее...

— ...зовут...

Фолкман потрясенно осознал, что не помнит имени.

Вскоре он оставил работу и переехал из общежития к родителям. Их маленький кирпичный домик располагался на другой стороне города; сквозь частокол дымовых труб Джеймс замечал иногда далекие склоны Мортмер-Парка. Теперь его жизнь вступила в менее беззаботную фазу, приходилось много помогать матери, да и присмотр за малолетней Бетти тоже отнимал уйму сил и времени. В сравнении с огромным особняком родительский дом казался убогим и неудобным, чуждым всему, к чему Фолкман привык. Люди добропорядочные и уважаемые, его родители так и не смогли продвинуться в жизни, им не хватило для этого образования — или удачи — или и того, и другого. Они были совершенно равнодушны к музыке и театру; Фолкман почти физически ощущал, как под влиянием обстановки тупеет и грубеет его собственный мозг.

Отец открыто осуждал его за скоропалительный уход с работы; эта враждебность постепенно сглаживалась, зато отец начал все больше и больше помыкать сыном, он ограничивал его свободу, выдавал все меньше карманных денег, даже запрещал играть с некоторыми из друзей. За все про все жизнь с родителями ввела Фолкмана в совершенно новый, незнакомый ему прежде мир.

К поступлению в школу Джеймс успел забыть свое прошлое, из его памяти начисто изгладились и Марион, и великолепный, с многочисленными слугами особняк, где они жили прежде.

В первый школьный год учителя относились к Джеймсу и его одноклассникам почти на равных, однако класс от класса равенство все больше сменялось жестким доминированием. Фолкман неоднократно бунтовал против стремления учителей подавить его индивидуальность, однако в конечном итоге они одержали полную победу, взяли под свой контроль все его поступки и принялись усиленно преобразовывать его речь и даже мысли. Как смутно догадывался Джеймс, процесс образования готовил его к переходу в странный, сумеречный мир раннего детства. Учителя последовательно и целеустремленно вытравливали из его мозга все сколько-нибудь сложное, разрушали бесконечными повторениями и головоломными упражнениями все его познания в языке и математике, заменяя их набором бессмысленных стихов и песенок, создавая таким образом искусственный мирок полной инфантильности.

В конце концов, когда процесс образования довел Джеймса чуть ли не до стадии бессловесного младенчества, родители забрали его из школы.

— Мама, а можно я буду спать с тобой?

Миссис Фолкман взглянула на маленького, очень серьезного мальчика, положившего голову ей на подушку, любовно ущипнула его за упрямый подбородок, а затем погладила шевельнувшегося во сне мужа по плечу. Несмотря на несопоставимую разницу в возрасте, их фигуры были почти одинаковы — и те же широкие плечи, та же крупная голова, те же густые, черные волосы.

— Нет, Джейми, не сегодня, а когда-нибудь потом. Скоро.

Джейми смотрел на мать широко раскрытыми глазами, силясь понять, почему она плачет, смутно подозревая, что он коснулся одной из этих запретных тем, бывших предметом возбужденного интереса всех мальчиков в школе, ненароком затронул тайну их конечного назначения —

тайну, которую заботливо скрывают родители, а дети уже не в силах понять.

К этому времени он уже начал испытывать первые трудности с ходьбой и почти разучился пользоваться ложкой. Он неуклюже ковылял на подламывающихся ногах и пискляво бубнил нечто неразборчивое. Словарь Джеймса стремительно уменьшался, вскоре в нем осталось одноединственное слово «мама». Когда он разучился стоять, мама стала носить его на руках и кормить с ложечки, как парализованного старика. Его сознание затуманилось, в нем остались лишь немногие главные вещи — такие, как тепло и холод, голод и сытость. И привязанность к матери, он цеплялся за нее всей силой крошечных розовых пальцев.

Вскоре после этого Фолкман и его мать легли на пару недель в больницу. По возвращении домой миссис Фолкман пролежала несколько дней в кровати, затем она начала вставать и ходить — день ото дня все больше, постепенно сбрасывая добавочный вес, набранный ею в больнице.

Через девять с небольшим месяцев после возвращения домой — все это время она и ее муж непрерывно думали о своем сыне, о его уходе из жизни, еще больше сблизившем их трагическим предвестием их скорого, неизбежного разрыва, — они уехали за город, чтобы провести там медовый месяц.

Безвыходный город

Обрывки полуденных разговоров на миллионных улицах:

— ...Очень жаль, но здесь Западные Миллионные, а вам нужна Восточная 9 775 335-я...

— ...Доллар пять центов за кубический фут? Скорее продавайте!..

— ...Садитесь на Западный экспресс, до 495-й авеню, там пересядете на Красную линию и подниметесь на тысячу уровней — к Плаза-терминал. Оттуда пешком, на юг, до угла 568-й авеню и 422-й улицы...

— ...Нет, вы только послушайте: «МАССОВЫЙ ПОБЕГ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ! ПОЖАРНАЯ ПОЛИЦИЯ ОЦЕПИЛА ОКРУГ БЭЙ!»

— ...Потрясающий счетчик. Чувствительность по окиси углерода до 0,005%. Обошелся мне в триста долларов.

— ...Видели новый городской экспресс? Три тысячи уровней всего за десять минут!

— ...Девяносто центов за фут? Покупайте!

— Итак, вы продолжаете утверждать, будто эта идея посетила вас во сне? — отрывисто прозвучал голос сержанта. — А вы уверены, что вам никто ее не подсказал?

— Уверен,— ответил М. Желтый луч прожектора бил ему прямо в лицо. Зажмурившись от нестерпимого блеска, он терпеливо ждал, когда сержант дойдет до своего стола, постучит по краю костяшками пальцев и снова вернется к нему.

— Вы обсуждали эти идеи с друзьями?

— Только первую,— пояснил М.— О возможности полета.

— Но, по вашим же словам, вторая куда важнее. Зачем было ее скрывать?

М. замялся. Внизу на улице у вагона надземки соскочила штанга и звонко ударилась об эстакаду.

— Я боялся, что меня не поймут.

— Иными словами, боялись, что вас сочтут психом? — ухмыльнулся сержант.

М. беспокойно заерзал на стуле. От сиденья до пола было не больше пятнадцати сантиметров, и ему начинало казаться, что вместо ног у него раскаленные резиновые отливки. За три часа допроса он почти утратил способность к логическому мышлению.

— Вторая идея была довольно абстрактной. Я был не в состоянии описать ее словами.

Сержант кивнул:

— Рад слышать, что вы сами в этом признаетесь.

Он уселся на стол, молча разглядывая М., затем встал и снова подошел вплотную.

— Послушайте-ка, что я вам скажу,— доверительно начал он.— Мы уже и так засиделись. Вы что, и впрямь верите, что в ваших идеях есть хоть капля здравого смысла?

М. поднял голову:

— А разве нет?

Сержант повернулся к врачу, сидевшему в темном углу:

— Мы попусту теряем время. Я передаю его психиатрам. Картина вам ясна, доктор?

Врач молча уставился на свои руки. В течение всего допроса он с брезгливым видом не проронил ни слова, как будто ему претили грубые манеры сержанта.

— Мне надо уточнить кое-какие детали. Оставьте нас вдвоем на полчаса.

После ухода сержанта врач сел на его место и повернулся к окну, прислушиваясь к завыванию воздуха снаружи в вентиляционной шахте. Над крышами кое-где еще горели фонари, а по узкому мостику, перекинутому через улицу, прохаживался полицейский: гулкое эхо его шагов далеко разносилось в вечерней тишине.

М. сидел, зажав руки между коленями и пытаясь вернуть чувствительность занемевшим ногам.

После долгого молчания психиатр отвернулся от окна и посмотрел на протокол.

Имя	Франц М.
фамилия	—
Возраст	20 лет
Род занятий	студент
Адрес	округ КНИ, уровень 549-7705-45, Западная 3 599 719-я улица (местный житель)
Обвинение	бродяжничество

— Расскажите еще раз про свой сон,— попросил врач, глядя Францу в лицо и рассеянно сгибая в руках металлическую линейку.

— По-моему, вы все слышали,— ответил М.

— Со всеми деталями.

М. с трудом повернулся к нему:

— Я уже не слишком хорошо их помню.

Врач зевнул. М. помолчал и затем чуть ли не в двадцатый раз принялся рассказывать.

— Я висел в воздухе над плоским открытым пространством, вроде как над гигантской ареной стадиона, и глядел вниз, тихонько скользя вперед с распростертыми руками.

— Постойте,— прервал его врач,— а может быть, вам снилось, что вы плывете?

— Нет, я не плыл, в этом я вполне уверен,— ответил М.— Со всех сторон меня окружала пустота. Это

самое важное в моем сне. Вокруг не было стен. Только пустота. Вот и все, что я помню.

Врач провел пальцем по краю линейки.

— Ну а потом?

— Это все. После этого сна у меня возникла идея летательного аппарата. Один из моих друзей помог мне изготовить модель.

Врач небрежным движением скомкал протокол и бросил его в корзину.

— Не мели чепухи, Франц,— увещевал его Грегсон. Они стояли в очереди у стойки кафетерия химического факультета.— Это противоречит законам гидродинамики. Откуда возьмется поддерживающая сила?

— Представь себе обтянутую материей раму метра три в поперечине, вроде жесткого крыла большого вентилятора. Или что-то вроде передвижной стенки со скобами для рук. Что будет, если, держась за скобы, прыгнуть с верхнего яруса стадиона «Колизей»?

— Дыра в полу.

— А серьезно?

— Если плоскость будет достаточно велика и рама не развалится на куски, то ты сможешь соскользнуть вниз наподобие бумажного голубя.

— Вот именно. Это называется «планировать». Вдоль улицы на высоте тридцатого этажа прогремел городской экспресс. В кафетерии задребезжала посуда. Франц молчал, пока они не уселись за свободный столик. О еде он забыл.

— Теперь представь, что к этому крылу прикреплена двигательная установка, например, вентилятор на батареях или ракета вроде тех, что разгоняют Спальный экспресс. Допустим, тяга уравнивает падение. Что тогда?

Грегсон задумчиво пожал плечами.

— Если тебе удастся управлять этой штукой, тогда она... как это слово?... ты еще несколько раз его повторил?

— Тогда она полетит.

— В сущности, с точки зрения науки, Мэтисон, в вашей машине нет ничего хитрого. Элементарное приложение на

практике принципа Вентури,— рассуждал профессор физики Сэнгер, входя вместе с Францем в библиотеку.— Но только какой в этом прок? Цирковая трапеция позволяет выполнить подобный трюк столь же успешно и с меньшим риском. Для начала попробуйте представить, какой огромный пустырь потребуется для испытаний. Не думаю, чтобы Транспортное управление пришло в восторг от этой идеи.

— Я понимаю, что в условиях города от нее мало проку, но на большом открытом пространстве ей можно будет отыскать применение.

— Пусть так. Обратитесь, не мешкая, в дирекцию стадиона «Арена-гарден» на 347-м уровне. Там это может иметь успех.

— Боюсь только, что стадион окажется недостаточно велик,— вежливо улыбнулся Франц.— Я имел в виду совершенно пустое пространство. Свободное по всем трем измерениям.

— Свободное пространство? — Сангер удивленно поглядел на Франца.— Разве вы не слышите, как в самом слове скрыто внутреннее противоречие? Пространство — это доллары за кубический фут...— Профессор задумчиво потер кончик носа.— Вы уже принялись ее строить?

— Нет еще,— ответил Франц.

— В таком случае я советую оставить эту затею. Помните, Мэтисон, что наука призвана хранить имеющиеся знания, систематизировать и заново интерпретировать прошлые открытия, а не гоняться за бредовыми фантазиями, устремленными в будущее.

Сэнгер дружелюбно кивнул Францу и скрылся за пыльными стеллажами.

Грегсон ждал на ступеньках у входа в библиотеку.

— Ну как? — спросил он.

— Я предлагаю провести эксперимент сегодня же,— ответил Франц.— Давай сачканем с фармакологии. Сегодня текст № 5. Эти лекции Флеминга я уже наизусть знаю. Я попрошу у доктора МакГи два пропуска на стадион.

Они вышли из библиотеки и зашагали по узкой, плохо освещенной аллее, огибавшей сзади новый лабораторный корпус инженерно-строительного факультета. Архитектура и строительство — на эти две специальности приходилось почти три четверти всех студентов университета, тогда как в чистую науку шли какие-то жалкие два процента. Вот почему физическая и химическая библиотеки ютились в старых, обреченных на слом зданиях барачного типа из оцинкованного железа, в которых прежде размещался ликвидированный ныне философский факультет.

Аллея вывела их на университетский двор, и они начали подъем по железной лестнице на следующий уровень. На полпути полицейский из пожарной охраны наскоро проверил их детектором на окись углерода и, махнув рукой, пропустил наверх.

— А что думает по этому поводу Сэнгер? — спросил Грегсон, когда они вышли наконец на 637-ю улицу и направились к остановке пригородных лифтов.

— Этот думать не умеет, — ответил Франц. — Он даже не понял, о чем я говорю.

— Боюсь, что я с ним в одной компании, — кисло усмехнулся Грегсон.

Франц купил в автомате билет и встал на посадочную платформу с указателем «вниз». Сверху раздались звонки, и на платформу медленно опустился лифт. Франц обернулся:

— Потерпи до вечера — увидишь своими глазами.

У входа в «Колизей» администратор отметил их пропуск.

— А, студенты? Проходите. А это у вас что? — Он указал на длинный сверток, который они несли вдвоем.

— Это прибор, который измеряет скорость потоков воздуха, — ответил Франц.

Администратор что-то пробурчал и открыл турникет.

В самом центре пустой арены Франц распаковал сверток, и вдвоем они быстро собрали модель. К узкому решетчатому фюзеляжу сверху были прикреплены широкие

крылья, сделанные из бумаги на проволочном каркасе, похожие на лопасти вентилятора, и высоко задранный хвост.

Франц поднял модель над головой и запустил ее вверх. Она плавно пролетела метров шесть и опустилась на ковер из опилок.

— Планирует вроде бы устойчиво, — проговорил Франц, — теперь попробуем на буксире.

Он вытащил из кармана моток бечевки и привязал один конец к носу модели. Когда молодые люди побежали, модель грациозно взмыла в воздух и полетела за ними метрах в трех над ареной.

— А теперь попробуем с ракетами, — сказал Франц. Он расправил крылья и хвост и вложил в проволочный кронштейн на крыле три пиротехнические ракеты.

Диаметр арены был сто двадцать метров, высота — семьдесят пять; они отнесли модель к самому дальнему краю, и Франц поджег фитиль. Модель медленно поднялась на полметра и заскользила вперед, покачивая крыльями и оставляя за собой ярко окрашенную струю дыма. Внезапно вспыхнуло яркое пламя. Модель круто взлетела к потолку, где на мгновение зависла, затем стукнулась об осветительный плафон и рухнула вниз на опилки.

Подбежав к месту ее падения, Франц и Грегсон принялись затапывать тлеющие искорки.

— Франц! Это невероятно! Эта штука летает! — кричал Грегсон.

Франц отпихнул ногой покоробленный фюзеляж.

— Кто в этом сомневался? — раздраженно буркнул он. — Но как сказал Сэнгер, что в этом проку?

— Какой еще прок тебе нужен? Она летает! Разве этого мало?

— Мало. Мне нужен большой аппарат, который смог бы поднять меня в воздух.

— Франц, остановись! Одумайся! Где ты будешь на нем летать?

— Почему я знаю? — огрызнулся Франц. — Но где-то же должно быть такое место?

С другого конца стадиона к ним с огнетушителями бежали администратор и два сторожа.

— Слушай, ты спрятал спички? — торопливо спросил Франц. — Если нас примут за поджигателей, нам не миновать суда Линча.

Три дня спустя Франц поднялся на лифте на сто пятьдесят уровней и зашел в окружную контору по продаже недвижимости.

— Большая «расчистка» есть в соседнем секторе, — сказал ему один из клерков. — Не знаю, подойдет ли она вам. Шестьдесят кварталов на двадцать уровней.

— А крупнее ничего нет?

— Крупнее?! — Клерк удивленно уставился на Франца. — Что вам, собственно, нужно? «Расчистка» или легкий приступ агорафобии?

Франц полистал карты, лежащие на стойке:

— Мне нужна длинная «расчистка». Пустырь длиной в двести или триста кварталов.

Клерк покачал головой и вернулся к своим занятиям.

— Разве вас не учили основам градостроительства? Город этого не выдержит. Сто кварталов — это предел.

Франц поблагодарил и вышел.

За два часа он добрался южным экспрессом до соседнего сектора. На пересадочной станции он сошел и прошел пешком метров триста до конца уровня.

Это была обветшавшая, но еще оживленная торговая магистраль, пересекающая насквозь пятнадцатикилометровый Промышленный куб: по обеим сторонам первые этажи были заняты магазинчиками готового платья и мелкими конторами. Внезапно улица обрывалась. Далее царил хаос покореженного металла и бетона. Вдоль края обрыва были установлены стальные перила. Франц заглянул в огромную пещеру километров пять длиной, полтора шириной и метров четыреста глубиной; тысячи инженеров и рабочих были заняты расчисткой сотовой структуры Города.

Глубоко внизу сновали бесчисленные грузовики и вагонетки, увозя строительный мусор и обломки; вверх

поднимались клубы пыли, ярко высвеченные прожекторами. Послышалась серия взрывов, и вся левая стена, словно отрезанная ножом, рухнула вниз, обнажив пятнадцать уровней.

Францу и прежде доводилось видеть крупные «расчистки». Десять лет назад его родители погибли в печально знаменитом завале в округе КУА; три несущих пилона не выдержали нагрузки, и двести уровней рухнули вниз на три тысячи метров, раздавив полмиллиона жителей, словно мух, забравшихся в концертину. Однако сейчас его воображение было сковано и ошеломлено зрелищем этой бескрайней пустоты.

Слева и справа от него над бездной, словно террасы, выступали уцелевшие перекрытия; они были густо облеплены людьми, которые, притихнув, смотрели вниз.

— Говорят, здесь будет парк, — с надеждой в голосе проговорил стоявший рядом с Францем старик. — Я даже слышал, будто им, может быть, удастся заполучить настоящее дерево. Подумать только! Единственное дерево на весь округ...

Мужчина в поношенном свитере сплюнул вниз.

— Каждый раз одни и те же посулы. По доллару за фут, вот и все обещания.

Какая-то женщина начала нервно всхлипывать. Двое стоявших рядом мужчин попытались увести ее, но она забилась в истерику, и пожарный охранник грубо оттащил ее прочь.

— Дурочка, — хмыкнул человек в поношенном свитере. — Должно быть, жила где-то здесь. Выставили ее на улицу и дали компенсацию девяносто центов за фут. Она еще не знает, что ей придется выкупать свой объем по доллару десять центов. Поговаривают, что только за право стоять здесь с нас будут сдирать по пять центов в час.

Франц простоял у перил около двух часов, потом купил у разносчика открытку с видом «расчистки» и направился назад.

Прежде чем вернуться в студенческое общежитие, он заглянул к Грегсонам. Те жили на 985-й авеню в районе Западных миллионных улиц в трехкомнатной квартирке

на самом верхнем этаже. Франц частенько заходил сюда после гибели их родителей, но мать Грегсона все еще относилась к нему со смешанным чувством жалости и подозрительности. Она встретила его обычной приветливой улыбкой, но Франц заметил, как она бросила острый взгляд на сигнализатор пожарной опасности, висевший в передней.

Грегсон в своей комнате деловито вырезал из бумаги какие-то замысловатые фигуры и наклеивал их на шаткую конструкцию, отдаленно напоминавшую модель Франца.

— Привет, Франц! Ну, как она выглядит?

— Впечатляющее зрелище, и все же это всего-навсего «расчистка».

— Как ты думаешь, ее можно будет там испытать? — Грегсон указал на свою недостроенную модель.

— Вполне.

Франц сел на кровать, поднял валявшегося на полу бумажного голубя и запустил его из окна. Голубь скользнул над улицей по широкой ленивой спирали и исчез в открытой пасти вентиляционного колодца.

— А когда ты начнешь строить вторую модель? — спросил Грегсон.

— Никогда.

— Но почему? — удивленно поглядел на него Грегсон. — Ты же подтвердил свою теорию.

— Мне нужно совсем другое.

— Я тебя не понимаю, Франц. Чего ты ищешь?

— Свободное пространство.

— Как это — свободное?

— Во всех смыслах. От стен и от денег.

Грегсон печально покачал головой и принялся вырезать очередную фигуру. Франц встал:

— Послушай, возьмем, к примеру, твою комнату. Ее размеры — $6 \times 4,5 \times 3$. Увеличим ее неограниченно по всем направлениям. Что получится?

— «Расчистка».

— *Неограниченно!!!*

— Бесплезная пустота.

— Почему?

- Потому что сама идея абсурдна.
- Но почему? — терпеливо переспросил Франц.
- Потому что подобная штука существовать не может.

Франц в отчаянии постучал себя по лбу:

- Почему не может?
- Потому что в самой идее заключено внутреннее противоречие. Словесная эквилибристика. Вроде высказывания «я лгу». Теоретически идея интересна, но искать в ней реальный смысл бесполезно. — Грегсон швырнул ножницы на стол. — К тому же попробуй представить, во сколько обойдется это твое «свободное пространство»?

Франц подошел к книжной полке и снял с нее увесистый том:

— Заглянем в атлас улиц округа КНИ. — Он раскрыл оглавление. — Округ охватывает тысячу уровней, объем — сто пятьдесят тысяч кубических километров, население — тридцать миллионов.

Франц шумно захлопнул атлас.

— Округ КНИ вместе с двумястами сорока девятью другими округами составляет 493-й сектор; ассоциация из тысячи пятисот соседних секторов образует 298-й союз. Он занимает округленно 4×10^{15} больших кубических километров.

Франц остановился и посмотрел на Грегсона.

— Кстати, ты слышал об этом?

— Нет, а откуда ты...

Франц бросил атлас на стол.

— А теперь скажи, что находится за пределами 298-го союза?

— Другие союзы, надо думать. Не понимаю, что здесь такого сложного?

— А за другими союзами?

— Еще другие. Почему бы и нет?

— Бесконечно?

— Столько, сколько это возможно.

— Самый большой атлас, какой только есть во всем округе, хранится в старой библиотеке департамента фи-

нансов,— сказал Франц.— Сегодня я там был. Он занимает целых три уровня и насчитывает миллионы томов. Заканчивается он 598-м союзом. О том, что было дальше, никто и понятия не имеет. Почему?

— Ну и что с того, Франц? Куда ты клонишь?

Франц встал и направился к выходу:

— Пойдем-ка в музей истории биологии. Я тебе кое-что покажу.

Птицы, всюду птицы. Одни сидят на грудах камней, другие расхаживают по песчаным дорожкам между водоемами.

— Археоптерикс,— прочитал вслух надпись Франц на одном из вольеров. Он бросил сквозь прутья пригоршню бобов, и тощая, покрытая плесенью птица хрипло закаркала.— Некоторые из этих птиц до сих пор сохранили рудиментарные перья. И мелкие кости в мягких тканях вокруг грудной клетки.

— Остатки крыльев?

— Так считает доктор МакГи.

Они побродили по дорожкам между вольерами.

— И когда же, по его мнению, эти птицы умели летать?

— До Основания Города,— ответил Франц.— Три миллиона лет назад.

Выйдя из музея, они направились по 859-й авеню. Через несколько кварталов путь им преградила толпа зевак; во всех окнах и на всех балконах выше эстакады надземки стояли зеваки, глазевшие, как пожарники вламываются в один из домов. Стальные переборки по обе стороны квартала были задраены, а массивные люки лестниц, ведущих на соседние уровни, закрыты. Оба вентиляционных колодца — приточный и вытяжной — были отключены, и воздух стал затхлым и спертым.

— Поджигатели,— прошептал Грегсон,— зря мы не захватили противогазы.

— Ложная тревога,— отозвался Франц, показывая на вездесущие сигнализаторы угарного газа, стрелки

которых недвижимо стояли на нуле.— Переждем в ресторанчике.

Протиснувшись в ресторан, они уселись у окна и заказали кофе. Кофе был холодным, как, впрочем, и остальные блюда. Все нагревательные приборы выпускались с ограничителями нагрева до 30°C; сколько-нибудь горячую пищу подавали только в самых роскошных ресторанах и отелях.

Шум на улице усилился. Пожарники, которым никак не удавалось проникнуть на второй этаж, принялись дубинками разгонять толпу, расчищая площадку перед домом. Сюда уже прикатили электрическую лебедку и начали ее прикручивать болтами к несущим балкам под тротуаром. В стены дома вонзились мощные стальные крючья.

— Вот хозяева удивятся, когда вернутся домой,— хихикнул Грегсон.

Франц не отрываясь смотрел на горящий дом. Это было крохотное ветхое строение, зажатое между большим мебельным магазином и новым супермаркетом.

Старая вывеска на фасаде была покрашена, по-видимому, недавно — новые владельцы без особой надежды на успех пытались превратить нижний этаж в дешевый кафе-терий. Пожарники уже успели разгромить его, и весь тротуар перед входом был усыпан битой посудой и кусками пирожков.

Барабан лебедки начал вращаться, и толпа сразу же притихла. Канаты натянулись, передняя стена задрожала и стала рушиться.

Из толпы раздался истеричный вопль.

— Смотри! Там, наверху! — Франц указал рукой на четвертый этаж, где в оконном проеме показались двое — мужчина и женщина, смотревшие вниз с унылой безнадежностью. Мужчина помог женщине выбраться на карниз; она проползла несколько футов и ухватилась за канализационную трубу. Из толпы в них полетели бутылки и, отскакивая от стен, запрыгали внутри оцепления. Широкая трещина расколола надвое фасад; пол под ногами

мужчины обрушился, и его сбросило вниз. Затем с шумом лопнуло перекрытие, и дом рассыпался на куски.

Франц с Грегсоном вскочили на ноги, едва не опрокинув столик.

Толпа ринулась вперед, смяв цепь полицейских. Когда осела пыль, на месте дома была лишь куча камней и покорженных балок. Из-под обломков было видно корчившееся изуродованное тело. Задыхаясь от пыли, мужчина медленно двигал свободной рукой, пытаясь освободиться. Ползущий крюк зацепил его и утянул под обломки; в толпе снова послышались крики.

Хозяин ресторанчика протиснулся между Францем и Грегсоном и высунулся из окна, не отрывая взгляда от портативного детектора; стрелка прибора, как и на всех других сигнализаторах, твердо стояла на нуле.

Дюжина водяных струй взвилась над руинами, и несколько минут спустя толпа начала таять.

Хозяин выключил детектор и, отступив от окна, ободряюще кивнул Францу:

— Чертовы поджигатели! Все кончено, ребята, не волнуйтесь.

— Но ведь ваш прибор стоял на нуле.— Франц показал на детектор.— Не было и намека на окись углерода. С чего же вы взяли, что это поджигатели?

— Не сомневайтесь, уж мы-то знаем.— Хозяин криво усмехнулся.— Нам здесь подобные типы ни к чему.

Франц пожал плечами и снова сел:

— Что ж, это тоже способ избавиться от неугодных соседей, не хуже всякого другого.

Хозяин пристально посмотрел на него:

— Вот именно, парень. Это порядочный квартал, по доллару пять за фут.— Он хмыкнул.— А может быть, даже и по доллару шесть, теперь, когда узнают, как мы блюдем нашу безопасность.

— Осторожнее, Франц,— предостерег Грегсон, когда хозяин ушел.— Возможно, он и прав. Ведь поджигатели действительно стараются прибрать к рукам мелкие кафе и закусовые.

Франц помешал ложечкой в чашке.

— Доктор МакГи полагает, что пятнадцать процентов населения — потенциальные поджигатели. Он убежден, что их становится все больше и больше и что в конце концов весь Город погибнет в огне.

Он отодвинул чашку.

— Сколько у тебя денег?

— При себе?

— Всего.

— Долларов тридцать.

— Мне удалось наскрести пятнадцать, — сказал Франц. — Сорок пять долларов — на это можно протянуть недели три-четыре.

— Где?

— В Суперэкспрессе.

— В Суперэкспрессе? — Грегсон даже захлебнулся. — Три или четыре недели! Ты что задумал?

— Есть только один способ установить истину, — спокойно объяснил Франц. — Я больше не могу сидеть сложа руки и размышлять. Где-то должно существовать свободное пространство, и я буду путешествовать на Супере, пока не отыщу его. Ты одолжишь мне свои тридцать долларов?

— Но, Франц...

— Если за две недели я ничего не найду, я пересяду на обратный поезд и вернусь.

— Но ведь билет обойдется... — Грегсон замялся в поисках нужного слова, — в миллиарды. За сорок пять долларов ты не выедешь на Супере даже за пределы сектора!

— Деньги мне нужны только на кофе и бутерброды, — ответил Франц. — Проезд не будет стоить ни цента. Ты же знаешь, как это делается...

Грегсон недоверчиво покачал головой:

— А разве для Супера этот фокус тоже годится?

— А почему нет? Если у меня спросят, я отвечу, что возвращаюсь домой кружным путем. Ну как, Грег? Одолжишь?

— Не знаю, как и быть. — Грегсон растерянно мешал

ложечкой кофе.— Франц, а существует ли свободное пространство?

— Вот это я и собираюсь выяснить,— ответил Франц.— Считай, что это мой первый практикум по физике.

Стоимость проезда на транспорте зависела от расстояния между начальной и конечной станциями и определялась по формуле: $a = \sqrt{b^2} + c^2 + d^2$. Оставаясь в пределах транспортной системы, пассажир мог выбирать любой маршрут из пункта отправления в пункт назначения. Билеты проверяли только на выходе, и в случае необходимости контролер взимал доплату. Если пассажир не мог расплатиться (десять центов за километр), его отправляли обратно.

Франц и Грегсон вошли на станцию на 984-й улице и направились к билетному автомату. Франц вложил один пенни и нажал кнопку с надписью «984-я улица». Автомат заскрежетал, выплюнул билет, а на поднос для сдачи выкатилась та же монетка.

— Ну что ж, Грег, счастливо оставаться,— проговорил Франц, направляясь к платформе.— Увидимся недельки через две. Я договорился с ребятами, в общежитии меня подстрахуют. Скажешь Сэнгеру, что я на пожарной практике.

— А вдруг ты не вернешься, Франц? Вдруг тебя высадят из экспресса?

— Как это — высадят? У меня есть билет.

— А если отыщешь Свободное пространство? Вернешься?

— Если смогу.

Франц похлопал Грегсона по плечу, махнул рукой и скрылся в толпе пассажиров.

По местной зеленой линии он доехал до пересадочного узла в соседнем округе. Местные поезда ходили со скоростью 100 километров в час со всеми остановками, и дорога заняла два с половиной часа.

На пересадочном узле станции он сел на скоростной лифт, который со скоростью 600 километров в час за

девяносто минут поднял его за пределы сектора. Еще пятьдесят минут на экспрессе — и он на Центральном вокзале, где сходились все транспортные артерии союза.

Здесь он выпил кофе и твердо решил не отступать. Суперэкспрессы отправлялись на запад и на восток с остановками на каждой десятой станции. Ближайшим оказался Западный экспресс, прибывавший через семьдесят два часа.

Центральный вокзал был самой большой станцией, какие только доводилось ему видеть: огромная пещера длиной два километра и высотой в тридцать уровней. Сотни лифтов и пассажирских платформ, лабиринт ресторанов, отелей, театров превращали вокзал в карикатурную копию Города.

Узнав дорогу в справочном бюро, Франц поднялся на лифте на 15-й ярус, где останавливались Суперэкспрессы. Их вакуумные тоннели — две огромные стальные трубы по 100 метров в диаметре на гигантских железобетонных пилонах — пронизывали всю полость вокзала.

Франц прошелся вдоль платформы и остановился у телескопического трапа, соединявшего платформу с воздушным шлюзом. Направление — Запад, точно на 270°, подумал он, разглядывая огромное изогнутое брюхо тоннеля. Где-то тоннель должен кончиться. В кармане у Франца было сорок пять долларов, этого хватит на кофе и бутерброды недели на три, а понадобится — и на все шесть. Вполне достаточно, чтобы выяснить, где кончается Город.

Следующие трое суток он провел, питаясь кофе с бутербродами в бесчисленных вокзальных кафетериях, читая брошенные газеты и отсыпаясь в пригородных поездах — четыре часа до границы сектора и обратно.

Когда наконец прибыл Суперэкспресс, Франц присоединился к небольшой группе пожарных и муниципальных чиновников и вслед за ними вошел в поезд. Поезд состоял из двух вагонов — спального, где не было ни души, и общего с местами для сидения.

Франц уселся в укромном уголке — поблизости от приборной панели — и, вытащив блокнот, приготовился сделать первую запись.

День 1-й — Запад, 270° — 4350-й союз.

— Пойдемте выпьем, — обратился к нему капитан пожарной полиции, сидевший через проход, — стоянка десять минут.

— Спасибо, не хочется, — ответил Франц, — я покараулю ваше место.

Доллар пять за кубический фут. Чем ближе Свободное пространство, тем ниже должны быть цены. Незачем выходить из поезда или привлекать к себе излишнее внимание расспросами. Достаточно одолжить газету и посмотреть средние рыночные цены.

День 2-й — Запад, 270° — 7550-й союз.

— Эти Суперэкспрессы скоро совсем прикроют, — сказал сосед, — в спальном вагоне никого, а здесь на шестьдесят мест всего четыре пассажира. Незачем стало ездить. Люди предпочитают сидеть дома. Еще несколько лет — и сохранятся только местные поезда.

97 центов.

«Если брать в среднем по доллару за фут, — от нечего делать считал Франц, — то пространство, которое я уже проехал, стоит 4×10^{27} долларов».

— Вы не выходите? Что ж, счастливо оставаться, молодой человек.

Мало кто из пассажиров проводил в вагоне больше трех-четырех часов. К концу второго дня от многократных разгонов и торможений у Франца разболелись спина и затылок. Он пытался размяться, прогуливаясь по коридору пустующего спального вагона, но то и дело ему приходилось возвращаться на свое место, чтобы пристегнуться ремнями перед очередным торможением.

День 3-й — Запад, 270° — 657-я федерация.

— Интересно, как вам удалось это доказать?

— Просто случайная идея,— пояснил Франц, комкая рисунок и кидая его в мусорный ящик,— практического приложения она не имеет.

— Странно, но мне это что-то напоминает.

Франц подскочил в кресле:

— Вы уже видели такие машины? Где? В газете? В книге?

— Вовсе нет... Во сне.

Каждые двенадцать часов машинист расписывался в журнале: поездные бригады западного и восточного направлений менялись местами и возвращались домой.

125 центов.

8×10^{33} долларов.

День 4-й — Запад, 270° — 1225-я федерация.

— Доллар за кубический фут. Вы торгуете недвижимостью?

— Только начинаю,— небрежно ответил Франц.— Собираюсь открыть собственную контору.

Он играл в карты, покупал в автомате кофе с булочкой, смотрел на приборную панель и прислушивался к разговорам.

— Поверьте, настанет день, когда каждый союз, каждый сектор, едва ли не каждая улица обретут независимость. У них будут собственные энергостанции, аэраторы, резервуары, гидропонические фермы...

Поезд летел вперед.

6×10^{73} долларов.

День 5-й — Запад, 270° — 17-я Великая федерация.

В киоске на станции Франц купил пачку лезвий и заглянул в брошюру, выпущенную местной торговой палатой:

«12 000 уровней... 98 центов за кубический фут... уникальная Вязовая аллея, пожарная безопасность не имеет себе равных...»

Он вернулся в вагон, побрился и пересчитал оставшиеся 30 долларов. От станции на 984-й улице его отделяло 95 миллионов больших километров, и он понимал, что пора подумывать о возвращении. В следующий раз он постарается скопить пару тысяч.

7×10^{127} долларов.

День 7-й—Запад, 270°—121-я Центральная империя.

Франц взглянул на приборную панель.

— Разве здесь нет остановки? — спросил он у сидевшего в другом ряду мужчины. — Я хотел узнать, какие здесь средние цены.

— По-разному — от пятидесяти центов и до...

— Пятьдесят центов! — Франц вскочил с места. — Когда следующая остановка? Мне надо выходить!

— Только не здесь, сынок, — мужчина предостерегающе поднял руку. — Это же Ночной Город. Ты что, торгуешь недвижимостью?

Франц кивнул и попытался взять себя в руки.

— Я думал...

— Успокойся. — Мужчина встал со своего места и уселся напротив. — Это огромная трущоба. Мертвая зона. Кое-где здесь продают пространство по 5 центов. Ни электричества, ни воды...

Два дня они ехали без единой остановки.

— Городские власти уже начали ликвидировать трущобы. Огромными блоками. Ничего другого не остается. Страшно подумать, что при этом происходит с их обитателями. — Он откусил большой кусок от бутерброда. — Странно, но такие мертвые зоны есть повсюду. О них умалчивают, а они все ширятся и ширятся. Все начинается в каком-нибудь закоулке в обычном районе доллар за фут; засорился где-то мусоропровод, не хватает урн — и не успеешь оглянуться, как миллион кубических километров превращается в хаос. Власти приходят на помощь,

закачивают цианистый газ и затем... замуровывают выходы и входы. Если район замурован, это уже навсегда.

Франц кивнул, прислушиваясь к глухому гудению экспресса.

— В конце концов ничего не останется, кроме мертвых зон. Весь Город превратится в огромное кладбище.

День 10-й — Восток, 90° — 755-я Великая метрополия.

— Стойте! — Франц вскочил и удивленно уставился на приборную панель.

— В чем дело? — удивился сосед напротив.

— Восток! — закричал Франц. Он постучал рукой по панели, но ничего не изменилось. — Разве поезд повернул назад?

— Нет, это Восточный экспресс, — отозвался второй пассажир, — вы что, сели не в тот поезд?

— Но поезд идет на запад, — настаивал Франц, — он идет на запад уже десять дней.

— Десять дней! — воскликнул пассажир. — Неужели вы провели в поезде целых десять дней?

Франц прошел вперед и обратился к проводнику:

— Куда идет этот поезд? На запад?

Проводник отрицательно покачал головой:

— На восток, сэр. Он всегда шел на восток.

— Вы все с ума посходили! — закричал Франц. — Покажите мне поездной журнал.

— Сожалею, сэр, но это не разрешается. Могу ли я взглянуть на ваш билет, сэр?

— Послушайте, — тихо проговорил Франц, изнемогая от накопившегося в нем за двадцать лет чувства безысходности, — я еду в этом поезде...

Он замолчал и вернулся на свое место.

Пятеро пассажиров настороженно следили за ним.

— Десять дней, — потрясенно повторил один из пассажиров.

Две минуты спустя в вагон вошел охранник и потребовал у Франца его билет.

— И билет, разумеется, оказался в полном порядке,— проговорил врач.— Да, как ни странно, но нет закона, который бы запрещал такие поездки. Когда я был помоложе, я сам любил прокатиться бесплатно, хотя мне, конечно, такие выходы в голову не приходили.

Врач снова сел за стол.

— Мы снимаем обвинение. Вы не бродяга в том смысле, в каком это определяет закон, и транспортные власти тоже не могут предъявить вам никаких претензий. Кстати, они не в состоянии объяснить, каким образом эта кривизна оказалась заложенной в транспортную систему; похоже, это исконная особенность Города. Теперь перейдем к вам. Вы собираетесь продолжить свои поиски?

— Я хочу построить летательный аппарат,— осторожно сказал М.— Где-то же должно быть Свободное пространство. Не знаю... может быть, на нижних уровнях...

Врач встал:

— Я попрошу сержанта передать вас нашему психиатру, который поможет вам избавиться от кошмаров.

Врач подошел к дверям, но вдруг остановился.

— Послушайте,— принялся он объяснять,— возьмите, к примеру, время, у него ведь не существует границ. Субъективно оно может протекать быстрее или медленнее, но что бы вы ни делали, вам не остановить эти часы.— Он показал на часы на столе.— Или же заставить повернуть их вспять. Точно так же нельзя выйти за пределы Города.

— Ваша аналогия неверна,— ответил М.— Все это,— он показал рукой на стены комнаты, на огни за окном,— построено нами. Но никто не в состоянии ответить на вопрос: что здесь было прежде?

— Город был всегда,— сказал врач.— Разумеется, не эти самые кирпичи и балки, а другие. Вы же согласны, что время не имеет ни начала, ни конца. Город так же стар, как время, и он существует вместе с ним.

— Но ведь кто-то же положил самый первый кирпич? — настаивал М.— Было Основание.

— Это миф. В него верят только ученые, да и то больше на словах. В частных беседах они признают, что Первый

камень — просто суеверие. Мы отдаем ему дань из чувства традиции, но ведь ясно, что самого первого кирпича не было никогда. В противном случае необходимо объяснить, кто его положил и, что еще труднее, откуда взялись те, кто его положил.

— Где-то должно существовать Свободное пространство, — упрямо повторил М., — у Города должны быть границы.

— Почему? — переспросил врач. — Не может же Город плавать в центре пустоты? Или вы хотите доказать именно это?

— Нет, — устало отозвался М.

Врач молча разглядывал его несколько минут и затем вернулся назад, к столу.

— Ваша навязчивая идея начинает меня тревожить. Как говорят психиатры, вы заикнулись на парадоксе. Может быть, вы слышали про Стену и сделали из этого ложные выводы.

— Про какую стену? — поинтересовался М.

— Некоторые ученые мужи полагают, будто Город окружен Стеной, за которую невозможно проникнуть. Я даже и не пытаюсь понять эту теорию — настолько она абстрактна и заумна. Подозреваю, что они приняли за Стену те замурованные черные зоны, сквозь которые вы проезжали на Суперэкспрессе. Лично я предпочитаю общепринятую точку зрения, что Город простирается во всех направлениях беспредельно.

Он снова направился к двери.

— Подождите здесь; я попробую договориться, чтобы вас освободили условно. Не волнуйтесь, психиатры мигом приведут вас в порядок.

Когда врач вышел, М. продолжал сидеть уставясь в пол. Он так устал, что не испытывал даже чувства облегчения. Потом он встал, потянулся и на подкашивающихся ногах медленно прошелся по комнате.

За окном уже погасли последние уличные огни, и патрульный на переходном мостике зажег фонарик. На поперечной улице по рельсам прогрохотала полицейская дре-

зина. На улице зажглись три огонька и затем погасли один за другим.

М. задумался над тем, почему Грегсон не встретил его на станции. Внезапно его внимание привлек календарь на стене: 12 августа! Тот самый день, когда он начал свое путешествие ровно три недели назад.

Сегодня!

Поехать по Зеленой линии в западном направлении до 298-й улицы, пересесть на Красный лифт и подняться на 237-й уровень. Оттуда — пешком по 175-му маршруту до пересадки на 438-й пригородный и сойти на 795-й улице. Затем на голубом экспрессе до Плаза-терминал и на углу 4-й и 275-й повернуть налево и...

Оказаться снова в той точке, откуда начал путь.

Ад × 10ⁿ долларов.

Зона ужаса

Ларсен целый день ждал Бейлиса — живущего в соседнем коттедже психолога, который вчера обещал навесить его. Бейлис, что было характерно для него, не назвал точного времени; высокий, легко поддающийся переменам настроения человек с бесцеремонными манерами, он сделал неопределенный жест рукой со шприцем и промямлил что-то невятное относительно завтрашнего дня: наверное, он зайдет. Ларсен ни на секунду не сомневался, что так и будет: Бейлис ни за что не пропустит такой интересный случай. В некотором смысле происходящее значило для него не меньше, чем для Ларсена.

Однако волноваться пришлось Ларсену — было уже три часа, а Бейлис так и не появился. Что он сейчас делает? Наверное, сидит в гостиной с белыми стенами и кондиционером и слушает по стереопроектору квартеты Бартока. А Ларсен вынужден бессмысленно слоняться по своему коттеджу.

Он точно тигр-невротик бродил по комнатам, приготовил себе небольшой ленч (кофе и три таблетки амфетамина из тайных запасов, о существовании которых Бейлис мог лишь смутно догадываться). Видит Бог, ему необходимы стимуляторы после огромных доз барбитуратов,

которые Бейлис начал ему колоть, чтобы снять последствия приступа. Он попытался почитать «Анализ психотического времени» Кречмера — толстый том с множеством графиков и таблиц. Бейлис настаивал на том, чтобы Ларсен его изучил, уверяя, что сей труд поможет ему многое понять. Ларсен потратил на чтение часа два, но так и не продвинулся дальше предисловия к третьему изданию.

Периодически он подходил к окну и сквозь пластиковые шторы пытался разглядеть хоть какие-нибудь признаки жизни в соседнем коттедже. За ним, залитая солнцем, лежала пустыня, похожая на огромную кость, на фоне которой ярко-красные крылья «Понтиака» Бейлиса горели, точно хвостовое оперение пламенеющего феникса.

Остальные три домика оставались свободными; весь комплекс принадлежал производящей электронику компании, на которую они с Бейлисом работали, и представлял собой восстановительный центр для старших управленцев и уставших «интеллектуалов». Это пустынное место было выбрано из-за его успокаивающего воздействия на нервную систему. Два-три дня неторопливого чтения, созерцание неподвижной линии горизонта — и уровень напряжения и беспокойства заметно снижался.

«Однако, пробыв здесь всего два дня, — вспомнил Ларсен, — я чуть не сошел с ума». Ему еще повезло, что поблизости оказался Бейлис со своим шприцом. Впрочем, он держался нарочито небрежно, когда дело доходило до наблюдения за пациентами; Бейлис давал им возможность справиться с болезнью собственными силами. Оглядываясь назад, он — Ларсен — фактически сам поставил себе диагноз. Бейлис лишь нажимал на поршень шприца, да подбросил ему том Кречмера с пожеланием хорошенько подумать над прочитанным.

Возможно, он чего-то ждет?

Ларсен пытался решить, а не позвонить ли под каким-нибудь предлогом Бейлису; его номер — ноль, по внутренней связи — навязчиво крутился у него в мозгу. Но тут дверь в соседнем доме открылась, и он увидел высокую нескладную фигуру психолога, который, задумчиво склонив

голову, шагал, залитый яркими лучами солнца, через бетонированную площадку между коттеджами.

«А где чемоданчик?» — с сожалением подумал Ларсен.

Только не говорите, что он решил уменьшить дозу барбитуратов. Может быть, он попробует гипноз, а я под воздействием постгипнотического синдрома во время бритья вдруг встану на голову.

Ларсен впустил Бейлиса и принялся суетливо кружить вокруг него, пока тот шел в гостиную.

— Где, черт возьми, вы были? — спросил он. — Вы знаете, что уже почти четыре?

Бейлис сел за небольшой письменный стол посредине гостиной и критически огляделся по сторонам — Ларсена страшно раздражала эта уловка, которая всякий раз заставляла его врасплох.

— Конечно, знаю. Я очень хорошо чувствую время. Как ваши дела сегодня? — Он показал на стул с прямой спинкой, стоящий перед столом. — Садитесь и постарайтесь расслабиться.

Ларсен раздраженно пожал плечами:

— Как я могу расслабиться, сидя здесь и дожидаясь, когда разорвется следующая бомба? — Он начал анализировать прошедшие двадцать четыре часа — Ларсен всегда делал это с удовольствием — сопровождая непосредственное изложение событий обильными и вольными комментариями.

— Вообще-то ночь прошла неплохо. Я полагаю, что вхожу в новую зону. Все начинает стабилизироваться: я перестал каждую секунду оглядываться. Внутренние двери оставлял открытыми, а перед тем, как войти в комнату, старался представить ее себе, пытался экстраполировать размеры, так чтобы она не ошеломила меня, — раньше я просто открывал дверь и нырял внутрь, точно человек, ступающий в пустую шахту лифта.

Ларсен ходил взад и вперед по комнате, похрустывая суставами пальцев. Бейлис наблюдал за ним, полуприкрыв глаза.

— Я совершенно уверен, что приступ больше не повторится, — продолжал Ларсен. — На самом деле мне, на-

верное, пора возвращаться на завод. В конце концов, нельзя же сидеть здесь до бесконечности. Я чувствую себя вполне прилично.

Бейлис кивнул:

— Тогда почему вы так нервничаете?

В отчаянии Ларсен сжал кулаки. Ему казалось, что он чувствует, как кровь пульсирует у него в висках.

— Ничего я не нервничаю! Ради Бога, Бейлис, я считал, что в соответствии с новейшими взглядами психиатр и пациент пытаются вместе справиться с болезнью, забывают о собственной личности и в равной степени несут ответственность за происходящее. Вы стараетесь избежать...

— Нет,— решительно прервал его Бейлис,— я полностью за вас отвечаю. Вот почему я хочу, чтобы вы оставались здесь до тех пор, пока не научитесь справляться с этим существом.

Ларсен проворчал:

— Существом! Вы намерены представить случившееся как сцену из фильма ужасов. У меня была самая обычная галлюцинация. Да и вообще, я ни в чем не уверен.— Он показал в сторону окна.— Неожиданно распахнулась дверь гаража... в ярком солнечном свете я мог принять тень за человека.

— Вы описали увиденное очень точно,— отпарировал Бейлис,— цвет волос, усы, одежду.

— Обратная проекция. Во сне детали тоже кажутся настоящими.— Ларсен отодвинул стул в сторону и наклонился к Бейлису, опираясь руками о стол.— А кроме того, мне кажется, вы не совсем со мной откровенны.

Они встретились глазами. Бейлис некоторое время внимательно изучал Ларсена и заметил, что у него расширены зрачки.

— Ну? — настаивал Ларсен.

Бейлис застегнул пиджак и направился к двери:

— Я зайду завтра. А пока постарайтесь поменьше напугаться. Я не хочу вас пугать, Ларсен, но ваша проблема может оказаться гораздо более серьезной, чем вы себе представляете.— Он кивнул и, прежде чем Ларсен успел хоть что-нибудь сказать, выскользнул на улицу.

Ларсен подошел к окну и сквозь шторы проследил за тем, как психолог скрылся в своем коттедже, лишь на мгновение нарушив тяжелое струение солнечных лучей. Через несколько минут он услышал капризные звуки одного из квартетов Бартока.

Ларсен вернулся к столу и сел, агрессивно выставив вперед локти. Бейлис раздражал его своими невротическими музыкальными вкусами и неопределенными диагнозами. Ему захотелось сесть в машину и вернуться на завод. Однако, строго говоря, находясь здесь, он должен подчиняться Бейлису, в особенности если учесть, что пять дней, которые он провел отдыхая и ничего не делая, оплачиваются компанией.

Ларсен оглядел замершую в тишине гостиную, прохладные горизонтальные тени, лежащие на стенах, прислушался к успокаивающему гулу кондиционера. Спор с Бейлисом взбодрил его, и он почувствовал спокойствие и уверенность. Однако какая-то необъяснимая напряженность еще оставалась, и он обнаружил, что не может отвести глаз от открытых дверей спальни и кухни.

Ларсен приехал сюда пять дней назад, измученный, на грани нервного срыва. В течение трех месяцев он без отдыха программировал сложную модель мозга, которую конструировала лаборатория «Новых методов» для одного из крупнейших психиатрических институтов страны.

Это была точная электронная копия центральной нервной системы, причем каждый уровень деятельности спинного мозга представлял отдельный компьютер, а остальные содержали в памяти закодированную информацию, касающуюся сна, стрессов, агрессивности и других функций нервной системы: строительные блоки, которые составляли имитатор ЦНС для моделирования любых психических расстройств и комплексов.

Группы конструкторов работали над моделирующим устройством под бдительным наблюдением Бейлиса и его ассистентов, и очередные недельные тесты выявили, что Ларсен работает на пределе своих возможностей — сказывалось сильное переутомление. В конце концов Бейлис

снял его с проекта и отослал на несколько дней сюда, в пустыню, чтобы он немного пришел в себя.

Ларсен обрадовался возможности отдохнуть. Первые два дня он бесцельно бродил вокруг пустых домиков, приятно одурманенный барбитуратами, прописанными Бейлисом, вглядывался в горизонт, ограничивающий белую палубу пустыни, отправлялся спать в восемь и вставал после полудня. Каждое утро из расположенного неподалеку городка приезжала уборщица, чтобы навести порядок в комнатах и оставить свежие продукты, но Ларсен ни разу ее не видел. Он был счастлив, что может побыть один. Сознательно ни с кем не общаясь, он давал возможность своему уставшему мозгу самостоятельно справиться с переутомлением — Ларсен не сомневался, что скоро все снова встанет на свои места.

Однако случилось иначе: первый же человек, которого он увидел, явился к нему прямо из кошмара.

Ларсен и сейчас вспоминал ту встречу с содроганием.

На третий день после ленча он решил прокатиться по пустыне и осмотреть старый кварцевый рудник в одном из каньонов. Рудник располагался примерно в двух часах езды, и Ларсен запасся термосом с охлажденным martin. В гараж можно было попасть прямо из кухни, а закрывался он стальной дверью, которая поднималась вертикально вверх.

Ларсен запер коттедж, прошел через кухню в гараж, поднял стальную дверь и выехал на дорогу. Возвратившись за термосом, который он оставил на скамейке в дальнем конце гаража, заметил в углу, в тени, полную канистру бензина. Ларсен немного постоял, прикидывая расстояние, которое ему придется проделать, и решил взять канистру с собой. Он отнес ее к машине, а затем вернулся, чтобы закрыть дверь гаража.

Дверь не открылась до конца, когда он в первый раз поднял ее, и осталась на уровне его подбородка. Взявшись за ручку, Ларсен сумел опустить ее на несколько дюймов, но тут она снова застряла. Солнечный свет отражался от стальных панелей, слепил глаза. Ларсен ухватился за

нижний край двумя руками и резко дернул вверх — на сей раз дверь поднялась немного повыше.

Просвет увеличился дюймов на шесть, но этого оказалось достаточно, чтобы он смог заглянуть в затемненный гараж.

В тени у задней стены гаража, возле скамейки, виднелась неясная, человеческая фигура. Незнакомец стоял неподвижно и, опустив руки, смотрел на Ларсена. На нем был легкий кремовый костюм, испещренный бликами света, отчего казалось, что он сшит из кусочков, аккуратная спортивная рубашка и двухцветные туфли. Плотного сложения, с густыми усами щеточкой и пухлым лицом мужчина спокойно глядел на Ларсена, но почему-то у того возникло ощущение, будто он увидел что-то у него за спиной.

Продолжая держать дверь обеими руками, Ларсен удивленно уставился на незнакомца. Его поразило не то, что он оказался в гараже, где не было ни окон, ни боковых дверей, — в его позе Ларсену почудилась какая-то непонятная угроза.

Он уже собрался окликнуть своего необычного гостя, но тут мужчина шагнул вперед, вышел на свет и направился прямо к нему.

Ошеломленный Ларсен отпрянул назад. Темные пятна на костюме незнакомца оказались вовсе не тенями, а контурами скамейки, находящейся у него за спиной.

Тело человека и его одежда были прозрачными. Опомившись, Ларсен изо всех сил налег на дверь, захлопнул ее и задвинул засов, вцепившись в него обеими руками и прижимая коленями.

Когда полчаса спустя подъехал Бейлис, оказалось, что Ларсен так и стоит, весь в поту, не в силах пошевелиться и едва дыша. Руки и ноги у него свело судорогой, но он продолжал цепляться за засов...

Ларсен нетерпеливо забарабанил пальцами по столу, потом встал и прошел на кухню. Оставшись без очередной дозы барбитуратов, он почувствовал перевозбуждение от принятых ранее таблеток амфитамина. Он включил

кофеварку, тут же выключил ее, вернулся в гостиную и уселся на диван с томиком Кречмера в руках.

С нарастающим беспокойством он прочитал несколько страниц, не понимая, каким образом чтение Кречмера может оказаться ему полезным; большая часть описанных в нем случаев касалась глубоких шизоидных изменений и необратимых параноидальных явлений. Его собственная проблема была скорее внешней — кратковременное отклонение от нормы, вызванное перегрузкой. Неужели Бейлис этого не видит? По каким-то причинам, может быть подсознательно, он подталкивает Ларсена к серьезному кризису, возможно потому, что, сам того не зная, тоже хочет стать пациентом.

Ларсен отбросил книгу в сторону и посмотрел на пустыню. Внезапно он ощутил приступ клаустрофобии, комната стала казаться темной и тесной, ему захотелось дать выход накопившейся в нем агрессии. Вскочив с дивана, он выбежал на свежий воздух.

Ларсен прошел по обочине дороги около сотни ярдов. Стоящие широким полукругом домики словно сгрудились и вросли в землю. За ними громоздились горы. День клонился к вечеру, совсем скоро спустятся сумерки, но небо еще оставалось ярко-голубым, а огромные тени гор уже придали новые, более глубокие оттенки привычным краскам пустыни. Ларсен оглянулся назад, на коттеджи. Нигде никакого движения, лишь слабое эхо доносило обрывки музыки из дома Бейлиса. Неожиданно окружающий пейзаж показался ему нереальным.

Пытаясь разобраться в природе своих впечатлений, Ларсен почувствовал, как у него в мозгу шевельнулась какая-то неясная, ускользающая мысль или неопределенное ощущение, точно слишком тонкий намек или забытое намерение. Он старался изо всех сил ухватить ее, но вдруг засомневался в том, что перед уходом выключил кофеварку.

Он поспешил назад и заметил, что оставил дверь на кухню открытой. Проходя мимо окон гостиной, Ларсен заглянул внутрь.

На диване, скрестив ноги, сидел человек, лицо которого скрывал том Кречмера. Сначала Ларсен предположил, что зашел Бейлис и решил сварить для них кофе. Потом он услышал, что стереопроектор в коттедже психолога продолжает играть.

Стараясь не шуметь, он приблизился к окну гостиной. Лицо посетителя по-прежнему оставалось скрытым, но Ларсену хватило одного взгляда, чтобы убедиться в том, что перед ним не Бейлис. Все тот же кремовый костюм, который Ларсен видел двумя днями ранее, те же двухцветные туфли. Только на сей раз незнакомец явно не был галлюцинацией; его руки и одежда казались самыми настоящими. Поправив одну из подушек, он устроился на диване поудобнее и перевернул страницу книги, слегка согнув переплет.

Затаив дыхание, Ларсен застыл у окна. Что-то в этом человеке, в его позе, в том, как он держал книгу в руках, убеждало Ларсена, что он видел его и раньше, до короткой встречи в гараже.

Потом незнакомец опустил книгу, бросил ее рядом с собой на диван и, откинувшись назад, посмотрел в окно, причем его взгляд остановился всего в нескольких дюймах от лица Ларсена.

Ларсен уставился на него как зачарованный. Он наконец узнал своего диковинного гостя: пухлое лицо, встревоженные глаза, слишком густые усы. Теперь он смог как следует его разглядеть и понял, что знает этого человека даже слишком хорошо, лучше, чем кого бы то ни было на Земле.

Ведь это он сам.

Бейлис убрал шприц в чемоданчик и поставил его на крышку проектора.

— Галлюцинация — неправильный термин, — сказал он Ларсену, который лежал, вытянувшись на диване и потягивая виски. — Перестаньте его использовать. Психический образ замечательной силы и продолжительности, а вовсе не галлюцинация.

Ларсен слабо махнул рукой. Около часа назад он, спотыкаясь, буквально вне себя от страха, добрал до Бейлиса. Бейлис успокоил его, а потом потащил обратно к окну гостиной и заставил признать, что двойник исчез. Бейлис совсем не удивился, когда узнал, какова природа фантома, и это обеспокоило Ларсена едва ли не больше, чем сама галлюцинация. Что еще прячет Бейлис у себя в рукаве?

— Я удивлен, что вы сами не догадались раньше, — заметил Бейлис. — Ваше описание человека в гараже было таким точным — тот же кремовый костюм, те же туфли и рубашка, не говоря уже о физическом сходстве, вплоть до усов.

Понемногу приходя в себя, Ларсен сел, разгладил свой кремовый габардиновый костюм и стряхнул пыль с белокоричневых туфель:

— Спасибо за предупреждение. Вам только остается рассказать мне, кто же это такой.

Бейлис присел на стул:

— Что вы имеете в виду? Он — это вы, естественно.

— Я знаю, но почему и откуда он берется? Господи, я, наверное, сошел с ума.

Бейлис щелкнул пальцами:

— Нет, вовсе нет. Возьмите себя в руки. У вас самое обычное функциональное нарушение, вроде двойного зрения или амнезии: ничего серьезного. Иначе я бы вас здесь не держал. Возможно, мне все равно придется вас перевести, но, надеюсь, что вместе мы сумеем найти выход из вашего лабиринта.

Он достал записную книжку из нагрудного кармана:

— Давайте посмотрим, как обстоят дела. Так, мы можем выделить два момента. Первое, фантом — это вы сами. Нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с вашей копией. Но для нас гораздо важнее, что он такой же, как вы сейчас, ваш ровесник, не идеализирован и не искалечен, не является сверхгероем вашего суперэго или изможденным стариком, символизирующим стремление к смерти. Перед нами ваш точный двойник. Нажмите пальцем на глазное яблоко, и вы увидите моего двойника.

Ваш ничем не отличается от моего, только он перемещен не в пространстве, а во времени.

Кроме того, из вашего путаного описания происходящего я понял, что человек, которого вы видите, не только является вашей точной копией, но и делает то же самое, что делали вы несколько минут назад. Фантом в гараже стоял между скамейкой, как раз там, где стояли вы, когда раздумывали, стоит ли взять с собой канистру с бензином. А тот, что устроился на диване и читал Кречмера, повторял ваши собственные действия, только с пятиминутным опозданием.. Он даже выглянул в окно, совсем как вы, прежде чем выйти прогуляться.

Ларсен, потягивая виски, кивнул:

— Вы полагаете, что галлюцинация является мысленным возвратом в прошлое?

— Совершенно верно. Поток зрительных образов, попадающий на сетчатку глаза, есть не более чем видеоролик. Каждый образ запоминается, рождаются тысячи роликов, сотни тысяч часов воспоминаний. Обычно возврат в прошлое бывает намеренным, когда мы выбираем несколько туманных картин из нашей фильмотеки: сцену из детства, изображение соседних улиц, которые мы носим с собой весь день у самой поверхности своего сознания.

Но небольшая поломка проектора — ее может вызвать перенапряжение — и вас отбрасывает назад на несколько сотен кадров. Вы наблюдаете совершенно случайный ролик уже прокрученного фильма, в вашем случае вы видите себя сидящим на диване. Кажущаяся бессмысленность происходящего — вот что так пугает.

Ларсен начал жестикулировать, держа в руке стакан:

— Подождите минутку. Когда я сидел на диване, читая Кречмера, я ведь себя не видел и сейчас тоже не вижу. Откуда же возникают образы?

Бейлис отложил в сторону записную книжку:

— Аналогию с видеороликом не следует понимать буквально. Вы можете не видеть себя сидящим на диване, но ваши органы чувств передают необходимую информацию так же четко и ясно, как и визуальное наблюдение. Это

поток осязаемых, позиционных и психических образов, который формирует реальные сведения об окружающем мире. А дальше требуется очень небольшая экстраполяция, чтобы глаз наблюдателя увидел другой конец комнаты. В любом случае чисто визуальные воспоминания никогда не бывают абсолютно точными.

— А почему двойник, которого я видел в гараже, был прозрачным?

— Очень просто. Процесс только начинался, и интенсивность образа оставалась слабой. Тот, что вы видели сегодня днем, был уже гораздо сильнее. Я не случайно прекратил давать вам барбитураты, прекрасно понимая, что те стимуляторы, которые вы потихоньку принимаете, вызовут нечто подобное, если позволить им воздействовать на вас без помех.

Он подошел к Ларсену, взял у него стакан и снова наполнил его из графина.

— Но давайте подумаем о будущем. Это явление интересно тем, что оно проливает свет на один из старейших архетипов человеческой психики — веру в привидения и целую армию фантомов, ведьм, демонов и прочей чертовщины. Можем ли мы рассматривать их как психозрительные вспышки или трансформированные образы, рожденные психикой самого наблюдателя и возникающие перед его мысленным взором под влиянием страха, лишений или религиозного фанатизма?

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь о встречах с призраками, — сколь они прозаичны по сравнению с изысканными образами, созданными в творениях великих мистиков и сочинителей. Таинственная белая простыня — скорее всего, просто ночная рубашка наблюдателя. Вот вам и предмет для размышлений.

Возьмем, например, знаменитые привидения, появляющиеся в литературных произведениях. Насколько осмысленнее становится Гамлет, когда вы понимаете, что призрак его убитого отца — в действительности сам Гамлет.

— Ну, ладно, ладно, — с раздражением прервал его Ларсен, — но мне-то что делать?

Бейлис перестал ходить взад и вперед по комнате и строго посмотрел на Ларсена:

— Я как раз к этому и перехожу. Существует два метода борьбы с вашими нарушениями. Классическая техника состоит в том, чтобы накачать вас транквилизаторами и уложить в постель на год или около того. Обычно за это время все приходит в норму. Длинный путь, скучный для вас и для остальных. Альтернативный метод, откровенно говоря, еще до конца не изучен, но, я думаю, он может сработать.

Я упомянул о феномене привидения, по поскольку, несмотря на то что описаны десятки тысяч ситуаций, когда людей преследовали призраки, и даже имеется несколько рассказов о том, как одно привидение охотилось на другое, мне не известно ни одного случая встречи привидения и наблюдателя по их обоюдному желанию. Если бы сегодня днем, увидев своего двойника, вы вошли прямо в гостиную и попытались с ним заговорить, как вы думаете, что бы произошло?

Ларсен содрогнулся:

— Очевидно, ничего, если ваша теория верна. Но мне совсем не хочется ее проверять.

— Ничего не поделаешь, придется. Не паникуйте. В следующий раз, когда увидите своего двойника, сидящего на диване и читающего Кречмера, подойдите и поговорите с ним. Больше от вас ничего не требуется.

Ларсен вскочил и замахал руками:

— Ради Бога, Бейлис, вы что, с ума сошли? Вы представляете, что значит — увидеть самого себя? Единственное желание — бежать без оглядки.

— Я понимаю, но это худшее из того, что вам предстоит. Почему когда кто-нибудь начинает бороться с привидением, оно мгновенно исчезает? Потому что, когда вы занимаете те же координаты в пространстве, что и двойник, ваш психический проектор начинает снова работать на одном канале. Два отдельных потока визуальных образов совпадают и сливаются в один. Вы должны попробовать, Ларсен. Возможно, вам придется сделать над собой заметное усилие, но зато вы раз и навсегда вылечитесь.

Ларсен упрямо покачал головой:

— Совершенно безумная затея.

И про себя добавил: «Я лучше пристрелю этого призрака». Тут он вспомнил о пистолете тридцать восьмого калибра в своем чемодане, и мысль об оружии придала ему уверенности больше, чем все лекарства и советы Бейлиса. Пистолет — символ агрессии. Даже если фантом существует только в его воображении, оружие поможет ему с ним справиться.

Со слипающимися от усталости глазами, Ларсен слушал Бейлиса. Через полчаса он вернулся домой, отыскал пистолет и спрятал его под газетами в почтовом ящике у входной двери. Пистолет слишком заметен, чтобы носить его в кармане, да и к тому же может случайно выстрелить и ранить самого Ларсена. Снаружи, у входной двери, он надежно спрятан, а с другой стороны, в случае необходимости Ларсен сумеет быстро его достать и разобратся старым добрым способом с любым двойником, который придет смущать его покой.

Два дня спустя ему неожиданно представилась такая возможность. Бейлис уехал в город за новой иглой для своего проигрывателя, а Ларсена оставил готовить ленч. Ларсен сделал вид, что его такая перспектива совсем не вдохновляет, хотя на самом деле он обрадовался возможности заняться полезным делом. Он устал слоняться вокруг коттеджей, играя роль подопытного кролика для Бейлиса, который с нетерпением ожидал следующего кризиса. Если Ларсену повезет, этого никогда не произойдет, хотя бы назло Бейлису — все и так складывалось согласно его желаниям.

Накрыв стол на кухоньке у Бейлиса и приготовив побольше льда для мартини (Ларсен сразу согласился с утверждением Бейлиса, что алкоголь прекрасный депрессант для ЦНС), он отправился к себе, чтобы сменить рубашку. Немного подумав, он решил полностью переодеться и достал из шкафа голубой костюм из саржи и черные полуботинки, которые надевал, когда отправлялся на прогулки в пустыню.

Дело было не только в неприятных ассоциациях, которые возникали у него в связи с кремовым костюмом и спортивными туфлями, но и в том, что полная смена одежды могла предупредить появление двойника, давая ему иной психический образ, достаточно сильный, чтобы помешать возникновению новых призраков. Глядя в зеркало, Ларсен решил пойти еще дальше: взял бритву и сбрил усы. Затем смочил волосы и гладко их причесал.

Изменения оказались весьма заметными. Когда Бейлис вылез из машины и вошел в гостиную, он с трудом узнал Ларсена. Он даже чуть подался назад при виде незнакомца в темном костюме и с прилизанными волосами, появившегося в дверях кухни.

— Что, черт возьми, это значит? — резко спросил он у Ларсена. — Сейчас не время для дурацких шуток. — Он критически посмотрел на Ларсена. — Вы стали похожи на персонаж из дешевого детектива.

Ларсен расхохотался. Переодевшись, он пришел в отличное настроение и после нескольких martinis ужасно развеселился. Во время ужина Ларсен много и лихорадочно говорил. Однако его удивило, что Бейлис как-то уж слишком быстро выводил его домой.

Вернувшись к себе, он понял причину такого необычного поведения. У него участился пульс, он нервно оглядывался по сторонам; все процессы в мозгу заметно ускорились. Выпитое martinis лишь частично было тому виной. Теперь, когда действие алкоголя стало ослабевать, Ларсен разгадал истинный источник своего возбуждения — стимулятор, который дал ему Бейлис в надежде спровоцировать новый кризис.

Ларсен стоял у окна, сердито глядя на дом Бейлиса. Полное отсутствие принципов у психолога приводило его в ярость. Пальцы Ларсена нервно ошупывали штору. Неожиданно он почувствовал сильное желание разгромить все кругом и уехать куда-нибудь подальше. Своими тонкими, чуть ли не фанерными стенами и мебелью словно из спичечных коробков коттедж напоминал ему сумасшедший дом. Все, что произошло с ним здесь, нервный срыв

и фантомы из ночных кошмаров — все это, скорее всего, дело рук Бейлиса.

Довольно быстро Ларсен понял, что стимулятор оказался очень сильным. Он безуспешно пытался расслабиться, пошел в спальню и, пиная ногами оказавшуюся на пути мебель, сам того не замечая, закурил сразу две сигареты.

Наконец, не в силах больше сдерживаться, он выскочил на улицу, захлопнул за собой дверь и побежал через бетонированную площадку к соседнему коттеджу, намереваясь сказать Бейлису все, что он о нем думает, и немедленно потребовать транквилизатор.

В гостиной Бейлиса не оказалось. Ларсен бросился на кухню, в спальню — Бейлиса нигде не было. К неудовольствию Ларсена выяснилось, что Бейлис принимает душ. Ларсен походил немного по гостиной, а потом решил подождать у себя дома.

Опустив голову, он быстро пересек солнечную часть площадки и был уже в нескольких шагах от находящейся в тени входной двери, когда заметил около нее мужчину в голубом костюме, который не сводил с него глаз.

Сердце у Ларсена бешено заколотилось, и он отпрянул, узнав двойника еще прежде, чем он понял суть изменений в одежде и гладко выбритого лица с новыми непривычными чертами. Мужчина пребывал в сомнении, сжимал и разжимал кулаки, но казалось, что он все-таки собирается выйти на солнце.

Ларсен оказался футах в десяти, непосредственно между ним и дверью в коттедж Бейлиса. Он шагнул назад, одновременно повернув влево, в сторону гаража. Здесь он остановился и взял себя в руки. Двойник в нерешительности стоял у дверей, дольше — Ларсен был в этом уверен, — чем стоял он сам. Ларсен с отвращением смотрел на его лицо, его затошнило не столько от абсолютной точности копии, сколько из-за странной, почти светящейся бледности, которая придавала восковым чертам двойника сходство с мертвецом. Двойник находился на расстоянии вытянутой руки от почтового ящика, где лежал пистолет,

но ничто не могло заставить Ларсена к нему приблизиться.

Он решил войти в коттедж и понаблюдать за двойником сзади. Вместо того чтобы воспользоваться дверью в кухню, через которую можно было попасть в гостиную, расположенную непосредственно справа от двойника, он повернул, чтобы обогнуть гараж и залезть с противоположной стороны в открытое окно спальни.

Ларсен пробирался среди бочек с засохшим строительным раствором и мотков колючей проволоки за гаражом, когда услышал, что его позвали:

— Ларсен, вы что, идиот? Что вы там делаете?

Из окна ванной высунулся Бейлис. Ларсен споткнулся, с трудом сохранил равновесие и сердито помахал Бейлису рукой. Тот только покачал головой и, наклонившись еще больше вперед, принялся вытирать шею.

Ларсен вернулся назад, жестом показав Бейлису, чтобы тот помалкивал. Он пересекал участок между стеной гаража и ближайшим углом коттеджа Бейлиса, когда боковым зрением заметил в нескольких ярдах от дверей гаража стоящего к нему спиной человека в темном костюме.

Двойник сдвинулся с места! Забыв о Бейлисе, Ларсен застыл на месте и с тоской посмотрел на двойника, который в нерешительности переминался с ноги на ногу и размахивал руками, будто защищаясь от чего-то, совсем как Ларсен несколько минут назад. Его глаз не было видно, но казалось, что он смотрит на входную дверь коттеджа Ларсена.

Автоматически Ларсен тоже перевел взгляд на дверь.

Возле нее по-прежнему стоял человек в голубом костюме и смотрел в сторону залитой солнцем площадки между домиками.

Двойников стало два.

Они расположились на противоположных сторонах бетонной площадки. Некоторое время Ларсен беспомощно их разглядывал, подумав, что они ужасно похожи на ожившие экспонаты из музея восковых фигур.

Тот из двойников, что стоял спиной к Ларсену, развернулся на одной ноге и быстро направился прямо к нему.

Фантом смотрел на Ларсена, но не видел его, и тут солнце осветило лицо двойника. Охваченный ужасом Ларсен не мог оторвать от него глаз — те же пухлые щеки, та же родинка у правой ноздри, белая верхняя губа с маленькой отметиной от бритвы (он порезался, когда сбрасывал усы). Но главное, он узнал свой ужас, дрожание губ, напряженные мышцы шеи и лица и полнейшее отчаяние, скрытое под застывшей маской страха.

Не в силах произнести ни звука, Ларсен повернулся и бросился прочь.

Он остановился, только когда углубился в пустыню ярдов на двести. Задыхаясь, опустился на одно колено за песчаной насыпью и оглянулся назад на свой коттедж. Второй двойник начал обходить гараж, пробираясь между связок с колючей проволокой, первый шагал к домику Бейлиса. Не обращая на них внимания, Бейлис сражался с окном в ванной, пытаясь открыть его, чтобы посмотреть в сторону пустыни.

Пытаясь успокоиться, Ларсен вытер лицо рукавом пиджака. Значит, Бейлис оказался прав, хотя он ни разу не говорил, что во время одного приступа может появиться сразу несколько двойников. Ларсену удалось породить двоих, одного за другим, причем оба возникли за последние пять минут. Раздумывая, стоит ли подождать, пока фантомы исчезнут, Ларсен вспомнил о пистолете в почтовом ящике. Хотя мысль была иррациональной, ему показалось, что пистолет — его единственная надежда. С его помощью он сможет проверить реальность двойников.

Насыпь шла по диагонали к краю дороги. Наклонившись вперед, он помчался вдоль нее, периодически замирая на месте, чтобы оглядеться по сторонам. Оба двойника оставались на прежних местах, а Бейлис закрыл окошко ванной и скрылся в доме.

Ларсен приблизился к краю бетонированной площадки, которая находилась примерно в футе от песка, и направился туда, где за старой пятидесятигаллоновой цистерной он приметил выгодную позицию. Чтобы добраться до пистолета, он решил обойти коттедж Бейлиса

с дальней стороны: оттуда он сумеет незаметно подойти к дверям своего дома.

Тем временем первый двойник все так же внимательно наблюдал за гаражом.

Ларсен уже собрался сделать шаг вперед, когда что-то заставило его обернуться.

Прямо к нему вдоль насыпи, опустив голову и почти касаясь земли руками, бежало огромное крысоподобное существо. Каждые десять или пятнадцать футов оно останавливалось и бросало взгляд в сторону домов. В один из таких моментов Ларсен успел разглядеть его лицо, безумное и испуганное, — еще одна копия его собственного.

— Ларсен! Ларсен!

Бейлис стоял около своего дома и махал рукой в сторону пустыни.

Ларсен оглянулся на фантома, мчавшегося к нему, их разделяло всего тридцать футов, подпрыгнул и в отчаянии метнулся к Бейлису.

Бейлис крепко схватил его за руки:

— Ларсен, что с вами? У вас начался приступ?

Ларсен показал на фигуры фантомов.

— Ради Бога, Бейлис, остановите их, — задыхаясь, проговорил он. — Мне не убежать.

Бейлис энергично потряс его:

— Их стало несколько? Где они?

Ларсен указал на две фигуры, бродящие вокруг дома, а потом вяло махнул рукой в сторону пустыни:

— Рядом с гаражом и там, у стены. Другой прячется за насыпью.

Бейлис сильно сжал его плечо:

— Пойдемте, дружище, вам нужно встретиться с ними лицом к лицу, убежать бесполезно. — Он потащил Ларсена в сторону гаража, но Ларсен сел на землю.

— Поверьте, Бейлис, я не могу. В моем почтовом ящике лежит пистолет. Принесите его мне — другого выхода нет.

Бейлис заколебался, глядя вниз на Ларсена:

— Ладно. Постарайтесь продержаться до моего возвращения.

Ларсен показал на дальний угол коттеджа Бейлиса:

— Я буду ждать вас там.

Когда Бейлис убежал, он заковылял в сторону угла, но на полпути зацепился за обломки лестницы, валявшиеся на земле, упал и подвернул правую ногу.

Обхватив коленку, Ларсен продолжал сидеть на земле, когда между домами появился Бейлис с пистолетом в руке. Он оглядывался по сторонам в поисках Ларсена, который откашлялся, чтобы его позвать.

Однако, не успев открыть рот, Ларсен увидел, как двойник, который мчался за ним вдоль насыпи, выпрыгнул из-за цистерны и, спотыкаясь, побежал через площадку к психологу. Двойник, как и Ларсен, был взъерошенным и измученным, пиджак съехал с плеч, узел галстука оказался где-то за ухом. Он продолжал преследовать Ларсена, упрямо, точно одержимая тень, идя по его следу.

Ларсен еще раз попытался позвать Бейлиса, но у него перехватило горло.

Бейлис смотрел на двойника.

Ларсен встал, охваченный ужасным предчувствием. Он попытался помахать Бейлису, но тот устоял на двойника, который показывал на фантом у дома, и кивал, по-видимому соглашаясь.

— Бейлис!

Выстрел заглушил его крик. Бейлис выстрелил куда-то за гараж, между коттеджами металось эхо. Двойник по-прежнему стоял рядом с Бейлисом и показывал в разные стороны, Бейлис поднял пистолет и еще раз нажал на курок. Звук отразился от площадки, оглушив Ларсена. Его затошнило.

Бейлис тоже видел несколько образов одновременно, но не себя, а Ларсена, о котором он думал всю последнюю неделю.

Двойники Ларсена, спотыкаясь, брели к нему, показывали на другие фантомы — все они возникли в мозгу Бейлиса в тот самый момент, когда он достал пистолет из почтового ящика.

Ларсен начал отползать в сторону, пытаясь добраться до угла дома. Прогредел третий выстрел, вспышка отразилась в окне ванной.

Он уже почти достиг угла, когда услышал крик Бейлиса. Опираясь одной рукой о стену, Ларсен оглянулся.

Открыв рот, сжимая в руке пистолет, точно бомбу, Бейлис смотрел на него безумными глазами. Рядом с ним, поправляя галстук, спокойно стоял двойник Ларсена в голубом костюме. Наконец Бейлис сообразил, что видит сразу два образа Ларсена — один рядом с собой, а другой — в двадцати шагах от дома.

Но как узнать, который из двух настоящий?

Глядя на Ларсена, он, казалось, не мог принять никакого решения.

Тут двойник, стоявший у плеча Бейлиса, поднял руку и показал на угол, совсем как Ларсен несколько минут назад.

Ларсен попытался закричать, отпрянул за угол и пополз вдоль стены. У него за спиной застучали тяжелые шаги Бейлиса.

Он услышал лишь первый из трех выстрелов.

Эндшпиль

После суда Константину предоставили виллу, пенсию и палача. Вилла — маленькая, обнесенная высокой стеной — явно не в первый уже раз использовалась с такой целью. Пенсии Константину хватало с избытком — его никуда не выпускали, а всю еду готовил полицейский-ординарец. Палач находился в полном его распоряжении. По большей части они сидели на закрытой веранде, выходящей в узкий мощеный дворик, и играли в шахматы большими, основательно потертыми фигурами.

Палача звали Малек. Официально в его обязанности входило присматривать за Константином, поддерживать исчезающе малые контакты виллы с внешним миром, прятавшимся за высокими стенами, и отвечать — всегда очень кратко — на телефонный звонок, ежедневно раздававшийся ровно в девять утра. Однако истинная его роль тоже не являлась большим секретом. Крепко сложенный человек с безразлично-отсутствующим выражением мучнистого лица, Малек поначалу крайне раздражал Константина, привыкшего к более живым, активным реакциям своих прежних знакомых. Малек ходил за ним повсюду, по всей вилле, никогда ни во что не вмешиваясь — если только Константин не пытался подкупом получить от

ординарца запрещенную ему газету. В подобных случаях Малек ограничивался жестом, легким поворотом кисти руки, на его лице не появлялось ни малейших признаков неодобрения, но попытка пресекалась твердо и окончательно, словно каменной стеной. Кроме этого, он не вмешивался ни во что, а также не делал никаких предложений, как Константину поступать со своим временем. Подобно большому медведю, он сидел в одном из выгоревших кресел, все время наблюдая за подопечным.

Через неделю Константин утомился чтением старых романов, обнаруженных им на нижней полке книжного шкафа,— сперва он еще надеялся найти между их серых, сильно замусоленных страниц послание от кого-нибудь из своих предшественников,— и предложил Малеку сыграть в шахматы. Исцарапанные деревянные фигуры лежали на одной из пустых полок все того же книжного шкафа — единственного украшения маленького шестикомнатного дома. Кроме книг и шахмат, все в вилле было строго функциональным. Ни занавесок, ни картин, всё освещение — вделанные в потолки тяжелые матовые плафоны. Не вызывало сомнений, что шахматы и стопка книг здесь не случайны,— временным обитателям виллы предоставлялись две альтернативные возможности, чем занять свое время. Люди флегматичного, философического склада, смилившиеся с неизбежным, предпочтут продираться через напыщенную, витиеватую прозу девятнадцатого века, все дальше и дальше погружаясь тем временем в глубину наведенного на себя транса.

С другой стороны экстраверты, люди характера более живого и активного, скорее предпочтут шахматы, не в силах устоять перед искушением до последнего вздоха продемонстрировать свои маккиавелианские способности к позиционному маневрированию. Игра в шахматы поможет поддержанию их подсознательного оптимизма и, что важнее, отвлечет мысли от попыток побега, сублимирует подобные попытки.

Когда Константин предложил сыграть в шахматы, Малек сразу же согласился; за этим занятием они и провели

весь долгий следующий месяц, по мере которого позднее лето сменилось самой уже настоящей осенью. Константин был рад, что предпочел шахматы,— игра давала ему непосредственный личный контакт с Малеком; как и у всех обреченных, у него вскоре развилась сильнейшая эмоциональная связь с тем, кто являлся фактически последним человеком в его жизни.

Трудно было сказать, хороша эта связь или плоха, просто Константин ощущал острую зависимость — созданная его представлением личность Малека уже успела покрыться многими слоями ассоциаций,— ассоциаций, в которых смешались все безымянные, но от того не менее могущественные, олицетворявшие авторитет фигуры, встречавшиеся Константину начиная с раннего детства: его собственный отец, священник из семинарии, позднее, уже после революции, повешенный у него на глазах, первые вошедшие в его жизнь комиссары, партийные секретари из министерства иностранных дел и, в конце концов, сами члены центрального комитета. Тут затуманенные временем персонажи сменялись лицами близко ему знакомых и часто наблюдаемых коллег и соперников, процесс завершал полный круг; он сам оказывался одной из этих прозрачных сейчас фигур, которые санкционировали его смерть и которых сейчас представлял Малек.

И конечно же, Константина мучила еще одна навязчивая мысль; ему необходимо было знать: *когда?* Первые недели после суда и вынесения приговора он пребывал в странном эйфорическом состоянии; слишком потрясенный для понимания, что какое-то время еще остается, мысленно он уже умер *a posteriori*. Однако постепенно воля к жизни, а с ней и прежние безжалостность и решительность, так хорошо послужившие ему эти тридцать лет, вернулись; он осознал, что надежда, сколь ни малая, все еще остается. Сколько ему отпущено времени — оставалось только догадываться, однако если удастся подчинить себе Малека, выживание из надежды превратится в реальную возможность.

Оставался этот проклятый вопрос: когда?

К счастью, с Малеком можно было быть вполне откровенным. Первый важный факт Константин узнал сразу.

— Малеk,— спросил он однажды утром, сделав десятый ход, завершавший развитие фигур и позволив себе на мгновение расслабиться.— Скажите мне, а вы знаете — когда?

Малеk поднял голову от доски; большие, почти бычьи глаза смотрели на Константина безо всякого выражения.

— Да, господин Константин, я знаю.

Голос его был глубоким и каким-то чисто функциональным, лишенным выражения, словно голос, объявляющий на вокзале о прибытии поездов.

Константин немного задумался. За стеклами веранды дождь монотонно поливал одинокую елку, сумевшую каким-то чудом протиснуть свои корни между усеивающими двор камнями. В паре миль к юго-востоку от виллы начинались пригороды маленького порта, одного из этих унылых «курортов», где мелкие министерские чиновники и вконец отупевшие от рутины партийные работники проводили полагавшиеся им раз в два года отпуска. Погода, однако, стояла совсем не курортная, необычно ненастная, солнце ни на миг не проглядывало между тяжелых, брызгливых облаков; на какое-то мгновение Константин почувствовал радость, что находится здесь, внутри, в относительной теплоте виллы. Но сразу опомнился.

— Вы объясните мне прямо,— сказал он Малеку.— Должен я понимать, что вы знаете это не в каком-то там общем смысле — ну, скажем, по получении указания от такого-то и такого-то — а знаете конкретно, когда?

— Именно так.

Малеk отошел ферзем. Он играл в шахматы вполне прилично, но без малейшего намека на индивидуальный стиль; похоже, надзиратель совершенствовался исключительно благодаря практике — в большинстве своем его противники, сардонически подумал Константин, были игроками классными.

— Так вы знаете и *день*, и *час*, и *минуту*? — продолжал настаивать Константин.

Малек, поглощенный изучением позиции, медленно кивнул; Константин, подперев рукой свой гладко выбритый острый подбородок, внимательно изучал его лицо.

— Может быть, прямо сейчас, в ближайшие десять секунд, а может — пройдет десять лет, и все — ничего?

— Именно так. — Малек сделал жест в направлении доски. — Ваш ход.

— Знаю, — отмахнулся Константин. — Знаю, но давайте не будем спешить. Эта игра ведется на очень многих уровнях, Малек. Те, кто болтают о трехмерных шахматах, не знают, по-видимому, ничего про обычные.

Время от времени он давал такие затравки, в надежде развязать Малеку язык, но всегда — без толку. Разговор казался просто невозможным.

Константин резко наклонился над доской и попытался поймать взгляд Малека:

— Вы, Малек, единственный знаете когда, и, как вы говорите, может пройти десять лет, а то и двадцать. И вы думаете, что сумеете так долго сохранить свой секрет?

Малек даже не попытался ответить, а просто ждал, когда Константин сделает ход. Время от времени его глаза начинали блуждать по углам веранды или останавливались на каменистом дворике, видневшемся за окном. Со стороны кухни изредка доносился звук скребущих по полу сапог ординарца, в тоскливом безделии сидевшего у телефонного аппарата.

Изучая позицию, Константин размышлял, что же надо сделать, чтобы добиться от Малека хоть какого-нибудь, любого — но отклика. Тот никак не среагировал даже на слова о десяти годах — нелепо, смехотворно долгом сроке. По всей вероятности, их игра закончится гораздо раньше. Неопределенность даты казни, придававшая всему этому такой странный, эксцентричный привкус, была задумана совсем не с целью превратить последние дни осужденного в пытку напряженного ожидания, а просто чтобы затемнить, затушевать самый факт его ухода из жизни. Будь установлена наперед точная, вполне определенная дата, в последнюю минуту вполне мог бы возникнуть

порыв сочувствия, попытка добиться пересмотра приговора, возможно — даже ценой перенесения части вины на кого-либо другого. Бессознательное, а то и сознательное ощущение соучастия в преступлениях осужденного могло спровоцировать мучительную переоценку, а потом, после приведения приговора в исполнение, глубоко проникающее чувство вины, чувство, на котором могут сыграть к своей выгоде оппортунисты и интриганы.

Существующая система с успехом предупреждала все эти опасности и нежелательные побочные эффекты; осужденного устранили с места, занимаемого им в иерархии, в тот момент, когда оппозиция ему была в апогее, затем передавали следственным органам, а оттуда — в один из высших судов, чьи заседания велись исключительно при закрытых дверях и чьи приговоры никогда не обнародовались.

С точки зрения прежних своих коллег он исчезал в бесконечных коридорах бюрократических чистилищ, его дело постоянно подлежало рассмотрению, но никогда не закрывалось окончательно. А главное, сам факт его вины никогда не устанавливался и не подтверждался. Как понимал Константин, его приговорили на основании некой смехотворной мелочи, гнездившейся где-то на обочине главного обвинения, простой процедурной уловки, подобной неуклюжему повороту сюжета в рассказе и изобретенной с единственной целью — закончить следствие. Хотя сам Константин прекрасно знал действительную природу своего преступления, его так никогда и не уведомили формально, в чем его вина; более того, суд прямо из кожи вон лез, чтобы избежать предъявления каких-либо действительно серьезных обвинений.

Эта странная, полная иронии инверсия классической кафкианской ситуации — вместо того чтобы признаваться в несуществующих преступлениях, он был вынужден принимать участие в фарсе, утверждавшем его незамешанность в прекрасно самому ему известных проступках, — сохранялась и теперь, на этой вилле для приговоренных к высшей мере.

Психологическая подоплека ситуации была не столь очевидной, но значительно более тревожной: палач, с дружелюбной, обманчивой улыбкой подзывавший жертву к себе, уверяющий, что все прощено и забыто. Тут палач играет не на обычном подсознательном ощущении тревоги и вины, но на внутренней, врожденной убежденности, что самое страшное не может случиться, на той одержимости идеей личного бессмертия, которая в действительности есть не что иное, как присущая каждому человеку боязнь заглянуть в лицо собственной смерти. Вот эта-то уверенность, что все будет хорошо, это отсутствие каких-либо обвинений и создавали такой идеальный порядок в очередях к газовым камерам.

В настоящий момент парадоксальную личину этого воистину дьявольского умысла представлял собой Малек: мясистое, аморфное лицо вкупе с безразличным, хотя и двусмысленным поведением делало из него олицетворение всего государственного аппарата. Возможно, сардоническое его звание «надзиратель» ближе к истине, чем могло показаться на первый взгляд, и его задача — просто присутствовать в качестве наблюдателя, самое большее — посредника на чем-то вроде средневекового суда Божьего, где Константин сам и обвиняемый, и прокурор, и судья.

Но только в этом случае, продолжал размышлять он, изучая доску и все время ощущая громоздкое присутствие Малек по другую ее сторону, в этом случае получается, что они напрочь неверно оценили его натуру, его неисчерпаемую душевную энергию, чуть ли не галльскую жизнерадостность и беззаботность. И не ждите, чтобы он сам расстался с жизнью в унылой оргии самоугрызений и самообвинений. Не для него невротическое самоубийство, столь любимое всеми славянами. Пока остается хоть какой-то выход, он без малейшего уныния будет нести бремя любой вины, снисходительный к своим слабостям и всегда готовый с шуткой от них отмахнуться. Беззаботность всегда была лучшим его союзником,

Глаза Константина осматривали доску, двигаясь по вскрытым для дальнобойных фигур диагоналям, словно

ответ на столь настоятельно требовавшую разрешения загадку находился где-то на этих покрытых лаком дорожках.

Когда? По его оценке — месяца через два. Почти наверняка (тут он совсем не боялся, что просто вговаривает это себе) — не в ближайшие два-три дня, даже не в ближайшую пару недель. Спешка всегда непристойна, не говоря уж о том, что так вообще пропадает то, из-за чего весь огород городили. Два месяца надежно заведут его в чистилище; это — период достаточно долгий, чтобы он сломался и выдал тайных своих союзников, буде таковые имеются, и достаточно краткий, чтобы соответствовать конкретному совершенному им преступлению.

Два месяца? Можно бы и побольше. Вводя в игру чернопольного слона, Константин начал набрасывать в уме стратегию борьбы. Сперва, разумеется, выяснить, когда Малек должен исполнить приговор, частично — для спокойствия ума, но главное — для разумного распределения времени при подготовке своего освобождения. Просто взять вот так и сигануть через стену навстречу свободе — бессмысленно. Надо установить контакты, надавить на некоторые чувствительные точки иерархии, проложить путь к пересмотру дела. И на все это нужно время.

Его мысли были прерваны быстрым движением левой руки Малека, за которым последовало нечто вроде гортанного хрюканья. Пораженный скоростью и экономностью, с какими Малек сделал свой ход, не меньше, чем объявленным шахом, Константин нагнулся и внимательнее, чем прежде, изучил позицию. Потом с невольным, неохотным уважением исподлобья глянул на противника, все так же бесстрастно откинувшегося на спинку стула. Конь, которого Малек так ловко выиграл, стоял перед ним, на краю доски. Глаза надзирателя изучали Константина с прежним ничем не омраченным спокойствием, словно глаза бесконечно терпеливой гувернантки, широкие плечи терялись в бесформенном, мешковатом костюме. Но в то мгнове-

ние, только в то мгновение, когда Малек вытягивал руку над доской, Константин заметил, как мощно сокращаются его плечевые мускулы.

Да не чувствуй ты себя так уверенно, не надо такого самовольства, Малек ты мой драгоценный, с косою усмешкой сказал про себя Константин. Вот теперь я хотя бы точно знаю, что ты левша. Малек съел коня одной рукой, прихватив его толстыми костяшками среднего и безымянного пальцев, а затем, со щегольским стуком, поставил на его место своего ферзя, что не так-то уж легко сделать посередине полной еще фигур доски. Полезное подтверждение (ведь и раньше было заметно: открывая окна, закрывая их, за едой Малек старается скрыть то, что он левша), однако эта неожиданная особенность личности Малека странным образом тревожила Константина — начинало казаться: нет ничего предсказуемого ни в его противнике, ни в их будущем состязании умов и характеров. Даже вполне вроде бы очевидное отсутствие у Малека живости, остроты мысли тут же опровергалось изощренностью его последнего хода.

Игравший белыми Константин избрал ферзевой гамбит, считая, что получающееся после этого начала сложное положение даст ему преимущество и позволит подумать над более серьезной проблемой — проблемой побега. Однако Малек избегал любых возможных ошибок, неуклонно укреплял свою позицию и даже умудрился организовать контргамбит, предложив слона за коня; пойдя Константин на этот размен, его позиция вскоре была бы сильно подорвана.

— Хороший ход, Малек, — прокомментировал он. — Но немного рискованный стратегически.

Отказавшись от размена, он неуклюже защитился от атакующего ферзя пешкой.

Малек тупо уставился на доску. На тяжелом, типично полицейском лице с широким квадратным подбородком не отражалось ни малейшего признака работы мысли. Его подход, размышлял Константин, разглядывая противника, будет подходом прагматика, всегда руководствующегося

ближайшими возможностями, а не скрытыми намерениями. И, словно подтверждая такой диагноз, Малек попросту вернул ферзя на прежнее его место, не желая или не умея использовать завоеванное преимущество и удовлетворившись выигранной фигурой.

Впав в тоску от примитивного уровня, на который свалилась их игра, и от перспективы других, ей подобных, Константин рокировкой отправил своего короля в безопасное убежище. По какой-то, несомненно иррациональной, причине он предполагал, что Малек не убьет его посреди игры, особенно если он, Малек, будет в этой игре побеждать. И вдруг осознал, что тут и лежит главная, бессознательная причина, почему ему захотелось сыграть в шахматы, и что эта же причина была и у многих других, вот так же сидевших на веранде, вслушиваясь в осенний дождь и вглядываясь в сидящего напротив Малека. Справившись с неожиданным уколом страха, Константин посмотрел на мощные кисти, высовывавшиеся из рукавов палача подобно двум большим кускам мяса. Скорее всего, Малек, появившись у него такое желание, может убить Константина этими своими голыми руками.

Что напоминало о втором вопросе, почти столь же интригующем, как и первый.

— Да, Малек, вот еще.— Откинувшись на спинку, Константин полез в карман за воображаемыми сигаретами (курить ему не давали).

— Извините мое любопытство, но я все же заинтересованная сторона...

Он одарил собеседника ярчайшей из своих улыбок — острой, с изрядной долей небрежной самоиронии, улыбкой, имевшей такой успех среди секретарш и на министерских приемах. Однако Малека эта демонстрация юмора, похоже, ничуть не тронула.

— Скажите мне, а вы знаете... как...

Пытаясь подыскать подходящий эвфемизм, он повторил:

— Вы знаете, как вы будете?.. — а затем оставил бесплодные попытки, последними словами ругая про себя

Малека за отсутствие такта и милосердия — мог бы ведь вытащить его из такого дурацкого положения.

Подбородок Малека чуть-чуть приподнялся, обозначив кивок. Ничто не показывало, что ему надоели эти вымученные расспросы, или что они его раздражают, или что он заметил смущение Константина.

— И что же это будет? — продолжал настаивать оправившийся уже Константин. — Пистолет, таблетка или, — с резким, неестественным смехом он указал за окно, — вы поставите гильотину — там, под дождем? Мне все же хотелось бы знать.

Малек посмотрел на доску; сейчас его лицо казалось еще более мучнистым и расплывчатым, чем обычно.

— По этому вопросу было принято решение.

Ответ прозвучал ровно, механически.

Константин негодуя фыркнул:

— Да какого черта, что это *значит*? — В голосе его появилась резкость, агрессия. — Хотя бы больно не будет?

И тут Малек впервые улыбнулся, чуть заметное ироническое облачко скользнуло по его губам.

— А вы сами убивали кого-нибудь, господин Константин? — спокойно спросил он. — Я имею в виду — лично, собственными своими руками.

— Туше, — согласился Константин. Он деланно засмеялся, пытаясь развеять возникшую напряженность. — Великолепный ответ.

Про себя он сказал: я не должен поддаваться своему любопытству, этот тип меня поднял на смех, и — за дело.

— Да, конечно, — продолжал он, — смерть не бывает безболезненной. Я просто подумал, будет ли она гуманной, в юридическом смысле этого слова. Поверьте мне, это — большое облегчение. Ведь теперь так много садистов, извращенцев и всяких прочих...

И снова он внимательно наблюдал, не спровоцирует ли Малека эта неявная издевка.

— ...что чистый уход — благо, которое трудно переоценить. Очень приятно иметь уверенность. Теперь я могу посвятить последние дни тому, чтобы привести в порядок свои дела и как-нибудь примириться с этим миром. Вот

если бы только знать, сколько этих дней осталось, тогда можно было бы лучше спланировать последние приготовления. Нельзя же день за днем вечно читать предсмертные молитвы. Вы меня понимаете?

— Генеральный прокурор советовал вам заняться последними приготовлениями сразу по окончании суда, — столь же бесцветно, как и прежде, произнес Малек.

— Но что это может значить? — спросил Константин, намеренно подняв голос на октаву выше. — Ведь я все-таки человек, а не гроссбух какой-нибудь, который можно кинуть на полку, где он будет ждать, пока до него доберется аудитор. Я начинаю сомневаться, Малек, что вы до конца осознаете, сколько мужества требует от меня эта ситуация. Вам-то легко сидеть здесь...

Малек резко встал, что вызвало у Константина дрожь ужаса. Посмотрев зачем-то на закрытые окна, он обогнул шахматный столик и направился к двери, ведущей в комнату.

— Мы отложим эту партию.

Кивнув Константину, Малек ушел на кухню, где ординарец готовил обед.

Константин слушал удаляющееся поскрипывание ботинок по ненатертому паркету, затем раздраженно смел фигуры с доски и задумался, зажав в руке черного короля. Во всяком случае, на этот раз удалось настолько разозлить Малек, что тот ушел. Если так подумать, не стоит ли послать к чертовой бабушке всю осторожность и устроить Малеку веселую жизнь, это же совсем просто — непрерывно таскаться за ним следом, осыпая невротическими вопросами, споря и устраивая истерики. Раньше или позже Малек обязательно огрызнется и может при этом нечаянно выдать что-нибудь, касающееся его намерений. Или, наоборот, напроочь отгородиться от него, обращаться с ним презрительно, как с наемным убийцей, каковым он, собственно, и является, отказываться находиться с ним в одной комнате и есть за одним столом, настаивая на своих правах бывшего члена Центрального комитета. Такая методика вполне может оказаться удачной. Почти наверняка Малек не врал, говоря, что знает точный день и час

казни Константина. А это значит, что ему отдали приказ и он лишен возможности сколько-нибудь приблизить или отдалить этот момент из своих собственных соображений. Малек вряд ли решится пожаловаться на поведение Константина — совершенно очевидно, что такая жалоба заставит задуматься об его собственной пригодности для теперешнего поста, а это не тот пост, с которого легко с почетом уйти в отставку; к тому же теперь, когда дата уже установлена, даже начальник полиции не сможет изменить ее, не созывая несколько специальных собраний. А в таком случае появлялась опасность попытки пересмотра дела Константина — у него оставались еще союзники или хотя бы люди, желающие использовать его в своих собственных целях.

Но несмотря на такие разумные соображения, все эти затеи, связанные с лицедейством, не слишком привлекали Константина. Ему хотелось чего-нибудь посложнее. Да к тому же, если провоцировать Малека, появляются новые неопределенности, которых и так с избытком.

Он заметил, как надзиратель вошел в гостиную и спокойно уселся в одно из больших кресел; как всегда, лицо его, полускрытое тенью, было повернуто в сторону Константина. Казалось, Малека совершенно не трогают естественные в такой обстановке скука и усталость (и хорошо, что не трогают, подумал Константин, — более нетерпеливый человек нажал бы курок уже на второй день), что ему даже нравится сидеть вот так в этом кресле и наблюдать за Константином, пока там, за окном, падает холодный серый дождь, а под стеной накапливается все больше и больше желтых листьев. Трудности установления отношений с Малексом — а ведь надо установить с ним хоть какие-нибудь отношения, если думаешь о спасении, — казались непреодолимыми; единственная возможность — эти самые шахматы.

Поставив черного короля на доску, Константин окликнул надзирателя:

— Малек, если вы не против, я готов сыграть еще раз.

Малек встал, оттолкнувшись длинными руками от подлокотников, и сел напротив. Он скользнул глазами по лицу Константина, словно желая увериться, что больше не будет никаких нервных срывов, а затем начал расставлять белые фигуры, явно не собираясь припоминать, что предыдущая партия так и не была закончена.

Он применил спокойное, надежное начало Лопеса, тысячу раз уже проанализированную и малоинтересную атаку, однако через двенадцать ходов, когда подошло время обеда, Константин уже был вынужден рокироваться в длинную сторону, а его противник получил сильную позицию в центре.

Обедая вместе с Малеком за карточным столом, стоявшим в гостиной около диванчика, Константин размышлял о странном элементе, появившемся в их отношениях. Строго пресекая в себе стремление наполнить пустяковое обстоятельство зловещим символическим смыслом, он понимал в то же время, что искусность Малека в шахматах, способность создавать сильные комбинации после тривиальнейших дебютов очень симптоматичны и отражают его скрытую власть над Константином.

Бесцветная, унылая вилла, поливаемая осенней моросью, блеклая мебель и однообразная, примитивная пища, которую они сейчас ели, все это тусклое, серое чистилище, связанное с настоящим миром тоненькой ниточкой телефонного провода, все это было непосредственным продолжением личности Малека, подобно его игре в шахматы, но с одним отличием: тут везде мерещились потайные двери, секретные туннели. В такой обстановке пышным цветом расцветали неожиданности. Во время бритья зеркало могло в любой момент отъехать в сторону, обнаружив извергающий пламя ствол автомата, или не чечевица могла оказаться причиной чуть горьковатого привкуса супа, а нечто совсем, совсем другое.

Такие мысли обуревали Константина все больше по мере того, как небо на востоке темнело и на его тусклом фоне все резче проступал белый прямоугольник освещенной закатом стены, прямоугольник, напоминавший огромную *tabula rasa*. Пожаловавшись на несуществующую

головную боль, Константин отложил партию и ушел на второй этаж, в свою комнату.

Дверь между его комнатой и жильем Малека была снята; лежа на кровати, он все время ощущал, что надзиратель не лег, а сидит, сидит спиной к окну. Возможно, именно это постоянное присутствие Малека и не дало Константину толком отдохнуть; встав через несколько часов и вернувшись на веранду, он почувствовал себя разбитым, его не оставляли все сгущающиеся дурные предчувствия.

Сделав над собой усилие, он собрался с духом, сосредоточился на игре и смог добиться позиции, по всем признакам равной. Хотя эта партия была отложена без каких-либо комментариев с той или другой стороны, Малек, судя по его поведению, признал, что утратил начальное преимущество; он какое-то мгновение помедлил над доской, когда Константин уже встал.

Уроки этого дня не пропали для Константина даром. Он прекрасно осознавал, что игра в шахматы не только истощает его силы, но и ставит его в большую зависимость от Малека, чем Малека — от него. Хотя со вчерашнего дня фигуры никто не трогал, Константин не предложил доиграть. Малек тоже не обращал внимания на доску; похоже, ему было безразлично, закончат они партию или нет. Большую часть времени он сидел рядом с Константином, около единственного в гостиной радиатора, иногда выходя на кухню поговорить с ординарцем. Как и обычно, каждое утро звонил телефон, но других звонков, кроме этого, не было; не было и посетителей. Фактически обитатели виллы находились в полном вакууме.

Именно эта неизменность, предсказуемость дневной рутины особенно угнетала Константина. В последующие дни он несколько раз играл с Малексом в шахматы, каждый раз попадая в проигрышное положение, но его внимание было сосредоточено не на игре, а на загадке, скрытой за бесстрастным лицом надзирателя. Со всех сторон его окружали сотни невидимых часов, стрелки которых

с бешеной скоростью неслись к манящему нулю, беззвучный грохот, подобный топоту апокалиптических копыт.

Прежние предчувствия уступили место все нарастающему страху, тем более ужасному, что, несмотря на очевидную и нескрываемую роль Малека, страх этот казался абсолютно беспочвенным. Константин заметил, что не может больше чем на несколько минут сосредоточиться ни на какой задаче, он оставлял обед недоеденным, нервно и беспомощно слонялся у окна веранды. Малейшее движение Малека вызывало у него мучительную дрожь; если надзиратель покидал обычное свое место в гостиной, чтобы поговорить с ординарцем, напряжение чуть ли не парализовывало Константина, он беспомощно считал секунды до его возвращения. Однажды, когда Малек за едой попросил передать ему соль, Константин поперхнулся чуть не до смерти.

Черный юмор этого, едва не ставшего фатальным, инцидента напомнил Константину, что прошла уже почти половина отмеренного им себе двухмесячного срока. Однако неловкие попытки получить у ординарца карандаш, а потом, когда это не удалось, ногтем подчеркнуть буквы на вырванной из какого-то романа странице были в корне пресечены Малеком; Константин понял, что, если не считать возможности схватиться с двумя полицейскими врукопашную, у него нет никаких средств избежать своей, становящейся все более и более неизбежной, судьбы.

Последнее время Константин стал замечать, что движения Малека, да и вся его деятельность в вилле как-то ускорились. Все так же подолгу сидел он в своем кресле, наблюдая за Константином, но теперь это, прежде пассивное, присутствие дополнялось жестами и наклонами головы, которые, казалось, отражали возросшую умственную активность, словно Малек готовил себя к некоей давно ожидаемой развязке. Даже тяжелая его лицевая мускулатура расслабилась, стала глаже, острые подвижные глаза, подобные глазам опытного полицейского следователя, ни на секунду не оставались в покое.

И несмотря на все свои усилия, Константин не мог собраться хоть для каких-нибудь защитных действий. Он

ясно видел, что отношения с Малеком вступили в новую фазу, что в любой момент их внешне любезное и официальное поведение может выродиться в уродливый приступ отвратительного насилия, но все равно был парализован собственным ужасом. Дни проходили в мелькании недоеденной пищи, недоигранных шахматных партий, их полное друг с другом сходство отменяло сами понятия времени и движения. И всегда где-то поблизости маячила пристально наблюдающая его фигура Малека.

Каждое утро, пробуждаясь после двух-трех часов сна и обнаруживая, что все еще может обрести сознание,— открытие каждый раз чуть ли не болезненное по остроте и приносимому им облегчению,— он сразу же ощущал присутствие Малека, стоящего в соседней комнате, затем скромно ждущего в коридоре, пока Константин побреется в ванной (также лишенной двери), следующего за ним по пятам вниз, к завтраку. Осторожная, задумчивая поступь напоминала шаги палача, спускающегося с помоста.

После завтрака Константин предлагал Малеку партию в шахматы, но уже после нескольких первых ходов начинал играть дико, безрассудно, кидая фигуры вперед, Малеку на растерзание. Иногда надзиратель с любопытством поднимал глаза на Константина, словно сомневаясь, не потерял ли его подопечный остатки разума, но затем продолжал все ту же точную, осторожную игру, неизменно выигрывая или хотя бы сводя партию к ничьей. Константин смутно осознавал, что, проигрывая Малеку в шахматы, он одновременно проигрывает ему психологически, но теперь игра стала для него просто способом убить бесконечно долгие дни.

Через шесть недель после первой их партии Константин — не столько из-за умения, сколько из-за счастливой случайности — преуспел в довольно экстравагантном пешечном гамбите, заставил Малека отказаться и от центра, и от какой-либо надежды на рокировку. Пробужденный этим временным успехом из обычного своего состояния тупой озабоченности, Константин склонился над доской

и раздраженно отмахнулся от ординарца, сообщившего, что он готов подать обед.

— Скажите ему, Малек, чтобы подождал. Я не могу сейчас отвлекаться, я же почти выиграл партию.

— Ну... — Малек посмотрел на часы, затем через плечо на ординарца, который успел уже повернуться и направился назад, на кухню. Малек начал вставать. — С этим успеется. Он сейчас принесет...

— Нет! — чуть не выкрикнул Константин. — Дайте мне хотя бы пять минут. Да какого черта, откладывают ведь после хода, а не посередине него.

Малек чуть помедлил, снова взглянул на часы и встал.

— Хорошо. Я ему скажу.

Все внимание Константина сосредоточилось на доске, он не замечал удаляющуюся фигуру надзирателя, запах близкой победы, словно нашатырный спирт, прочистил его мозг. Но через тридцать секунд он резко выпрямился, сердце болезненно сжалось.

Малек пошел вверх! Константин ясно помнил, как надзиратель обещал сказать ординарцу, чтобы тот повременил с обедом, а сам вместо этого направился к себе в спальню. Крайне необычно, что Константин оставлен без наблюдения, когда ординарец чем-то занят; к тому же последний почему-то так и не принес обещанный обед. Отодвинув столик, Константин встал; его глаза обшаривали обе открытые двери гостиной. Ну конечно же, объявление обеда было просто сигналом, а Малек нашел удобный предлог, чтобы пойти вверх и приготовить орудие казни.

Оказавшись наконец лицом к лицу со столь долго ожидавшимся им возмездием, Константин напряженно ждал, когда же раздадутся спускающиеся по лестнице шаги Малёка. Виллу окружала глубочайшая тишина, нарушаемая лишь падением на кафельный пол какой-то шахматной фигуры. Видимо, по небу бежали облака — солнце вспышками освещало двор, разбитые плиты дорожки, голую поверхность стены. Какие-то чахлые травинки пробивались между камней; и так тусклые, при ярком свете они казались совсем бесцветными. И Константина вдруг охватила

ошеломляющая в своей силе потребность — бежать, бежать на открытый воздух, хотя бы на последние оставшиеся ему до смерти мгновения, но — бежать. На залитой солнцем восточной стене смутно виднелся ряд горизонтальных бороздок, возможно — следы бывшей здесь когда-то пожарной лестницы; даже крайне сомнительная возможность использовать эти бороздки в качестве зацепок для рук делала закрытый со всех сторон двор, сам по себе — идеальное место для экзекуции, предпочтительнее безумного, вызывающего клаустрофобию мрака виллы.

А над головой мерные шаги Малека двигались поперек потолка, приближаясь к лестнице. Чуть помедлив, он начал спускаться по ступенькам; звуки шагов складывались в четкий, точно выдержанный ритм.

В поисках чего-нибудь, хоть немного напоминающего оружие, Константин беспомощно окинул взглядом веранду. Стеклянная дверь с мелким переплетом, выходящая во двор, закрыта, левую ее створку удерживает снаружи засов. Если его поднять, появляется шанс открыть эту дверь.

Одним движением смахнув фигуры на пол, Константин схватил доску, сложил ее, сделал шаг к двери и с силой ударил тяжелой деревянной коробкой по нижнему стеклу. Звук разлетевшегося вдребезги стекла выстрелом разнесся по вилле. Упав на колени, Константин просунул руку в образовавшееся отверстие и попытался открыть проржавевший засов, отчаянно дергая его вверх и вниз. Когда из этого ничего не вышло, он высунул наружу голову, вцепился в засов и, не замечая падающих на шею острых осколков, беспомощно напряг свои узкие плечи.

За спиной Константина с грохотом свалился стул, две мощные руки ухватили его и оттащили от двери. Он истерически ударил куда-то шахматной доской, почувствовал сильный толчок и головой вперед полетел на кафельный пол.

Выздоровление заняло почти всю следующую неделю. Первые три дня Константин оставался в постели, оправляясь физически, ожидая, когда придут в норму надорванные

мускулы рук и плеч. Почувствовав в себе достаточно сил, чтобы встать, он спустился в гостиную и сел на край диванчика, спиной к окнам и сочившемуся сквозь них мутному осеннему свету.

Малек все так же наблюдал за ним, ординарец все так же возился на кухне; ни один из них и словом не упомянул об истерическом припадке, не подал ни малейшего знака, что вообще что-то произошло, но Константину было ясно — он перешел какой-то важный рубикон. Отношения с Малекom изменились в корне. Страх перед неизбежностью смерти, мучительную тайну точной ее даты сменило спокойное осознание: процесс, санкционированный судом, будет неотвратимо следовать своим чередом, а Малек и ординарец — всего лишь исполнители воли пребывающего где-то вдали аппарата. В некотором смысле и этот приговор, и это полупризрачное существование в вилле — микрокосм самой жизни с внутренне ей присущими, но не вызывающими постоянного ужаса неопределенностями, с неизбежным ее концом в день, никогда не известный заранее. Глядя на жизнь в вилле с такой точки зрения, Константин уже не страшился перспективы своего исчезновения из мира, не забывая, однако, что какое-либо неожиданное изменение политического ветра может принести ему помилование.

В дополнение к этому Константин понял, что Малек — далеко не простой исполнитель приговора, фигура чисто формальная, а посредник между ним и иерархией, в некотором немаловажном смысле — даже потенциальный союзник. Пересматривая свою защиту против обвинения, которое суд возжелал ему предъявить, — теперь он понимал, что со слишком уж большой готовностью принял *fait accompli* своей вины, — Константин одновременно просчитывал, каким образом можно использовать помощь Малек-ка. Нет никакого сомнения, что он ошибся в оценке этого человека. Острый ум, внушительная внешность; надзиратель далеко не какой-то там мордастый убийца — начальное впечатление было результатом некоторой замутненности восприятия. Эта прискорбная близорукость стоила Константину двух месяцев драгоценного времени,

которое можно было посвятить организации пересмотра приговора.

Удобно закутавшись в домашний халат, он сидел за карточным столом, поставленным в гостиной (с похолоданием они перешли с веранды сюда; коричневая бумажная заплата в нижней части двери напоминала об этом первом круге чистилища), и старался сосредоточиться на шахматах. Сидящий напротив Малек сцепил руки на правом колене; иногда, когда он особенно задумывался над ходом, большие его пальцы начинали описывать круги. Поведение надзирателя не стало менее сдержанным, чем прежде, однако что-то показывало: он и понимает и одобряет переоценку Константином положения. Как и прежде, он всюду за ним следовал, однако это внимание заметным образом приобрело характер чисто формальный, словно теперь он знал — его подопечный не попытается больше бежать.

Константин был откровенен с самого начала:

— Малек, у меня нет ни малейших сомнений, что Министерство юстиции ввело в заблуждение Генерального прокурора и для суда не было абсолютно никаких оснований. Из всех имевшихся против меня обвинений формально было предъявлено лишь одно, так что я не мог даже защищаться. Вы можете такое себе представить, Малек? А выбор высшей меры при одном-единственном — таком — обвинении был чистым произволом.

Малек кивнул и передвинул фигуру:

— Вы все это уже объясняли, господин Константин. Боюсь, у меня не слишком юридический склад ума.

— Да тут и не надо никакой особой юриспруденции, — заверил его Константин. — Тут же все совершенно очевидно. Я надеюсь, что есть еще возможность опротестовать решение суда и добиться пересмотра дела.

Константин взмахнул в воздухе шахматной фигурой:

— Как я ругаю себя, что так легко согласился с обвинением. Я же практически даже не пытался защищаться. Если бы только я защищался! Меня наверняка признали бы невиновным.

Пробормотав что-то уклончивое, Малек указал на доску. Константин вернулся к игре. Раз за разом проигрывая, он не обращал на свои проигрыши особого внимания; ведь они только укрепляли связь с Малекком.

Кристалльно очевидная задача: нужно передать в министерство юстиции кассационную жалобу, сделать это можно только через надзирателя — если удастся полностью убедить его, что в деле осталось достаточно места для сомнений. Преждевременная просьба может наткнуться на автоматический отказ Малека, сколь бы ни были велики его личные симпатии. И наоборот, как только Малек прочно будет на стороне Константина, у него появится готовность рискнуть собственной в глазах начальства репутацией; к тому же поддержка им Константина сама по себе будет убедительным доказательством невиновности последнего.

Очень скоро, после практически односторонних бесед с Малекком, Константину стало ясно, что обсуждать с ним процессуальные подробности суда, бесконечно тонкие нюансы, неявные предположения совершенно непроеизводительно. Придется добиваться нужного результата, опираясь на впечатление, производимое собственной личностью, — манерой держать себя, разговаривать, общим поведением и, самое главное, убежденностью в своей невиновности перед лицом ежесекундно могущей последовать кары. Как ни странно, этот последний момент оказался совсем не таким трудным, как можно было бы ожидать; Константин уже почувствовал прилив уверенности, что в конце концов удастся ускользнуть из этой виллы. Рано или поздно, но Малек обязательно почувствует неподдельность его внутренней убежденности.

Однако поначалу надзиратель хранил привычную свою флегматичность. Целые дни напролет, с утра до вечера, Константин говорил и говорил, с каждым словом становилось очевиднее, что его обязательно признают невиновным, но Малек лишь кивал, слегка улыбаясь и продолжая свою неизменно безошибочную игру.

— Малек, мне совсем не хотелось бы, чтобы у вас сложилось впечатление, что я подвергаю сомнению компе-

тенцию данного суда рассматривать обвинения, выдвинутые против меня, или относиться к нему без должного уважения.

После инцидента на веранде прошло уже около двух недель, и они играли обычную свою утреннюю партию.

— Ни в коем случае. Но решения суда должны выноситься в контексте предъявленных обвинителем доказательств. И даже тогда остается очень важное обстоятельство — роль, играемая в процессе самим обвиняемым. В моем случае я практически не был представлен в суде, так что *force majeure* устанавливает необходимость вынесения мне оправдательного приговора. Вы согласны со мной, Малек?

Малек, поджав губы, изучал выстроенные на доске фигуры:

— Боюсь, это выше моего понимания, господин Константин. Я лично не считаю себя вправе подвергать сомнению авторитет суда.

— Но ведь и я ничуть в нем не сомневаюсь. Я же это вам совершенно ясно объяснил. Вопрос состоит только в том, оправдан ли этот приговор в свете описанных мной новых обстоятельств.

Малек пожал плечами; по всей видимости, его больше интересовал сложившийся эндшпиль:

— Я бы посоветовал вам, господин Константин, смириться с приговором. Для вашего же спокойствия.

Нетерпеливо взмахнув рукой, Константин резко отвернулся:

— Не могу с вами согласиться. К тому же слишком многое поставлено на карту.

Его взгляд упал на окно, стучавшее на промозглом осеннем ветру. Рамы закрывались не очень плотно, и по комнате гулял сквозняк. Отапливалась вилла из рук вон плохо, единственный установленный в гостиной радиатор обогревал все три комнаты первого этажа. Приближающаяся зима уже начинала наводить на Константина ужас. Его руки и ноги постоянно зябли, и он не мог их ничем согреть.

— Малек, а нельзя ли как-нибудь добыть еще один обогреватель? Тут не слишком-то жарко. У меня есть предчувствие, что предстоящая зима будет особенно суровой.

Малек поднял голову от доски, в светло-серых глазах, глядящих на Константина, мелькнула искорка любопытства, словно это последнее замечание было одной из очень немногих фраз его подопечного, таивших в себе какой-то намек.

— Холодно,— согласился он в конце концов.— Посмотрю, не удастся ли взять у кого-нибудь радиатор. Большую часть года эта вилла заперта.

Всю следующую неделю Константин изводил его напоминаниями — отчасти потому, что успех мог символизировать первую уступку Малека,— но обогреватель так и не материализовался. В конце концов Малек отделался какой-то неуклюжей отговоркой, а дальнейшие разговоры на эту тему просто игнорировал. За окнами холодные вихри мотали по камням листья, небо заполняли низкие облака, несущиеся в сторону моря. Два человека сидели в гостиной около радиатора, согнувшись над шахматной доской, в промежутках между ходами засовывая руки глубоко в карманы.

Возможно, как раз по причине ненастной погоды Константин и потерял терпение. В отчаянии от неспешности надзирателя, который никак не мог понять столь ясные аргументы, он предложил — впервые,— чтобы Малек передал своим начальникам из министерства юстиции официальное прошение о повторном суде.

— Вы же каждое утро говорите с кем-то по телефону,— настаивал он, видя нерешительность Малека.— Тут нет ровно ничего сложного. Если вы боитесь себя скомпрометировать — по моему мнению, это совсем небольшая цена, принимая во внимание, *что* поставлено на карту,— тогда можно передать через ординарца.

— Это невозможно, господин Константин.— По-видимому, разговор начал утомлять Малека.— Я бы посоветовал вам...

— Малек!

Константин встал и заходил по гостиной:

— Неужели вам не понять, что вы просто должны? Ведь вы, в самом буквальном смысле этого слова, единственная моя связь с миром; если вы откажетесь, я буду абсолютно бессилен, потеряю всякую надежду на отмену приговора!

— Суд уже состоялся, господин Константин. — В голосе Малека звучало бесконечное спокойствие.

— Не суд, а судилище! Неужели вы не понимаете, Малек, что я признал вину, будучи, в сущности, совершенно невиновным.

Малек оторвался от доски, брови его поползли вверх:

— *Совершенно* невиновным, господин Константин?

Константин щелкнул пальцами:

— Ну, практически невиновным. Во всяком случае — что касается суда и предъявленного мне обвинения.

— Но это же — чисто формальное различие, господин Константин. А министерство юстиции заботится лишь об абсолютных понятиях и ценностях.

— Совершенно верно, Малек. Полностью с вами согласен.

Одобрительно кивнув надзирателю, Константин отметил про себя насмешливое выражение его лица; оказывается, Малек способен на иронию.

В их разговорах появился некий лейтмотив, раз за разом повторявшийся в последние дни: каждый раз, когда Константин касался прощения о пересмотре дела, Малек парировал одним из своих обманчиво-наивных вопросов, стараясь выяснить какое-либо малозначительное, частное обстоятельство, словно стараясь заставить Константина раскрыться полнее. Решив было, что надзиратель в собственных своих целях выуживает информацию о членах иерархии, Константин подкинул ему куски на пробу. Полное равнодушие Малека свидетельствовало о неожиданном: тот действительно хочет узнать, насколько искренне Константин считает себя невиновным.

Однако не было ни малейших признаков, чтобы Малек собирался связаться с министерством юстиции; нетерпение Константина продолжало расти. Теперь он использовал утренние шахматы для длинных монологов на тему пороков и недостатков судебной системы, используя в качестве иллюстрации собственное дело, раз за разом утверждая свою невиновность и даже позволяя себе намеки, что Малек может оказаться виновным, буде по некоей несчастной случайности приговор не отменят.

— Я нахожусь в поистине странном положении, — говорил он Малеку ровно через два месяца после своего появления на вилле. — Все, абсолютно все удовлетворены этим приговором, и только я один знаю о собственной невиновности. Я чувствую себя как человек, которого похоронят заживо.

Подняв голову от доски, Малек изобразил легкую улыбку:

— Разумеется, господин Константин. Ведь себя можно убедить в чем угодно, был бы достаточно серьезный стимул.

— Но Малек, — продолжал настаивать Константин, игнорируя доску и все свое внимание сконцентрировав на надзирателе, — уверяю вас, это — совсем не предсмертное раскаяние. Поверьте мне, я же знаю. Я изучил свое дело со всех возможных точек зрения, поставил под вопрос любые возможные мотивы. И у меня нет сомнений. Может быть, когда-то я был готов признать возможность своей вины, но теперь мне понятно, как сильно я ошибался в этом, — жизненный опыт побуждает нас возлагать на себя слишком большую ответственность; не дотягивая до поставленного идеала, мы начинаем относиться к себе критически и готовы признать себя виновными во всем. Теперь я знаю, Малек, насколько опасен такой курс действий. Только совершенно невиновный человек способен осознать, что это такое — вина.

Константин замолк и откинулся на спинку. Страстный монолог слегка его утомил. В гостиной было очень холодно. Малек медленно покачивал головой, на его губах

блуждала легкая, не лишенная сочувствия улыбка; казалось, он понимает все, что говорит ему Константин. Затем, сделав ход и пробормотав «извините, пожалуйста», он встал и вышел.

Константин получше завернулся в халат; его глаза беспорядочно блуждали по доске. Он заметил, что последний ход Малека был первым по-настоящему плохим за все партии, но чувствовал себя слишком усталым, чтобы толком использовать предоставившуюся возможность. В своей короткой речи он изложил Малеку все, во что верил; больше говорить уже нечего. Теперь все, что будет дальше, зависит исключительно от Малека.

— Господин Константин.

Повернувшись на стуле, он к полному своему удивлению увидел, что стоящий в двери надзиратель одет в длинное серое пальто.

— Малека? — На мгновение сердце Константина бешено заколотилось, но он сдержал себя. — Малека, значит, вы все-таки согласились, вы отвезете меня в Министерство?

Малека покачал головой; глаза, смотревшие на Константина, были очень серьезны.

— Не совсем так. Я просто подумал, не стоит ли нам прогуляться по двору, господин Константин. Глоток свежего воздуха вам совсем не повредит.

— Конечно, Малека, конечно. Это вы хорошо придумали. — Константин встал, слегка покачнувшись, и затянул потуже пояс халата. — Вы уж извините мои дикие мечтания.

Он попытался улыбнуться Малеку, но тот стоял уже у двери, засунув руки в карманы и глядя куда-то вниз.

Они вышли на веранду. Снаружи, на маленьком каменистом дворике, бешено, спиралями бросая в небо сухие листья, кружился холодный утренний ветер. Константин не видел особого смысла выходить во двор, но стоявший за ним Малека уже взялся рукой за дверь.

— Малек.— Что-то заставило Константина повернуться и поглядеть надзирателю прямо в лицо.— Вы же понимаете, почему я говорю, что абсолютно невиновен. Я знаю это.

— Разумеется, господин Константин.— Лицо надзирателя было мягким и почти доброжелательным.— Я понимаю. Когда вы уверены в своей невиновности, ваша вина очевидна.

Его рука распахнула дверь во двор, в крутящиеся листья.

Последний берег

По ночам, лежа на полу разрушенного бункера, Травен слышал шум волн, разбивавшихся о берег лагуны, — словно где-то вдали прогревали двигатели гигантские самолеты, застывшие у края летного поля. Воспоминания о длительных ночных рейдах над японской территорией заполняли его первые месяцы на острове видениями охваченных пламенем, падающих бомбардировщиков. Когда организм ослаб под натиском бери-бери, эти кошмары прошли, и теперь шум прибоя напоминал лишь об огромных валах, обрушивающихся на Атлантическое побережье Африки близ Дакара, где он родился, и о том, как он ждал вечерами родителей, глядя из окна на дорогу от аэропорта. Как-то раз, еще весь во власти этих воспоминаний, Травен проснулся на своем ложе из старых журналов и вышел к дюнам, закрывавшим от него берег.

В холодном ночном воздухе хорошо видны были «летающие крепости», брошенные среди пальм за ограждением запасного посадочного поля метрах в трехстах от бункера. Травен брел по темному песку, уже забыв, в какой стороне берег, хотя атолл был всего-то около километра в ширину. На вершинах дюн причудливо клонились в разные стороны высокие пальмы, похожие в полутьме на знаки

некоего таинственного алфавита. Весь остров, казалось, был исписан какими-то загадочными символами.

Оставив попытки выйти к берегу, Травен наткнулся на след, выдавленный много лет назад большой гусеничной машиной. Жар ядерных взрывов сплавил песок, и двойная цепочка ископаемых следов, которую вечерний бриз очистил местами от нанесенного песка, змеилась между дюнами, словно отпечатки лап древнего ящера.

Сил идти дальше не было. Травен уселся между отпечатками траков и, надеясь, что следы все-таки выведут его к берегу, принялся расчищать ближайшую цепочку клинообразных вмятин от засыпавшего их в этом месте песка. К бункеру он вернулся незадолго до рассвета и проспал в раскаленной тишине почти весь день.

Лабиринт (1)

Обычно в эти изматывающие послеполуденные часы, когда с берега не доносилось ни малейшего дуновения ветерка и даже пыль лежала неподвижно, Травен отсиживался в тени одного из блоков, где-нибудь в самом центре состоящего из них лабиринта. Прислонись спиной к грубой бетонной стене, он флегматично разглядывал проходы между строениями и открывающуюся взору цепочку одинаковых дверей. Каждое утро Травен покидал свое убежище в заброшенном телеметрическом бункере среди дюн и забирался в лабиринт бетонных блоков. Первые полчаса он держался крайнего ряда, время от времени пробуя отпереть ту или иную дверь ржавым ключом, который нашел в куче консервных банок и прочего мусора на песчаной косе, соединяющей полигон и взлетную полосу, затем, будто следуя заведенному распорядку, обреченно сворачивал к центру лабиринта, иногда бросаясь бежать и резко меняя направление, словно хотел спугнуть засевшего где-то в укрытии невидимого врага. Очень скоро он снова понимал, что заблудился, и, несмотря на все его старания, ноги опять приводили его в центр лабиринта.

В конце концов он прекращал тщетные попытки и сидел в пыль, наблюдая, как у основания блоков выползают из трещин тени. Так или иначе, когда солнце оказывалось в зените, он неизменно оставался в ловушке — пережидая термоядерный полдень на острове Эниветок.

Больше всего его занимал один вопрос: «Что за люди жили в этом бетонном городке?»

Искусственный ландшафт

«Этот остров — состояние памяти», — заметил как-то Осборн, один из ученых, работавших у старых причалов для подводных лодок. Травену эти слова стали понятны лишь спустя две-три недели. Несмотря на песчаные дюны и немногочисленные чахлые пальмы, в целом остров являл собой некий искусственный ландшафт, творение человеческих рук, напоминающее жуткое переплетение реликтовых автострад. Комиссия по атомной энергетике прекратила все работы на острове сразу после моратория на ядерные испытания, но дикое нагромождение боевой техники, бетонированных проездов, башен и блокгаузов напрочь исключало любые попытки вернуть этот клочок суши в естественное состояние. (А кроме того, признавал Травен, есть и более сильные, неосознанные причины: если примитивный человек ощущал необходимость подгонять окружающий мир под возможности своей психики, люди двадцатого века вывернули этот процесс наизнанку; по их картезианским меркам, остров, во всяком случае, точно *существовал*, что они вряд ли могли утверждать о прочих местах на Земле.)

Однако, кроме нескольких ученых, никто так и не пожелал вернуться на бывший полигон, и даже катер морской патрульной службы, стоявший в бухте на якоре, убрали оттуда за три года до того, как Травен появился на острове. Запустение, царившее там, очевидная связь острова с периодом «холодной войны» — с периодом,

который Травен окрестил «третьим предвоенным», — действовали крайне угнетающе, это был какой-то Аушвиц душ человеческих, чьи памятники стояли над общими могилами еще живых людей. С наступлением разрядки в русско-американских отношениях эту кошмарную главу истории с радостью забыли.

«Третий предвоенный»

«Как реальная, так и потенциальная разрушительная сила ядерного оружия действует непосредственно на подсознание человека. Даже поверхностное изучение снов и фантазии умалишенных доказывает, что мысли о гибели мира скрытно присутствуют в человеческом подсознании... Нагасаки, уничтоженный колдовской силой науки, — это пока максимальное приближение к реализации подсознательных стремлений, которые и в безопасном состоянии сна и покоя нередко порождают тревожные кошмары».

Глоувер.

«Война, садизм и пацифизм»

«Третий предвоенный»: этот период Травен характеризовал прежде всего моральной и психологической извращенностью, ощущением неразрывности истории и, самое главное, связи ее с близким будущим — два десятилетия, 1945—1965, словно повисли на краю вулкана третьей мировой войны. Даже смерть жены и шестилетнего сына, погибших в автомобильной катастрофе, казалась лишь частью этого колоссального процесса, синтезирующего историческое и духовное «ничто», частью беспорядочного переплетения суматошных автострад, где они каждое утро снова и снова встречали свою смерть, словно предваряя всемирный Армагеддон.

Третий берег

На берег Травен выбрался в полночь, после долгих и опасных поисков прохода между рифами. Маленькая моторная лодка, которую он нанял у австралийского ловца жемчуга на острове Шарлотт, пробитая в нескольких местах острыми коралловыми обломками, дала течь и затонула на мелководье. Травен из последних сил двинулся в темноте через дюны к бункерам и бетонным башням, едва заметным в сумерках среди пальм.

На следующее утро он проснулся от яркого солнечного света на каком-то пологом бетонированном склоне на берегу то ли пустого водоема, то ли контрольного резервуара метров шестидесяти диаметром, являвшегося частью системы искусственных озер, что располагались в середине острова. Решетки выходных каналов были забиты листвой и высохшей грязью, а чуть дальше в озерце теплой воды с полметра глубиной отражались несколько пальм.

Травен сел, пытаясь сообразить, все ли у него в порядке. Короткая инвентаризация, подтвердившая лишь целостность физической оболочки, включала в себя совсем немного пунктов: его собственное изможденное тело да обтрепанная хлопчатобумажная одежда — вот, пожалуй, и все. Хотя в свете того, что его окружало, даже этот набор лохмотьев сохранял некий жизненный заряд. Запустение и отсутствие на острове какой бы то ни было местной фауны только подчеркивалось огромными скульптурными формами контрольных водоемов. Отделенные друг от друга узкими песчаными перемычками, эти искусственные озера тянулись полукругом, следуя за изгибом атолла, а по обеим сторонам их, кое-где укрытые тенью редких пальм, сумевших укорениться в трещинах бетона, располагались подъездные дороги, телеметрические башни и отдельные блокаузы. Все это вместе образовывало сплошную бетонную коронку на зубе атолла — функциональное мегалитическое сооружение, такое же серое и угрожающее (и такое же, видимо, вечное, если смотреть на него из далекого будущего), как культовые памятники Ассирии и Вавилона.

Многократные ядерные испытания спланировали песок слоями, и эти псевдогеологические слои на века сохранили следы кратких эпох термоядерной эры, каждая из которых длилась несколько микросекунд. Неудивительно, что остров выворачивал наизнанку известное у геологов изречение: «Ключ к прошлому лежит в настоящем». Здесь ключ к настоящему находился в будущем. Весь остров был реликтом будущего, а его бункеры и блокаузы лишь наводили на мысль о панцирях и раковинах ископаемых животных.

Травен опустился на колени в теплом озерце и плеснул воды себе на рубашку. В воде отражались его худые плечи и бородатое лицо. На остров он приплыл, можно сказать, с пустыми руками, если не считать маленькой плитки шоколада, — надеялся, что так или иначе прокормится. Возможно также, Травен отождествлял потребность в пище с движением по временной оси вперед и полагал, что с его возвращением в прошлое — или, по крайней мере, в некую вневременную зону — эта потребность просто исчезнет. Лишения, перенесенные за шесть месяцев плавания через Тихий океан, превратили его и без того худощавое тело в бесплотный призрак нищего бродяги — казалось, лишь озабоченность, застывшая в глазах, как-то еще позволяет ему держаться на ногах. Однако столь явственное телесное убожество как бы подчеркивало его внутреннюю стойкость и выносливость, экономичность и точность его движений.

Травен несколько часов подряд бродил по острову, обследуя бункеры один за другим и выбирая место для ночлега, пока не оказался на маленьком разрушенном аэродроме, возле которого, словно груды мертвых птерозавров, лежало с десятков бомбардировщиков «Б-29».

Трупы

Однажды он забрел на небольшую улочку, вдоль которой выстроились металлические павильоны — кафетерии, комнаты отдыха, душевые. За кафетерием валялся наполо-

вину утонувший в песке музыкальный автомат с полным набором пластинок.

Дальше, в небольшом контрольном водоеме в пятидесяти метрах от павильона, лежали тела, как в первое мгновение подумалось Травену, бывших обитателей города-призрака — больше десятка пластиковых манекенов в рост человека. Их оплавленные лица, превратившиеся в невнятные гримасы, казалось, поворачивались ему вслед, наблюдая за ним из кучи перепутанных ног и торсов.

Со всех сторон доносился приглушенный дюнами шум океанских волн — там огромные водяные валы разбивались о рифы и медленно выползали на берег. Однако Травен избегал моря, застывая порой в нерешительности перед каждой дюной, откуда будет виден морской простор. Любая телеметрическая башня давала прекрасный обзор всего исковерканного пейзажа, но ржавым лестницам, ведущим наверх, он тоже не доверял.

Довольно скоро Травен понял: каким бы хаотичным ни казалось ему расположение башен и блокгаузов, над местностью доминирует одна общая фокусная точка, с которой открывается уникальная перспектива. Присев отдохнуть у оконной щели одного из бункеров, он заметил, что все наблюдательные посты располагаются концентрическими дугами, сходящимися в святой святых острова. Центр этих дуг скрывался за линией дюн в полукилометре к западу.

Последний бункер

Проведя несколько ночей под открытым небом, Травен вернулся к бетонному берегу искусственного водоема, где проснулся в свое первое утро на острове, и устроил себе дом — если таким словом можно назвать сырую нору с осыпающимися стенами — в одном из бункеров для телеметрии метрах в пятидесяти от цепочки контрольных водоемов. Темная пещера с толстыми скошенными стенами хотя и напоминала склеп, но все же давала ощущение

некоего убежища. Песок снаружи лежал волнами вдоль стен и уже наполовину завалил узкий вход: в бесчисленных песчинках словно кристаллизовалась огромная эпоха, начавшаяся со времен создания бункера. В западной стене, похожие на буквы рунического алфавита, зияли пять узких прямоугольных щелей для аппаратуры — форма и размеры каждой определялись соответствующими приборами. Различные варианты подобных знаков украшали и стены многих других бункеров — особая, неповторимая роспись на каждой стене. Просыпаясь по утрам, Травен видел перед собой пять ярких, окрашенных в цвет неба рунических знаков.

Большую часть дня в его пещеру просачивался лишь серый призрачный свет. В диспетчерской, в башне у аэродрома, Травен нашел подборку старых журналов и сделал из них постель. Как-то раз, лежа в бункере после первого обострения бери-бери, он вытянул из-под себя мешавший журнал и обнаружил внутри большую фотографию шестилетней девочки, светловолосой, спокойной, с задумчивым взглядом. Ее облик всколыхнул в нем множество болезненных воспоминаний о собственном сыне. Он приколот фотографию к стене и часто глядел на нее, погружаясь в раздумья.

Первые несколько недель Травен редко выбирался из бункера, отложив исследование атолла на потом. Символическое путешествие к сердцу острова устанавливало свои собственные сроки. Травен не планировал для себя никакого распорядка и очень скоро потерял всякое ощущение времени. Его жизнь обрела некое экзистенциальное качество — абсолютную отъединенность, полный отрыв одного мгновения от другого. Ослабев настолько, что он уже не в силах был искать пищу, Травен держался на НЗ, найденных в разбитой «летающей крепости». На то, чтобы без всяких инструментов открыть банку, у него порой уходил целый день. Он слабел все больше и больше, но взирая на свои исхудавшие ноги и руки с полным безразличием.

Со временем Травен забыл о существовании моря, и ему начало казаться, что атолл как бы часть некоего

бесконечного материка. В сотне метров к северу и к югу от бункера поднимались дюны, увенчанные загадочной клинописью пальм и скрывавшие море, а по ночам слабый рокот волн сливался в его восприятии с воспоминаниями о войне и о детстве. К востоку от бункера находилась запасная взлетная полоса с брошенными рядом самолетами. В послеполуденном мареве четкие силуэты самолетов, казалось, начинали двигаться, словно могучие машины собираются взлететь. Перед бункером, где Травен обычно любил сидеть, уходила вдаль цепочка мелких контрольных водоемов.

А над головой Травена, словно священные символы футуристического мифа, смотрели со стены пять загадочных отверстий.

Озера и призраки

Озера построили, чтобы выявить радиобиологические изменения в специально подобранных представителях фауны, но подопытные животные давно уже выродились в гротескные подобию своих видов, после чего и были уничтожены.

Вечерами, когда бетонные бункеры и дорожки заливал призрачный замогильный свет, а контрольные резервуары представлялись декоративными озерами в городе мертвых, который покинули даже его обитатели, Травену иногда являлись призраки жены и сына. Одинокие фигуры наблюдали за ним с противоположного берега, казалось, часами. И хотя они были совершенно неподвижны, Травен не сомневался, что они зывают к нему. Очнувшись от раздумий, он поднимался на ноги и ковылял по темному песку к краю озера, входил в воду и двигался дальше, беззвучно крича что-то им в ответ, но жена и сын уходили рука об руку все дальше за озера и скрывались в конце концов где-то за силуэтами дальних построек.

Дрожа от холода, Травен возвращался в бункер, ложился на свою лежанку из старых журналов и ждал нового

появления родных ему людей. А по реке его памяти плыли их лица — лица жены и сына, словно бледные фонари в ночи.

Лабиринт (2)

Только обнаружив лабиринт блоков, Травен понял, что никогда уже не покинет остров.

На этой стадии, месяца через два после прибытия, он полностью истощил свой скудный запас найденных продуктов, и симптомы бери-бери обострились еще больше. Ноги и руки отнимались, уходили силы. Лишь громадное напряжение воли и мысль о том, что он еще не успел побывать в святой святых острова, помогали ему подниматься со своего журнального ложа и вновь выбираться из бункера.

Сидя в тот вечер на песке у входа в бункер, Травен заметил мелькающий за пальмами на дальнем конце атолла свет. Решив почему-то, что это жена и сын ждут его у жаркого костра среди дюн, он пошел на свет. Но метров через сто потерял направление и несколько часов плутал по краю аэродрома, в результате чего лишь порезал ногу притаившимся в песке осколком бутылки от кока-колы.

Отложив поиски, Травен отправился в путь на следующее утро. Он упрямо двигался мимо башен и блокаузов, а над островом огромным удушливым покрывалом раскинулась жара. Время словно исчезло. И только сужающиеся контрольные площадки предупреждали его, что он входит во внутреннюю зону полигона.

Травен взобрался на холм — предельно дальнюю точку в его исследованиях острова: на равнине перед ним, словноobelisks, поднимались телеметрические башни. Не раздумывая, он двинулся к ним. На серых стенах башен остались бледные, как бы стилизованные очертания человеческих фигур в различных позах — тени сотрудников полигона, выжженные ядерной вспышкой на бетоне. То тут, то там висели в неподвижном воздухе над трещинами

в бетоне кроны пальм. Контрольные водоемы здесь были меньше, зато больше стало в них сломанных пластиковых манекенов. В основном они лежали в мирных домашних позах, как и перед началом испытаний.

А за самой последней чередой дюн, где башни уже повернулись лицом к нему, показались крыши каких-то строений, похожих на стадо слонов с квадратными спинами. «Слоны» стояли рядами, словно в загоне с невысоким ограждением, и на их спинах поблескивало солнце.

Прихрамывая на больную ногу, Травен двинулся вперед. По обеим сторонам от него ветер подмыл дюны, и несколько блокгаузов завалились на бок. Равнина, утыканная бункерами, была примерно с полкилометра длиной и напоминала кладбище полузасыпанных песком судов, выброшенных взрывом на берег во время каких-то давних экспериментов, или гигантские панцири, оставленные стадом бетонных чудовищ, что расположились ровными рядами в низине.

Лабиринт (3)

Чтобы хоть в какой-то степени представить себе несметное количество, подавляющие размеры блоков и их воздействие на Травена, вообразите себя сидящим в тени одного из этих бетонных монстров или бредущим где-нибудь внутри огромного лабиринта, занимающего всю центральную часть острова. Их было ровно две тысячи — совершенно правильных кубов около пяти метров высотой на расстоянии десяти метров один от другого. Кубы стояли сходящимися в направлении эпицентра рядами, по двести штук в ряду. Годы, прошедшие с тех пор, как их построили, не оказали на них почти никакого воздействия, и голые силуэты кубов стояли как зубья гигантской штамповочной пластины, созданной, чтобы выдавить в воздухе прямоугольные формы, каждая размером с дом. Три стены были ровные и монолитные, а на четвертой, дальней от эпицентра, располагалась узкая дверь.

Именно эта деталь поразила Травена особенно сильно. Несмотря на столь значительное количество дверей, из-за странной игры перспективы из любой точки лабиринта можно было увидеть только двери, находящиеся в одном ряду. Когда Травен двигался от внешнего ограждения к центру лабиринта, маленькие металлические двери появлялись в поле зрения и исчезали ряд за рядом.

Штук двадцать кубов, ближайших к эпицентру, были из сплошного бетона, у остальных толщина стен зависела от расположения. Однако снаружи все они выглядели одинаково монолитно.

Оказавшись в первом проходе, Травен почувствовал, что хроническая усталость, мучившая его столько месяцев, начала проходить. Бетонные строения с их геометрически правильным расположением и строгостью форм, казалось, занимали гораздо больше места, чем на самом деле, отчего Травена охватило ощущение абсолютного покоя и порядка. Стремясь забыть поскорее, как выглядит весь остальной остров, он двигался дальше и дальше к центру лабиринта и наконец, свернув несколько раз направо, то влево, то вправо, оказался совсем один — ни моря, ни залива, ни самого острова уже не было видно.

Травен сел спиной к одному из блоков, забыв даже о том, что пошел на поиски жены и сына. Впервые с тех пор, как он оказался на острове, чувство отчуждения, вызванное здешним запустением, начало отступать.

Близился вечер. Он вспомнил, что ему надо поесть, но вдруг понял, что заблудился, и это оказалось для него полной неожиданностью. Двигаясь по своим следам назад, сворачивая резко то влево, то вправо, ориентируясь по закатному солнцу и решительно шагая то на север, то на юг, он снова и снова возвращался к исходной точке. И только когда стало совсем темно, ему удалось выбраться из лабиринта.

Оставив свое прежнее жилище у кладбища самолетов, Травен собрал все консервы, что сумел отыскать в заброшенных башнях или в кабинах «летающих крепостей», и перетащил их на самодельных салазках через весь атолл. Он выбрал накренившийся бункер метрах в пятиде-

сяти от внешней цепочки блоков и приколот выцветшую фотографию светловолосой девочки на стену у входа. Старая журнальная страница, вся покрытая трещинами, уже буквально разваливалась на куски и была похожа на отражение самого Травена в потускневшем, потрескавшемся зеркале. Обнаружив бетонные блоки, Травен превратился в существо, послушное лишь одним рефлексам, которые вызывались к жизни сигналами с каких-то неизвестных уровней его собственной нервной системы (Травен считал, что если над вегетативной нервной системой довлеет прошлое, то деятельность мозга определяет будущее). Просыпаясь по вечерам, он без аппетита ел и отправлялся бродить среди бетонных строений. Иногда Травен брал с собой фляжку воды и проводил там подряд два-три дня.

Стоянка подводных лодок

Эта призрачная жизнь длилась несколько недель. Однажды вечером, в очередной раз направляясь к лабиринту, Травен снова увидел жену и сына — они стояли среди дюн под одинокой телеметрической башней и с равнодушными лицами следили за его действиями. Травен догадался, что они последовали за ним через весь остров, оставив свое убежище среди высохших водоемов. Примерно в то же время он во второй раз заметил далекий свет и решил продолжить исследование острова.

Пройдя с километр, Травен обнаружил четыре причала для подводных лодок, построенных в пересохшем теперь заливе, что глубоко врезался в дюны. У причалов еще оставалось несколько футов воды, и там среди странных светящихся водорослей плавали не менее странные светящиеся рыбы. На вершине металлической мачты на берегу время от времени вспыхивал световой сигнал. Рядом, на пирсе, Травен обнаружил совсем недавно оставленный лагерь и с жадностью принялся перегружать продовольствие, сложенное в металлическом бараке, на свои салазки.

Еда стала разнообразнее, бери-бери отступила, и в последующие дни Травен возвращался в лагерь на пирсе довольно часто. Похоже было, здесь когда-то жили биологи. В строении, где размещался их штаб, ему попала на глаза подборка схем мутировавших хромосом; Травен скал их в трубку и забрал с собой в бункер. Абстрактные изображения ничего ему не говорили, но, выздоравливая, он развлекался тем, что придумывал для них названия. Позже, проходя как-то раз мимо знакомого кладбища самолетов, он снова наткнулся на полузасыпанный песком музыкальный автомат со списком пластинок на панели управления и решил, что лучше названий не придумаешь, он оторвал список и прихватил с собой. Украшенные названиями песен, схемы сразу обрели некую многослойную ассоциативность.

Травен: вместо предисловия

Составляющие прерывистого мира:

Последний берег.

Последний бункер.

Лабиринт.

Этот ландшафт закодирован.

Входы в будущее — Уровни концентрического лабиринта — Зоны значимого времени.

5 августа. Нашли человека по фамилии Травен. Странная, потерянная личность. Скрывается в бункере в заброшенной центральной части острова. Налицо признаки лучевой болезни и плохого питания, но он как бы ничего этого не замечает и, если уж на то пошло, не воспринимает вообще никаких перемен в окружающем мире...

Утверждает, что прибыл на остров с целью неких научных исследований — каких именно, не говорит, — но я подозреваю, что он прекрасно знает и зачем сюда прибыл, и то, сколь уникальна роль острова. Здесь ландшафт как-то странно связан, по-моему, с неким подсознатель-

ным ощущением времени, в частности с тем, что является подавленным предчувствием нашей собственной смерти. Как показывает прошлое, нет необходимости лишний раз говорить о притягательной силе и опасном влиянии на человека подобной архитектуры...

6 августа. У него глаза одержимого. Надо полагать, он не первый и не последний человек, попавший на этот остров.

Доктор К. Осборн. «Эниветокский дневник»

Заблудившийся в лабиринте

По мере того как подходили к концу продовольственные запасы, Травен все чаще оставался внутри лабиринта — берег силы для того, чтобы иметь возможность по-прежнему медленно бродить по пустынным проходам между бетонными блоками. Порезанная стеклом правая нога воспалилась, и стало трудно ходить за продуктами в покинутый биологами лагерь. Травен все больше слабел, и у него все реже возникало желание выйти за пределы лабиринта. Система этих мегалитических строений полностью заменила в восприятии Травена то, что давало ему ощущение относительно устойчивого порядка во времени и в пространстве. Вне лабиринта его восприятие окружающего мира сужалось до нескольких квадратных сантиметров песка под ногами.

В один из своих последних визитов в лабиринт Травен всю ночь и следующее утро провел в тщетных попытках выбраться назад. Он плелся от одной прямоугольной тени к другой, волоча тяжелую, как дубина, и, похоже, распухшую уже до колена ногу, и вдруг осознал, что ему срочно необходимо отыскать какую-то альтернативу этим блокам — иначе он умрет здесь, в плену построенного его воображением мавзолея, как умирала вместе с погребенным в пирамиде фараоном вся его свита.

Травен безвольно сидел где-то в центре лабиринта и глядел на уходящие вдаль кубы-гробницы, когда по небу,

медленно деля его на две половины, прополз с гудением легкий самолет. Он миновал остров, но спустя пять минут вернулся. Решив, что это его последний шанс, Травен заставил себя встать и искать выход из лабиринта, то и дело поглядывая вверх, на чуть поблескивающий в небе серебристый крестик.

Уже лежа в своем бункере, он смутно расслышал, как, продолжая осмотр острова, самолет снова пролетел где-то рядом.

Запоздалое спасение

— Вы кто? Вы хоть понимаете, что живы просто чудом?

— Травен... Со мной произошел несчастный случай. Я рад, что вы прилетели.

— Не сомневаюсь. Но почему вы не воспользовались радиотелефоном? Впрочем, ладно, я свяжусь с военными моряками, чтобы вас отсюда забрали.

— Нет...— Травен приподнялся, опершись на локоть, и неуверенно пошарил в карманах.— У меня где-то есть разрешение. Я занимаюсь исследованиями...

— Какими именно? — Впрочем, в вопросе ни малейшего подвоха не чувствовалось. Травен лежал в тени бункера. Пока доктор Осборн бинтовал ему ногу, Травен тянул ослабевшими губами воду из фляжки.— Кроме того, вы воровали наши припасы.

Травен покачал головой. Метрах в пятидесяти от них, словно блестящая стрекоза, стояла на бетоне бело-голубая «Чесна».

— Я не предполагал, что вы вернетесь.

— По-моему, у вас жар.

Сидевшая в кабине самолета молодая женщина прыгнула на бетон и подошла к ним. Она смотрела на серые бункеры и башни, но почти не проявляла интереса к потрепанному человеческий облик Травену. Осборн что-то сказал ей, и, глянув на Травена, женщина пошла к самолету.

Когда она обернулась, Травен вдруг резко приподнялся, узнав ту девочку с фотографии в журнале, приколотой к стене его бункера. Потом сообразил, что журналу от силы лет пять. Снова загудел мотор самолета. «Чессна» вырулила на бетонную полосу и взлетела против ветра.

Ближе к вечеру молодая женщина вернулась к лабиринту на джипе и выгрузила небольшую походную кровать и брезентовый навес. Травен почти весь день проспал и проснулся, чувствуя себя хорошо отдохнувшим, лишь после возвращения Осборна с прогулки по окрестным дюнам.

— Что вы здесь делаете? — спросила женщина, крепя навес к крыше бункера.

Травен молчал, наблюдая за ней, потом все же ответил:

— Я... я ищу жену и сына.

— Они на этом острове? — удивленно спросила она, приняв ответ всерьез, и огляделась по сторонам. — Здесь?

— В каком-то смысле.

Осмотрев бункер, к ним присоединился Осборн.

— Ребенок на фотографии... Это ваша дочь?

Травен замялся.

— Нет. Но по ее воле я стал ей приемным отцом.

Не в состоянии ничего понять из ответов Травена, но все же поверив, что он непременно покинет остров, Осборн и молодая женщина отбыли в свой лагерь. Осборн каждый день приезжал делать перевязку. За рулем машины всегда сидела женщина — похоже, она уже догадалась о роли, отведенной ей Травеном. Узнав, что раньше Травен был военным летчиком, Осборн счел его своего рода современным мучеником, жертвой моратория на ядерные испытания.

— Комплекс вины не должен служить источником бесконечных нравственных кар. Мне кажется, вы перегружаете свою совесть. — Но когда Осборн упомянул Изерли *, Травен покачал головой.

* Клод Изерли — американский летчик, участвовавший в бомбардировке Хиросимы.

Осборн на этом не успокоился.

— Вы уверены, что не ждете на Эниветоке эдакого сошествия святого духа?

— Поверьте, доктор, нет,— твердо ответил Травен.— Водородная бомба стала для меня символом абсолютной свободы. Я чувствую, что благодаря ей у меня есть право — нет, даже обязанность — поступать в соответствии со своими желаниями.

— Странная логика,— возразил Осборн.— Разве не ответственны мы, по крайней мере, за наши собственные физические оболочки? Помимо всего прочего...

— Уже нет, я думаю,— ответил Травен.— В конце концов все мы будто воскресли из мертвых.

Однако он часто думал об Изерли: типичный человек «третьего предвоенного», если исчислять этот период с 6 августа 1945 года,— человек с полным грузом вины перед человечеством.

Вскоре после того как Травен окреп настолько, что снова начал свои прогулки, его пришлось вызволять из лабиринта второй раз. Осборн стал более настойчив.

— Наша работа почти закончена,— предупредил он.— Вы просто умрете здесь, Травен. Что вы в конце концов ищете там, среди этих бетонных кубов?

«Могила неизвестного мирного жителя, Номо *hidrogenesis**, эниветокского человека»,— ответил Травен про себя, но вслух сказал:

— Доктор, вы не в том месте установили лабораторию.

— Да уж конечно, Травен,— едко ответил Осборн.— У вас в голове плавают рыбы куда чуднее тех, что мы видели на стоянке для подлодок.

За день до отлета женщина взяла Травена с собой к искусственным озерам, туда, где он впервые ступил на землю острова. В качестве прощального подарка Осборн передал с ней перечень названий хромосомных наборов на схемах мутации — совершенно неожиданный иронический жест со стороны пожилого биолога.

* Человека ядерного века (*лат.*).

Остановившись у полузасыпанного песком музыкального автомата, женщина старательно прилепила список хромосомных наборов вместо названий песен.

Они довольно долго бродили среди останков «летающих крепостей». Травен потерял ее из вида и минут десять разыскивал, суматошно бегая среди дюн. Женщина стояла в небольшом амфитеатре, образованном наклонными зеркалами солнечной энергетической установки, построенной одной из предыдущих экспедиций. Когда Травен пробрался через металлические дебри, она улыбнулась ему, и в разбитых зеркалах возникла сразу дюжина фрагментированных отражений — где-то без головы, где-то многоруких, подобно индийской богине Кали. Травен смутился, повернул назад и пошел к джипу.

На обратном пути, овладев собой, Травен рассказал ей о том, как видел жену и сына.

— У них всегда спокойные лица, — говорил он. — Особенно у сына, хотя вообще-то он был довольно смешлив. Грустным его лицо было всего один раз — когда он родился на свет. Мне тогда показалось, что у него лицо человека, прожившего миллионы лет.

— Надеюсь, вы их найдете, — сказала молодая женщина, кивнув, затем добавила: — Доктор Осборн хочет сообщить про вас морской патрульной службе. Вам лучше будет где-нибудь спрятаться.

Травен поблагодарил ее и на следующий день в последний раз помахал рукой вслед самолету из самого центра лабиринта.

Морской патруль

Когда за ним прибыла поисковая группа, Травен спрятался в самом что ни на есть лучшем месте. К счастью, моряки не особенно усердствовали: они прихватили

с собой пива, и вскоре поиски превратились в пьяную гулянку.

Позже Травен обнаружил на стенах телеметрических башен неприличные надписи, сделанные мелом: застывшие на бетоне человеческие тени вели между собой диалог, подобно героям комиксов, а их позы приобрели безнравственно-комичный характер и напоминали изображения танцоров в наскальной живописи.

Апогеем пьяного разгула стало сожжение подземного резервуара с бензином у посадочной полосы. Травен слушал сначала усиленные мегафонами голоса, выкрикивавшие его имя и эхом разносившиеся в дюнах, словно крики погибающих птиц, затем грохот взрыва, рев пламени и, наконец, смех моряков, покидающих остров,— ему показалось, что это последние звуки, которые он слышит в жизни.

Спрятался Травен в одном из контрольных водоемов среди обломков пластиковых манекенов. Под горячими лучами солнца их оплывшие лица пляли на него своими пустыми глазницами из мешанины конечностей и улыбались кривыми улыбками, словно беззвучно смеющиеся мертвецы.

Ему стало не по себе, и, выбравшись из завала пластиковых тел, он вернулся в бункер, но лица манекенов все стояли перед глазами. Он двинулся к лабиринту и тут увидел стоящих у него на пути жену и сына. До них было не больше десяти метров, и в обращенных к нему взглядах читалась несокрушимая надежда. Никогда раньше Травен не видел их так близко от лабиринта. Бледное лицо жены как бы светилось изнутри, губы раскрылись словно в приветствии, рука тянулась навстречу его руке. Сын смотрел на него не отрываясь, с забавно сосредоточенным выражением лица и улыбался той же загадочной улыбкой, что и девочка на фотографии.

— Джудит! Дэвид! — Потеряв голову, Травен бросился к ним.

Но неуловимая игра света превратила их одежду в саваны, и Травен увидел у них на груди, на шее страшные

раны. Он в ужасе вскрикнул и, когда они исчезли, бросился в успокаивающе-безопасные проходы лабиринта.

Прощальный катехизис

На этот раз, как и предсказывал Осборн, Травен из лабиринта выбраться уже не смог.

Он сидел где-то в его центральной части, прислонившись спиной к бетонной стене и подняв глаза к солнцу. Горизонт был скрыт за ровными рядами кубов. Временами ему казалось, что строения наступают, надвигаются на него, словно скалы, и проходы между ними сужаются до расстояния вытянутой руки, превращаясь в узкие коридоры. Затем бетонные кубы вдруг отползали, раздвигались, словно точки расширяющейся вселенной, и даже ближайший их ряд казался далекой зубчатой оградой где-то у самого горизонта.

Время утратило свою непрерывность. Часами тянулся полдень, и тени прятались от жары внутри блоков, а солнечный свет отражался от бетонных дорог. Но неожиданно жаркий полдень сменялся утром или вечером, и длинные тени становились похожими на указующие персты.

— Прощай, Эниветок,— пробормотал Травен.

Где-то вдали будто мелькнул свет, и один из кубов исчез, как сброшенная костяшка на счетах.

Прощай, Лос-Аламос. И снова ему показалось, что исчез один куб. Стены коридоров вокруг оставались нетронутыми, но где-то в мысленном пространстве Травена появился маленький пробел.

Прощай, Хиросима.

Прощай, Аламогордо.

Прощайте, Москва, Лондон, Париж, Нью-Йорк...

Мелькание костяшек, отзвуки потерянных единиц... Травен остановился, осознав тщетность своего грандиозного прощания. Такое расставание требовало от него подпisi на каждой частице покидаемой вселенной.

Абсолютный полдень: Эниветок

Теперь блоки лабиринта располагались на безостановочно вращающемся колесе обозрения. Они уносили Травена в небо, и с высоты он видел и остров, и море, а затем возвращался вниз сквозь непрозрачный диск бетонной равнины. Оттуда Травен видел изнанку бетонной коронки острова с ее вывернутым ландшафтом прямоугольных провалов, с куполами системы водоемов и тысячами пустых кубических ям на месте лабиринта.

«Прощай, Травен»

Ближе к концу он разочарованно обнаружил, что это предельное самоотречение не дало ему равным счетом ничего.

Взглянув в один из периодов просветления на свои исхудавшие конечности, Травен увидел кружевной рисунок расплывшихся язв. Справа от него плутал в потревоженной пыли смазанный след его ослабевших ног.

Слева тянулся длинный коридор лабиринта, соединявшийся с другим в сотне метров от Травена. За перекрестком, где случайный узкий просвет открывал пустое пространство, просматривалась, словно зависшая над землей, тень в форме полумесяца.

Следующие полчаса тень медленно ползла, постепенно меняя профиль дюны.

Расселина

Уцепившись сознанием за этот знак, явившийся ему словно герб на щите, Травен заставил себя двигаться. Он с трудом поднялся, прикрыл глаза, чтобы не видеть бетонных кубов, и пошел вперед, останавливаясь через каждые несколько шагов.

Спустя десять минут он выбрался, шатаясь, за западную границу лабиринта, словно голодный нищий, забредший в молчаливый покинутый город на краю пустыни. До дюны оставалось еще метров пятьдесят. А за ней, укрытый тенью, словно ширмой, тянулся влево и вправо от Травена известняковый гребень. Полузанесенные песком, валялись тут останки старого бульдозера, мотки ключей проволоки и двухсотлитровые бочки. Травен медленно добрался до дюны. Уходить от этой безликой песчаной опухоли не хотелось. Он потоптался у ее основания, затем сел в начале неглубокой расселины под выступом скалы.

Отряхнув одежду, Травен терпеливо смотрел на концентрические дуги, составленные из бетонных кубов.

И только минут через десять он заметил, что за ним кто-то наблюдает.

Забытый японец

Труп, чьи глаза смотрели на Травена снизу вверх, лежал слева от него на дне расселины. Это был мужчина средних лет, коренастый; он лежал на спине, прижав ладони к вискам, словно рассматривал что-то в небе, а голова его покоилась на подушке из камней. Одежда на нем истлела, облепив его как саван, но поскольку на острове не было даже мелких хищников, плоть прекрасно сохранилась. Лишь кое-где, на сгибе колена или на запястьях, просвечивали сквозь тонкий пергамент кожи кости, но лицо сохранило все свои черты — тип образованного японца. Разглядывая крупный нос, высокий лоб и широкий рот, Травен решил, что это скорее всего врач или адвокат.

Удивляясь, как тут оказался труп, Травен сполз в расселину. Радиационных ожогов на коже японца не было — значит, он попал сюда лет пять назад или даже меньше. Да и одежда не походила на форменную — едва ли он тогда из какой-нибудь военной или научной группы.

Рядом с трупом, слева, лежал обтрепанный кожаный футляр — планшет для карт. Справа — останки рюкзака, из которых выглядывали фляга с водой и маленький походный котелок.

Травен заскользил вниз по склону, пока его ноги не уперлись в растрескавшиеся подошвы ботинок японца. Голод заставил его на мгновение забыть, что тот специально выбрал расселину, чтобы умереть. Он протянул руку и выхватил из рюкзака флягу: на самом дне плескалось немного ржавой жидкости. Травен в несколько глотков выпил безвкусную воду, и растворенные металлические соли осели на его губах и на языке горькой пленкой. В котелке, кроме чуть липкого осадка высохшего сиропа, ничего не оказалось. Травен соскреб его краем крышки и принялся жевать смолистые чешуйки — они растворялись во рту с почти одурманивающей сладостью. Спустя несколько секунд у него даже голова закружилась, и он привалился спиной к камню рядом с трупом. Незрячие неподвижные глаза японца взирали на него с состраданием.

Муха

(Маленькая мушка, которая, по мнению Травена, последовала за ним в расселину, жужжит теперь у лица мертвого японца. С некоторым чувством вины Травен наклоняется, чтобы убить ее, но вдруг осознает, что, возможно, этот крохотный страж долгое время был единственным другом японца, а в качестве компенсации питался богатыми выделениями из его пор. Осторожно, чтобы случайно не повредить мушки, Травен приглашает ее сесть к нему на запястье.)

Доктор Ясуда. Благодарю вас, Травен. В моем положении, сами понимаете...

Травен. Конечно, доктор. Прошу прощения за то, что пытался ее убить — знаете, врожденные привычки... От них не так-то просто избавиться... Дети вашей сестры в Осаке в сорок четвертом... Ужасы войны... Я не хочу их

оправдывать. Большинство известных мотивов вражды столь отвратительны, что люди пытаются отыскать какие-то неизвестные в надежде...

Я с у д а. Прошу вас, Травен, не смущайтесь. Мухе повезло, что она сохраняет себя так долго. Сын, которого вы оплакиваете, не говоря уже о двух моих племянницах и племяннике, — разве не умирают они каждый день снова и снова? Все родители в мире горюют по утраченным сыновьям и дочерям — по тем, какими их дети были в раннем возрасте.

Т р а в е н. Вы чрезвычайно терпимы, доктор. Я бы не осмелился...

Я с у д а. Вовсе нет, Травен. Я не ишу вам оправданий. Все мы в итоге представляем собой лишь малую толику бесконечных нереализованных возможностей, дарованных нам в жизни. Но ваш сын и мой племянник навсегда остались у вас и у меня в памяти именно такими, какими были тогда, и их «я» неизменны, как звезды в небесах.

Т р а в е н *(не очень уверенно)*. Возможно, это и так, доктор, но отсюда следует опасный вывод относительно этого острова. Бетонные кубы, например...

Я с у д а. Я именно их и имею в виду, Травен. Здесь, в лабиринте, можно обрести наконец свое собственное «я», свободное от опасного влияния времени и пространства. Этот остров — онтологический рай, так зачем же изгонять себя самого в этот изменчивый мир?

Т р а в е н. Простите... *(Муха уселась прямо в высохшую глазницу японца, отчего у мудрого доктора насмешливо заблестел глаз. Наклонившись вперед, Травен сгоняет ее и заманивает на свою ладонь, потом внимательно разглядывает.)* Да, возможно, бункеры и в самом деле носят онтологический характер, но я сомневаюсь, что теми же свойствами обладает муха. Это, безусловно, *единственная* муха на острове, что почти так же хорошо...

Я с у д а. Вы не в состоянии принять множественность вселенной, Травен, — вы не пробовали задаться вопросом почему? И чем вас так притягивает этот остров? Мне кажется, вы охотитесь за белым левиафаном, за чем-то

несуществующим. Этот остров опасен. Бегите отсюда. Будьте покорны и следуйте философии смирения.

Травен. Тогда могу ли я спросить, зачем здесь вы, доктор?

Ясуда. Чтобы кормить эту муху. «Бывает ли любовь сильнее...»

Травен (*все еще растерянно*). Впрочем, это не решает моей проблемы. Эти кубы, понимаете ли...

Ясуда. Хорошо. Если вам так необходимо...

Травен. Но, доктор...

Ясуда (*повелительно*). Убейте муху!

Травен. Но ведь это еще не конец, да и не начало...
(*В отчаянье он убивает муху. Затем падает без сил рядом с трупом и засыпает.*)

Последний берег

Пытаясь отыскать на свалке за дюнами кусок веревки, Травен наткнулся на моток ржавой проволоки. Распутав проволоку, он обмотал ею труп и вытащил его из расщелины. Из крышки деревянного ящика получились примитивные салазки. Травен посадил на них труп, привязал и двинулся по краю лабиринта. Остров безмолвствовал. В горячем воздухе застыли неподвижные пальмы, и только благодаря собственному перемещению менялись непостоянные символы их перекрещенных стволов. Квадратные башенки телеметрических постов торчали над дюнами, словно забытые обелиски.

Час спустя, добравшись до навеса у своего бункера, Травен отцепил проволоку, обмотанную вокруг пояса. Затем взял складное кресло, оставленное ему доктором Осборном, отнес его примерно на середину пути от своего убежища до лабиринта, посадил туда мертвого японца, уложив его руки на деревянные подлокотники, чтобы создавалось впечатление безмятежного покоя, и привязал.

Довольный содеянным, Травен вернулся к бункеру и присел на корточки под навесом.

Проходили дни, сливаясь в недели. Японец с достоинством восседал в своем кресле, охраняя Травена от бетонных блоков. Теперь у него хватало сил, чтобы время от времени выходить на поиски пищи. Под горячими солнечными лучами кожа японца все больше выцветала, выбеливалась. Иногда, проснувшись ночью, Травен натывался взглядом на бледное привидение со спокойно лежащими на подлокотниках руками. В такие мгновения он часто замечал, что с дюн наблюдают за ним жена и сын. Со временем они стали подходить все ближе и иногда оказывались всего в нескольких метрах у него за спиной.

Травен терпеливо ждал, когда они заговорят, и думал о бетонном лабиринте, вход в который охранял сидящий там мертвый архангел, а волны бились и бились о далекий берег, и в снах Травена по-прежнему рушились с неба горящие бомбардировщики.

Сумеречная зона

В Семичасовой Коломбине всегда сумерки. Здесь, поднимая длинным шелковым платьем красноватые облачка мелкого, как пыль, песка, проходила сквозь вечер Габриель Шабо, бесконечно красивая соседка Холлидея. Пустой отель стоял около поселка художников, и Холлидей часами глядел с балкона вдаль, за пересохшую реку, на тусклую, исполосованную неподвижными тенями пустыню, на африканскую мглу, зовущую обещанием утраченных снов. Темные барханы, чьих вершин чуть касался призрачный свет, убегали к горизонту, словно волны ночного океана.

Даже при этом почти статичном освещении, никогда и ничем не сменяемом сумраке, в русле лишившейся воды реки жили, текли цвета и оттенки. Когда с берега, обнажая жилы кварца и бетонные плиты набережной, осыпался песок; вечер на мгновение вспыхивал, подобно освещенному изнутри потоку лавы. Вдали, за барханами, из тьмы вставали башни старых водокачек, многоквартирные дома, строившиеся когда-то рядом с римскими развалинами Лептис-Магны, но так и не законченные. На юге, куда уходил, следуя за извивами сухого русла, взгляд Холлидея, темнота уступала место глубоким индиговым тонам

оросительной системы; тонкие полоски каналов складывались в изысканный узор, чем-то напоминавший очертания скелета.

Холлидею казалось, что этот постепенный переход к цвету, ничуть не менее странный, чем висящие на стенах его номера дикие, сумасшедшие полотна, чуть приоткрывает тайные перспективы этого ландшафта и этого времени, чьи стрелки почти замерли на циферблатах десятков часов, заполнявших каминную полку и столы. Эти часы, поставленные по неуловимому времени нескончаемого дня, он привез сюда, в Северную Африку, в надежде — может быть, здесь, при нулевом психическом потенциале пустыни, они чудесным образом оживут. Мертвые часы, глядевшие прежде с высоты отелей и ратуш на опустевшие теперь города, казались какими-то причудливыми, уникальными растениями африканской пустыни, не нашедшими пока применения ключами, которые откроют дверь в его сны.

Именно с такой надеждой и приехал он три месяца назад в Семичасовую Коломбину. Довесок, присоединенный к названиям всех городов и городков — теперь были Шестичасовой Лондон и Полночный Сайгон, — указывал их положение на почти неподвижной окружности Земли, время бесконечного дня, на которое их забросила переставшая вращаться планета. Последние пять лет Холлидей провел в Норвегии в международном поселении Тронхейм, в мире вечного льда и снега, мире сосновых лесов. Под лучами застывшего в небе, никогда не заходящего солнца сосны, обступившие со всех сторон здешние городки, росли все выше и выше, все крепче смыкая кольцо изоляции. Этот мрачный нордический мир быстро выявил неявные прежде трудности взаимоотношений Холлидея со временем и снами. Плохо спали практически все, не помогали и плотно зашторенные окна; неподвижно висевшее в небе солнце создавало странное впечатление — словно время и потрачено попусту, и не сдвинулось с места, не прошло. Но особенно мучали Холлидея прерванные сны. Раз за разом он пробуждался с отчетливой картиной залитых лунным светом площадей и античных фасадов какого-то

средиземноморского города перед глазами. И женщины, идущей среди колоннад лишенного теней мира.

Только уехав на юг, можно было найти этот теплый ночной мир. В двух сотнях миль к востоку от Тронхейма лежала сумеречная зона, полоса обжигающего холодом ветра и снега, переходившая далее в русские степи, где, словно укрытые от чужого глаза драгоценные камни, таились под покровом ледников брошенные селения. Но в Африке ночной воздух все еще оставался теплым. К западу от сумеречной зоны лежала выжженная Сахара, мир расплавленного песка, стеклянных озер, но вдоль узкой полоски терминатора кое-кто еще жил в старых городах, где гнездились прежде бесчисленные стаи туристов.

Именно здесь, в Семичасовой Коломбине, заброшенном городке на берегу высохшей реки, в пяти милях от Лептис-Магны, Холлидей впервые увидел, как к нему приближается Габриель Шабо, словно вышедшая из его собственного сна.

Можно было понять, зачем приехала сюда, в Семичасовую Коломбину, Леонора, но что касается доктора Мэллори, его мотивы казались Холлидею столь же смутными, неопределенными, как и собственные. Высокий, какой-то отрешенный врач постоянно скрывал глаза за темными очками, словно подчеркивая замкнутость своей внутренней жизни. Большую часть времени доктор Мэллори просиживал в увенчанном белым куполом зале Школы изящных искусств, слушая оставшиеся здесь пластинки квартеров Бартока и Веберна.

Музыка эта была первым, что услышал Холлидей, появившись в городке. На заброшенной автомобильной стоянке в Триполи, рядом с набережной, он нашел почти новенький «пежо», оставленный здесь каким-то инженером-нефтяником, и отправился на юг прямо по семичасовой линии, мимо покрытых пылью городов и расставленных по берегам пересохшей реки, полупогребенных песчаными заносами серебряных скелетов нефтеперегонных заводов. Уходящая на запад пустыня сгорала в золотом мареве под неподвижным солнцем. Казалось, что иско-

реженные жарой лопасти водяных колес оросительной системы вращаются в раскаленном воздухе, наезжают на Холлидея.

На востоке берега реки четкими линиями прорезали темный горизонт, гряды обнажившегося известняка казались просцениумом сумеречного мира. Когда Холлидей свернул на восток, к реке, небо заметно померкло. Дальше он проехал по тянувшейся вдоль берега старой дороге из рифленых металлических плит. Середина русла, где из-под наносов песка и гальки выступали крупные белые камни, лежала как позвоночник доисторического ящера.

В нескольких милях от побережья он нашел Семичасовую Коломбину. Мертвыми, потускневшими зеркалами выступали из барханов стены четырех туристских отелей. Вокруг Школы изящных искусств барханы занесли плавающие бассейны, крыши дачных домиков едва выглядывали из песка. Около отеля «Оазис» дорога окончательно исчезла из вида. Холлидей остановил машину и по ступенькам поднялся в засыпанный пылью вестибюль. Всепроникающий песок кружевом стелился по кафельному полу, разводами и полосами облепил окрашенные в мягкие цвета двери лифтов, скрюченные листья засохших пальм.

Холлидей поднялся по лестнице на второй этаж, прошел мимо столиков и встал у окна. Зеркальная гладь запылилась и растрескалась. Казалось, что это неверное стекло переносит полупогребенные песком останки города в какое-то другое измерение, словно само пространство пытается компенсировать утрату пейзажем временной координаты, загоняя себя в немыслимое искривление.

Сразу решив обосноваться в этом отеле, Холлидей отправился на поиски воды и каких-либо оставшихся в городе запасов пищи. На вымерших улицах лежал толстый слой песка, песок переливался по ним в пересохшую реку. Кое-где из барханов виднелись помутневшие окна «ситроенов» и «пежо». Пройдя вдоль машин, Холлидей свернул в проезд, ведущий к Школе изящных искусств, угловатому зданию, белой птицей вздымавшемуся в небо на фоне красноватой завесы мглы.

В учебной галерее висели поблекшие репродукции картин десятка различных школ, по большей части — образы миров, утративших уже всякий смысл. Однако в небольшой отдельной нише Холлидей нашел сюрреалистов — Делво, Кирико и Эрнста. Эти странные пейзажи, вдохновленные снами, снами, утраченными им самим, наполнили Холлидея глубоким ощущением ностальгии. И в первую очередь — одна из картин, напоминая ему о раз за разом повторявшейся ночной фантазии — «Эхо» Делво, где статная, с классической фигурой женщина идет среди безукоризненно чистых и гладких руин. Бесконечное стремление, содержащееся в этой картине, синтетическое время, порождаемое уменьшающимися, уходящими вдаль изображениями женщины, принадлежали миру его собственной, никогда не прожитой ночи. Найдя под одним из мольбертов старый этюдник, Холлидей начал снимать репродукции со стены.

По пути к наружной лестнице здания, пересекая крышу как раз над залом, Холлидей услышал музыку. Он вопросительно осмотрел фасады пустых отелей, чьи стены поднимались в закатное небо. За Школой изящных искусств, вокруг двух пересохших плавательных бассейнов, теснились домики, где жили когда-то студенты.

Добравшись до зала, Холлидей заглянул внутрь сквозь стекло двери и увидел ряды пустых сидений. Посередине первого ряда, спиной к нему, сидел человек в белом костюме и темных очках. Холлидей не мог сказать, действительно ли человек слушал музыку, однако когда минуты через три-четыре пластинка кончилась, тот встал и поднялся на сцену. Выключив проигрыватель, человек направился к Холлидею, темные очки отчасти скрывали чуть испытующее выражение высоколобого лица.

— Я Мэллори,— доктор Мэллори.— Он протянул сильную, хотя и узкую руку.— Вы остановились здесь?

Вопрос, казалось, подразумевал полное понимание мотивов впервые им увиденного человека. Опустив на пол этюдник, Холлидей представился, добавив:

— Я в «Оазисе». Приехал сегодня вечером.

Сообразив бессмысленность последней фразы, он смущенно рассмеялся, но доктор Мэллори успел уже улыбнуться:

— Сегодня вечером? В чем, в чем, а уж в этом-то мы можем быть уверены.

Когда Холлидей поднял руку и показал старый двадцатичетырехчасовой «Ролекс», который он так и продолжал носить, Мэллори понимающе кивнул и поправил очки, словно желая получше приглядеться к собеседнику.

— Все еще пользуетесь этой штукой? А сколько, кстати, времени?

Холлидей взглянул на «Ролекс». Часы — одна из четырех пар, привезенных им с собой, — были аккуратно синхронизированы с эталонными, которые все еще шли в Гринвичской обсерватории, шли, отмеривая исчезнувшее время вращавшейся прежде Земли.

— Приблизительно семь тридцать. Пожалуй, верно. Ведь это — Семичасовая Коломбина?

— Ничего не возразишь. Забавное совпадение. Правда, сумеречная линия приближается, мне кажется, что прежде здесь было несколько позднее. И все же, пожалуй, это можно принять за точку отсчета.

Мэллори сошел со сцены, где его высокая фигура нависала над Холлидеем подобно белой виселице.

— Семь тридцать, по старому времени — и по новому. Вам придется остаться в Коломбине. Не часто измерения стыкуются подобным образом. — Он скользнул взглядом по этюднику. — Вы остановились в «Оазисе. Почему там?

— Там пусто.

— Хороший довод. Но ведь тут везде пусто. И все равно я вас понимаю; сперва, только приехав в Коломбину, я и сам поселился в этом отеле. Там очень жарко.

— Я устроюсь на сумеречной стороне.

Мэллори слегка наклонил голову, словно признавая серьезность слов Холлидея. Он подошел к проигрывателю и отсоединил провода стоявшего на полу автомобильного аккумулятора. Затем он положил тяжелый аккумулятор в широкую брезентовую сумку и протянул Холлидею одну из ее ручек:

— Вы можете мне помочь. У меня в домике есть маленький генератор. С подзарядкой много возни, но хорошие аккумуляторы попадают все реже и реже.

Когда они вышли наружу, Холлидей сказал:

— Возьмите из моей машины.

Мэллори остановился:

— Очень любезно с вашей стороны, Холлидей. Но вы уверены, что она вам больше не понадобится? Есть ведь и другие города, помимо Коломбины.

— Возможно. Но, насколько я понял, вокруг, — Холлидей сделал жест рукой с надетыми на нее часами, — достаточно пищи для всех нас. И не надо забывать, здесь правильное время. Или, лучше сказать, оба времени.

— А подходящих мест для житья — сколько угодно, Холлидей. Не только те, которые вы видите вокруг себя. Почему вы сюда приехали?

— Еще не знаю. Я жил в Тронхейме и не мог там спать. Спать. Если получится это, возможно, я смогу видеть сны.

Он попытался объяснить подробнее, но Мэллори поднял руку:

— А зачем, вы думаете, здесь остальные — все мы? Сны приходят из Африки. Вам надо познакомиться с Леонорой. Вы ей понравитесь.

Опустевшие домики по сторонам, справа остался один из плавательных бассейнов. На песке, засыпавшем дно, кто-то изобразил огромный зодиак, украшенный раковинами и осколками черепицы. Они подошли к следующему пересохшему бетонному корыту. Бархан почти засыпал один из домиков, песок переливался в бассейн, однако небольшой участок перед домом был расчищен. Молодая женщина с белыми волосами сидела на металлическом стуле перед расставленным мольбертом, над ее головой свисал тент. И джинсы, и мужская рубашка женщины были заляпаны краской, в умном, сосредоточенном лице с крепким решительным подбородком чувствовалось живое внимание. Она подняла глаза на доктора Мэллори и Холлидея, опустивших аккумулятор на землю.

— Привел тебе ученика, Леонора.

Мэллори жестом подозвал Холлидея.

— Он остановился в «Оазисе» — на сумеречной стороне.

Молодая женщина указала Холлидею на стоящий сбоку от мольберта шезлонг. Он поставил рядом с собой этюдник.

— Это для моей комнаты в отеле, — объяснил Холлидей. — Я не художник.

— Конечно. Можно я посмотрю?

Не дожидаясь ответа, она начала перелистывать репродукции, кивком отмечая для себя каждую. Холлидей повернулся к стоящей на мольберте незаконченной картине — пейзажу, по которому странной процессией двигались причудливые фигуры — архиепископы в фантастических митрах. Он поднял глаза на Мэллори и встретил ироническую усмешку.

— Как, Холлидей, интересно?

— Конечно. А как с вашими снами, доктор? Где вы их прячете?

Мэллори, не отвечая, смотрел на Холлидея глазами, скрытыми за темными очками. Смех Леоноры рассеял легкое напряжение, возникшее между двумя мужчинами; она опустила на стул рядом с Холлидеем.

— Этого Ричард нам не скажет, мистер Холлидей. Когда мы найдем его сны, нам станут ненужными наши собственные.

В последующие месяцы Холлидей часто повторял себе эту фразу. Создавалось впечатление, что во многих отношениях присутствие Мэллори в городе — ключ к ролям всех остальных. Одетый в белое врач, бесшумно двигавшийся вдоль засыпанных песком улиц, казался призраком забытого полдня, возродившимся в этом сумраке, чтобы, подобно музыке, скитаться меж пустых домов. Даже во время той, первой встречи, когда Холлидей сидел рядом с Леонорой, изредка произнося почти лишенные смысла фразы, но видя только ее бедра и осознавая только прикосновение ее плеча к своему, даже тогда он почувствовал, что Мэллори, зачем бы он ни приехал в Коломбину,

сумел хорошо — даже слишком хорошо — адаптироваться к полному недомолвок и двусмысленностей миру сумеречной зоны. Для Мэллори и Семичасовая Коломбина, и сама пустыня стали уже частью внутренних ландшафтов; Холлидею и Леоноре Салли еще предстояло найти эти ландшафты на своих картинах.

Однако первые недели, проведенные в городе на берегу пересохшей реки, Холлидей больше думал о Леоноре и о том, как устроиться в отеле. Он все еще пытался, используя двадцатичетырехчасовой «Ролекс», засыпать в «полночь» и просыпаться (точнее, смиряться с бессонницей) семью часами позднее. Затем, с началом своего «утра», он делал обход репродукций, развешанных по стенам номера (Холлидей устроился на седьмом этаже), и отправлялся в город искать по кухням и кладовкам отелей запасы воды и консервов. Весь день — интервал, ставший в безвременном мире абсолютно произвольным, — он старался держаться спиной к востоку, избегая темной ночи, наползавшей из пустыни через пересохшую реку. На западе песок, сверкающий под перекаленным солнцем, мерцал, как последнее утро мира.

Похоже, в эти моменты доктор Мэллори и Леонора пребывали в самой глубокой усталости, словно их тела все еще хранили ритмы исчезнувшего двадцатичетырехчасового дня. Оба они спали по нерегулярному расписанию — зачастую, навещая домик Леоноры, Холлидей заставлял ее спать в шезлонге, около бассейна, с лицом, прикрытым вуалью белых волос, и заслоненную от солнца стоящей на мольберте картиной. Эти странные фантазии с вереницами епископов и кардиналов, бредущих по причудливым, декоративным пейзажам, были ее единственным занятием.

Совсем иначе вел себя Мэллори: подобно некому белому вампиру, он исчезал в своем домике, чтобы несколько часов спустя появиться из него непонятным образом посвежевшим. Через пару недель Холлидей до некоторой степени сошелся с Мэллори, они слушали квартеты Веберна в том самом зале или разыгрывали шахматную

партию рядом с Леонорой, на берегу пустого бассейна. Холлидей пытался узнать, каким образом Леонора и Мэллори появились в городе, но безуспешно — ответа он так и не получил. Можно было догадываться, что они — раздельно — приехали в Африку несколько лет тому назад, а затем двигались на запад, от города к городу, следом за ползущим по континенту терминатором.

Время от времени Мэллори уходил в пустыню по какому-то неясным делам, тогда Холлидей заставлял Леонору одну. Они прогуливались вдоль пересохшего русла или танцевали под записи монотонных песнопений масаев, позаимствованные в антропологической библиотеке. Все растущая зависимость Холлидея от Леоноры несколько притуплялась сознанием, что он приехал в Африку искать не эту молодую женщину с белыми волосами, дружелюбными глазами, но ночную скиталицу, ламию*, обитающую в глубине его собственного мозга. Словно чувствуя это, Леонора всегда держалась несколько отстраненно, с улыбкой глядя на Холлидея из-за постоянно менявшихся на ее мольберте фантастических картин.

Такому приятному *ménage à trois* было суждено продлиться три месяца. За это время линия заката приблизилась к Семичасовой Коломбине еще на полмили, так что в конце концов Мэллори и Леонора решили перебраться в маленький поселок нефтепереработчиков, на десять миль к западу. Холлидей смутно ожидал, что Леонора останется в Коломбине, с ним, но она уехала на «пежо» вместе с Мэллори. Сидя на заднем сиденье, Леонора ждала, пока Мэллори послушает в зале еще один концерт Бартока, прежде чем отсоединить аккумуляторную батарею и поставить ее на место, в автомобиль.

* Ламия — возлюбленная Зевса. После того как Гера убила всех — кроме знаменитой Сциллы — детей Ламии, та превратилась в кошмарное чудовище, похищавшее и пожиравшее чужих детей. Гера лишила Ламию сна, однако Зевс даровал ей способность вынимать свои глаза и таким образом засыпать. Позднее образ Ламии трансформировался в европейской мифологии в ламию, змею с головой и грудью женщины. Такая ламия не только пожирает детей, но и соблазняет мужчин.

Самое странное, что именно Мэллори попытался убедить Холлидея уехать вместе с ними. В отличие от Леоноры, он чувствовал в своих отношениях с Холлидеем что-то не до конца определившееся и поэтому не хотел терять контакта со своим новым молодым знакомым.

— Вот увидите, Холлидей: вам будет трудно здесь оставаться.

Мэллори указал через реку на завесу мрака, нависшую над городом подобно огромной вздыбившейся волне. Все цвета и оттенки домов и мостовых уже сменились темно-цикламеновым колоритом сумерек.

— Наступает ночь. Вы хоть понимаете, что это значит?

— Конечно, доктор. Я ее ждал.

— Подумайте, Холлидей.

Мэллори смолк, подыскивая убедительную фразу. Высокий, глаза, как всегда, скрыты темными очками, он глядел снизу вверх на Холлидея, так и не спустившегося с крыльца отеля.

— Вы же не сова, не какая-нибудь драная пустынная кошка. Вам надо разобраться с этой штукой при свете дня.

Убедившись в бесполезности уговоров, Мэллори вернулся к «пежо». Подав машину задним ходом прямо в один из барханов, отчего в воздух взметнулось целое облако красноватой пыли, он помахал рукой, но Холлидей не ответил. Он смотрел на Леонору Салли, устроившуюся на заднем сиденье вместе со своими холстами и мольбертами, грудой причудливых картин — отзвуками ее неувиденных снов.

Каковы бы ни были его чувства к Леоноре, очень скоро они были забыты — через месяц Холлидей обнаружил в Семичасовой Коломбине еще одну очаровательную соседку.

В полумиле на северо-восток от Коломбины, за высохшей рекой, стоял особняк в колониальном стиле; когда-то здесь жили администраторы нефтеперегонного завода, расположенного в устье той же реки. На седьмом этаже

отеля «Оазис» Холлидей почти не покидал балкона; под монотонное тикание многочисленных часов, отсчитывавших секунды и минуты своих, давно уже не связанных с действительностью, дней, он пытался уловить почти неощутимое продвижение терминатора. Иногда белый фасад особняка на мгновение озарялся отраженным светом песчаных бурь. Пыль толстым слоем покрывала его террасы, колонны стоявшей рядом с плавательным бассейном галереи свалились на давно высохшее дно. Хотя здание находилось всего на четыре сотни ярдов восточнее отеля, казалось, что его пустая скорлупа уже попала под власть подкравшейся ночи.

Незадолго до того, как подошло время очередной бесплодной попытки уснуть, Холлидей заметил машину, подъезжавшую к дому. Фары высветили одинокую фигуру, медленно прохаживающуюся по террасе. У Холлидея пропало всякое желание притворяться спящим; по пролетам десяти этажей он поднялся на крышу и лег у самого ее края. Шофер разгружал из машины чемоданы. Фигура на террасе, высокая женщина в черном платье, двигалась как-то неопределенно, наугад, словно человек, едва осознающий свои действия. Через несколько минут шофер взял женщину за руку, словно выводя ее из сна.

Холлидей продолжал смотреть с крыши, ожидая, не появятся ли они снова. Станные, как под гипнозом, движения этой красивой женщины — темные волосы и бледное облачко ее лица, проплывшее, как китайский фонарик, в подступающем мраке, не оставляли сомнения, что он видит черную ламию всех своих снов, — напомнили Холлидею его первые собственные прогулки к реке через барханы. Ощупывание почвы неизвестной, но болезненно знакомой — по снам. Вернувшись в номер, он лег на расшитую золотом тахту в гостиной, увешанной пейзажами Делво и Эрнста, и неожиданно для себя впал в глубокое забытие. Здесь он впервые снова увидел настоящие сны, античные руины под полночным небом, озаренные луной фигуры, проплывающие мимо друг друга в городе мертвых.

Теперь сны приходили каждый раз. Холлидей просыпался на тахте, рядом с огромным окном, за которым внизу виднелась день ото дня темневшая пустыня, и остро ощущая, как растворяется грань между внутренним и внешним мирами. Двое часов, стоявших на каминной полке, под зеркалом, уже остановились. Когда встанут все, он наконец освободится от прошлых своих временных представлений.

К концу недели Холлидей понял, что женщина спит в одно с ним время; она выходила смотреть на пустыню тогда же, когда Холлидей ступал на свой балкон. Хотя его одинокая фигура четко выделялась на фоне закатного неба, висевшего за отелем, женщина, похоже, не обращала на него никакого внимания. Однажды Холлидей увидел, как шофер въехал в город на белом «мерседесе». Одетый в черное, он прошел мимо блекнувших стен Школы изящных искусств, словно лишенная объема тень.

Холлидей спустился на улицу и пошел в направлении тьмы. Перейдя реку, пересохший рубикон, отделявший его пассивный мир Семичасовой Коломбины от реальности подступающей ночи, он поднялся на противоположный берег, мимо тускло поблескивавших во мраке бочек из-под бензина и скелетов старых, заброшенных автомобилей. Когда он подошел к дому, женщина прогуливалась в саду, среди припорошенных песком статуй; кварцевые кристаллики лежали на каменных лицах, словно иней непредставимо-огромных эонов.

У невысокой стенки, окружавшей дом, Холлидей помедлил, ожидая, когда женщина посмотрит в его сторону. Бледность лица, лоб, высоко поднимающийся над темными очками?— все это чем-то напомнило ему доктора Мэллори, та же самая ширма, скрывающая напряженную внутреннюю жизнь. Она смотрела в сторону города, выискивая признаки «мерседеса»; меркнувший свет бродил по угловатым плоскостям висков.

Когда Холлидей подошел к ней, женщина сидела на террасе в одном из кресел; руки она держала в карманах шелкового платья, так что ему было открыто лишь блед-

ное лицо с его изуродованной красотой — казалось, что очки, словно какая-то искусственная ночь, скрывают эту красоту от постороннего взгляда.

Не зная, как представиться новой соседке, Холлидей остановился около столика со стеклянной крышкой.

— Я живу в «Оазисе» — в Семичасовой Коломбине, — начал он. — Я увидел вас с балкона.

Он указал на отель, узким, темно-вишневым прямоугольником выступавший на фоне заката.

— Сосед? — Женщина кивнула, словно признавая и одобряя этот факт. — Спасибо, что зашли. Я — Габриель Шабо. А много вас там?

— Нет, они уехали. Их и было-то только двое, доктор и молодая художница, Леонора Салли. Ей нравились здешние пейзажи.

— Понятно. Как вы сказали, доктор? — Женщина вынула руки из карманов платья. Теперь они лежали на коленях, словно две беззащитные хрупкие голубки. — Что он здесь делал?

— Ничего. — Холлидею хотелось присесть, но женщина даже не пыталась предложить ему второе стоявшее на террасе кресло. Казалось, она ожидает, что он исчезнет столь же внезапно, как и появился. — Время от времени он помогал мне справиться со своими снами.

— Снами? — Женщина повернула к Холлидею лицо, теперь свет выделял впадины над ее глазами. — А что, в Семичасовой Коломбине есть сны, мистер...

— Холлидей. Теперь здесь есть сны. Приходит ночь.

Женщина кивнула, подняв лицо к темно-фиолетовому мраку:

— Я чувствую ее лицом — словно черное солнце. Что вам снится, мистер Холлидей?

Какое-то мгновение Холлидей был готов выпалить правду, но затем пожал плечами:

— То да се. Старый разрушенный город — ну, знаете, такой, полный античных памятников. Во всяком случае, прошлой ночью я видел его... — Он улыбнулся при воспоминании. — У меня еще идут несколько старинных часов. Остальные встали.

По ту сторону реки над дорогой золотом вспыхнуло облачко пыли. К дому быстро приближался белый «мерседес».

— Вы бывали в Лептис-Мagne, мистер Холлидей?

— Римский город? Это на побережье, в пяти милях отсюда. Если хотите, я съезжу туда с вами.

— Хорошая мысль. А этот доктор, о котором вы говорили, мистер Холлидей. Куда он уехал? Мой шофер... нуждается в совете врача.

Холлидей чуть помедлил. Что-то в интонациях женщины подсказало ему, как быстро может она потерять всякий к нему интерес. Не желая снова соперничать с Мэллори, он ответил:

— Кажется, на север, к побережью. Он собирался покинуть Африку. А это срочно?

Прежде чем женщина успела ответить, Холлидей заметил темную фигуру шофера. Застегнутый на все пуговицы своей черной униформы, тот стоял в двух ярдах за его спиной. Всего лишь мгновением раньше автомобиль находился на дороге, в сотне ярдов от особняка, — Холлидею потребовалось усилие, чтобы принять этот квантовый скачок, этот провал во времени. Маленькое, с острыми глазами и плотно сжатым ртом лицо шофера бесстрастно изучало Холлидея.

— Гастон, это мистер Холлидей. Он остановился в одном из отелей Семичасовой Коломбины. Может быть, вы подбросите его до реки?

Холлидей уже собирался принять предложение, но шофер не ответил. Холлидей почувствовал, что его пробирает дрожь от холодного воздуха, тянувшегося к реке с ночной стороны. Он поклонился Габриель Шабо и прошел мимо шофера. Затем остановился, собираясь напомнить про поездку в Лептис-Магну, и услышал, как она сказала:

— Гастон, здесь был доктор.

Смысл этого брошенного вскользь замечания остался Холлидею неясен. Он продолжал наблюдать за особняком с крыши отеля «Оазис». Габриель Шабо сидела на окутанной полумраком террасе, а шофер тем временем совершал

набеги на Коломбину и тянувшиеся вдоль реки нефтяные заводы. Однажды, поворачивая за угол неподалеку от Школы изящных искусств, Холлидей встретился с ним, но шофер только кивнул и потащил дальше канистру с водой. Холлидей отложил повторный визит в особняк. Кем бы она ни была, зачем бы сюда ни приехала, Габриель Шабо вернула ему сны — сны, которых ему не принесли ни долгое путешествие на юг, ни Семичасовая Коломбина. К тому же Холлидею было достаточно самого присутствия этой женщины, поворота какого-то ключика в мозгу. Большого ему не требовалось. Заводя свои часы, он замечал, что спит по восемь, по девять часов отмеренных себе «ночей».

Однако через неделю сон начал снова ускользать. Решив навестить свою соседку, он отправился через реку, во тьму, теперь еще более плотно окутавшую песок. Когда Холлидей подошел к дому, навстречу ему выехал белый «мерседес». Машина явно направлялась в сторону побережья, Габриель Шабо сидела сзади, у открытого окна; словно раздуваемые темным ветром, ее черные волосы напряженно дрожали во встречном потоке воздуха.

Холлидей остановился, машина подъехала ближе и, когда водитель узнал его, замедлила ход. Голова Гастона повернулась назад, было видно, как тонкогубый рот произносит имя Холлидея. Ожидая, что машина остановится, Холлидей вышел на дорогу.

— Габриель... Мисс Шабо...

Она наклонилась вперед, белый автомобиль резко набрал скорость и обогнул Холлидея, беспомощно смотревшего, как мимо проносится, улетает от него лицо женщины, полуприкрытое черной маской очков. В глазах защипало от брошенной в них темно-вишневой пыли.

Холлидей вернулся в отель и поднялся на крышу, однако машина уже уехала на северо-восток, скрылась во мраке. Пыльный след ее быстро растворялся, сливался с ночью. Вернувшись в номер, он обошел развешанные по стенам картины. Последние часы готовы были встать. Холлидей тщательно, аккуратно завел всю свою коллекцию, радуясь хоть мгновению свободы от Габриель Шабо и темных снов, принесенных ей через пустыню.

Когда все часы снова мерно тикали, Холлидей спустился в полуподвальный гараж. Десять минут он исследовал машину за машиной, забираясь в «кадиллаки» и «ситроены», снова из них вылезая. Ни один из автомобилей не подавал признаков жизни, однако в ремонтной мастерской он нашел мотоцикл «хонда» и, наполнив бак, сумел завести его двигатель. Когда Холлидей ехал по Коломбине, рев выхлопа гулко раскатывался по улицам, однако стоило углубиться на милю в пустыню (там он остановился, чтобы отрегулировать карбюратор), как показалось, что город заброшен давным-давно, многие годы назад, а собственное Холлидея в нем присутствие стерлось столь же быстро, как и его тень.

Он ехал на запад, навстречу ему загорался восход. Небо светлело, неопределенные контуры полумрака уступали место ясным очертаниям тянувшихся вдоль горизонта барханов, попадавшие кое-где водокачки вставали подобно долгожданым маякам.

Заблудившись, когда дорога исчезла в море песка, Холлидей повел мотоцикл прямо по пустыне. Проехав на запад еще милю, он добрался до края старого вади, попробовал съехать с берега вниз, но потерял равновесие и растянулся на спине, а машина тем временем прыгала с камня на камень и кувыркалась в воздухе. Встав, Холлидей пополз по дну вади к противоположному берегу. Впереди сверкали в лучах застывшего над горизонтом солнца огромные порталы и резервуары мертвого нефтеперегонного завода, белели крыши рабочего поселка.

Пробираясь между рядами домов, мимо пересохших плавательных бассейнов, которые, казалось, изрыли всю Африку, он увидел стоящий у раскрытых ворот «пежо». Леонора Салли сидела все перед тем же мольбертом, на соседнем стуле расположился высокий мужчина в белом костюме. Сперва Холлидей не понял, кто это такой, хотя мужчина встал и приветливо помахал рукой. Очертания головы, высокий лоб казались знакомыми, но вот глаза... эти глаза как-то не вязались с остальным лицом. И только пару секунд спустя он узнал доктора Мэллори, неожиданно сообразив, что впервые видит его без темных очков.

— Холлидей... как я вам рад.

Обогнув пустой бассейн, Мэллори направился к Холлидею, поправляя на ходу шелковый шарф, обматывавший под рубашкой его горло:

— Мы так и думали, что однажды вы придете...— Он повернулся к Леоноре, улыбавшейся Холлидею.— Честно говоря, мы уже начали немного о вас беспокоиться, правда ведь, Леонора?

— Холлидей...— Леонора взяла его за руку и повернула лицом к солнцу.— Что случилось — вы такой бледный!

— Просто он спал, Леонора. Неужели ты не видишь этого, милая? — Мэллори улыбнулся Холлидею.— Семи-часовая Коломбина уже за линией заката. Холлидей, у вас типичное лицо мечтателя.

Холлидей кивнул:

— Очень хорошо покинуть сумрак, Леонора. Эти сны не стоили того, чтобы их искать.

Когда Леонора опустила голову, Холлидей повернулся к Мэллори. Глаза доктора его тревожили. Казалось, что белая кожа впадин изолирует их, что теперь скрыто само лицо, от которого исходит этот спокойный взгляд. Что-то подсказывало, что отсутствие темных очков знаменует некую перемену в Мэллори — в Мэллори, чью роль он так и не сумел понять.

Избегая прямого взгляда доктора, Холлидей указал на пустой мольберт:

— Вы не пишете, Леонора.

— Мне больше незачем, Холлидей. Видите ли...— Она повернулась и взяла Мэллори за руку.— К нам вернулись наши сны. Они прилетели через пустыню, словно пестрые, драгоценные птицы.

Холлидей молча смотрел на них. Затем Мэллори сделал шаг вперед, окольцованные белым глаза словно принадлежали призраку:

— Холлидей, конечно же, мы очень рады снова вас увидеть... возможно, вы хотели бы остановиться здесь...

Холлидей покачал головой.

— Я пришел за своей машиной,— сказал он, указывая на «пежо», сказал очень ровным голосом, стараясь не сорваться.— Могу я взять ее?

— Конечно же, дорогой, конечно. Но только куда...

Мэллори предостерегающе показал на запад, где посреди гигантской завесы восхода обжигающе сияло солнце:

— Запад в огне, вам нельзя туда.

Холлидей пошел к машине:

— Я на побережье.

— Габриель Шабо здесь,— добавил он через плечо.

На этот раз, спеша навстречу ночи, Холлидей безостановочно думал о белом доме за рекой, доме, погружающемся во мрак пустыни. Он выбрал дорогу, тянувшуюся от завода на северо-восток, и нашел давно заброшенный понтонный мост через вади. Вдали виднелись шпили и верхушки домов Семичасовой Коломбины, тронутые последними лучами заката.

Улицы города были абсолютно пусты, ветер успел уже занести песком следы его собственных ног. Холлидей поднялся в свой номер. За рекой одиноко вырисовывались контуры дома Габриель Шабо. Держа в руках одни из часов, чьи стрелки медленно двигались в бронзовом футляре, Холлидей наблюдал, как шофер подает «мерседес» к дому. Через мгновение появилась Габриель Шабо, черный призрак, почти слившийся с ночью, и машина помчалась на северо-восток.

Холлидей не спеша обошел картины, рассматривая при тусклом свете причудливые пейзажи. Он собрал все свои часы, вынес на балкон и одни за другими выбросил их вниз, на террасу. Потрескавшиеся, разбитые циферблаты, похожие отсюда на глаза Мэллори, глядели на него снизу вверх; стрелки больше не двигались.

Уже в полумиле от Лептис-Магны он услышал, как волны плещутся в темноте о берег, как при тусклом свете луны дующий с моря ветер хлещет по верхушкам барханов. Полуразвалившиеся колоннады римского города поднимались рядом с единственным здесь отелем для турист-

тов, загораживавшим последние лучи солнца. Холлидей остановил машину рядом с отелем, затем не торопясь пошел по окраинам города, мимо заброшенных, обветшавших киосков. Впереди виднелся форум; над его аркадами возвышались установленные на пьедесталы копии статуй олимпийских богов.

Холлидей забрался на одну из арок и внимательно осмотрел погруженные в полумрак улицы, выискивая «мерседес». Идти в центр города не хотелось; он повернулся к своей машине, вошел в отель и поднялся на крышу.

Неподалеку от моря, там, где археологи расчистили от песка античный театр, тускло белел прямоугольник «мерседеса», поставленного прямо над обрывом. Под просцениумом, на ровном полукруге сцены, среди теней, отбрасываемых статуями, то останавливаясь, то поворачивая назад, бродила темная фигура Габриель Шабо.

Глядя на нее, вспоминая «Эхо» Делво, где разделившаяся натрое обнаженная нимфа бродит среди античных строений полночного города, Холлидей начинал сомневаться, не уснул ли он на теплой бетонной крыше. Казалось, исчезла всякая граница между снами и раскинувшимся внизу древним городом, озаренные луной фантомы его сознания свободно передвигались между внутренним и внешним пейзажами. Точно так же темноглазая женщина из дома за рекой пересекла рубежи его сознания, принеся с собой конечное освобождение от времени.

Выйдя из отеля, Холлидей направился по одной из улиц пустого города и подошел к амфитеатру. Он увидел, как Габриель Шабо ступает по древним камням, как блики пробивающегося между колонн света зажигают ее бледное лицо. Холлидей начал спускаться по истертым, ведущим к сцене ступеням, все время чувствуя на себе взгляд шофера, стоявшего на обрыве рядом с машиной. Женщина направилась к Холлидею, ее бедра медленно покачивались из стороны в сторону.

В десяти футах от него она остановилась, вытянутыми руками ощупывая тьму. Холлидей двинулся вперед, не уверенный, сможет ли Габриель Шабо увидеть его сквозь темные очки, все так же скрывавшие ее глаза. При звуке

шагов женщина испуганно отпрянула, взглядом ища шофера, но Холлидей взял ее за руку:

— Мисс Шабо, я увидел, что вы гуляете.

На удивление сильные пальцы тисками сжали его запястье. Полускрытое очками лицо Габриель Шабо казалось белой маской.

— Мистер Холлидей...— Она ощупала его руки и отпустила, могло показаться, что встреча принесла ей некое облегчение.— Я так и думала, что вы придете. Скажите, а давно вы здесь?

— Недели или месяцы, не помню. Я видел этот город во сне еще прежде, чем попасть в Африку. Мисс Шабо, я много раз смотрел, как вы ходите здесь, среди этих развалин.

Кивнув, она взяла его за руку. Бок о бок они шли между колонн. За окутанными тенью стойками балюстрады виднелось море, белые барашки накатывались на берег.

— Габриель... почему вы здесь? Зачем вы приехали в Африку?

Они начали спускаться по лестнице, к террасе, и женщина подобрала шелковое платье. Теперь она шла, прижавшись к Холлидею плечом, почти наваливаясь, крепко вцепившись в его руку. Габриель двигалась столь напряженно, что у Холлидея мелькнула мысль — не пьяна ли она.

— Зачем? Возможно, чтобы видеть те же самые сны. Вполне возможно.

Холлидей уже собирался что-то сказать, когда услышал шаги Гастона, спускавшегося вслед за ними по лестнице. Оглянувшись и на мгновение забыв плотно к нему прильнувшее, слегка покачивающееся тело Габриель, он вдруг почувствовал резкий, отвратительный запах, приносимый ветром откуда-то снизу, похоже — из древней, еще римской клоаки. Верхний край выложенного кирпичом отстойника обвалился, волны прибоя докатывались до бассейна и отчасти его залили.

Холлидей остановился. Он хотел показать вниз, но женщина стальной хваткой держала его запястье.

— Там, внизу! Вы видите?

Вырвав руку, он указал на бассейн отстойника, где полуприкрытая водой лежала груда из десятка, не менее, тел.

Только покачивающиеся движения рук и ног в безостановочно плещущей воде позволяли распознать в обглоданных морем и мокрым песком фигурах человеческие трупы.

— Господи, Габриель, кто они?

— Бедняги...

Расширившимися глазами Холлидей смотрел вниз, на отстойник, до которого было всего футов десять. Габриель отвернулась:

— Эвакуация. В городе были волнения. Они здесь уже много месяцев.

Холлидей встал на колени, задаваясь вопросом, через какое время трупы — он не мог понять, арабы это или европейцы, — будут смыты в море. В его снах про Лептис-Магну не присутствовали эти печальные обитатели клоаки. А затем он закричал:

— Месяцев? Только не этот.

Он снова указал, указал на тело человека в белом костюме, лежавшее чуть подальше, у края отстойника. Пенящаяся вода покрывала длинные ноги, но грудь и руки оставались на виду. Поперек лица лежал шелковый шарф, тот самый, бывший на Мэллори в последний раз.

— Мэллори!

Холлидей поднялся в тот же самый момент, как черный силуэт шофера замер на уступе, двадцатью футами выше. Он подбежал к Габриель Шабо, стоявшей рядом с лестницей и, по всей видимости, глядевшей на Средиземное море.

— Это доктор Мэллори! Он жил со мной в Семичасовой Коломбине! Каким образом он... Габриель, вы же знали, что он здесь!

Холлидей схватил ее за руки, яростно рванул вперед; очки свалились на землю. Когда женщина упала на колени, беспомощно пытаясь их нашарить, он сдвинул ее плечи:

— Габриель! Габриель, вы ...

— Холлидей!

Не поднимая головы, она взяла его пальцы и прижала их к своим глазам:

— Мэллори, это он все это сделал — мы знали, что он последует за вами сюда. Когда-то он был моим врачом, и я ждала, ждала долгие годы...

Холлидей оттолкнул ее, отступил на шаг и услышал, как хрустнули под ногой очки. Он еще раз взглянул на омытое волнами тело в белом костюме, бессильный даже предположить, какой кошмар таится под шарфом, а затем побежал — вдоль террасы, мимо амфитеатра, по окутан-ным мраком улицам.

Когда он добрался до «пежо», одетый в черное шофер уже был почти рядом, ярдах в двадцати. Холлидей запустил двигатель и резко, подняв целое облако пыли, развернул машину. В боковое зеркальце он увидел, как шофер остановился и вытащил из-за пояса пистолет. После выстрела ветровое стекло словно покрылось изморозью. Машина вильнула, задела один из киосков, но Холлидей справился с управлением, низко пригнул голову и погнал дальше; холодный ночной воздух хлестал лицо мельчайшими, острыми осколками.

Через две мили, когда стало ясно, что «мерседес» его не преследует, Холлидей остановился и начисто выбил остатки ветрового стекла. Он ехал на запад, и воздух постепенно теплел. На горизонте все ярче разгорался закат, суливший свет и время.

Мистер Ф. это мистер Ф.

А с ребенком нас трое.

...Одиннадцать часов. Хансон уже должен был прийти. Элизабет! Черт возьми, ну почему она всегда так тихо ходит?!

Спрыгнув с окна, выходящего на дорогу, Фримен помчался к кровати, быстро забрался под одеяло и разгладил его около колен. Когда жена заглянула в дверь, он невинно улыбнулся ей, делая вид, что читает журнал.

— У тебя все в порядке? — спросила Элизабет и пристально посмотрела на мужа.

Она понесла свое пополнившее тело к кровати, наклонилась и начала поправлять постель. Фримен раздраженно завопил, отпихивая ее руки, когда она попыталась поднять его с подушки, на которой он сидел.

— Ради Бога, Элизабет, я же не ребенок! — возмутился он, с трудом контролируя визгливые нотки в голосе.

— Что могло произойти с Хансоном? Он должен был прийти полчаса назад.

Элизабет покачала крупной красивой головой и подошла к окну. Свободное льняное платье скрывало фигуру, но когда она потянулась к оконной задвижке, Фримен увидел, что беременность уже стала заметной.

— Наверное, опоздал на поезд.— Одним движением кисти Элизабет надежно закрыла верхнюю задвижку, в то время как Фримену потребовалось целых десять минут, чтобы ее открыть.

— Мне показалось, я слышала, как она стукнула,— сказала Элизабет со значением.— Мы же не хотим, чтобы ты простудился, не так ли?

Фримен, поглядывая на часы, с нетерпением ждал ее ухода. Когда она остановилась в ногах кровати, внимательно оглядывая его, он с трудом удержался, чтобы не накричать на нее.

— Сегодня я разбирала детские вещи,— сказала она, а затем добавила, словно про себя: — и подумала, что тебе нужна новая пижама. Старая совсем потеряла вид.

Фримен поспешил поплотнее запахнуть пижаму — стараясь спрятать свою тощую обнаженную грудь.

— Элизабет, эта пижама служит мне уже много лет и находится в отличном состоянии. У тебя просто мания какая-то покупать все новое.

Фримен замолчал, сообразив, что его замечание не совсем тактично, — ему следовало радоваться, что Элизабет не делает различий между ним и ожидаемым малышом. И если ее поведение порой вызывало у него беспокойство, то лишь потому, что ей было уже немного за сорок — поздновато для первого ребенка. Кроме того, он сам болел и практически не вставал весь последний месяц, что еще больше усложняло ситуацию. Интересно, а не вызвана ли болезнь проделками его подсознания?

— Извини, Элизабет. Я очень рад, что ты обо мне заботаешься. Может быть, следует вызвать врача?

«Нет!» — вопило что-то у него внутри. Как будто услышав этот крик, его жена покачала головой:

— Ты скоро поправишься. Пусть природа сама сделает свое дело. Я не думаю, что тебе нужен врач, во всяком случае, пока.

Пока?

Фримен прислушался к шагам жены, которая спускалась по застеленной ковром лестнице. Через несколько минут из кухни донесся шум работающей стиральной машины.

Пока!

Он выскользнул из постели и отправился в ванну. Шкаф у раковины был забит детской одеждой, которую Элизабет купила или связала сама, а потом тщательно выстирала и простерилизовала. На каждой из пяти полок аккуратные стопки белья накрывал квадратный кусок марли, но Фримен видел, что все вещи в большинстве своем голубого или белого цвета — и ничего розового.

«Надеюсь, Элизабет не ошибается,— подумал он.— Малыш определенно будет одет лучше всех в мире: похоже, целая индустрия по производству детских вещей существует за наш счет».

Фримен наклонился и достал из-под нижней полки напольные весы. Рядом он заметил большой коричневый комбинезон. Тут же лежало несколько курток, которые, наверное, подошли бы ему самому. Он снял халат и встал на весы. В зеркале за дверью появилось его гладкое, лишнее волос маленькое тело с худыми плечами, узкими бедрами и жеребьячими ногами.

Шесть стоунов* и девять фунтов** — вчера.

Отведя глаза от шкалы, он прислушался к шуму стиральной машины внизу и подождал, пока стрелка остановится.

Шесть стоунов два фунта! Застегивая халат, Фримен убрал весы под шкаф.

Шесть стоунов два фунта! Он потерял семь фунтов за двадцать четыре часа!

Фримен быстро вернулся в кровать и принялся лихорадочно ощупывать верхнюю губу в поисках бывших там совсем недавно усов. Его била нервная дрожь.

Всего два месяца назад он весил больше одиннадцати стоунов. Семь фунтов за один день, с такой скоростью...

Он не мог осознать происходящее. Пытаясь унять дрожь, он потянулся за журналом и начал не глядя перелистывать страницы.

А с ребенком нас станет трое.

* Стоун — мера веса = 6, 35 кг

** Фунт — мера веса = 456, 3 г

Впервые он заметил, что с ним происходит что-то неладное, шесть недель назад, почти сразу после того, как они получили подтверждение беременности Элизабет.

На следующий день утром, бреясь в ванне перед уходом в офис, Фримен обнаружил, что у него поредели усы: неожиданно они приобрели ржаво-коричневый цвет и стали мягкими и упругими.

Да и борода заметно посветлела; обычно уже через несколько часов после бритья на лице у него появлялась густая черная щетина, сейчас же хватило всего нескольких движений бритвой, чтобы кожа Фримена стала розовой и гладкой.

Фримен связал свое видимое омоложение с перспективой появления малыша. Ему исполнилось сорок, когда они с Элизабет поженились, он был на два или три года ее младше и считал себя слишком старым для того, чтобы обзаводиться детьми. Впрочем, он совершенно сознательно остановил свой выбор на Элизабет, поскольку она, как две капли воды, походила на его мать. Фримен представлял себя скорее ее сыном, чем родителем-партнером. Однако теперь, когда ребенок стал реальностью, он не испытывал к нему никаких отрицательных чувств и, поздравив себя, решил, что вступил в новый период мужания и может полностью отдаться роли молодого отца.

Фримен думал, что именно по этой причине у него исчезли усы и борода, появилась упругость в шагу.

Он замурлыкал себе под нос:

Только Лиззи и я,
А с ребенком нас станет трое.

Глядя на отражение в зеркале, Фримен видел спящую Элизабет, ее широкие бедра заполняли всю постель. Он радовался, когда жена отдыхала. Вопреки его ожиданиям, состояние здоровья мужа заботило ее гораздо больше, чем ребенок, она даже не разрешала ему готовить для себя завтрак. Зачесывая наверх густые светлые волосы, чтобы прикрыть лысую макушку, он с раздражением подумал

о проверенных временем советах из книг для молодых матерей, в которых говорилось о сверхчувствительности будущих отцов,— очевидно, Элизабет отнеслась к ним серьезно.

Фримен на цыпочках вернулся в спальню и встал у открытого окна, наслаждаясь свежим утренним воздухом. Внизу, дожидаясь завтрака, он достал из шкафа свою старую теннисную ракетку и, конечно же, разбудил Элизабет, когда одним из ударов разбил стекло на барометре.

Поначалу Фримен упивался своей вновь обретенной энергией. Он катался с Элизабет на лодке, яростно греб, заново познавая физические удовольствия, в которых отказывал себе, ссылаясь на занятость, с тех пор, как ему перевалило за двадцать. Он ходил с Элизабет по магазинам, уверенно поддерживал ее под руку, нес пакеты с вещами для малыша и чувствовал себя великаном с громадными плечами.

Впрочем, довольно скоро он начал задумываться над тем, что же с ним на самом деле происходит.

Элизабет, крупная, по-своему привлекательная женщина, с широкими плечами и бедрами, привыкла ходить на высоких каблуках. Фримен, плотный человек среднего роста, был немного ниже жены, но его это не беспокоило.

Обнаружив, что едва достает ей до плеча, он начал присматриваться к себе более внимательно.

Во время очередного похода по магазинам (Элизабет всегда брала Фримена с собой и интересовалась его мнением, как если бы ему самому предстояло носить крошечные пальтишки и костюмчики) продавщица, очевидно не подумав, обратилась к Элизабет как к его «матери». Потрясенный Фримен увидел очевидное несоответствие между ними — округлые плечи, пухлое лицо и шея Элизабет, и его гладкая, без единой морщинки кожа.

Вернувшись домой, Фримен начал беспокойно метаться по дому — из гостиной в столовую и обратно — и вдруг понял, что мебель и книжные полки кажутся ему больше, чем раньше. Наверху, в ванной комнате, он

в первый раз встал на весы и обнаружил, что похудел на один стон и шесть фунтов.

Раздеваясь вечером, чтобы лечь спать, он сделал еще одно удивившее его открытие.

Оказывается, Элизабет ушила его пиджаки и брюки. Она ничего ему об этом не говорила, и, видя ее с иголкой в руках, Фримен думал, будто она делает что-то для ребенка.

В течение последующих дней возбуждение, охватившее Фримена по случаю наступления весны, пропало. Он вдруг почувствовал, что его тело, кожа, волосы, мускулатура претерпевают какие-то необъяснимые изменения. А из зеркала на него смотрело совсем другое лицо: челюсти и нос больше не выступали вперед, кожа стала гладкой и чистой.

Разглядывая свой рот, Фримен заметил, что почти все металлические пломбы исчезли, а на их месте появилась безупречно белая эмаль.

Он продолжал ходить на работу, хотя и отдавал себе отчет в том, что его вид вызывает любопытные взгляды коллег. Но когда он заметил, что не может дотянуться до справочников, стоявших на полке позади кресла, он решил на следующий день остаться дома, заявив, что заболел гриппом.

Казалось, Элизабет все отлично понимала. Фримен ничего ей не сказал, опасаясь, что у нее произойдет выкидыш, если она узнает правду. Закутавшись в старый халат, обмотав горло и грудь шерстяным шарфом и подложив на стул подушку, чтоб выглядеть повыше, он сидел на веранде, прячась под несколькими одеялами.

Фримен теперь старательно следил за тем, чтобы не стоять, когда Элизабет находилась рядом, а если избежать этого не удавалось, не переставая расхаживал по комнате, встав на цыпочки.

Тем не менее через неделю он уже не доставал ногами до пола, если сидел за большим обеденным столом в столовой, и тогда Фримен решил больше не выходить из своей спальни.

Элизабет не стала возражать. Все это время она равнодушно и холодно наблюдала за мужем, спокойно готовясь к появлению ребенка.

«Черт побери Хансона! — подумал Фримен. — Уже 11.45, а его все нет». Он листал журнал, не обращая ни малейшего внимания на содержание, зато каждую секунду бросая раздраженный взгляд на часы. Ремешок был ему слишком широк, так что пришлось проделать две новые дырочки. Как он объяснит Хансону, что с ним происходит, Фримен еще не решил, поскольку его мучили всевозможные сомнения. Он и сам толком не знал, *что с ним происходило*. Действительно, он терял вес, и довольно заметно, — около восьми или десяти фунтов в день, — а еще стал ниже на целый фут, но здоровье у него в полнейшем порядке. По правде говоря, он выглядит как четырнадцатилетний мальчишка.

«Так в чем же тут дело?» — не раз спрашивал себя Фримен. Возможно, его омоложение явилось следствием какого-либо психосоматического расстройства? Хотя он и не испытывал неприязни к будущему ребенку, может быть, его подсознание оказалось в тисках безумной попытки осуществления возмездия.

Именно эта мысль, логическим продолжением которой стали бы зарешеченные окна и люди в белых халатах, испугала Фримена настолько, что он решил помалкивать. Доктор Элизабет, человек резкий и холодный, конечно же, отнесется к Фримену как к невротичу, старающемуся отыскать хитроумный способ занять в сердце жены место своего еще не родившегося ребенка.

Фримен знал, что существуют еще какие-то неясные, неуловимые причины происходящих с ним изменений. Но начал читать журнал, страхась даже предпринять попытку докопаться до этих причин.

Он держал в руках детский комикс. Разозлившись, Фримен посмотрел на обложку, а затем на гору журналов, которые Элизабет заказала сегодня утром. Все одно и то же.

Его жена вошла в свою спальню, располагавшуюся на другой стороне лестничной площадки. Теперь Фримен занимал комнату, которая со временем станет детской,— с одной стороны, чтобы иметь возможность спокойно и в одиночестве думать о происходящем, а с другой, чтобы не ставить себя в неловкое положение перед Элизабет, демонстрируя ей свое усохшее тело.

Она появилась в дверях, держа в руках маленький поднос со стаканом молока и двумя бисквитами. Хотя Фримен и терял вес, у него был прекрасный, как у ребенка, аппетит. Он взял бисквиты и быстро их съел.

Элизабет присела на кровать и достала из кармана передника рекламный проспект.

— Я собираюсь заказать детскую кроватку,— сказала она ему.— Ты не хочешь выбрать?

Фримен беззаботно от нее отмахнулся:

— Подойдет любая. Выбери ту, что попрочнее и помассивнее, чтобы малыш не мог из нее вылезти.

Задумчиво глядя на него, Элизабет кивнула. Весь день она приводила дом в порядок, гладила, складывала стопки чистого белья в шкафы, дезинфицировала посуду и все, что могло ей пригодиться после рождения ребенка.

Они решили, что она будет рожать дома.

Четыре с половиной стоуна!

Фримен с ужасом смотрел на весы. За два последних дня он потерял больше одного стоуна и шести фунтов. Достать до ручки шкафа и открыть дверцу он мог, только встав на цыпочки. Фримен старался не смотреть на себя в зеркало, но все равно знал, что у него худая грудь, тонкая шея, маленькое личико и тело шестилетнего ребенка. Халат волочился за ним по полу, а продеть руки в огромные рукава удавалось лишь с огромным трудом.

Когда Элизабет принесла ему завтрак, она критически оглядела его, поставила поднос и подошла к одному из шкафов. Затем, достав маленькую спортивную рубашку и пару вельветовых шорт, она спросила:

— Ты не хочешь переодеться, дорогой? В этом тебе будет удобнее.

Фримен молча покачал головой, он старался как можно меньше использовать свой голос, который превратился в ноющий дискант. Однако когда Элизабет ушла, он сбросил тяжелый халат и надел оставленные ею вещи.

подавив сомнения, он стал раздумывать над тем, как добраться до врача, не прибегая к помощи телефона, находившегося внизу. До сих пор ему удавалось не вызывать подозрений у жены, но теперь надежды на благополучный исход развеялись: он едва доставал головой до пояса. Если она увидит его во весь рост, она может от потрясения умереть на месте.

К счастью, Элизабет надолго оставляла его одного. Как-то раз, после ленча, двое мужчин на фургоне доставили из универмага голубую кровать и детский манеж, но Фримен решил притвориться, будто спит, пока они не уедут. Несмотря на снедающее его беспокойство, он легко заснул — теперь Фримен часто чувствовал усталость после еды — а проснувшись через два часа, обнаружил, что Элизабет застелила кровать и спрятала голубые одеяла и подушку в пластиковый пакет.

Еще он заметил белый кожаный ремешок — чтобы ребенок не вывалился из кровати, — пристегнутый к прутьям.

На следующее утро Фримен решил сбежать. Он весил всего лишь три стоуна и один фунт, а одежда, которую ему вчера дала Элизабет, оказалась велика на три размера, штаны едва держались на тонкой талии. В зеркале ванной Фримен увидел маленького мальчика, глядящего на него широко раскрытыми глазами. Он вспомнил свои фотографии из далекого детства.

После завтрака, когда Элизабет вышла в сад, он спустился вниз. В окно он увидел, как жена открыла мусорный ящик и засунула туда костюм и черные кожаные туфли, в которых он ходил на работу.

Фримен некоторое время стоял, беспомощно размахивая руками, а потом поспешил вернуться в свою комнату. Подниматься наверх по огромным ступенькам оказалось намного труднее, чем он себе представлял. Поэтому он

так устал, что не смог даже залезть в кровать — просто стоял, прислонившись к ней, и тяжело дышал. Если даже и удастся попасть в больницу, как без помощи Элизабет, которая могла бы подтвердить его слова, он убедит врачей в том, что говорит правду?

По счастью, он продолжал мыслить как взрослый человек. Дайте ему бумагу и карандаш, и он сумеет продемонстрировать свой зрелый ум и знание социальных законов, которыми не обладает ни один вундеркинд.

Значит, первым делом необходимо добраться до больницы, а если не получится, то до полицейского участка. Да и вообще, достаточно попасть на ближайшую центральную улицу — четырехлетнего ребенка, разгуливающего в одиночку, сразу остановит какой-нибудь постовой.

Он услышал, как по лестнице поднимается Элизабет с бельевой корзинкой, поскрипывающей в руках. Фримен попытался забраться в постель, но смог только стащить на себя простыню. Когда Элизабет открыла дверь, он забежал за кровать, чтобы спрятать свое маленькое тело, а подбородок положил на постель.

Элизабет остановилась, глядя на маленькое пухлое личико. Мгновение они смотрели друг на друга; у Фримена отчаянно колотилось сердце, пока он мучительно размышлял о том, почему жена не замечает происходящих в нем перемен. Но она только улыбнулась и прошла в ванну.

Опираясь на тумбочку у кровати, он наконец забрался в постель и отвернулся от двери в ванную. На обратном пути Элизабет наклонилась над ним, поправила одеяло и выскользнула из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Остаток дня Фримен ждал подходящей возможности для побега, но Элизабет постоянно что-то делала около его спальни, а вечером, прежде чем он успел хоть что-нибудь предпринять, его сморил сон. Спал он крепко, и ему ничего не снилось.

Проснулся Фримен в огромной белой комнате. Голубой свет заливал высокие стены, на которых резвились гигантские фигуры животных. Оглядевшись, он понял, что по-прежнему находится в детской. На нем была пижама

в горошек (выходит, Элизабет передела его, пока он спал?), но и она казалась слишком большой для его съевшихся ручек и ножек.

Крошечный халатик лежал в ногах кровати, на полу стояла пара шлепанцев. Фримен слез с кровати и надел халат и шлепанцы. Его качало. Дверь была закрыта, но он придвинул стул, забрался на него и повернул ручку, сжав ее двумя маленькими кулачками.

На лестничной площадке он остановился, прислушиваясь к звукам, доносящимся из кухни. Элизабет что-то там делала, тихонько напевая. Фримен начал осторожно спускаться, наблюдая за женой сквозь перила. Она стояла у плиты, практически закрывая ее широкой спиной, и разогревала какую-то молочную смесь. Фримен подождал, пока она отвернется к раковине, и проскочил мимо кухни в прихожую. Толстые подошвы тапочек заглушали его шаги.

Оказавшись в саду, он сразу бросился бежать. Ему с трудом удалось открыть тяжелые ворота. Когда он вошел с задвижкой, проходившая мимо женщина средних лет остановилась и посмотрела на него сверху вниз, а потом, нахмурившись, перевела взгляд на окна дома.

Фримен сделал вид, что возвращается обратно в дом, надеясь, что Элизабет еще не заметила его исчезновения. Когда женщина пошла дальше, он открыл ворота и побегал по улице в сторону торгового центра.

И неожиданно попал в огромный мир. Двухэтажные дома уходили в небо, точно стены каньона, конец улицы в ста ярдах впереди терялся далеко за горизонтом. Камни на мостовой оказались массивными и неровными, а кроны гигантских сикомор и вовсе было невозможно разглядеть. Ехавший навстречу ему автомобиль притормозил, а потом помчался дальше.

Фримену оставалось пройти пятьдесят ярдов до угла, когда он споткнулся об один из камней на мостовой и вынужден был остановиться. Задышавшись, он прислонился к дереву, от усталости у него подкашивались ноги.

Он услышал, как открылись ворота, и через плечо увидел Элизабет, оглядывающую улицу. Фримен быстро

спрятался за дерево, дождался, пока она вернулась в дом, и только после этого зашагал дальше.

Вдруг откуда-то с неба опустилась здоровенная рука, подхватила его и подняла в воздух. Вскрикнув от удивления, он поднял голову и узнал мистера Саймондса, своего банковского менеджера.

— Вы что-то рано поднялись сегодня, молодой человек,— сказал Саймондс и, крепко держа Фримена за руку, поставил его на землю.

Его машина стояла рядом, у тротуара. Оставив двигатель включенным, он повел Фримена обратно по улице.

— Ну, давай-ка посмотрим, где ты живешь.

Фримен попытался вырваться, отчаянно дергал руку, но Саймондс не обращал никакого внимания на его попытки освободиться.

Элизабет вышла из ворот, даже не сняв передника, и поспешила к ним навстречу. Фримен попытался спрятаться за Саймондса, но вдруг почувствовал, как сильные руки банковского служащего подняли его и передали Элизабет. Она крепко прижала голову беглеца к своему мощному плечу, поблагодарила Саймондса и понесла Фримена в дом.

Когда они переходили через дорогу, Фримен расслабленно сидел у Элизабет на руках, мечтая оказаться где-нибудь за тридевять земель от нее.

Попав в детскую, он решил, что сразу же заберется в кровать и юркнет под одеяло, но Элизабет опустила его на пол, и Фримен понял, что находится в детском манеже. Он неуверенно взялся за перильца, а Элизабет наклонилась, чтобы поправить ему халатик. Потом, к радости Фримена, она отвернулась.

Минут пять, потрясенный случившимся, Фримен стоял в манеже, держась за перила. Постепенно его дыхание пришло в норму, и тут он наконец осознал то, чего смутно опасался последние несколько дней,— по какой-то необъяснимой причине Элизабет идентифицировала его с ребенком в своем чреве! Она ведь совершенно не удивилась, когда увидела, что Фримен превратился в трехлет-

него малыша. Его жена воспринимала происшедшее как естественное следствие своей беременности. Она убедила себя в том, что ее сын уже родился. В то время как Фримен становился все меньше, зеркально отражая развитие человека, ее взгляд застыл в их общем фокусе, и она видела лишь образ своего ребенка.

Продолжая строить планы побега, Фримен обнаружил, что не может выбраться из манежа. Легкие деревянные прутья оказались слишком прочными для его маленьких ручек — сломать их он был не в состоянии. Утомившись от бесплодных усилий, он сел и начал катать большой разноцветный мяч.

Фримен решил, что, вместо того чтобы избегать Элизабет и скрывать происшедшие с ним изменения, он должен постараться привлечь внимание жены и заставить признать, что он ее муж, а не сын.

Поднявшись на ноги, он принялся раскачивать манеж из стороны в сторону, и вскоре один из углов оказался у стены. Раздался стук. Еще раз. И еще.

Элизабет вышла к нему из своей спальни.

— Дорогой, что ты расшумелся? — спросила она улыбаясь. — Хочешь бисквит?

Элизабет опустила на колени у манежа, и ее лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица Фримена.

Набравшись мужества, Фримен посмотрел прямо на нее, стараясь заглянуть в большие немигающие глаза. Он взял бисквит, откашлялся и старательно произнес:

— Я не бвой енок.

Элизабет взъерошила его длинные светлые волосы:

— Разве, дорогой? Какая ужасная неприятность!

Фримен топнул ногой и скривил губы:

— Я не бвой енок! — завопил он. — Я бвой бупуг!

Посмеиваясь, Элизабет начала освобождать шкаф, стоящий около кровати. Пока Фримен пытался протестовать, сражаясь с потоком согласных, она взяла его клубный пиджак и пальто. Потом постелила простыню, побросала на нее рубашки, носки и все прочее и связала в большой узел.

Элизабет вынесла вещи Фримена, вернулась, сняла с его постели белье, отодвинула кровать к дальней стенке, а на ее место поставила детскую кроватку.

Вцепившись в манеж, Фримен смотрел, как исчезают предметы из его прежней жизни, и не мог произнести ни слова.

— Лисби, бомоби ме, я!.. — Он сдался и стал искать что-нибудь, чем можно было бы писать.

Собрав все силы, он сдвинул манеж к стене и большими буквами, слюной, которая текла у него изо рта, написал:

ЭЛИЗАБЕТ, ПОМОГИ МНЕ! Я НЕ РЕБЕНОК.

Затем он начал стучать кулаком в стену, и ему удалось привлечь внимание Элизабет, но когда он показал ей на записку, буквы успели высохнуть. Расплакавшись от огорчения, Фримен прошлепал к стенке и стал восстанавливать свое послание. Прежде чем он успел написать две или три буквы, Элизабет подхватила его на руки и вынула из манежа.

На обеденном столе стоял всего один прибор, а рядом Фримен увидел новый высокий стул. Безуспешно пытаясь произнести что-нибудь членораздельное, Фримен почувствовал, что его сажают на детский стул и повязывают вокруг шеи салфетку.

Во время еды он внимательно наблюдал за Элизабет, надеясь увидеть на неподвижном лице хотя бы мимолетный знак узнавания, намек на то, что она понимает — двухлетний ребенок, сидящий рядом с ней, является ее мужем. Фримен играл с едой, рисуя кривые буквы на подносе вокруг своей тарелки, но когда он показывал их Элизабет, она хлопала в ладоши, словно разделяла с ним радость новых открытий, а потом вытирала поднос. Вконец измучившись, Фримен позволил ей отнести себя наверх и остался лежать в новой кроватке, плотно укутанный крошечным одеялом.

Время работало против него. Теперь он спал большую часть дня. Проснувшись, некоторое время чувствовал себя посвежевшим и полным сил, которые, правда, быстро

убывали. После каждого приема пищи на него наваливалась невыносимая дремота, и глаза закрывались сами собой, как если бы он принял сильнодействующее снотворное. Фримен смутно понимал, что продолжает меняться и что ничего не может с этим поделать, — вот уже, проснувшись, он с трудом сумел сесть. А усилия, которые ему приходилось прикладывать, чтобы встать на свои слабые подкашивающиеся ноги, бесконечно его утомляли.

Он разучился разговаривать и теперь лишь невнятно бормотал и булькал. Лежа на спине и потягивая теплое молоко из бутылочки, Фримен понимал, что ему не на кого больше надеяться, кроме Хансона. Рано или поздно он зайдет и обнаружит, что его приятель бесследно исчез.

Сидя на ковре на веранде, опираясь спиной на подушку, Фримен заметил, что Элизабет вытащила содержимое из ящиков его стола и сняла все книги с полок у камина. Похоже, что для окружающих она стала вдовой с годовалым сыном, которая потеряла мужа сразу после медового месяца.

Она уже начала привыкать к своей новой роли. Гуляя по утрам — Фримен лежал в коляске, а перед самым его носом болтался пластмассовый зайчик, раздражавший его до невозможности, — они встречали людей, которых Фримен знал в лицо, и никто ни на секунду не усомнился в том, что он — сын Элизабет. Они наклонялись над коляской, тыкали ему в живот пальцами и восхищались его замечательными размерами и великолепным развитием. Кое-кто вспоминал ее мужа, и Элизабет отвечала им, что он отправился в длительное путешествие. Похоже, она мысленно попрощалась с Фрименом и навсегда выбросила его из головы.

Он понял, что ошибался, когда они возвращались с прогулки, оказавшейся для него последней.

Они приближались к дому, вдруг Элизабет остановилась и с сомнением встряхнула коляску, очевидно не зная, стоит ли идти дальше. Кто-то позвал их — издали, — и пока Фримен пытался вспомнить, кому принадлежит такой знакомый голос, Элизабет наклонилась и подняла верх коляски у него над головой.

Неожиданно Фримен увидел Хансона, который навис над коляской, вежливо приподняв шляпу.

— Миссис Фримен, я всю неделю пытаюсь до вас дозвониться. Как дела?

— Прекрасно, мистер Хансон,— Элизабет развернула коляску так, чтобы она оказалась между ней и Хансоном. Фримен заметил, что она на мгновение смутилась.— У нас сломался телефон.

Хансон обошел коляску, с интересом наблюдая за Элизабет.

— А что случилось с Чарльзом в субботу? Ему пришлось уехать по делам?

Элизабет кивнула:

— Он ужасно расстроился, мистер Хансон,— но у него возникли серьезные проблемы. Его не будет некоторое время.

«Она знает»,— подумал Фримен.

Хансон заглянул в коляску:

— На утреннюю прогулку, дружок? — И добавил, обращаясь к Элизабет: — Прекрасный ребенок. Я просто обожаю сердитых детей. Соседский?

Элизабет покачала головой:

— Сын приятеля Чарльза. Нам пора идти, мистер Хансон.

— Зовите меня Роберт. Надеюсь, мы скоро увидимся.

Элизабет улыбнулась, ее лицо снова было спокойно:

— Не сомневаюсь.

— Отлично! — Хитро улыбаясь, Хансон пошел прочь.

Она знает!

Потрясенный, Фримен сбросил одеяло и посмотрел вслед удаляющемуся Хансону. Тот повернулся, чтобы помахать Элизабет, которая подняла руку в ответ, а затем въехала в ворота.

Фримен попытался сесть, неотрывно глядя на Элизабет и надеясь, что она заметит гнев у него на лице. Но она ловко покатила коляску по дорожке, а потом взяла Фримена на руки.

Когда они поднимались по лестнице, он посмотрел через ее плечо на телефон и увидел, что трубка снята с ры-

чагов. Все это время Элизабет понимала, что происходит, и специально делала вид, будто не замечает его превращений. Она предвидела каждую новую стадию, купила заранее одежду — последовательность курточек и штанишек уменьшающихся размеров, — заказала для него, а не для будущего ребенка, манеж и кроватку.

На мгновение Фримен даже засомневался, беременна ли Элизабет на самом деле. А если ее полнота плод его фантазий? Когда она сказала, что ждет ребенка, ему и в голову не могло прийти, что этим ребенком станет он сам.

Резко перевернув, она засунула Фримена в кроватку и плотно укутала одеялом. Он слышал, как она стремительно ходит вниз, по-видимому готовилась к чему-то срочному: быстро закрыла окна и двери... что-то вынуждало ее торопиться.

Прислушиваясь к происходящему, Фримен вдруг почувствовал, что замерз. Он был завернут, точно новорожденный ребенок, в несколько пеленок, но ему казалось, что все его кости превратились в лед. Фримена охватила непонятная вялость, куда-то пропали злость и страх, а центр восприятия переместился на поверхность кожи. Слабый утренний свет резал глаза, и когда они закрылись, он провалился в туманное забвение неглубокого сна, нежное тело молило об облегчении страданий.

Некоторое время спустя он почувствовал, как руки Элизабет вынули его из-под одеяла, потом из кроватки, она пронесла его через холл. Постепенно воспоминания о доме и его собственной личности стали слабеть, и сморщенное тельце беспомощно прижалось к Элизабет, когда он оказался на ее широкой постели.

Ненавидя жесткие волосы, которые царапали ему лицо, Фримен впервые отчетливо осознал то, что так долго не хотел понимать. Перед самым концом он вдруг закричал от радости и удивления, когда вспомнил исчезнувший мир своего первого детства.

Когда ребенок в животе успокоился, Элизабет откинулась на подушку. Боль от схваток медленно проходила.

Она почувствовала, что силы постепенно к ней возвращаются, а огромный мир внутри нее приходит в норму. Глядя в темнеющий потолок, она отдыхала несколько часов, время от времени меняя положение, чтобы устроить поудобнее свое большое тело на кровати.

На следующее утро она поднялась на полчаса. Ребенок уже не казался таким тяжелым, три дня спустя она смогла окончательно встать с постели. Свободный халат скрывал то, что еще оставалось от ее беременности. Элизабет немедленно приступила к последнему делу: сложила в стопки детскую одежду, разобрала манежи и кроватку. Затем связала одежду в большие узлы и позвонила в местное отделение благотворительного общества. Оттуда приехали служащие и все забрали. Коляску и кроватку Элизабет продала торговцу подержанными вещами. А через два дня в доме не осталось ничего, что напоминало бы о ее муже. Элизабет сняла цветные картинки со стен детской и поставила кровать на прежнее место.

Оставался только уменьшающийся с каждым днем комочек внутри нее, маленький сжатый кулачок. Когда Элизабет почти перестала его чувствовать, она сняла обручальное кольцо и спрятала его в коробочку с другими украшениями.

Возвращаясь на следующее утро домой из магазина, Элизабет услышала, как кто-то зовет ее из машины, припаркованной у ворот дома.

— Миссис Фримен! — Хансон выскочил из машины и радостно заговорил с ней. — Как вы замечательно выглядите.

Элизабет одарила его широкой добродушной улыбкой. Несмотря на легкую припухлость, ее лицо было красивым и чувственным. Яркое шелковое платье — и никаких следов беременности.

— Где Чарльз? — спросил Хансон. — По-прежнему в отъезде?

Улыбка Элизабет стала еще шире, губы раскрылись, обнажив крепкие белые зубы. Ее лицо приобрело странное отсутствующее выражение, глаза смотрели куда-то далеко за горизонт.

Хансон некоторое время ждал ответа. Потом, поняв намек, наклонился к своей машине и включил зажигание. Подойдя к Элизабет, раскрыл перед ней ворота.

Так Элизабет встретила своего мужа. Три часа спустя превращения Чарльза Фримена достигли кульминации. В эту последнюю секунду он подошел к своему истинному началу, момент его зачатия совпал с моментом исчезновения, конец последнего рождения — с началом первой смерти.

А с ребенком станет один.

Перегруженный человек

Фолкнер потихоньку заводился.

Он позавтракал и теперь с нетерпением ждал, когда же Джулия кончит суетиться на кухне. Через две-три минуты она уйдет, однако по какой-то причине это короткое ежедневное ожидание неизменно представлялось ему почти невыносимым. Поднимая жалюзи, выходя на веранду, устанавливая поудобнее шезлонг, он помимо собственной воли непрерывно прислушивался к расторопным, предельно экономным движениям жены. В раз и навсегда установленной последовательности она сложила тарелки и чашки в моечную машину, засунула в духовку мясо для ужина и пощелкала таймером, поменяла температурные установки кондиционера и отопительного радиатора, открыла горловину мазутного бака (после обеда придет цистерна) и подняла свою половинку гаражной двери.

Фолкнер как замороженный отслеживал каждый этап этой последовательности по резкому щелканью тумблеров и пулеметному треску установочных ручек.

Тебя бы на Б-52,— думал он,— за пульт. На самом деле Джулия работала в больничной регистратуре, с утра до вечера крутилась, уж в этом можно не сомневаться, в том же самом вихре заученных, предельно экономичных движений, тыча в кнопки с надписями «Смит», «Джонс»

или там «Браун», направляя паралитиков налево, параноиков направо.

Джулия вошла в комнату и приблизилась к нему, стандартная деловая особа в строгом черном костюме и белой блузке.

— Разве ты не идешь в Школу? — спросила она.

Фолкнер покачал головой, бесцельно переложил бумаги на письменном столе.

— Нет, у меня еще творческий отпуск. До конца недели. Профессор Харман решил, что я взял слишком много часов, пора бы и мозги проветрить.

Джулия кивнула, но в ее глазах стояло сомнение. Три недели кряду муж торчал дома, дремал на веранде, как тут не появиться подозрениям. Фолкнер понимал, что рано или поздно она все узнает, однако надеялся оказаться к тому времени вне досягаемости. Его подмывало сказать правду, что два месяца назад он оставил место преподавателя в Школе бизнеса, оставил навсегда, без намерения вернуться. Вот уж будет для нее сюрпризик, когда выяснится, что они почти истратили его последнюю зарплату и даже, возможно, будут вынуждены обходиться одной машиной. Ничего, думал он, пусть поработает, да и вообще ей платят больше, чем мне.

Сделав титаническое усилие, Фолкнер улыбнулся. *Выметайся!* — вопило у него в мозгу, но жена все еще парила над ним в нерешительности.

— А чем же тебе обедать? У нас ни крошки...

— Обо мне не беспокойся, — нетерпеливо перебил Фолкнер, с тоской глядя на стрелки часов. — Я уже шесть месяцев как бросил есть. А ты пообедаешь в Клинике.

Даже разговор с ней превратился в непомерный труд. Он хотел бы перейти на общение записками, даже купил для этой цели два отрывных блокнота, но так и не набрался духа предложить один из них Джулии, хотя сам постоянно писал ей записки — под тем предлогом, что его мозг занят настолько напряженной работой, что разговор может прервать ход мыслей.

Как ни странно, он никогда не думал всерьез о разводе. Такой побег не докажет ровно ничего. К тому же у него имелся другой план.

— Так тебе ничего не надо? — спросила Джулия, не спуская с мужа настороженных глаз.

— Абсолютно, — заверил ее Фолкнер, удерживая на лице все ту же улыбку. Усилие выматывало, как полный рабочий день на службе.

Быстрый, безразличный поцелуй Джулии поразительно напоминал ключущее движение, каким хитроумная машина надевает крышечки на бутылки с пивом. Все так же улыбаясь, Фолкнер дождался хлопка входной двери, затем медленно стер улыбку с лица, осторожно вздохнул и позволил себе расслабиться, ощущая, как напряжение вытекает через пальцы рук и ног. Несколько минут он бесцельно бродил по пустому дому, а затем вернулся в гостиную, чтобы приступить к серьезной работе.

Программа практически никогда не менялась. Сперва Фолкнер достал из среднего ящика письменного стола устройство, состоявшее из миниатюрного будильника, батареек и ремешка с электродами. Выйдя на веранду, он затянул ремешок на запястье, завел и установил будильник, пристроил его на столе рядом с собой, а затем привязал свою руку к подлокотнику — чтобы не стряхнуть ненароком будильник на пол.

Когда все было готово, он откинулся на спинку шезлонга и начал изучать открывавшийся с веранды вид.

Поселок Меннингера (или «Бедлам» [«Дурдом»]), если следовать терминологии местных жителей) был построен десять лет тому назад как самодостаточный жилой микрорайон для дипломированных сотрудников Клиники и членов их семей. Всего в Бедламе было шестьдесят с чем-то домов, спроектированных так, что каждый из них заполнял определенную структурную нишу, с одной стороны — сохраняя свою, отличную от прочих, индивидуальность, а с другой — сливаясь с ними в органическое единство. Втискивая уйму маленьких домиков на участок площадью в четыре акра, архитекторы руководствовались двумя

главными установками: не превращать будущий поселок в унылое скопление совершенно одинаковых курятников (что характерно для большинства подобных микрорайонов) и создать для одной из крупнейших психиатрических ассоциаций демонстрационный экспонат, способный послужить моделью корпоративных поселков будущего.

К сожалению, вскоре выяснилось, что Бедлам, задуманный как нечто вроде рая земного для своих обитателей, превращает их жизнь в сущий ад. Архитекторы использовали так называемую психомодулярную систему, основанную на L-образных базовых элементах, то есть все в их творении пересекалось и стыковалось со всем, что привело к легко предсказуемому результату: поселок являл собой нечто аморфное и несуразное. На первый взгляд это хитросплетение матового стекла, белых изгибов и плоскостей могло показаться изысканным и абстрактным («новые тенденции в организации жизни», предлагаемые поселком, были подробно и с множеством глянцевых фотографий освещены на страницах журнала «Лайф»), однако изнутри, при долгих контактах оно представлялось бесформенным и изнурительным для глаза. Старшие администраторы и специалисты Клиники быстренько ретировались, так что теперь Бедлам был доступен для любого, кого удавалось сюда заманить.

Фолкнер выделил из хаоса белых геометрических форм восемь строений, на которые он мог смотреть, не поворачивая головы. Слева, совсем впритык, жили Пензилы, справа — Макферсоны, остальные шесть домиков располагались прямо впереди, на дальней стороне бестолковой мешанины налегающих друг на друга «садовых участков» — абстрактных лабиринтов наподобие тех, по которым бегают лабораторные крысы, с невысокими перегородками, по пояс из белых панелей, стеклянных уголков и щелястых листов пластика.

В садике Пензилов имелся набор огромных, трехфутовых кубиков с буквами. Двое Пензилят регулярно составляли из них послания окружающему миру, иногда — непристойные, иногда — всего лишь загадочные и

афористические. Сегодняшняя фраза относилась ко второй разновидности. На зеленой траве ярко выделялись квадраты с буквами:

ЗАМРИ И ПОМРИ

Задумавшись на секунду над глубинным смыслом странного предложения, Фолкнер расслабил сознание, устремленные вдаль глаза остекленели, мало-помалу абрисы строений стали выгорать и сливаться, длинные террасы и пандусы, скрытые частично деревьями и кустами, представлялись чистыми бесплотными формами, исполинскими стереометрическими структурами.

Фолкнер замедлил ритм дыхания, уверенно замкнул свой мозг, а затем без малейших усилий стер всякое осознание смысла попадавших в поле его зрения строений.

Теперь он смотрел на кубистический пейзаж, беспорядочное скопление белых форм на фоне синего задника, разбавленное кое-где зелеными рассыпчатыми фестонами, медленно колеблющимися из стороны в сторону. В голову заползла ленивая мысль, а что же они такое в действительности, эти формы,— Фолкнер знал, что считанные секунды назад они были близко ему знакомы как часть повседневности, однако сколько он ни менял их пространственное расположение, сколько ни искал возможные ассоциации, случайное скопление геометрических фигур так и оставалось случайным.

Он обнаружил за собой эту способность совсем недавно, недели три назад, воскресным утром. Уныло разглядывая выключенный телевизор, он неожиданно осознал, что настолько свыкся, сросся с физической формой этого пластмассового ящика, что не может вспомнить его назначения. Фолкнеру потребовалось значительное умственное усилие, чтобы стряхнуть протрацию и опознать телевизор. Движимый любопытством, он опробовал новообретенную способность на других объектах и быстро выяснил, что наибольший успех достигается при работе с такими плотными клубками ассоциаций, как стиральные машины, автомобили и прочие потребительские товары. После удаления коросты рекламных слоганов и статусной

ценности их внутренние претензии на реальность оказывались настолько шаткими, что полностью испарялись при минимальном умственном усилии.

Нечто сходное происходит при употреблении мескалина и прочих галлюциногенов, под чьим воздействием вмятины на подушке становятся резкими и грандиозными, как лунные кратеры, а портьерные складки колышутся подобно волнам вечности.

Далее Фолкнер приступил к осторожным экспериментам, тренируя свою способность оперировать внутренними выключателями. Процесс оказался нескорым, однако постепенно пришло умение устранять все большие и большие совокупности предметов — стандартную мебель в гостиной, хитроумные, сплошь в эмали и никеле, кухонные приспособления, свой собственный автомобиль — лишенный смысла, он лежал в полумраке гаража, как исполинский баклажан, вялый и тускло поблескивающий; попытка опознать этот загадочный объект чуть не свела Фолкнера с ума. «Господи, да что же это такое может быть?» — беспомощно вопрошал он, чуть не лопааясь от хохота.

По мере развития способности он начал смутно подозревать в ней возможный путь побега из невыносимой обстановки поселка — из невыносимого мира.

Фолкнер поделился этими наблюдениями с Россом Хендриксом, своим коллегой по преподаванию в Школе бизнеса и единственным близким другом, который жил здесь же, в Бедламе, через два дома в третьем.

— Может быть, я научился выходить из потока времени, — заключил свой рассказ Фолкнер. — Отсутствие ощущения времени затрудняет процесс визуализации. Иными словами, удаление вектора времени освобождает деидентифицированный объект ото всех его повседневных когнитивных ассоциаций. А может быть, я случайно наткнулся на способ подавлять фотоассоциативные центры мозга, ответственные за идентификацию визуальных представлений. Ведь можно сделать так, что слушаешь разговор на своем родном языке и ничего не понимаешь, ни один звук

не имеет смысла, такое чуть не каждый пробовал,— ну и здесь примерно то же самое.

— Да,— осторожно согласился Хендрикс,— только ты не слишком увлекайся. Ведь нельзя же просто вот так взять и закрыть глаза на мир. Отношения субъекта с объектом не настолько полярны, как можно бы заключить из Декартова «*Cogito ergo sum*». Обесценивая внешний мир, ты ровно в той же пропорции обесцениваешь себя. Мне что-то кажется, что для разрешения твоих проблем больше подошел бы обратный процесс.

Нет, от Хендрикса со всем его сочувственным пониманием не приходилось ждать никакой помощи. К тому же как упойтельно увидеть мир наново, купаться в безбрежной панораме сверкающих разноцветных образов. И что за печаль, если эти формы лишены содержания?..

Сухой щелчок вывел Фолкнера из забытья. Он резко сел и схватился за будильник, установленный на одиннадцать часов. Стрелки показывали 10.55. Звонок еще не звенел, электрошок тоже не сработал. Так что же там щелкнуло, ведь не приснилось же, отчетливо было слышно. А с другой стороны, когда в доме такое изобилие всяких механических шуток, щелкнуть может все что угодно.

По рифленому стеклу, образовывавшему боковую стену гостиной, проползла темная тень; секундой позже Фолкнер увидел, как в узком проезде, отделявшем его участок от Пензилов, остановилась машина. Из машины вышла девушка в синем лабораторном халате; хлопнув дверцей, она направилась по щебеночной дорожке в соседний дом. Двадцатилетняя свояченица Пензила гостила в Бедламе уже второй месяц. Когда она исчезла из вида, Фолкнер торопливо расстегнул ремешок с электродами и встал; открыв дверь веранды, он пулей выскочил в свой садик. Луиза (он знал, как зовут эту девушку, хотя и не был с ней прямо знаком) ходила по утрам на занятия по скульптуре; вернувшись домой, она неспешно принимала душ и лезла на крышу загорать.

Фолкнер слонялся по садику, воровато постреливая глазами в сторону соседского дома; он швырял камешки

в пруд, притворялся, что поправляет стойки беседки, а затем увидел за забором Харви, пятнадцатилетнего сына Макферсонов.

— А что это ты не в школе? — спросил он у Харви, тощего, долговязого юнца с умным остроносом лицом под буйной копной рыжих волос.

— Полагалось бы, — непринужденно признался Харви, — но мама легко поверила в мое сильное переутомление, а Моррисон, — так звали его отца, — только и сказал, что я для всего могу придумать причину. Здешние родители, — он сокрушенно пожал плечами, — слишком уж склонны к вседозволенности.

— Что правда, то правда, — согласился Фолкнер, поглядывая через плечо на душевую кабинку. Розовая фигурка возилась с кранами, слышался плеск воды.

— А вот скажите, мистер Фолкнер, — возбужденно заговорил Харви, — вот вы знаете, что после 1955 года, когда умер Эйнштейн, так и не появилось ни одного гения? Микеланджело, потом Шекспир, Ньютон, Бетховен, Гёте, Дарвин, Фрейд, Эйнштейн — все это время на Земле в каждый конкретный момент обязательно имелся хотя бы один живой гений. А теперь, впервые за пятьсот лет, мы полностью предоставлены своим собственным промыслам.

— Да, — кивнул Фолкнер, не глядя на Харви, его глаза были заняты совсем другим делом, — я знаю. Осиротели мы, несчастные, никто-то нас не любит.

По завершении душа он односложно попрощался с Харви, вернулся на веранду, устроился в шезлонге и снова затыкнул на запястье ремешок.

Он принялся систематически, объект за объектом, выключать окружающий мир. Первыми исчезли дома напротив, белые скопления крыш и балконов быстро превратились в плоские прямоугольники, строчки окон стали наборами маленьких цветных квадратиков, наподобие решетчатых структур Мондриана. Небо повисло безликим синим массивом. Нет, не совсем безликим — где-то в его глубине полз крошечный самолетик, гудели двигатели. Фолкнер аккуратно устранил смысл этого образа и начал

с интересом наблюдать, как изящная серебристая стрелка медленно растворяется в синеве.

Ожидая, когда же стихнет гул, он снова услышал непонятный щелчок, точно такой же, что и раньше. Щелчок прозвучал совсем рядом, слева, со стороны окна, однако Фолкнер слишком глубоко утонул в разворачивающемся калейдоскопе, чтобы подняться на поверхность.

Когда самолет окончательно исчез, он переключил свое внимание на садик, быстро обезличил белую ограду, фальшивую беседку, эллиптический диск декоративного пруда. Пруд окружала тропинка; когда Фолкнер стер все воспоминания о бесчисленных по ней прогулках, она взмыла в воздух, как терракотовая рука, держащая огромное серебряное блюдо.

Удовлетворенный уничтожением поселка и сада, Фолкнер принялся за дом. Здесь ему противостояли объекты куда более родные и близкие, переполненные глубоко личных ассоциаций, продолжения его самого. Он начал со стоявшей на веранде мебели, трансформировал трубчатые стулья и стеклянный столик в хитроумно запутанные зеленые мотки, а затем повернул голову направо и занялся телевизором, стоявшим в гостиной совсем рядом с дверью на веранду. Коричневый, раскрашенный под дерево пластиковый ящик почти не сопротивлялся, не настаивал на своем смысле, так что Фолкнер без труда отключил ассоциации и превратил его в аморфную кляксу.

Затем он последовательно очистил от ассоциаций книжный шкаф, письменный стол, стандартные лампы, рамки картин и фотографий. Бессмысленные формы висели в пустоте, как хлам из какого-то психологического пакета, белые кресла и кушетки напоминали угловатые облака.

Связанный с реальностью одним лишь ремешком на запястье, Фолкнер поворачивал голову из стороны в сторону, систематически лишая окружающий мир последних проблесков смысла, сводя все объекты к бесплотным визуальным образам.

Мало-помалу формы утративших смысл объектов стали и сами терять смысл, абстрактные структуры из линий

и цвета растворялись, затягивали Фолкнера в мир чистых психических ощущений, где массивы представлений висели незримо, подобно магнитным полям в камере Вильсона...

Мир взорвался от грохота будильника, в тот же самый момент батарея пронзила запястье Фолкнера огненными шипами. Чувствуя, как шевелятся волосы на затылке, он вернулся в реальный мир, расстегнул ремешок, торопливо потер занемевшую руку, а затем прихлопнул будильник.

Тщательно разминая запястье, возвращая объектам их прежний смысл, наново узнавая дома напротив, садики, свой собственный дом, он остро ощущал, что между ними и его психикой возникло нечто вроде стеклянной стены, преграда прозрачная и все же непреодолимая. Как ни старался он сфокусировать мозг на окружающем мире, преграда не только не исчезала, но даже становилась чуть плотнее.

Преграды возникали и на других уровнях.

Джулия вернулась с работы ровно в шесть, буквально ваяясь с ног от усталости; вид мужа, сонно слоняющегося по уставленной грязными стаканами веранде, мгновенно вывел ее из себя.

— Ты что, прибрать все это не мог? — ядовито поинтересовалась она, когда Фолкнер направился к внутренней лестнице с явным намерением улизнуть в спальню. — Это не дом, а бардак какой-то. Да встряхнись же ты наконец, что ты как муха сонная?

Недовольно бурча себе под нос, Фолкнер собрал стаканы и понес на кухню. Вторая попытка улизнуть тоже оказалась неудачной: Джулия надежно блокировала кухонную дверь. Часто прикладываясь к стакану с мартини, она стала забрасывать мужа вопросами про Школу. Ну вот, с тоской подумал Фолкнер, — учуяла. А потом, небось, позвонила под каким-нибудь предлогом в Школу, упомянула меня и укрепилась в своих подозрениях.

— Никакого внимания к сотрудникам, — горько посетовал он. — Отлучись хоть на пару дней, и сразу никто не помнит, работаешь ты у них или нет.

Неусыпное внимание и предельная концентрация воли помогли Фолкнеру ни разу за все это время не посмотреть жене в глаза. Да что там сегодняшний вечер, они не встречались глазами уже целую неделю, а может, и дольше. Фолкнер тешил надежду, что это действует Джулии на нервы.

Ужин был медленной пыткой. Дом насквозь пропитался запахом жарящегося в автоматической духовке мяса. Еда не лезла Фолкнеру в горло, к тому же ему было не на чем сосредоточить свое внимание. К счастью, Джулия поглощала пищу с большим увлечением, так что можно было смотреть на ее макушку, когда же она поднимала глаза от еды, он, словно ни в чем не бывало, скользил взглядом по комнате.

После ужина пришло долгожданное спасение. Когда соседские дома растаяли в вечерней мгле, Фолкнер потушил свет в гостиной и включил телевизор. Джулия, конечно же, была недовольна — ей, видите ли, не нравилась ни одна программа.

— Ну что мы смотрим эту штуку *каждый* вечер? — возмущалась она. — Времени жалко.

— Да чего ты кипятишься? — беззаботно возразил Фолкнер. — Воспринимай это как социальный документ.

Обосновавшись в кресле с высокой спинкой, он закинул руки за голову, что позволяло в любой момент незаметно заткнуть уши и превратить происходящее на экране в немой фильм.

— Ты не обращай внимания, что они там говорят, — посоветовал он Джулии. — Так получается интереснее.

Люди перемещались по экрану, беззвучно разевая рты, ни дать ни взять — сбрендившие рыбы. Особенно нелепо смотрелись крупные планы в мелодрамах — чем напряженнее ситуация, тем умиротвореннее фарс.

Что-то болезненно ударило его по колену. Подняв глаза, Фолкнер увидел над собой лицо с напряженно сдвинутыми к переносице бровями и перекошенным, яростно шевелящимся ртом. Отстраненно глядя на жену, он на мгновение задумался, а не отключить ли и ее тем же

самым способом, что и весь остальной мир. Прекрасное завершение процесса, для такого случая и без будильника обойтись можно...

— Гарри!

Когда крик пробился в сознание Фолкнера, он вздрогнул, выпрямился и разжал уши; к голосу жены добавилась телевизионная болтовня.

— В чем дело? Я немного вздремнул.

— Вернее сказать, отключился. Я тут распинаюсь, распинаюсь, а он хоть бы слово. Так вот, я говорю, что встретила сегодня Харриет Тиззард.— Фолкнер страдальчески застонал.— Ну да, я знаю, что ты терпеть не можешь Тиззардов, но все равно думаю, что нам нужно почаще с ними встречаться...

Фолкнер перестал слушать и откинулся на спинку, когда же Джулия вернулась в свое кресло, он снова закинул руки за голову, пару раз неопределенно хмыкнул, изображая участие в разговоре, а затем заткнул уши, начисто заглушив неумолчную трескотню, и погрузился в созерцание немого экрана.

Назавтра в десять утра он снова вышел на веранду с будильником в руках, а затем целый час блаженствовал в окружении бесплотных образов, освободив свое сознание ото всех треволнений. Ровно в одиннадцать будильник вывел его из забытья. Фолкнер чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, первые по пробуждению моменты он даже мог рассматривать окружающие дома с той визуальной заинтересованностью, на которую рассчитывали их создатели. Но свежести восприятия хватило совсем ненадолго, мало-помалу все объекты стали источать свой яд, покрываться коростой назойливых ассоциаций; через какие-то десять минут Фолкнер начал беспокойно поглядывать на часы.

Когда в проезде появилась машина Луизы Пензил, он отложил будильник и выскочил в сад, низко пригнув голову, чтобы пореже наткаться взглядом на дома. Он возился с беседкой, заменяя отвалившиеся планки, пока над забором не возникла физиономия Харви Макферсона.

— Харви, ты-то здесь откуда? Да ты вообще ходишь когда-нибудь в школу?

— Понимаете,— объяснил Харви,— я сейчас вроде как на этих маминых курсах по снятию напряжения. Дело в том, что я воспринимаю соревновательный аспект школьной жизни как...

— Вот я тут тоже пытаюсь снять напряжение,— оборвал его Фолкнер.— На чем и завершим беседу. Почему бы тебе не погулять где-нибудь в другом месте?

Однако Харви ничуть не смутился.

— Мистер Фолкнер,— продолжил он,— меня тут беспокоит одна вроде как философская проблема. Может, вы мне поможете? Единственным абсолютом пространственно-временного континуума считается скорость света. Но ведь если разобраться, любой способ измерения скорости света неизбежно связан со временем, каковое является субъективной переменной,— ну и что же тогда остается?

— Девочки,— сказал Фолкнер. Он взглянул через плечо на дом Пензилов, а затем раздраженно уставился на Харви.

Харви сосредоточенно нахмурился и попытался рассчитать свою пышную шевелюру пятерней:

— О чем это вы?

— О девочках,— повторил Фолкнер.— Слабый пол. Или прекрасный, это уж как тебе больше нравится.

— Я же с вами серьезно, а вы...

Недовольно бормоча и встряхивая головой, Харви уныло побрел к своему дому.

Ну, теперь-то ты заткнешься,— подумал Фолкнер. Пользуясь беседкой как укрытием, он начал рассматривать сквозь ее щели дом Пензилов и неожиданно встретился взглядом с Гарри Пензилом, мрачно стоявшим у окна веранды.

Он торопливо отвернулся и сделал вид, что подрезает розы. К тому времени, как Фолкнер вернулся домой, его рубашка насквозь промокла от пота. Гарри Пензил был вполне способен перескочить через забор и шарахнуть с правой.

Он пошел на кухню, смешал себе мартини, вернулся со стаканом на веранду и сел, терпеливо ожидая, когда же утихнет смятение, чтобы можно было снова затянуть на запястье ремешок и включить будильник.

Напряженно ловя каждый звук, долетающий из дома Пензилов, он снова услышал знакомый сухой щелчок. Щелкнуло где-то справа.

Фолкнер подался вперед и внимательно оглядел стену веранды. Массивная пластина молочного стекла служила опорой для белых брусьев кровли, обшитых сверху листами гофрированного полиэтилена. Прямо перед верандой, вдоль границы двух прилежащих садовых участков, растянулась на двадцать футов высокая, десятифутовая металлическая решетка, увитая побегами камелии.

Окинув решетку взглядом, Фолкнер неожиданно заметил черный угловатый предмет, установленный на треноге прямо за крайней вертикальной стойкой, в каких-то трех футах от распахнутого окна веранды; стеклянный, немигающий глаз предмета смотрел прямо ему в лицо.

Ничего себе! Как пружиной подброшенный, Фолкнер вылетел из шезлонга и пораженно уставился на фотоаппарат. Это сколько же времени торчит здесь эта чертова штука, сколько моментов моей жизни отщелкала она этому балбесу Харви на забаву!

Кипя негодованием, Фолкнер бросился к решетке, раздвинул прутья и потащил фотоаппарат на себя. Тренога зацепилась за решетку и со стуком упала, мгновение спустя на веранде Макферсонов кто-то громко уронил стул.

Фолкнер оторвал тросик, присоединенный к спуску камеры, и кое-как протащил ее через узкую щель. Откинув заднюю крышку, он вырвал из камеры планку, затем швырнул ее на пол и несколько раз припечатал каблуком. Собрав обломки, он подошел к забору и зашвырнул их в соседский сад.

Не успел Фолкнер успокоиться и допить мартини, как в холле зазвонил телефон.

— Да, в чем дело? — рывкнул он в трубку.

— Гарри? Это я, Джулия.

— Кто? — переспросил Фолкнер и тут же понял глупость своего вопроса. — Да, конечно. Ну и как там дела?

— Да не слишком блестяще. — В голосе Джулии зазвенел металл. — Я только что имела продолжительную беседу с профессором Харманом. Он говорит, что ты уволился из Школы два месяца назад. Гарри, что это ты затеял? Это не доходит до моего сознания.

— До моего тоже, — радостно поддержал ее Фолкнер. — Это лучшая новость за многие годы. Спасибо, что ты ее подтвердила.

— Гарри! — Джулия срывалась на крик. — Встряхнись, возьми себя в руки! И пожалуйста, не рассчитывай, что я буду тебя содержать. Профессор Харман говорит, что...

— Этот придурок Харман! — взорвался Фолкнер. — Ты что, не понимаешь, что он пытался свести меня с ума?

Когда голос жены взмыл до пронзительного визга, он отодвинул трубку от уха, а затем опустил ее на рычаг аппарата. Немного подумав, он снял ее и положил на стопку телефонных справочников.

На Поселок навалилась плотная, почти осязаемая тишина. Ничто не шевелилось, разве что иногда теплый весенний воздух качнет молодое деревце или блеснет отраженным солнцем открывшееся окно.

Будильник валялся в углу, на этот раз его помощь не требовалась. Лежа в шезлонге, Фолкнер все глубже уходил в свой личный мир, в сокрушенный мир недвижимых форм и оттенков, обступивших его со всех сторон. Здания напротив исчезли, на их месте повисли длинные белые прямоугольники, сад превратился в зеленую трапецию с серебряным эллипсом у дальнего ее основания. Веранда стала прозрачным кубом, в центре которого и находился сам Фолкнер, вернее — не он, а его образ, плававший в океане фантазий. На этот раз он уничтожил не только окружающий мир, но и свое тело; собственные руки, ноги и туловище казались ему прямыми продолжениями мозга, бесплотными формами, чье физическое существование

постоянно тревожило Фолкнера — примерно так же, как во сне человека тревожит осознание собственной личности.

Несколько часов спустя в мир порожденных его фантазией образов вторглось нечто постороннее. Сфокусировав глаза, Фолкнер с удивлением увидел затянутую в черное женскую фигуру. Джулия стояла прямо перед ним, она яростно кричала и размахивала сумочкой.

Фолкнер несколько минут внимательно изучал знакомый, перегруженный ассоциациями образ своей жены, пропорции ее конечностей, плоскости лица. Затем, ни разу не пошевелившись, он начал ее уничтожать. Сперва он забыл кисти ее рук, все так же метавшиеся, подобно ошавшим от страха птицам, затем руки и плечи, стерева из своего мозга все воспоминания об их смысле и значении. Напоследок он забыл близко нависшее над ним лицо, превратив его в треугольный кусок розоватого теста, деформированный разнообразными выступами и впадинами, вспоротый отверстиями, которые то открывались, то закрывались, подобно клапанам каких-то странных мехов.

Вернувшись в свой мир неподвижных, беззвучных образов, он продолжал созавать, что жена находится рядом и все так же надоедливо суетится. Ее присутствие представлялось уродливым и бесформенным, какой-то пучок острых, неприятных углов.

Затем они вступили в кратковременный физический контакт. Когда Фолкнер жестом попросил ее уйти, она вцепилась в его руку плотной собачьей хваткой. Он попытался ее стряхнуть, однако она не только не отпускала его руку, но и яростно дергала ее из стороны в сторону.

Ритм движений был резким и неприятным. Первое время Фолкнер пытался ее игнорировать, когда же это не удалось, начал сдерживать и сглаживать, трансформируя угловатую форму в другую, более мягкую и округлую.

Он разминал ее, как скульптор, формирующий глину, — процесс сопровождался целой серией щелкающих звуков, настолько громких, что на их фоне терялся даже

непрерывный, раздражающий вопль. Завершив свой труд, он уронил на пол нечто вроде большого, негромко поскрипывающего кома губчатой резины.

Затем Фолкнер вернулся в свой мир, наново влился в ничуть не изменившийся за это время ландшафт. Столкновение с женой еще раз напомнило ему о последней оставшейся помехе — его собственном теле. Он полностью забыл предназначение этого объекта, однако продолжал ощущать его как нечто теплое, тяжелое и несколько неудобное — так страдающего бессонницей человека мучает небрежно застеленная кровать. Он стремился к чистой духовности, к ощущению психического бытия, не замутненному никаким физическим посредством. Только так можно бежать тошнотворного внешнего мира.

Где-то на краю его сознания сформировалась идея. Поднявшись на ноги, он пересек веранду, не осознавая связанных с этим физических движений, а просто устремляясь к дальнему концу сада.

Скрытый обвитой розами беседкой, Фолкнер постоял пять минут у кромки пруда, а затем шагнул в воду. Он брел вперед, не обращая внимания на брюки, неудобно вздувшиеся у колен пузырями. Дойдя до середины пруда, он сел в неглубокую воду, аккуратно раздвинул руками водоросли и лег на спину.

Мало-помалу тестообразная масса его тела растворялась, становилась прохладнее и удобнее. Глядя вверх, сквозь шестидюймовый слой воды, накрывавший его лицо, он следил за тем, как синий диск безоблачного, ничем не замутненного неба ширится, стремясь захватить все сознание. Наконец-то ему удалось найти идеальную обстановку, единственно возможное поле чистых представлений, абсолютный континуум бытия, не загрязненного материальными наслоениями. Безотрывно наблюдая за небом, он лежал в спокойном ожидании полного растворения мира, вслед за которым придет свобода.

Джоконда в полумраке полдня

— Проклятые чайки! — пожаловался жене Ричард Мейтленд. — Ты не можешь их отогнать?

Джудит суетилась вокруг инвалидной коляски, ее руки, словно испуганные голуби, метались около его перевязанных глаз. Она вглядывалась в противоположный берег реки, по другую сторону лужайки.

— Постарайся о них не думать, дорогой. Они там просто сидят.

— Просто? В этом-то все и дело! — Мейтленд поднял трость и энергично рассек ею воздух. — Я чувствую, как они за мной следят!

На период выздоровления они поселились в доме матери Мейтленда, в надежде на то, что яркие визуальные воспоминания компенсируют временную слепоту — он слегка повредил глаз, но началось воспаление. В результате Мейтленду пришлось пройти через операцию и на месяц погрузиться в вынужденный мрак. Однако они не рассчитывали, что обострятся и все остальные его чувства. Дом находился в пяти милях от побережья, но из-за прилива жадные птицы, гнездившиеся в дельте, прилетали вверх по течению реки и опускались на берег в пятидесяти ярдах от того места, где посреди лужайки стояло

кресло Мейтленда. Джудит практически не слышала криков чаек, но Мейтленду казалось, будто их алчный клекот наполняет теплый воздух, словно вопли дикого дионисийского хора. Он отчетливо представлял себе влажные берега, по которым струится кровь тысяч разорванных на части рыб.

Охваченный бессильным раздражением, он прислушивался к их голосам, пока они неожиданно не смолкли. Затем с шумом, напоминающим звук рвущейся материи, вся стая поднялась в воздух. Зажав в правой руке трость, словно дубинку, Мейтленд застыл в своем инвалидном кресле, ему вдруг показалось, что чайки сейчас спустятся на лужайку и их отвратительные клювы начнут терзать повязку у него на глазах.

Будто пытаясь призвать их к себе, Мейтленд прочитал вслух:

А за углом поют соловьи
У монастыря Иисусова Сердца.

Поют, как пели в кровавом лесу,
Презревши Агамемновы стоны...*

В течение двух недель после возвращения Мейтленда из больницы Джудит прочитала ему вслух почти всего раннего Элиота. Казалось, стая невидимых чаек появилась прямо из нарисованных поэтом сумрачных древних пейзажей.

Птицы снова опустились на берег, и Джудит сделала несколько неуверенных шагов по лужайке, тусклые очертания ее фигуры наложились на круг света внутри закрытых глаз Мейтленда.

— Они шумят, точно стая пираний,— заявил он, с усилием рассмеявшись.— Что они делают? Свежую быка?

— Ничего, дорогой. Насколько я могу видеть... — Джудит словно споткнулась на последнем слове.

Несмотря на то что слепота Мейтленда была временной — более того, слегка отогнув бинты, он различал раз-

* Перевод А. Сергеева.

мытый, но вполне различимый образ сада и склонившиеся над водой ивы,— Джудит продолжала обращаться к нему с традиционной уклончивостью, окружая его тщательно продуманными запретами, которые создали зрячие для слепых. Истинными калеками, подумал Мейтленд, являются лишь те, кто совершенно здоровы.

— Дик, мне нужно съездить в город, чтобы купить продукты. Ты побудешь полчаса один?

— Конечно. Только нажми на клаксон, когда будешь возвращаться.

Необходимость содержать в порядке большой загородный дом, да еще в одиночку,— давно овдовевшая мать Мейтленда отправилась в средиземноморский круиз на теплоходе — не позволяла Джудит проводить с мужем все свое время. К счастью, Мейтленд отлично знал дом и мог по нему перемещаться без посторонней помощи. Несколько веревочных перил и пары мягких шерстяных шарфов, прикрывавших острые углы стола, оказалось достаточно для обеспечения его безопасности. В действительности Мейтленд с удовольствием бродил по дому, да и ориентировался он в узких коридорах и темных лестницах увереннее, чем Джудит,— по вечерам она часто отправлялась на поиски своего незрячего мужа, и каждый раз удивлялась, увидев, как он бесшумно появляется из дверного проема в двух или трех шагах от нее — Мейтленд полюбил блуждать по старым мансардам и пыльным чердакам. Его восторженное лицо, когда он пытался восстановить какое-то старое воспоминание детства, диковинным образом напоминало Джудит о матери Мейтленда, высокой красивой женщине, чья нежная улыбка, казалось, скрывала яркий внутренний мир.

Поначалу, когда Мейтленд злился на свои повязки, Джудит все утро до самого полудня читала ему вслух газеты, стихи и даже героически одолела первые страницы «Моби Дика». Однако уже через несколько дней Мейтленд смирился со своим положением, и необходимость в постоянной внешней стимуляции исчезла. Он понял то, что хорошо известно любому слепому,— внешняя оптическая информация является лишь частью огромной

визуальной активности мозга. Мейтленд ожидал погружения в беспросветную стигийскую тьму, но вместо этого его мозг наполнила нескончаемая игра света и цвета. Временами, когда он лежал, греясь в лучах утреннего солнца, он видел изысканные оранжевые узоры, напоминающие огромные солнечные диски. Постепенно они превращались в яркие точки, сияющие на фоне окутанного вуалью ландшафта, и смутные очертания фигур — будто диких животных бродили в сумерках африканского вельда.

Иногда на этом необычном экране сталкивались друг с другом забытые воспоминания — зрительные реликвии детства, как ему казалось, давно похороненные в глубинах памяти.

Именно эти образы, вместе с их дразнящими ассоциациями, больше всего занимали Мейтленда. Позволяя своему разуму погружаться в грезы, он почти всегда мог вызвать их, пассивно наблюдая за тем, как ускользающие картины, словно мерцающие фантомы, материализуются перед его внутренним взором. В особенности одна — короткое видение крутых скал, темных зеркальных коридоров и высокого дома с остроконечной крышей, окруженного стеной. Оно постоянно возвращалось, хотя его детали не имели никакого отношения к воспоминаниям Мейтленда. Мейтленд пытался исследовать это видение, фиксируя в сознании голубые скалы или высокий дом, дожидаясь, пока появятся какие-нибудь ассоциации. Но шум чаек и движения Джудит, которая постоянно сновала мимо него, занимаясь своими делами, отвлекали Мейтленда.

— Пока, дорогой! Я скоро вернусь!

Вместо ответа Мейтленд поднял трость. Он прислушался к шуму удаляющегося автомобиля, который слегка изменил звуковой фон дома. Среди зарослей плюща под кухонными окнами жужжали осы, кружащие над пятнами масла, разлитого на гравии. Кроны деревьев раскачивались в теплом воздухе, заглушая своим шелестом шорох шин. Чайки неожиданно смолкли. Обычно это вызывало у Мейтленда подозрения, но теперь он лишь откинулся на спинку кресла и развернул его так, чтобы лучи солнца падали ему в лицо.

Ни о чем не думая, он наблюдал за ореолом света, бесшумно растущим внутри его разума. Изредка движение ветвей ивы на ветру или жужжание пчелы, бьющейся о стенку стоящего на столе кувшина с водой, возвращали его в исходную точку. Невероятное восприятие малейшего шума или движения походило на сверхчувствительность эпилептиков или жертв укуса бешеной собаки, бьющихся в жестоких конвульсиях. Казалось, исчезли барьеры между глубочайшими уровнями нервной системы и внешнего мира, смягчающие слои крови и костей, рефлексов и отображений...

Мейтленд осторожно вздохнул и расслабился в своем кресле. На экране его сознания появилась картина, виденная им и раньше: скалистая береговая линия, чьи темные утесы вырисовывались сквозь наползающий с берега туман. Пейзаж был выдержан в тусклых желто-коричневых тонах. Низкие тучи в небе отражали оловянную поверхность воды. По мере того как туман рассеивался, Мейтленд перемещался ближе к берегу и наблюдал, как волны разбиваются о скалы. Плюмажи пены проникали, точно белые змеи, в небольшие озерца и расщелины, в изобилии резвящиеся в изножье скал.

Безлюдное заброшенное побережье напомнило Мейтленду холодные берега Огненной Земли и могилы кораблей на мысе Горн и не имело никакого отношения к его собственным впечатлениям. Однако скалы приближались, вздымаясь ввысь, словно их подлинность отображала некие образы из глубин сознания Мейтленда.

Все еще отделенный от них полосой серой воды, Мейтленд следовал вдоль береговой линии, пока между скалами не открылся вход в небольшой эстуарий. Свет мгновенно стал прозрачным. Дельта пламенела неземным огнем. Голубые утесы окружающих гор украшали маленькие гроты и пещеры, испускавшие мягкое призматическое сияние, как если бы их озаряли подземные светильники.

Стараясь удержать перед собой эту сцену, Мейтленд исследовал берега дельты. Чем ближе он подходил к пустынным пещерам, тем более светящиеся сводчатые проходы, будто залы с зеркальными стенами, начинали

отражать свет. Одновременно Мейтленд почувствовал, что входит в темный дом с остроконечной крышей, виденный им раньше, в прежних грезах. Где-то внутри дома, прячась за зеркалами, высокая фигура в зеленом одеянии наблюдала за ним, удаляясь сквозь пещеры и крестовидные своды...

Весело загудел клаксон автомобиля. Под колесами заскрипел гравий, перед домом разворачивалась машина.

— Джудит вернулась, дорогой,— послышался голос жены.— У тебя все в порядке?

Беззвучно выругавшись, Мейтленд попытался нащупать свою трость. Исчез образ темного побережья и дельты с призрачными пещерами. Как слепой червь, он повернул тупую голову в сторону незнакомых звуков и очертаний сада.

— У тебя все в порядке? — Он услышал, как Джудит пересекла лужайку.— Что случилось, ты так ужасно сгорбился,— неужели мерзкие птицы опять тебе докучали?

— Нет, оставь их в покое.— Мейтленд опустил трость, сообразив, что хотя чайки и не возникли перед его мысленным взором, они имели косвенное отношение к созданию образа. Пенно-белые морские птицы, охотники на альбатросов...

Он сделал над собой усилие и сказал:

— Я спал.

Джудит опустилась рядом с ним на колени и взяла его руки в свои:

— Извини. Я попрошу, чтобы кто-нибудь сделал пугало. Это должно...

— Нет! — Мейтленд резко высвободил руки.— Они совсем меня не беспокоят.— Понизив голос, он добавил: — Ты видела кого-нибудь в городе?

— Доктора Филлипса. Он сказал, что повязку можно будет снять примерно через десять дней.

— Хорошо. Впрочем, тут никакой спешки. Я хочу, чтобы все как следует зажило.

После того как Джудит ушла в дом, Мейтленд попытался вернуться к своим грезам, но образ оставался за экраном его сознания.

На следующее утро, за завтраком, Джудит прочитала ему почту:

— Пришла открытка от твоей матери. Она рядом с Мальтой, на острове, который называется Гозо.

— Дай мне,— попросил Мейтленд, ощупывая открытку.— Гозо... так назывался остров Каллисто. Она продержала там Улисса в течение семи лет, пообещав ему вечную юность, если он останется с ней навсегда.

— И не удивительно,— заметила Джудит, поворачивая открытку к себе.— Если нам удастся выкроить немного времени, мы с тобой отправимся туда и устроим себе праздник. Темное, как вино, море, райское небо, голубые скалы. Блаженство.

— Голубые?

— Да. Наверное, это просто неудачная фотография. Они не могут быть такого цвета.

— На самом деле они именно такие.— С открыткой в руках Мейтленд направился в сад, держась за натянутый для него шпагат.

Вернувшись в свое кресло, он принялся размышлять о том, что в изобразительном искусстве встречаются и другие аналогии. Такие же голубые скалы и призрачные гроты можно увидеть на полотне кисти Леонардо «Мадонна в скалах», одной из самых грозных и таинственных из всех его картин. Мадонна, сидящая на голом карнизеazole воды, под темным уступом у входа в пещеру, похожа на верховного духа зачарованного морского царства, дожидющегося наступления конца света для тех, кто живет на этих каменистых берегах. Как и на многих других картинах Леонардо, диковинные тайные желания и страхи удается обнаружить именно на образующих фон пейзажах. Здесь сквозь сводчатый проход между скалами просвечивали хрустальные голубые утесы, которые Мейтленд видел в своей грезе.

— Хочешь, я тебе прочитаю? — Джудит подошла к Мейтленду через лужайку.

— Что?

— Открытку от твоей матери. Ты ее держишь в руках.

— Извини. Пожалуйста, прочитай.

Слушая короткое послание, Мейтленд ждал, когда Джудит вернется в дом. Она ушла, и он несколько минут просидел почти в полной неподвижности. Сквозь ряды деревьев до него доносились далекий шум реки и слабые крики чаек, спешивших вниз по течению к дельте.

На этот раз, словно отвечая желанию Мейтленда, видение вернулось быстро. Он обогнул темные скалы и волны, заливающие входы в пещеры, и вошел в сумеречный мир гротов. Снаружи, сквозь каменные галереи, он видел поверхность воды, сверкающей, будто ряд призм, и мягкий голубой свет, отраженный от зеркальных стен пещеры. Одновременно он ощущал, что входит в дом с островерхой крышей, окруженный стеной, являющейся скалистой грядой, которую он видел со стороны моря. Своды дома сияли оливково-черными цветами морских глубин, и портьеры из старинных кружев закрывали двери и окна, словно древние сети.

Лестница шла через грот, знакомые повороты вели во внутреннее пространство пещеры. Взглянув вверх, Мейтленд заметил фигуру в зеленом одеянии, наблюдающую за ним из сводчатого прохода. Ее лицо было скрыто от Мейтленда вуалью света, отражающегося от влажных зеркал на стенах. Что-то влекло его вверх по ступеням, Мейтленд потянулся к ней, и на мгновение лицо женщины прояснилось...

— Джудит! — Раскачиваясь в кресле, Мейтленд беспомощно пытался нащупать правой рукой стоящий на столе кувшин с водой, а левой тер лоб, пытаясь изгнать видение ужасающей ламии.

— Роберт! Что случилось?

Он услышал быстрые шаги жены, а потом почувствовал, как ее руки, успокаивая, сжали его пальцы:

— Дорогой, что происходит? Ты вспотел!

Днем того же дня, когда он снова остался один, Мейтленд более осторожно приблизился к темному лабиринту. При отливе чайки возвращались на влажную отмель, находившуюся ниже сада, и их древние крики увели его ра-

зум в глубины — так погребальные птицы уносили тело Тристана. Оберегая себя и свои страхи, он медленно продвигался через светящиеся покои подземного дома, отводя глаза от чародейки в зеленом одеянии, которая наблюдала за ним с лестницы.

Позднее, когда Джудит принесла ему чай на подносе, он аккуратно поел, осторожно разговаривая с ней.

— Что тебе привиделось в кошмаре? — спросила она.

— Дом с зеркалами на дне моря и глубокая пещера, — ответил он. — Я все видел, но как-то странно, словно проник в сны давно ослепших людей.

Весь день и вечер Мейтленд периодически возвращался в грот и опасно проходил через внешние покои, всякий раз чувствуя присутствие женщины, дожидаящейся его у входа в тайное святилище.

На следующее утро приехал доктор Филлипс, чтобы сделать перевязку.

— Превосходно, превосходно, — прокомментировал он, держа в одной руке фонарик, а другой заклеивая веки Мейтленда. — Еще неделя, и конец. Во всяком случае, теперь вы знаете, что чувствуют слепые.

— Им можно позавидовать, — заметил Мейтленд.

— В самом деле?

— Знаете, они видят внутренним зрением. В некотором смысле, это даже более реально.

— Да, такая гипотеза существует. — Доктор Филлипс закончил делать перевязку и опустил шторы. — И что же вы видели своим внутренним зрением?

Мейтленд ничего не ответил. Доктор Филлипс продолжал осмотр в затемненном кабинете, но тонкий луч его фонарика и солнце, пробивающееся сквозь шторы, наполнили его мозг искрами. Мейтленд подождал, пока сияние исчезнет, но почти сразу же понял, что свет сжег его внутренний мир, грот и дом с зеркалами и чародейкой.

— Иногда внутреннее зрение рождает поразительные, завоораживающие образы, — заметил доктор Филлипс, застегивая свой чемоданчик. — Вы оказались в необычном

положении, сидите и ничем не занимаетесь, но ваши оптические нервы настороже — ничейная земля между сном и бодрствованием. Тут могут происходить самые странные вещи.

После того как он ушел, обращаясь к невидимым стенам, Мейтленд прошептал:

— Доктор, верните мои глаза.

Ему понадобилось два полных дня, чтобы вернуться в прежнее состояние и излечиться от воздействия внешнего света, который принес с собой доктор. Медленно, шаг за шагом, он исследовал скрытую береговую линию, заставляя себя двигаться вперед сквозь морской туман в поисках потерянной дельты.

Наконец он снова видел сияющие пляжи.

— Пожалуй, будет лучше, если сегодня я лягу один, — сказал он Джудит. — Я пойду в спальню матери.

— Конечно, Ричард. А в чем дело?

— Меня постоянно что-то тревожит. Я очень мало двигаюсь. Но осталось всего три дня. Не хочу тебя беспокоить.

Мейтленд сам добрался до материнской спальни, в которую попадал всего несколько раз за долгие годы своего брака. Высокая кровать, тихий шепот шелка, эхо забытых запахов вернули его в раннее детство. Он не спал всю ночь, прислушиваясь к шуму реки, отражающемуся от хрустальных украшений над камином.

На рассвете, когда чайки прилетели из дельты, Мейтленд снова посетил голубые гроты и высокий дом на скалах. Зная о существовании его обительницы, женщины в зеленых одеяниях, поджидающей его на лестнице, он решил дожидаться утреннего света. Манящие глаза и бледный маяк ее улыбки звали его за собой.

После завтрака приехал доктор Филлипс.

— Все в порядке, — деловито сообщил он Мейтленду, ведя его в дом по лужайке. — Пора снимать повязку.

— Окончательно, доктор? — спросил Мейтленд. — Вы уверены?

— Абсолютно. Мы ведь не хотим ждать вечно, не так ли? — Он развернул Мейтленда в сторону кабинета. — Садитесь сюда, Ричард. Закройте, пожалуйста, шторы, Джудит.

Мейтленд стоял, нащупывая край письменного стола.

— Доктор, но вы же сказали, что осталось еще три дня.

— Мне так казалось. Однако я не хотел вас волновать понапрасну. В чем дело? Вы колеблетесь, словно старая женщина. Разве вы не мечтаете снова стать зрячим?

— *Зрячим?* — ошеломленно повторил Мейтленд. — Конечно. — Он послушно опустился в кресло, и доктор Филлипс начал снимать повязку. Мейтленда вдруг охватило страшное чувство утраты. — Доктор, а нельзя ли отложить...

— Чепуха. Все в порядке. Не беспокойтесь, я не собираюсь открывать шторы. Пройдет еще целый день, прежде чем вы сможете выйти на солнце. А пока я дам вам набор фильтров. Да и в любом случае, повязка пропускает гораздо больше света, чем вы предполагаете.

В одиннадцать часов следующего утра, надев солнечные очки, Мейтленд вышел на лужайку. Джудит осталась стоять на террасе и наблюдала за тем, как он обходит свое инвалидное кресло. Когда он добрался до деревьев, она позвала его:

— Все в порядке, дорогой? Ты меня видишь?

Не отвечая, Мейтленд обернулся, потом, сняв солнечные очки, бросил их в траву, посмотрел сквозь деревья на дельту, на голубую поверхность воды, простирающуюся до противоположного берега. Сотни чаек стояли на берегу, повернув головы в профиль, так что Мейтленд видел их изогнутые клювы. Он взглянул через плечо на дом с островерхой крышей, узнав в нем тот, в котором бывал в своем видении. Теперь все в нем, как и текущая мимо блестящая река, казалось ему мертвым.

Неожиданно чайки взмыли в воздух, их крики заглушили голос Джудит, когда она снова позвала мужа с террасы. Плотной спиралью, поднявшись с земли, словно

огромная коса, чайки развернулись над головой Мейтленда и пронеслись над домом.

Быстро раздвинув ветви ив, он вышел на берег реки.

Мгновение спустя Джудит услышала его громкий крик, перекрывший вопли чаек. Его голос был исполнен боли и триумфа, и она побежала к деревьям, не зная, поранился ли ее муж или обнаружил что-то любопытное.

Потом она его увидела: Мейтленд стоял на берегу с поднятым к солнцу лицом, яркий кармин заливал его щеки и руки — подобно страстному, нераскаявшемуся Эдипу.

Ноль

Вас беспокоит вполне законный вопрос: откуда у меня эта безумная, фантастическая способность? Уж не стакнулся ли я, следуя по стопам приснопамятного доктора Фауста, с нечистым? А может, ее источником стал некий странный, диковинный талисман — ну, скажем, глаз идола или мумифицированная обезьянья лапа — найденный мной на дне старинного сундука либо полученный по наследству от умирающего моряка? Или, опять же, я обрел ее собственными усилиями, исследуя отвратительные таинства Элевсинских мистерий или черной мессы, неожиданно прозрел весь ужас ее и величие сквозь плотную пелену серного дыма и магических воскурений?

Да нет, куда там, все было гораздо обыденнее. Я обнаружил за собой эту способность совсем случайно, в повседневной суматохе, она проявилась просто и естественно, ну, как талант к вышиванию крестиком. Ничто не предвещало ее появления, не было никаких резких перемен, так что сперва я вообще ничего не понял.

Я чувствую, что у вас на языке вертится другой, столь же законный вопрос: с какой такой стати я рассказываю все это вам, зачем я описываю невероятные, никем до сего момента не подозревавшиеся источники моей силы,

зачем подробно перечисляю имена своих жертв вкупе с датами и точными обстоятельствами их смертей? Неужели я настолько спятил, что стремлюсь отдать себя в руки правосудия, получить все, что заслужил, по полной программе: обвинение, приговор, черный колпак на голову, палач, карикатурным Квазимодо прыгающий на плечи, колокол, возвещающий о смерти?

Нет (о, высшая из ироний!), ибо такова уж природа моей силы, что я могу без малейшего страха посвящать в ее тайны всех, кто склонен меня выслушать. Я слуга этой силы, и сейчас, описывая ее во всех подробностях, я продолжаю свое ей служение, добросовестно доводя ее, в чем вы и сами убедитесь чуть позже, до высшего совершенства.

Начнем с истоков.

Так уж случилось, что злосчастная роль инструмента, впервые раскрывшего мне эту способность, досталась Ранкину, под чьим непосредственным началом служил я в бытность мою сотрудником страхового агентства «Вечность».

Ранкин вызывал у меня глубочайшее отвращение. Наглый, самоуверенный, насквозь вульгарный тип, он добился занимаемой должности грязными уловками и удерживал ее единственно благодаря своему упорному нежеланию рекомендовать меня дирекции на повышение. Он закрепился на посту начальника отдела, женившись на дочери одного из директоров (старой, склочной, страховолюбивой бабе), после чего стал практически неуязвим. Наши отношения основывались на взаимном презрении, однако, если я честно исполнял свои обязанности, будучи уверен, что рано или поздно управляющие заметят мои способности и достоинства, Ранкин злокозненно использовал свое преимущество в служебном положении, буквально хватаясь за любую возможность оскорбить меня и унижить.

Он намеренно подрывал мою власть над секретарским персоналом, находившимся по молчаливому соглашению в сфере моей ответственности, систематически передавая задания через мою голову, привлекая для этого первого попавшего под руку сотрудника. Он поручал мне персо-

нальную разработку долгосрочных, никчемных проектов, уменьшая тем самым мои контакты с остальными сотрудниками. И что хуже всего, он намеренно, целеустремленно раздражал меня своим поведением. Он все время напевал, насвистывал, садился — не испросив разрешения — на мой стол и любезничал с машинистками, а то вдруг вызывал меня к себе в кабинет и подолгу мурыжил, заставляя бессмысленно наблюдать, как его милость от корки до корки штудирует какое-нибудь толстое досье.

При всех моих усилиях держать свои чувства в узде душившее меня отвращение к Ранкину неустанно возрастало. Его злокозненность возмущала меня до глубины души; что ни день, я покидал работу, кипя от негодования, разворачивал в электричке газету, но не мог прочитать ни строчки из-за жгучей, слепящей ярости. Гнев и безнадежная горечь отравляли все мои вечера и выходные, превращали их в выжженную пустыню.

Неизбежные в подобных обстоятельствах мысли об отмщении закрадывались в мою голову все чаще и чаще — особенно когда появились серьезные основания подозревать, что Ранкин регулярно подает в правление неблагоприятные отзывы о моей работе. Найти достойный метод возмездия оказалось совсем не просто. В конечном счете бессильное отчаяние склонило меня к низкой, презираемой мною прежде уловке; я начал писать подметные письма — нет, не в правление, чтобы не оказаться главным подозреваемым, а самому Ранкину и его жене.

Свои первые опыты на новом для меня поприще, тривиальные обвинения в супружеской неверности, я так никуда и не послал. Беззубые и наивные, они были напрочь лишены достоинства достоверности и слишком уж явно принадлежали перу тайного недоброжелателя — если не умалишенного. Я спрятал эти письма в маленький домашний сейф, а позднее в корне их переработал, убирая самые затасканные грубости и стараясь поставить на их место нечто не в пример тонкое, неявные намеки на бесстыдную распушенность и извращения, непристойные

подробности, способные уязвить мозг адресата острыми шипами сомнений.

И вот однажды, сочиняя письмо к миссис Ранкин, каталогизируя в старом блокноте наиболее отвратительные стороны ее супруга, я обратил внимание на странное облегчение, даваемое самим процессом изложения на бумаге в присущей анонимному письму (каковое, вне всяких сомнений, является отдельным литературным жанром, имеющим как свои каноны, так и свои рамки допустимого) агрессивной лексики всех мерзостей и трусостей, описываемого субъекта, а также ужасающего возмездия, ждущего его с неотвратимостью рока. Я ничуть не сомневаюсь, что те, кто имеет возможность регулярно облегчать свою душу в беседах с друзьями, женой или священником, не нашли бы в подобном катарсисе ничего нового, однако для меня, ведущего уединенную жизнь, его проявление стало крайне острым переживанием.

С этого дня я взял за обычай ежевечерне, сразу по возвращении домой составлять краткое перечисление беззаконий, содеянных Ранкиным, анализируя попутно его мотивы и даже предвосхищая унижения и оскорбления, ждущие меня назавтра. Эти последние я излагал в свободной повествовательной манере, не отказывая себе в определенных вольностях, вводя воображаемые ситуации и диалоги, служившие единственной цели: по возможности ярко высветить гнусное поведение Ранкина и мое едва ли не стоическое терпение.

Облегчение пришлось весьма кстати, ибо как раз в эти дни нападки Ранкина усилились против прежнего. Он вел себя предельно оскорбительно, критиковал мою работу в присутствии младших сотрудников и даже откровенно грозил подать на меня докладную в правление. Как-то в конце рабочего дня он довел меня до такого бешенства, что мне стоило огромного труда не наброситься на него с кулаками. Я поспешил домой и прямо с порога бросился к хранившимся в сейфике запискам, единственному для меня источнику облегчения. Летающим по бумаге пером я исписывал страницу за страницей, наново переживая в своем рассказе прискорбные события дня, а затем пере-

шел к завтрашнему, решительному противостоянию с Ранкиным, кульминацией коего станет вмешательство рока, неожиданно спасающее меня от верного, как казалось уже, увольнения.

Вот как заключил я свой рассказ:

А наавтра, вскоре после двух часов пополудни, Ранкин, расположившийся, по своему обыкновению, на лестничной площадке седьмого этажа, чтобы высматривать, кто из сотрудников опаздывает на рабочее место после обеденного перерыва, чересчур перегнулся через перила, потерял равновесие, упал в пролет и на-смерть разбился о кафельный пол вестибюля.

Описание воображаемой сцены на бумаге казалось весьма слабым восстановлением справедливости, ибо в тот момент я и представить себе не мог, сколь неправдоподобно могущественное оружие вложила судьба в мои слабые пальцы.

На следующий день, возвращаясь с обеденного перерыва, я с удивлением увидел целую толпу, сгрудившуюся у входных дверей нашей фирмы; чуть поодаль стояла полицейская машина с мигалкой. Когда я протолкался ко входу, из здания вышли полицейские, расчищавшие дорогу двоим санитарам с накрытыми простыней носилками, на которых угадывались очертания человеческого тела. Лица человека на носилках не было видно; из реплик собравшихся зевак я понял, что кто-то умер. Затем появились двое управляющих нашей фирмой, на их лицах читалось потрясение.

— Кто это? — спросил я случившегося рядом рас-сыльного.

— Мистер Ранкин, — прошептал мальчишка, указывая на лестничный колодец. — Он перевалился через перила седьмого этажа и упал прямо вниз. Ударился с такой силой, что даже расшиб одну из этих больших плиток, кото-рые у лифта...

Он болтал что-то еще, но я не слушал, оглушенный и потрясенный духом смерти и насилия, витавшим в воздухе,

подобно клубам удушливого дыма. Скорая помощь отъехала, толпа рассеялась, управляющие вернулись в кабинеты, обмениваясь по пути выражениями скорби и недоумения с другими сотрудниками фирмы, затем и уборщицы унесли свои ведра и швабры; теперь о случившемся напоминали лишь влажное розовое пятно на полу да вдребезги разбитая кафельная плитка.

Через час все встало на место. Сидя напротив опустевшего кабинета Ранкина, глядя, как машинистки, все еще не могущие поверить в окончательность ухода их верховного повелителя, беспомощно толкутся у его стола, я ощутил жаркое, ликующее торжество. Я внутренне преобразился, бремя, грозившее сломать меня, спало с моих плеч, мой рассудок успокоился, горечь и напряжение рассеялись без следа. Ранкин исчез, исчез окончательно и безвозвратно. Эра несправедливости отошла в прошлое.

Я не поскупился, когда по конторе начал гулять подписной лист; исправно явившись на похороны, я злорадно ликовал, когда могильщики сваливали гроб в яму, а затем сделал постную мину и присоединился к общему хору соболезнований. Я дрожал от нетерпения получить стол и кабинет Ранкина, свое законное наследство.

Нетрудно представить себе мое изумление, когда через несколько дней на прежнюю должность Ранкина был назначен Картер, молодой сотрудник, находившийся до того ниже меня по служебному положению и сильно уступавший мне по опыту. Оглушенный неожиданной новостью, я пытался — и не мог — понять извращенную логику людей, презревших все законы старшинства, очередности и заслуг. В конечном итоге я пришел к заключению, что злые наветы Ранкина упали на благодатную почву.

Как бы там ни было, я терпеливо снес эту неудачу, обещал Картеру полную свою поддержку и принял деятельное участие в осуществлении задуманной им реорганизации отдела.

На первый взгляд перемены казались незначительными, однако позднее я осознал, что они куда серьезнее, чем

можно бы подумать, что в результате их проведения вся без изъятия власть в отделе переходит к Картеру, мне же остается лишь самая рутинная работа, отчеты о которой никогда не покидают стен отдела и — тем наипаче — не передаются в правление. Теперь я понял, что последний год или около того Картер тайно вникал во все аспекты моей работы, что все, сделанное мной в период правления Ранкина, украдено у меня и считается заслугой Картера.

Когда дело дошло до прямого выяснения отношений, Картер не стал юлить и оправдываться, а попросту указал мне на мое подчиненное положение. Далее он полностью игнорировал мои попытки найти с ним общий язык и делал буквально все от него зависящее, чтобы вызвать во мне враждебное отношение.

А затем последовало завершающее оскорбление: Джейкобсон, принятый в отдел на прежнее место Картера, был официально назначен его заместителем.

Вечером я раскрыл стальной ящик, где хранились записи о гонениях, перенесенных мной под началом Ранкина, чтобы присовокупить к ним все то, что претерпел за последнее время от Картера.

Доверив свои беды бумаге, я хотел уже было захлопнуть дневник, когда на глаза мне попались заключительные строчки прежних записей:

...потерял равновесие, упал в пролет и насмерть разбился о кафельный пол вестибюля.

Эти слова словно жили собственной жизнью, в них ощущалась странная подспудная дрожь. Они не только представляли собой на удивление точное предсказание постигшей Ранкина участи, но и обладали легко различимой притягательной, магнетической силой, которая резко выделяла их из остального текста; где-то в глубине моего сознания некий голос, торжественный и огромный, пропел их медленным речитативом.

Повинуясь внезапному побуждению, я раскрыл дневник на чистой странице и написал:

На следующий день Картер погиб в дорожно-транспортном происшествии, прямо под окнами фирмы.

Что за детскую игру я затеял? Мысль, что я докатился до первобытной иррациональности гаитянского колдуна, протыкающего булавками глиняную фигурку своего противника, вызвала на моих устах горькую улыбку.

Так что же произошло на следующий день? Я спокойно перелистывал какую-то папку, когда с улицы донесся пронзительный визг покрышек, буквально пригвоздивший меня к месту. Звуки дорожного движения резко замерли, сменились неразборчивым шумом, а затем наступила полная тишина. Из всех помещений нашего отдела один лишь кабинет начальника выходил на улицу. Пользуясь тем, что Картер отлучился полчасом раньше, мы открыли дверь, бросились к распахнутому окну и облепили подоконник.

Судя по всему, какую-то машину занесло при торможении на тротуар, и теперь группа из десяти-двенадцати мужчин осторожно поднимала ее, чтобы вернуть на мостовую. Машина выглядела неповрежденной, однако по асфальту медленно змеился ручеек какой-то темной, вроде машинного масла жидкости. Затем машину подняли выше, и мы увидели под ней распростертую мужскую фигуру с неестественно вывернутыми руками и головой.

Цвет костюма представлялся до странности знакомым.

Двумя минутами позднее мы поняли, что это Картер.

Вечером я уничтожил свой блокнот и все прочие записи, касавшиеся Ранкина. Было это обычным совпадением, или я сам неким непонятным мне образом «выхотел» его смерть, а затем и смерть Картера? Чушь, ерунда — ну какая, скажите на милость, может быть связь между дневником и двумя смертями? Мои записи суть всего лишь следы движения карандаша по бумаге. Искривленные полоски, покрытые тончайшим слоем графита, представляющие идеи, не существующие нигде, кроме моей головы, — и только.

Однако способ разрешить все эти сомнения был слишком очевиден, чтобы им не воспользоваться.

Я запер дверь, взял свежий блокнот и приступил к поискам подходящей для моих целей личности. Мой взгляд остановился на утренней газете. Губернатор амнистировал некоего молодого человека, осужденного на смерть за убийство пожилой леди. С фотографии нагло ухмылялось грубое, без стыда и совести лицо.

Я написал:

На следующий день Фрэнк Тейлор умер в Пентонвильской тюрьме.

Скандал, воспоследовавший за смертью Тейлора, едва не привел к отставке министра внутренних дел, а купно с ним и всей комиссии по пенитенциарным заведениям. Несколько дней газеты наперебой выдвигали самые дикие обвинения против всех официальных лиц, имеющих хоть какое-то отношение к исполнению наказаний. В конце концов выяснилось, что Тейлора избили до смерти тюремные надзиратели. Я доскональнейшим образом изучал все материалы специально созданной комиссии, в слабой надежде найти среди них хоть что-нибудь, могущее пролить свет на природу экстраординарной, злонамеренной сущности, каковая, по всей уже видимости, связывала записи в моем дневнике со смертями, неизбежно происходящими на следующий день.

Как и можно было предвидеть, мои изыскания не дали ровно никакого результата. Внешне я хранил полную невозмутимость — ходил на работу, механически выполнял получаемые задания, беспрекословно следовал всем указаниям Джейкобсона, думая при этом совершенно о другом. Всеми силами своего рассудка я пытался постичь природу и сущность дарованной мне силы.

И все же некоторые сомнения оставались. Чтобы окончательно отвести всякую возможность случайных совпадений, я решил устроить еще одну, критическую, проверку, на этот раз — с точными, подробно расписанными инструкциями.

Выбор субъекта проверки не представлял никаких трудностей — Джейкобсон буквально напрашивался на эту роль.

Перед тем как достать блокнот, я надежно запер дверь. Пальцы меня не слушались, карандаш дрожал, как живой, казалось, что вот сейчас он вырвется и пронзит мое сердце.

Вот что я написал:

Джейкобсон умер на следующий день в 2.43 пополудни. Перед этим он заперся во второй кабинке слева мужского туалета третьего этажа и перерезал себе вены на запястьях лезвием безопасной бритвы.

Я поместил блокнот в конверт, заклеил конверт, запер его в сейф и лег спать. Но сон так и не пришел — эти слова непрерывно звучали в моих ушах, сверкали перед моими глазами, как сокровища преисподней.

После самоубийства Джейкобсона — осуществленного в точном соответствии с моими инструкциями — все сотрудники нашего отдела получили недельный отпуск (отчасти — чтобы сделать их менее доступными для пронырливых репортеров, успевших уже унюхать жареное; кроме того, управляющие склонялись к мнению, что смерть Картера, последовавшая вскоре за столь же неожиданной смертью Ранкина, вогнала Джейкобсона в черную меланхолию). Все эти семь дней я сгорал от нетерпения вернуться на службу. Мое отношение к происходящему претерпело радикальные изменения. Мне так и не удалось установить источник своей странной способности, зато наличие ее не вызывало уже никаких сомнений, что позволяло всерьез задуматься о будущем. Обретя твердую почву под ногами, я мало-помалу пришел к убеждению, что само уже появление этой способности обязывает меня отвести прочь все страхи и использовать ее в полной мере. К тому же, напоминал я себе, вполне возможно, что я — не более чем орудие некоей высшей силы.

А что, если мой дневник — всего лишь зеркало, отражающее будущее? Что, если я каким-то диким, фантастическим способом заглядываю на двадцать четыре

часа вперед и не изобретаю смерть, а правдиво описываю происшедшие уже события?

Эти вопросы преследовали меня неотвязно.

Вернувшись на работу, я обнаружил, что многие из сотрудников уволились, образовавшиеся вакансии заполнялись с большим трудом — информация о трех смертях, а особенно о самоубийстве Джейкобсона стала уже достоянием газет. Управляющие выражали свою искреннюю признательность сотрудникам, особенно — старшим, которые сохранили верность фирме, и это существенно укрепило мое положение. Я получил под свое начало отдел — повышение более чем заслуженное, но безнадежно запоздавшее, ведь теперь я задумал попасть в правление.

Для этого требовалось переступить через трупы, в самом буквальном смысле.

В двух словах говоря, я намеревался обрушить фирму в пучину кризиса столь всеобъемлющего, что правление будет вынуждено ввести в свой состав новых управляющих из числа старших менеджеров. Поэтому я терпеливо дождался дня, когда до очередного заседания правления осталась ровно одна неделя, а тогда заперся в своей комнате и написал по несколько строчек на четырех листках бумаги, по одному на каждого из исполнительных директоров. Получив пост директора, я смогу быстро продвигаться в председатели правления, для чего потребуются всего лишь заполнять полагающиеся вакансии своими ставленниками. Став председателем правления, я автоматически получу место в правлении компании-учредителя, чтобы затем повторить тот же самый процесс, разве что с небольшими вариациями. Как только в моем распоряжении окажется реальная власть, дальнейшее продвижение к вершинам национального — а затем и всемирного — владычества пойдет быстро и без помех.

Если мои амбиции кажутся вам наивными, постарайтесь принять во внимание, что тогда я не мог еще осознать истинные масштабы и конечное назначение нежданно свалившейся на меня способности, а потому продолжал мыслить в категориях своего узкого мира.

Неделю спустя, в день, когда истекал срок всех четырех приговоров, а значит — следовало с минуты на минуту ждать вызова в правление, я невозмутимо сидел в своем кабинете, размышляя о бренности и быстротечности человеческой жизни. Как нетрудно понять, известие о четырех смертях, последовавших вследствие серии автомобильных катастроф, ввергло персонал в полное оцепенение, что дополнительно выставило меня в благоприятном свете, как единственного, сумевшего сохранить хладнокровие.

К моему вящему изумлению, на следующий день я вместе с остальными сотрудниками получил месячный оклад — как недвусмысленное предупреждение о предстоящем увольнении. Потрясенный и ошеломленный — в первый момент я даже подумал, что мои действия перестали быть тайной, — я бросился к председателю с бурными протестами, однако получил заверения, что, хотя моя работа и заслуживает самых высших похвал, фирма не может более поддерживать себя как жизнеспособную структурную единицу и вынуждена самоликвидироваться.

Фарс, чистейшей воды фарс! Какая-то карикатура на справедливое возмездие. Тем утром, навсегда покидая фирму, я окончательно понял, что должен применять свою силу твердо и безжалостно. Нерешительность, угрызения совести, опасение причинить чрезмерный вред — все эти сладкие слюни не приносят никому никакой пользы, но лишь делают меня легкой жертвой жестокой и своенравной судьбы. Впредь я отброшу всякую скрупулезность, стану дерзким и безжалостным. А еще — нельзя медлить. Моя сила может сойти на нет, оставив меня беззащитным, в положении даже менее благоприятном, чем прежде, до ее проявления.

Для начала требовалось выявить пределы и ограничения этой силы. Следующую неделю я посвятил серии экспериментов, должных установить ее возможности, постепенно наращивая масштабы убийств.

Так уж случилось, что мое обиталище находилось прямо под одной из главных авиационных линий, ведущих в наш город; аэропланы пролетают над моей головой на

высоте двухсот-трехсот футов. Многие годы я страдал от выматывающего нервы рева воздушных лайнеров, стартующих с двухминутными интервалами, этот рев сотрясал стены и потолок, спутывал мысли. Я достал свой блокнот; представлялся благоприятный случай совместить исследование с возмездием.

Вы задаетесь вопросом, не испытывал ли я угрызений совести, когда, сутки спустя, семьдесят шесть неизвестных мне людей камнем из пращи прочертили закатное небо, устремляясь в объятия смерти? Неужели во мне не шевельнулось сострадание к их родственникам, не зародились сомнения в разумности столь безрассудного применения моей власти?

Нет! — отвечу я. Далекий от безрассудства, я осуществлял эксперимент, жизненно важный для расширения сферы упомянутой власти.

Я решил действовать еще решительнее. Я родился в Стретчфорде, этот жалкий трущобный городишко буквально выбивался из сил в неустанных стараниях исцелить меня телесно и духовно. Наконец-то он сможет оправдать свое существование, став полигоном для установления действенности моей власти на обширных территориях.

Достав свой блокнот, я написал в нем кратко и просто:

Все обитатели Стретчфорда умерли завтра в полдень.

С утра пораньше я сходил в магазин и приобрел радиоприемник. Я просидел за ним весь день напролет в терпеливом ожидании неизбежного. Еще секунда, и в мирную вечернюю программу врежется первый потрясенный репортаж об устрашающем бедствии, постигшем Центральные графства.

Как ни странно, ничего подобного не произошло! Я был ошеломлен, мысли путались, казалось, еще немного — и я сойду с ума. Неужели моя способность сошла на нет, исчезла столь же быстро и неожиданно, как раньше — возникла?

А может, государственные власти запретили любое упоминание о разразившейся катастрофе, страхась всеобщей истерии?

Я тут же сел на поезд и поехал в Стретчфорд.

Сойдя на станции, я провел осторожный опрос и был уверен, что город существует, как и встарь. Но не являлись ли мои информанты участниками всеохватного заговора молчания, организованного правительством? Может статья, власти успели установить, что в бедствии замешана некая чудовищная сущность и предусмотрительно расставили на нее капканы?

Однако в городе не замечалось никаких разрушений, на улицах царила всегдашняя суматоха, над закоптелыми крышами плыли дымы бесчисленных заводов.

Я вернулся домой уже к ночи и столкнулся на пороге с хозяйкой, которая тут же стала докучать мне болтовней о квартплате. Кое-как убедив ее потерпеть до завтра, я быстро извлек из сейфа блокнот и вынес настырной старухе смертный приговор, отчаянно надеясь, что способность не совсем еще меня покинула.

И как же возликовал я наутро, какая ноша спала с моих плеч, когда на ступеньках лестницы нашли труп старухи, скончавшейся от апоплексического удара.

Значит, моя власть остается со мной!

Течение последующих недель мало-помалу раскрыло основные ее черты и особенности. Во-первых, я установил, что она действует лишь в разумных пределах. Теоретически единомоментная смерть всего населения Стретчфорда могла воспоследовать в результате единомоментного же взрыва нескольких водородных бомб. Однако такое событие лежит почти за границей возможного (пустопорожняя болтовня наших военных руководителей не заслуживает ничего, кроме смеха), вот почему мое задание так и не было выполнено.

Во-вторых, моя власть строго ограничивается вынесением смертных приговоров. Я многократно пытался воздействовать (можете назвать это «предсказание») на

рынок ценных бумаг, на результаты скачек и на поведение своих новых работодателей — и все впустую.

Что касается источников моей власти, они все так же сокрыты. Скорее всего, я не более чем инструмент, прилежный прислужник некой мстительной, устрашающей сущности, вспыхивающей, словно вольтова дуга, между кончиком моего карандаша и веленовой дестью.

Иногда мне начинает казаться, что мои краткие записи суть наобум сделанный срез некой всеобъемлющей книги мертвых, существующей в иных измерениях, что мой карандаш следует по пути, предначертанному иным, величайшим писцом, соединяет по тонкой графитной линии наши, нигде кроме не пересекающиеся плоскости бытия, извлекая из от века существующего реестра смертей итоговую выписку счета того или иного обитателя нашего, чувственного мира.

Мой блокнот надежно хранится в стальном сейфе; прежде чем внести очередную запись, я непременно убеждаюсь в полной безопасности, дабы избежать малейших подозрений, могущих связать мое имя со все возрастающим списком катастроф и несчастий, каковые по большей своей части осуществлялись мною исключительно в исследовательских целях и не приносили почти, а чаще — и вовсе никакой, личной выгоды.

Тем сильнее удивило меня появление у полиции неестественного интереса к моей скромной персоне.

Сперва я стал нечаянным свидетелем тайной беседы нашей новой домохозяйки с местным констеблем; женщина указывала на ведущую к моему жилищу лестницу и стучала себя пальцем по виску — в очевидной связи с моими экстрасенсорными и месмерическими способностями. Позднее некий человек, коего я теперь знаю за полицейского в штатском, остановил меня на улице по явно неубедительному поводу и завел пустой, бессмысленный разговор о погоде с единственной целью выудить из меня информацию.

До предъявления обвинения дело так и не дошло, однако вскоре новые работодатели тоже начали бросать в мою сторону весьма недвусмысленные взгляды. Все это вместе

взятое приводило к единственному заключению, что присутствие способности создает вокруг меня отчетливую, доступную глазу ауру, каковая и вызывает заинтересованное любопытство окружающих.

По мере того как эта аура привлекала внимание все большего количества людей — теперь на нее косились даже в кафе и на автобусных остановках — а также в связи с прямыми, пусть и вскользь брошенными замечаниями на ее счет (шутливый характер последних выше моего понимания), я начал все больше склоняться к мнению, что вскоре моя сила утратит всякую практическую полезность. Страх быть обнаруженным не позволит мне ее применять. Я буду вынужден уничтожить блокнот, продать сейф, столь долго хранивший его секрет, и даже — по возможности — никогда впредь не думать о силе, ведь вполне может статься, что подобные мысли сами уже по себе способны порождать опасную ауру.

Жестокая необходимость оставить силу — именно в тот момент, когда я только-только начинаю в полной мере осознавать представляемые ею возможности, — явилось жесточайшим ударом судьбы. По причинам, все еще сокрытым, мне было дано отодвинуть — пусть и немного — завесу, отделяющую наш до отвращения знакомый мир повседневных банальностей от мира внутреннего, неподвластного времени и законам природы. Так неужели сила и порожденное ею прозрение исчезнут навеки?

С этим мучительным вопросом в голове я открыл напоследок сейф. Мой блокнот, где почти не осталось уж чистого места, содержал на своих страницах едва ли не самый удивительный — пусть и неопубликованный — текст в истории словесности. Вот уж где воистину было установлено главенство пера над мечом!

В момент одинокого наслаждения этой мыслью меня внезапно посетило ослепительное озарение. Я придумал оригинальнейший, а вместе с тем и предельно простой способ сохранить силу в ее самой безличной и убийственной форме, способ, не связанный с необходимостью при-

бегать к ней раз за разом, перечисляя имена все новых и новых жертв.

Вот в чем заключался мой замысел. Я напишу и непременно опубликую простой по языку, явно вымышленный рассказ, где с предельной откровенностью поведаю читателю обстоятельства проявления силы и весь ход дальнейших событий, методично перечислю имена жертв, образ их смерти, постепенное заполнение блокнота и серию проведенных мною опытов. Все это будет изложено с предельной откровенностью, без малейшей утайки. Далее я сообщу о своем решении отказаться от силы и опубликовать подробный, беспристрастный отчет о связанных с ней событиях.

В полном соответствии с этим замыслом рассказ был написан и попал на страницы широко известного журнала.

Вы удивлены? Ничего удивительного — будь все именно так, я бы попросту подписал свой смертный приговор, отправил себя прямиком на виселицу. Но я забыл упомянуть об одном элементе рассказа — о неожиданной развязке, этаким сюрпризе напоследок, заключительном взбрыкивании сюжета. Как и положено любому пристойному повествованию, мой рассказ под конец тоже взбрыкивает — с яростью, способной сбить нашу планету с предначертанного от века пути. Для чего, к слову сказать, он и был написан.

Ибо этот рассказ содержит в себе мое последнее задание неведомой силе, последний смертный приговор, выносимый не *мне*, но *мною*.

Кому? Да кому же еще, если не читателю! Да, — согласитесь вы, — весьма оригинально. До той поры, пока все экземпляры журнала не исчезнут из обращения (тираж и близость к предполагаемым жертвам небывалого мора позволяют надеяться, что на это потребуются значительное количество времени), сила будет неустанно сеять смерть и опустошение. И только автор рассказа может ничего не бояться, ибо ни один суд не примет во внимание информацию, полученную свидетелями понаслышке, —

а кто, скажите на милость, сможет выступить с показаниями, основанными на личном опыте?

Но где же напечатан этот рассказ? — спрашиваете вы в опасении купить по случайности этот журнал и прочесть его.

Я отвечаю: здесь! Это именно тот рассказ, что лежит перед вами. Наслаждайтесь им напоследок, его конец — ваш конец. Сейчас, когда вы читаете эти немногие заключительные строки, на вас внезапно нахлынут ужас и отвращение, мгновение спустя вас охватит слепая, животная паника. Ваше сердце болезненно сжимается, пульс слабеет... мысли туманятся... вы чувствуете, как из вас вытекает жизнь... Вы тонете, исчезаете, еще несколько секунд, и вы сольетесь с вечностью... три... два... один...

Все!

Ноль.

ПСИХОЛОГ? КИБЕРПАНК? ПОРНОГРАФ?

Не так-то просто разыскать в хорошем американском книжном магазине книгу Джеймса Балларда, писателя, известного каждому мало-мальски эрудированному читателю научной фантастики или киноману, любителю Спилберга или Кроненберга. Поклонник SF убедится, что на специальных стеллажах, отведенных под научную фантастику и фэнтези, книги Балларда отсутствуют; знаток кино не обнаружит их и на бесчисленных полках, где по алфавиту выстроился современный литературный мейнстрим, *беллетристика*, или, по-английски, *fiction*. И лишь тот, кто доберется до куда реже посещаемого отдела *literature*, что по-русски следовало бы передать как *Литература*, обнаружит там наряду с томами Набокова и Джойса, Диккенса и Конрада несколько книг этого автора.

Из подобного местоположения можно сразу же сделать несколько выводов. Во-первых, это, конечно же, не прихоть книготорговцев, а дань мастерству писателя, в данном случае — непосредственный отклик на единодушные похвалы критиков, видящих в Балларде одного из лучших стилистов в современной англоязычной литературе (как чаще всего и бывает в подобных случаях, если кто и критикует стиль Балларда, то за излишнюю отделанность и «гладкость»). С другой стороны, безусловная почетность такого рода размещения неявно скрывает в себе и определенную элитарность писателя, заведомое отсутствие популярности у «широкого читателя», который редко подходит

в магазине к полкам с достаточно постылой классикой. И наконец, подобная парадоксальность в локализации книг Балларда во внешнем, общедоступном пространстве условностей не может не отражать и неопределенность положения его произведений как в воображаемой иерархии литературы в целом, так и во внутреннем литературном пространстве.

Определенная двусмысленность заложена уже в самом литературном статусе научной фантастики как таковой (а обойтись без НФ, говоря о Балларде, просто невозможно). Мы не хотим вдаваться здесь в оживленно дебатруемую кабинетными литературоведами или же писателями-фантастами тему определения, что такое научная фантастика и как она соотносится с остальной словесностью. Ограничимся достаточно банальным наблюдением, что в современной своей форме НФ берет начало с «Франкенштейна» Мэри Шелли и после отдельных приключений в XIX веке (среди которых такие *по-своему* замечательные, как Эдгар По и Жюль Верн) достигает своего первого расцвета в творчестве Герберта Уэллса, в тени которого наряду со знаменитым Конаном Дойлом остались такие значительные писатели, как Олаф Степлдон, Мэтью Шил или Уильям Хоуп Ходжсон. Все эти британские авторы (хотя среди них и попадались, говоря современным языком, «маргиналы» вроде того же Ходжсона) безусловно принадлежали серьезной литературной традиции, в рамках которой их, собственно, и рассматривала критика. При этом число их, как и доля литературной продукции на рынке, несмотря на успех отдельных книг, оставалось ничтожным.

В современной своей форме, в виде массовой и общедоступной литературы, НФ организовалась чуть позже и на другом континенте — в потоке пресловутой pulp-fiction, в pulp-magazines, в которых среди бесчисленного количества средней руки литераторов печатались и такие культовые для последующих поколений авторы, как Эдгар Берроуз или Ричард Ховард. Именно эта достаточно простодушная, но энергичная, захватывающая и масштабная литература, исходно отдававшая предпочтение оптимистическим темам и жанру «космической оперы», усложнившись в идейном плане и окрепнув в отношении литературного мастерства, в первую очередь и породила к началу 50-х годов то, что понимается сегодня под научной фантастикой. Немудрено, что отголоски восходящей ежели и не к Лукиану, то уж во всяком случае к Свифту «высокой» фантастической традиции — в виде антиутопий Хаксли и Оруэлла или аллегорий К. С. Льюиса — остались при этом на обочине нового течения. Подобным

его происхождением во многом объясняется и традиционно снисходительное отношение ко всему этому жанру со стороны профессиональных литературных критиков, и безоговорочное отнесение НФ к обширной области развлекательной литературы, включающей в себя также всевозможные детективные поджанры, литературу ужасов, «мыльные оперы» и т. п.

Итак, с самого начала в основе молодого жанра сплелись два противоположных начала, «низкое» и «высокое», массовая развлекательность и почтенная литературная традиция, и дальнейшее его развитие во многом определялось диалектикой их взаимоотношений*. Ну а первые достаточно сознательные попытки привить к непритязательному и полному молодых сил дичку НФ достижения литературного мейнстрима были предприняты в конце 50-х — начале 60-х годов и по аналогии с кинематографическим термином получили — с легкой руки крупнейшего НФ-критика Джудит Меррил — название «новой волны». Это произошло чуть позже, когда журнал Майкла Муркока «Новые миры» предоставил свои страницы склонным к экспериментам молодым писателям и выяснилось, что их поиски зашли уже достаточно далеко, чтобы можно было с некоторой натяжкой говорить если не о школе, то все же о некотором новом направлении. И совершенно неспоримо было, что лидерами этого направления являются британские писатели Брайан Олдис и Джеймс Баллард.

(Биографическая справка. Джеймс Грэм Баллард родился в 1930 году в Шанхае, в семье английского бизнесмена-химика. После нападения японцев на Пирл-Харбор и захвата ими Шанхая был интернирован вместе с семьей в лагерь для гражданских лиц, где и провел всю войну. После возвращения в 1946 году в Англию два года изучал медицину в кембриджском Королевском колледже, потом зарабатывал на жизнь перепечаткой рукописей, прошел службу в армии (Королевские военно-воздушные силы), редактировал научный журнал. Первые рассказы Балларда стали появляться в научно-фантастических журналах в конце 50-х годов; окончательно его репутация писателя сложилась к середине 60-х с выходом четырех романов, написанных в русле традиционного британского жанра романа-катастрофы.

* Доведенный до (пост)современности анализ этих отношений см. в статье Брайана Макхейла ПОСТкиберМОДЕРНпанкиЗМ, Комментарии, 11, 1997, с. 37—50.

На протяжении десятилетий живет и работает в небольшом городке Шеппертон под Лондоном.)

Чтобы разобраться в феномене творчества Балларда, быть может, будет полезно для начала сопоставить позиции и эволюцию двух «отцов-основателей» новой волны, соратников и хороших знакомых, Олдиса и Балларда. Несколько утрируя, можно сказать, что они представляли собой противоположные точки фронта этой самой волны, при всех чертах сходства во многом являясь антиподами*. Оба великолепные стилисты, но если Олдис многолик и протейчен — он и поэт, и критик, и эссеист; спектр его прозы простирается от стилизации-пастиша на темы Г. Уэллса до экспериментов в духе французского «нового романа», от классических «реалистических» романов до фантастических вариаций на тему Мэри Шелли, от чарующей западное сознание сказочной эпики Амоса Тугуолы до безумного, безумного мира психodelьной лингвистики в апокалиптических вариациях на темы Джойса, — то проза Балларда на всем протяжении его карьеры остается одной и той же — это царство отточенной, сжатой и емкой фразы, отличающейся самодостаточной целостностью и ценностью, холодного, странно объективного повествования, даже когда речь идет о неприкрытых эмоциях и аффектах, в каком-то смысле это всегда хрустальный, застывший в красоте вневременного порядка мир. С точки зрения литературной формы, за вычетом одной, правда, очень важной книги (см. об этом ниже), его рассказы и небольшие романы как нельзя лучше вписываются в литературную (в первую очередь, британскую) традицию, подчеркнута традиционна и их тематика, многие рассказы кажутся вариациями на темы классиков жанра — будь то Уэллс или Скотт Фицджеральд, Конан Дойл или Патриция Хайсмит. С точки зрения тематики — полное отсутствие ракет, космоса, инопланетян и даже далекого будущего. С точки зрения идей, в противоположность типично интеллигентской любознательности и открытости Олдиса ко внешнему миру и событиям в нем, Баллард остается одержимым своей темой мономаном: все его творчество является пристальным, на грани риска, исследованием внутреннего пространства.

* Одна характерная деталь: Баллард ни разу не получал столь популярных в среде писателей-фантастов и фанов НФ престижных премий («Хьюго», «Небьюла» и т. п.), в то время как у Олдиса их целая коллекция.

Итак, внутреннее пространство. Трудно установить, кто и когда впервые употребил это выражение — и вообще *, и в приложении к Балларду (возможно, это сделал он сам в написанной для «Новых миров» в 1962 году редакционной статье «Как попасть во внутреннее пространство?»), но, раз найденное, оно стало ключом к творчеству писателя (даже окрещенного кем-то из критиков «космонавтом внутреннего пространства») и девизом практически всех его трактовок. Не следует понимать этот термин слишком буквально: нет, мрачные, гипнотические рассказы писателя, его романы-странствия, романы-одиссеи происходят не в мозгу, не в больном воображении героя (хотя в нескольких поздних текстах он и играет с подобной возможностью), внутреннее пространство — это не внутренний мир индивидуума, а проекция этого мира на пространство реальное, но такая проекция, которая делает саму реальность последнего сомнительной. Поэтому пространство это не так индивидуально, как могло бы показаться: во-первых, оно все же вырастает из общего нам «объективного» пространства, а во-вторых, как показали в нашем веке и наука (Юнг), и политика (имен приводить не хочется), мы не являемся монопольными владельцами огромных областей нашей души, нашей *психе*. Это принадлежащее всем нам пространство может существовать, присутствовать в наличии вне нас, часто как злобная, выжидающая сила (как, например, в «Садке для рептилий»), но оно обычно мертво, мертво до тех пор, пока не появится живая человеческая душа, способная его почувствовать, пробудить, установить с ним контакт.

Таковы практически все герои Балларда — люди, способные в силу особенностей психической конституции войти в контакт с иной, более глубокой действительностью, люди, безвозвратно уходящие поэтому от размеренного повседневного, «нормального» существования, покинуть которое преуспевающим обывателям (вроде Макса Клэра в «Хрустальном мире») мешает оберегающий — и кастрирующий — фильтр здравого смысла. Таковы

* Возможно, это был Дж. Б. Пристли, который написал в 1953 году в статье «Они приходят из внутреннего пространства», посвященной феномену НЛО и научной фантастике: «Мы скорее готовы представить себе, как путешествуем к обратной стороне Солнца, чем, оставаясь дома, двинуться внутрь, обследуя скрытую жизнь собственной души. Все это происходит оттого, что мы пытаемся обжить протяженность с ее бесконечными расстояниями, отсюда и до Сириуса, но лишенную глубины, лишенную духа».

практически все его произведения: он снова и снова пересказывает все ту же историю, помещенную в новые обстоятельства, с каждым своим пилигримом стремясь достичь одного и того же невозможного предназначения; все его романы — своего рода поиски Грааля, Небесного Града, Земного Рая, т. е. поиски духовного свершения; какой бы путь ни выбирали его герои (а эти пути подчас неотличимы друг от друга), медитацию или самоубийство, секс или смерть, мессианическую любовь или психотическое убийство, самосожжение в непереносимом дыхании солнца или замораживание в хрустале вечности — цель их одна и та же: достижение абсолютной целостности, небес, утопии. Если в его первом романе «Затонувший мир», написанном в 1961 году, при всей его зрелости эта цель прочитывалась довольно откровенно — герои чуть ли не воплощали основные юнговские архетипы, а интрига являла собой процесс индивидуации, странствия души в поисках недостижимой самости, — то в дальнейшем, вплоть до своего четвертого романа «Хрустальный мир» (1966) и рассказов конца 60-х годов, Баллард разрабатывал этот же круг идей во все более и более сложной и неоднозначной форме. И, как и раньше, с точки зрения «внешнего мира», с точки зрения здравого смысла и рассудка, поиски его героев чаще всего представляются граничащими с безумием, а их внутренний успех кажется самым жутким крахом; отсюда особый, изначально предопределенный трагизм многих баллардовских финалов, и мы не можем без содрогания принять выбор доктора Сандерса, не можем смириться с самоослеплением Мейтланда («Джоконда в полумраке полдня») или нелепостью гибели Криспина («Белая женщина, белая птица»)*.

Естественно, что герой Балларда оказывается при этом настоящим медиумом соответствующего пространства, гением того места, где его внутренний мир обретает свое внешнее продолжение, и писатель ведет нас обратным путем: мы углубляемся во внутренний мир персонажа через описание сродственного ему внешнего пространства. Отсюда большое место, уделяемое писателем описанию внешней среды, пейзажей и ландшафтов, в которых разворачивается действие, отсюда особая живопис-

* Любопытной иллюстрацией к этому служит и поведенная самим Баллардом анекдотическая история: американский издатель его «Затонувшего мира» упрасивал переделать конец романа, чтобы его герой мог счастливым образом «спастись» за Полярным кругом.

ность его манеры, часто вызывающая в памяти картины любимых им художников-сюрреалистов — Эрнста, Дали, Магритта, Танги, — служащих для Балларда образцом объективной передачи самых субъективных видений. Этой укорененностью во внешней образности и постоянством тем писателя объясняются и некоторые кочующие у него из книги в книгу образы: песчаные дюны, заброшенные здания, высохшие бассейны, пустынные пляжи или африканские джунгли. Некоторые из сквозных образов его насыщенной метафорами прозы обретают характер настоящих символов: кто-то из критиков пришел к основанному на собственных комментариях Балларда выводу, что вода представляет у него прошлое, песок — будущее, бетон — настоящее и хрусталь — вечность; мы покидаем царство пространства.

Второй стихией, неразрывно и чуть ревниво связанной с пространством, но переживаемой нами существенно более персональным образом, является время, и неслучайно оно часто становится у Балларда темой, а то и «героем» повествования. С идеей временных aberrаций, катаклизмов и метаморфоз связан и «Хрустальный мир», и рассказы об обратном его течении («Время переходов» и «М-р Ф. это м-р Ф.»), и такие красивые параболы, как «И пробуждается море» или «Утонувший великан». Сколь субъективным оказывается у Балларда объективное пространство, настоль же объективной, чужой и всепобеждающей силой предстает субъективное время, принимает ли оно для его героев форму ожидания («Эндшпиль») или непосредственной угрозы («Зона ужаса»), искустельной возможности или неминуемости краха. Необычно и время самой прозы Балларда: это время развивается скачками, периоды стасиса/безвременья сменяют друг друга мгновенно, безо всякого перехода, почти во всех его текстах (особенно поздних) ключевые моменты внутренней эволюции героев, происходящие с ними изменения проваливаются в, казалось бы, отсутствующие между гладко пригнанными фразами швы. Решающие моменты, принимаемые героями решения экзистенциального плана (и особенно такая фикция, как их мотивировка) сплошь и рядом остаются за кадром; возможно, в этом одно из объяснений упреков критики в пассивности персонажей Балларда, в отсутствии у них целенаправленности, атрофии воли. Вообще вся проза Балларда насквозь *психична*, но абсолютно *непсихологична*; в его мире традиционные понятия психологии не работают, ибо в борьбе с тоталитаризмом реальности его герои самым фактом своего существования в первую очередь отвергают общезначимую

логику. При такой постановке вопроса нелепо говорить о сложности характера, о развитии личности, о богатстве внутренней жизни и остальных психологических абстракциях — все персонажи Балларда полностью очищены от этих рудиментов традиционного психологизма.

В этой связи следует учесть и то, что почти все герои Балларда в той или иной степени одержимы, одержимы поисками реальности, лежащей за (или под) обыденной жизнью, они пытаются претворить свое особое видение в галлюциногенные пейзажи, которые, по-видимому, отражают их собственное психическое состояние и часто замыкают себя в том или ином причудливом окружении, отражающем их умонастроение. Да, персонажи Балларда невротичны, но, с другой стороны, все они — экспериментаторы, готовые идти в поисках своей утопии до конца, куда бы ни вела их свойственная им пассивная одержимость и чего бы это им ни стоило. В этом смысле Баллард принадлежит традиции имморальных моралистов, начатой в западной литературе Макиавелли и де Садом и ведущей через Селина, Жене, «Постороннего» и «Заводной апельсин» к Берроузу, и не стоит удивляться появлению его популяризированного спустя четверть века Кроненбергом порнографического шедевра, романа «Крушение» (1972) (неуклюже названного отечественными киноведами, а потом и издателями его, скажем, любительского перевода «Автокатастрофой»).

Но мы забегаем вперед: все сказанное выше в полной мере — и в первую очередь — относится к раннему, близкому идиомам научной фантастики периоду творчества Балларда, подробно представленному в настоящем издании и достигающему кульминации в «Хрустальном мире», — а также и к большинству его поздних романов, в которых писатель постепенно сводит формальную дозу фантастического к необходимому для остранения реальности минимуму. Поздние романы во многом повторяют, уточняют и углубляют то, что делалось Баллардом в ранних, но в экономичной, более концентрированной форме; заметными становятся в них и сатирические мотивы. Критики в приложении к ним говорят уже не столько о фантастике (хотя фантастические «дрожжи» брошены практически в каждый из них), как о своеобразном слиянии реализма с сюрреализмом. Для нас особенно интересно в этой связи «возвращение» Балларда в африканские джунгли в его позднем романе «День творенья» (1987), написанной от первого лица сюрреалистической одиссеи одержимого полубредовыми идеями доктора Мэллори к истокам

гигантской африканской реки, чудесно возникшей в ответ на безудержность его желания.

Но наибольшую славу — причем в совершенно разных кругах — принесли писателю три книги, условно относимые к среднему периоду его творчества. Это «Выставка жестокости» (1969), уже упоминавшееся «Крушение» и «Империя солнца» (1984). Последний роман, в котором Баллард описывает свое детство в японском лагере для интернированных во время Второй мировой войны, принес своему автору оглушительный успех: он получил две престижные британские литературные премии, попал в шорт-лист Букера и, главное, послужил литературной основой для очередного блокбастера Стивена Спилберга (сценарий для которого написал, между прочим, не кто иной, как Том Стоппард), что кардинально изменило, многократно ее расширив, аудиторию писателя; ныне Баллард и стал рассматриваться как живой классик. На первый взгляд, своим успехом роман обязан в первую очередь фабуле: столкновение невинного ребенка с воплощенным чужим обществом злом и в самом деле способно затронуть любого, но причины его успеха не так поверхностны, как может показаться. Внешне вполне реалистический, более того, автобиографический роман, повествующий о детстве в кругах азиатского ада, способного поспорить своей жестокостью с адом гитлеровским, не донимая рядового читателя «фантазиями», обрушивал на него весь накопленный писателем в предыдущих книгах потенциал, погружая его в галлюцинаторную атмосферу чудовищно внешнего в своей чудовищности и, что самое страшное, становящегося твоим внутренним пространством. Тот опыт, который в «фантастических» книгах в силу их фантастичности удавалось не отнести на свой счет, здесь властно навязал себя, не давая читателю спасительной лазейки. Да, это одна из самых страшных книг о войне — но не страхом фильма ужасов, а, в первую очередь, страхом, внятным читателю Кафки, страхом, который всегда присутствует *внутри* тебя; она жестока — но не человеческой, слишком человеческой жестокостью «Раскрашенной птицы» Косинского, а жестокостью представших на телеэкране собственных кошмаров.

Упоминание о телеэкране возникло, конечно же, не случайно. Наверное, здесь не место входить в излишние детали и обсуждать то, чего по-русски мы прочесть пока не можем. Но совершенно обойти молчанием книги, превратившие вполне традиционного писателя-модерниста в радикального предтечу (и классика) постмодернизма, превратившие писателя, как никто

углубившегося в сферу психики, в одного из крестных отцов мультимедийного (и почти у нас в стране неизвестного) киберпанка, просто невозможно.

Давно заинтересовавшись непростым сопряжением личностного внутреннего пространства с пространством коммуникативным, публичным пространством, формируемым средствами массовой информации, в середине 60-х годов Баллард приходит к выводу, что внутреннее пространство существует в сложном динамическом взаимоотношении с другими формами реальности. Оно не может быть в конечном счете сведено к биологической или психологической модели; с другой стороны, не может быть рассмотрен без него и окружающий нас мир. И единственным путем к объяснению нашего существования может послужить двойной процесс: технологизация сознания и психоанализ внешнего мира. Баллард вступает в свой экспериментальный период; он начинает исследовать пространство медиа современного технологического общества, используя соответствующий прерывности этой среды нелинейный, фрагментарный стиль письма, напоминающий технику коллажа или знаменитого cut-up Уильяма Берроуза (некоторое представление об этой манере можно составить по «Последнему берегу»). В его произведениях по мере изучения взаимосвязи между глубоко интимными личными фантазиями и публичными образами все большее и большее место занимают персонажи — точнее, образы — из сферы средств массовой коммуникации — эмблематические киноактеры, светские иконы и т. п.

Многие из рассказов той поры можно обнаружить в «Выставке жестокости». В этом коллаже связанных между собой «сжатых повестей» Баллард встраивает историю личного психоанализа ее главного героя (доктора-психиатра), который последовательно выступает в разных ролях, проходя через целый спектр доступных нам во внутренней жизни возможностей, в череполосицу наиболее разрушительных событий «общества зрелищ», таких как убийство Джона Кеннеди или смерть Мэрилин Монро. Только обращение к наиболее разрушительным тенденциям современного мира, погружение в самую стихию разрушения и может привести в него смысл, утверждает автор. Причем обращение это на практике оказывается двусторонним и насильственным, и «хищные вещи века», агрессивные публичные образы, по-тройски навязываемые средствами массовой информации, берут каждого из нас приступом.

Книга эта, культовая для будущего киберпанка, симптоматичная для диагностов постмодерна, вызвала активное непри-

ятие политически корректного мейнстрима (спокойнее отнесшегося к куда более скандальному «Крушению») и, в частности, американского истеблишмента: первое американское ее издание было уничтожено из-за названия некоторых главок, таких как «Почему я хочу трахнуть [fuck] Рональда Рейгана» * или «Убийство Джона Фицджералда Кеннеди, рассматриваемое как автогонка с горы». Лишь спустя несколько лет книга была опубликована радикальным американским издательством «Гроув-пресс» под другим названием (против которого, надо сказать, возражал автор). Зато предисловие к американскому изданию написал сам Уильям Берроуз, — отметив, в частности, «хирургическую точность в исследовании внесексуальных корней сексуальности», он подчеркнул, что «Выставка» затрагивает сексуальные глубины, недостижимые для самой жесткой иллюстрированной порнографии. Но речь тут шла о принципах; напрямую же сексуальные импликации современных технологий (а наука и порнография движутся, по его мнению, странно встречными курсами) Баллард представил в пресловутом «Крушении».

В этом, вряд ли классифицируемом иначе как порнографический, романе автор в моторизованной одиссее двух своих героев, фотографа Возна и некоего Джеймса Балларда, беспощадно и последовательно анализирует дегуманизированный эротизм и жестокость, которые представляются ему неотделимыми от новых технологий, — анализирует, конечно, не в научном плане, а фантазируя фантазирующих, — не случайно он дает главному герою, от лица которого ведется повествование, свое имя. Мир в котором мы живем, из-за катастрофического исчезновения дистанции между реальностью и уже не психическими, а образно-симуляционными ее проекциями, перенасыщен сексуальной изобразительностью, доставляемой нам новыми технологиями. Хотим мы того или нет, замечаем или нет, но все мы вовлечены в некую безличную сексуальную деятельность — фильмы и телевизионные рекламные ролики, изобразительная реклама, мода, сама повседневная жизнь, все вносит в нее свою лепту. Собственно, весь наработанный традицией последних десятилетий сексуальный изобразительный ряд глубоко внедрен в психическое пространство нашего обитания, причем внедрен через симуляционное посредство новых технологий, и именно

* Напомним, что во время написания книги недавний киноактер Рональд Рейган был начинающим — и весьма успешным — политиком крайне правого толка.

это срастание естественного и искусственного, биологического и технического, интимного и публичного и составляет предмет навязчивой медитации автора, и заставляет его героев искать утопического совокупления конечного оргазма со смертельной аварией.

Через две недели после завершения «Крушения» Баллард попал в серьезную автомобильную аварию, во время которой его машина, перевернувшись, вылетела на встречную полосу. «Предельный случай подражания природы искусству», — не без жестокого удовольствия прокомментировал в одном из интервью писатель. Ну что же, тем лучше для искусства и тем хуже для природы.

СОДЕРЖАНИЕ

ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Роман

Перевод В. Лапицкого и В. Гольдича

I. Равноденствие	7
II. Озаренный человек	79

РАССКАЗЫ

Белая женщина, белая птица. <i>Пер. М. Пчелинцева</i>	179
И пробуждается море. <i>Пер. В. Гольдича</i>	201
Утонувший великан. <i>Пер. М. Загота</i>	213
Дельта на закате. <i>Пер. М. Пчелинцева</i>	225
Садок для рептилий. <i>Пер. В. Гольдича</i>	246
Сторожевые башни. <i>Пер. В. Гопмана</i>	260
Время переходов. <i>Пер. М. Пчелинцева</i>	293
Безвыходный город. <i>Пер. Ю. Эстрина</i>	308
Зона ужаса. <i>Пер. В. Гольдича</i>	332
Эндшпиль. <i>Пер. М. Пчелинцева</i>	353
Последний берег. <i>Пер. А. Корженевского</i>	381
Сумеречная зона. <i>Пер. М. Пчелинцева</i>	408
Мистер Ф. это мистер Ф. <i>Пер. В. Гольдича</i>	431
Перегруженный человек. <i>Пер. М. Пчелинцева</i> ..	450
Джоконда в полумраке полдня. <i>Пер. В. Гольдича</i>	467
Ноль. <i>Пер. М. Пчелинцева</i>	479
<i>В. Лапицкий. Психолог? Киберпанк? Порнограф? ..</i>	497

Баллард, Джеймс

Б20 Хрустальный мир: Роман. Рассказы / Пер. с англ.; После-
словие В. Лапицкого. — СПб.: «Симпозиум», 2000. — 508 с.
ISBN 5-89091-144-9

Джеймс Грэм Баллард (р. 1930) — один из немногих писате-
лей-фантастов, прочно занявших место в пантеоне Высокой Лите-
ратуры. Искаженный, вывернутый мир его произведений, балан-
сирующий на грани реальности и вымысла — то ли плод болезнен-
ной фантазии, то ли отказ от розовых очков.

Четвертый роман писателя — «Хрустальный мир» (1966)
и большинство рассказов, составивших настоящий том, публику-
ются на русском языке впервые.

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Роман, рассказы

Редактор Г. С. Царев

Художники А. Т. Пожванов, О. Г. Попов

Технический редактор Е. И. Каплунова

Макет и верстка И. В. Петрова

Корректор Е. Д. Шнитникова

Издательство «Симпозиум».

190000, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5.

Тел./факс +7 (812) 314-46-13

e-mail: symposium@online.ru

ЛР № 066158 от 02.11.98.

Подписано в печать 27.10.00. Формат 84×108/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 5000 экз. Заказ № 2282.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Джеймс
БАЛЛАРД

James
Ballard

ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Джеймс Грэм Баллард (р. 1930) —
один из немногих фантастов,
попавших в пантеон
Высокой Литературы...

Почти невидимая грань реаль-
ности и вымысла, мучительные
поиски в самых тайных закоулках
человеческой души, сумеречная
зона, в которой мы живем...

То ли болезненно искаженная
фантазия настоящего художника,
то ли сознательный отказ
от розовых очков...

ISBN 5-89091-144-9

9 785890 911445